

К 90-летию Владимира Николаевича Соколова

* * *

*Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить её светлые воды
И тёмные воды любить,*

*И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Её соловьиного гнева,
Её журавлиной любви.*

*Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.*

*Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звёздам, как девочке русой,
Которая возле меня.*

НАШ СОВРЕМЕННОК

№ 4 2018

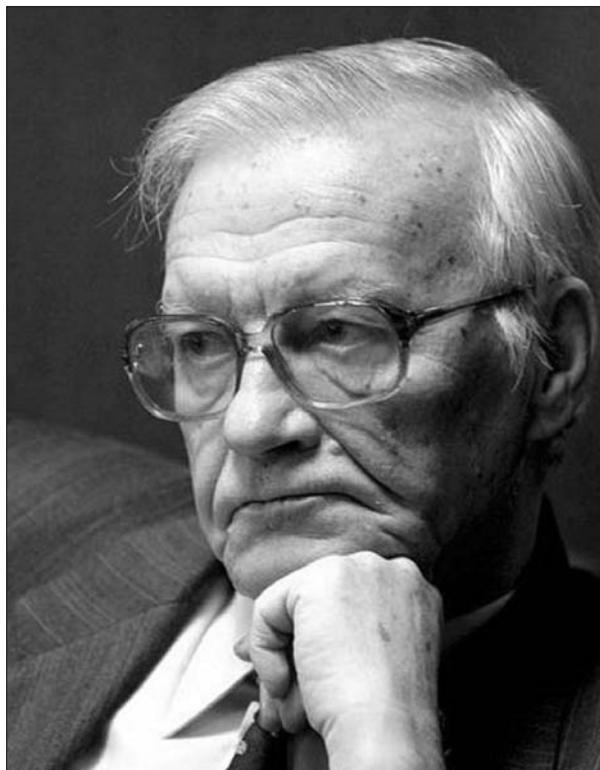
НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 4 2018

К 80-летию Леонида Ивановича Бородина

...Именем прав человека разбомбили человек в Белграде и Багдаде. Нас пока, слава Богу и атомной бомбе, не бомбят, и права человека пока — единственное стратегическое действие по предупреждению, предотвращению возрождения Российского государства, поскольку оно действительно никак не может возродиться без покушения на права человека, по тем или иным причинам не желающих этого возрождения, поскольку имеют право, гарантированное “международным правом”, не хотеть — и всё тут!..

О себе же с честной уверенностью могу сказать, что мне повезло, выпало счастье в годы бед и испытаний, личных и народных, ни в словах, ни в мыслях не оскверниться проклятием Родины. И да простится мне, если я этим счастьем немного погоржусь...

Умерла Ксения Григорьевна Мяло, выдающийся публицист, мыслитель. Бесстрашная русская женщина. Вот о ком можно с полным правом сказать: человек сам выбрал судьбу! После окончания МГУ жизненный путь складывался на редкость удачно. Увлекательные заграничные поездки в качестве переводчика. Защита диссертации по теме горячей и интересной — левые нонконформистские молодёжные движения во Франции (Европа полыхала студенческими волнениями). Публикации в либеральном “Новом мире” и ещё более либеральном “Новом времени”. Готовая карьера в либеральном стане накануне перестройки, что обещало самые радужные перспективы.

Однако именно перестройка и связанный с нею развал Советского Союза побудили Ксению Мяло резко порвать с лагерем “победителей” и стать одним из самых деятельных патриотических публицистов. Одна за другой выходят её блистательные статьи в “Нашем современнике”. Ксения Григорьевна не просто писала в защиту Союза. Она объездила всю страну, все горячие точки. Фергану, где убивали турок-месхетинцев, Сумгаит и Баку, где громили армян и русских, втянутое в войну с Кишинёвом Приднестровье, Чечню, из которой устремился многотысячный поток русских беженцев. Мяло ездила одна. Без сопровождения. Ежеминутно рискуя жизнью. Но именно потому были так остры её статьи: рассуждать о сложнейших проблемах межнациональных отношений может тот, кто увидел трагедию своими глазами, почувствовал кожей, всем существом.

Разумеется, была и другая необходимая составляющая подлинной публицистики: великолепная эрудиция. Сейчас о политике рассуждают так же смело, как о футболе — специалисты все! На самом деле считанные единицы имеют на это право. Необходимо доскональное знание политической системы и политической ситуации в стране, глубокое понимание её культуры и самое главное — глобальный взгляд на ситуацию. Сегодня мы рискуем не понять суть событий, если анализируем лишь национальный аспект происходящего. Разворачивающиеся процессы захватывают весь мир, и не могут быть адекватно оценены по частям.

Ксения Григорьевна Мяло обладала колоссальными знаниями и мужеством. Это и сделало её одним из лучших публицистов современной России. Талантливо и настойчиво она защищала страну. Надеюсь, страна будет об этом помнить.

Александр КАЗИНЦЕВ

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Михаил ЩУКИН
Молился каторжный за беглых.
Главы из романа 7
- Игорь КОЖУХОВ
Родная душа.
Рассказы 34
- Эдуард ПОЛЯКОВ
Желанная.
Рассказ 80
- Владимир КАЗМИН
Негр из АТО.
Рассказ 88
- Евгений ЮШИН
Негасимое.
Рассказ 100
- Николай КОКУХИН
Часовой мастер.
Пасхальный рассказ 109
- Антон ВАСИЛЬЕВ
Андрей Петрович.
Рассказ 118

Поэзия

- Андрей ЛОГВИНОВ
Нигде не научат любви 3
- Геннадий КРАСНИКОВ
Россия соловьиная 31
- Владимир БАЛАЧАН
В светлой горенке
русских сказаний... 77
- Борис БУРМИСТРОВ
Просияют святые 86
- Анна РЕВЯКИНА
Я лягу здесь —
стихами и костями... 95
- Виктор ПАСТУХОВ
Голгофа 105
- Геннадий КАРПУНИН
По размытой
временем Руси... 114

Очерк и публицистика

- Вячеслав ШТЫРОВ
Арктика. Величие проекта 123
- Александр СМОЛКО
“Учиться, учиться
и ещё раз учиться...” 140

Р е д а к ц и я

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Александр ШЕРБАКОВ
Отдайте руль “кухарке” 165

Сергей ДМИТРИЕВ
Русский Рим:
Зинаида Волконская
и Николай Гоголь 169

Борис ТАРАСОВ
“Передовые люди” о прошлом,
настоящем и будущем 193

Валентин КУРБАТОВ
Было утро 210

Иван ЧАРОТА
Идея единства славян
в первой половине XVIII века 213

Валерий ГАНИЧЕВ
Самоотвержение 218

Среди русских художников

Станислав ЗОТОВ
Судьба “русского Рубенса” 221

Память

Евгений АРТЮХОВ
“Человек,
прибавляющий света...” 253

Николай КОНОВСКОЙ
“И столько жизни
меж землёй и небом!” 257

Критика

Алексей ТАТАРИНОВ
Апология литературы 225

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Истинное чудо 230

Марк ЛЮБОМУДРОВ
Метаморфозы БДТ 239

Алексей ШОРОХОВ
В поисках
“мужичьей святости” 263

Нина ВЕСЕЛОВА
Избранная 274

Эхо съезда

Станислав КУНЯЕВ
Ответ “победителям” 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписаться на журнал по минимальной цене можно в редакции (пн.-чт. с 12 до 17 ч.)

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по электронной почте не принимаются)
Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов; Оператор: Н. С. Полякова;
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП “ПараТайп”.
Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

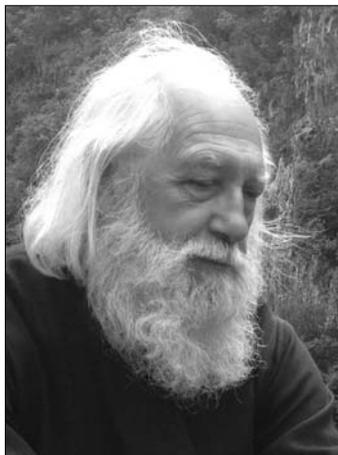
Подписано в печать 03.04.2018. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 922-2018. Тираж 4500 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

НИГДЕ НЕ НАУЧАТ ЛЮБВИ

ОТВЕРГНИ

Отвергни меня, Боже,
махни на меня рукой!
Ведь я настолько ничтожен —
вообще никакой.

Плевать на меня в итоге,
надежд я не оправдал,
а вспоминал о Боге,
разве когда страдал.

Лишь время со мной теряешь —
Что, мало Тебе забот?
Последний мой друг-товарищ,
и тот меня не зовёт.

Чего же Ты тянешь руку,
тут, говоришь, — западня,
готов, говоришь, на муку,
лишь бы спасти меня?!

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учительствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Иоанна Богослова. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

ЛАДАНКА

Всю жизнь трепало и мотало,
и натирало, и трясло..
— Тебе, Господь, и дела мало,
что нам в России тяжело?

Ведь есть же страны и народы,
где жить вольготно, как в раю..
— Я предоставил им свободы,
покуда к ним спиной стою.

А тут хоть охай или ахай —
непросто тем, кто Мне родной, —
но Русь под тесною рубахой
всегда, как ладанка, со Мной.

ЗА РУЧКУ

Без Твоей суровой нахлобучки
быстро станешь, яко прохиндей.
Господи,
ведь я дошёл до ручки! —
вновь дошёл до ручки —
до Твоей.

Как вела меня когда-то мама,
сам пока не сделался удал,
так схватился я за ручку храма —
он потом погнубить мне не дал.

Вот веду я по дорожке внучку,
а не знаю, что там впереди..
Господи,
возьми меня за ручку,
через смерть
меня переведи.

МИРОНОСИЦЫ

Когда ещё не наступил рассвет,
едва покрыла площадки звёзд зола,
а их Любовь в дорогу позвала,
важней которой не было и нет.

Спросонок спотыкаясь средь камней,
спешили сквозь предутреннюю тьму
хотя бы миром послужить Тому,
Которого на свете нет важней.

Рассвет постлал им золотой настил,
но всё затмил вселенской вспышки свет,
и Ангел им о Пасхе возвестил,
важней которой не было и нет.

ЧИТАЙТЕ СВЯТЫХ ЖИТИЯ!

Читайте святых жития —
не гадости из интернета!
Святые — суть соль бытия
и аккумуляторы света.

Себя одолели они
и в изнемогающем теле,
сияли они, как огни,
на крыльях незримых летели.

Ничтожен по совести я,
но с солью святых — словно витязь.
Читайте святых жития
и сердцем от них засветитесь!

СЕМИНАРИЯ

Обучат вас богословию
и пастырскому присловию,
и клиросному славословию —
чтоб пели, как соловьи.

Научат Закону Божьему.
Да только сердцу неложному,
и вовсе уж невозможному —
нигде не научат
Любви.

ЗВОНИТЕ ГОСПОДУ БОГУ!

Звоните Господу Богу!
В любой житейской глубинке,
где нету мобильной связи,
извольте: прямой звонок.

У вас отсутствует номер
Кремля и Белого дома?
Не дали номера босса?
Но тут звони хоть сейчас!

Звоните Господу Богу!
Скажите о самом важном.
Не хватит ли тараторить
со всеми о пустяках!

Возможность не упускайте!
Мобильник даден с пелёнок.
Готовьтесь набрать не цифры,
но сердцем сказать слова.

Звоните Господу Богу!
Едва “Отче наш” промолвим —
звонок наш помчится в выси,
где ждали его давно.

Там сразу снимают трубку.
Хоть вслух “Алё” не ответят,
но можете быть спокойны:
там слышат надёжно вас.

Звоните Господу Богу!
Беда — помехи на связи?!
Мобильник сердца зависит
от чистоты души.

Промойте её слезами!
Очистите покаяньем!
И — смело Господу Богу
звоните сердцем своим!

МИХАИЛ ЩУКИН

МОЛИЛСЯ КАТОРЖНЫЙ ЗА БЕГЛЫХ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

1

Невидимый и беззвучный, неизвестно где зародившийся, рухнул вихрь дикой силы, закрутил и вскинул в мгновение ока тёмный качающийся столб под самое небо. Оно дрогнуло в испуге и разродилось внезапно таким тяжким ударом грома, что земля под ногами просела, и каторжная партия вместе с конвойными разом сбилась с ровного шага, пригнулась, хватаясь за головы, и замерла. Вихрь пронёсся прямо по людям, размётывая полы серых халатов, обдал горячей пылью, нагрешейся на полуденной жаре, раскидал тощие узелки на телегах, ешиб фуражку с офицера и понёсся вместе с ней дальше, никуда не сворачивая с тракта.

Исчезло солнце. Вздрыбились в половину небесного свода клубящаяся туча, ещё раз ударил гром, раскальвая, как колуном, пространство, и дождь-проливень встал стеной.

Загремели вразнобой железные цепи — каждый арестант пытался укрыться, как мог: одни на корточки приседали, другие задирали полы халатов, пытаясь ими укрыться, третьи, кто оказался ближе, полезли под телеги. Но старания были тщетными — всех до последней нитки в один мах промочила небесная вода. И продолжала хлестать сверху, не зная удержку.

ЩУКИН Михаил Николаевич родился в 1953 году в селе Мереть Сузунского района Новосибирской области. Закончил Высшие литературные курсы. Автор многих книг прозы и публицистики, вышедших в Новосибирске, Москве и за рубежом. В последние годы издал цикл исторических романов, посвященных Сибири. Главный редактор журнала "Сибирские огни". Живет в Новосибирске.

Конвойные, словно онемев, даже не кричали и не подавали зычных команд. Тыкались, бестолковые, как котята, не зная, что делать, крутили головами в разные стороны, но ничего не видели из-за плотной стены дождя.

И никто не услышал, не различил в грохоте и шуме одно короткое слово, которое отчаянно и жарко вырвалось из груди:

— Бежим!

Двое откололись от партии, соскользнули к обочине тракта, кубарем скатились в канаву и, выбравшись из неё, ударились неуклюжим бегом, поддерживая цепи руками, к недалёкому густому осиннику. Достигли его, вломились в самую середину, пробились меж тонких, хилых стволов и, не задерживаясь, не давая себе передышка, кинулись в глубину соснового бора, который вольно лежал за осинником на длинных, пологих увалах.

Дождь лупил, не ослабляя напора.

Беглецы одолели один увал, другой, и забегали на гребень третьего, и тонкий, прерывистый голос, едва различимый в тутом шуме дождя, взмолился:

— Не могу, умру! Остановись...

— Рано! Беги! Сгноит он нас, на этапе ещё сгноит! Беги! — И тот, кто говорил, подтянул к себе цепь, сделав её совсем короткой, вздёргнул без жалости и заставил подняться своего напарника, а затем потащил следом за собой, спускаясь с увала.

Снова бежали. Но всё медленней, тяжелее, переходя на торопливый, неровный шаг.

Ливень с грохотом прохаживался над бором. С такой силой, что рушил вниз гнилые сучки и пригибал макушки сосен. Время от времени вспыхивали молнии, озаряли округу режущим светом и уступали место громовым раскатам.

В изножье увала лежала огромная валежина, закрытая молодыми сосенками. Вывернутые наружу корни с пластами земли на них густо роняли вниз грязные капли. Под корнями виднелась узкая яма, и беглецы, окончательно выдохшись, залезли в неё, скрючились, притиснулись друг к другу и лежали, не шевелясь, чтобы не звякнули нечаянно цепи кандалов. Кое-как отдышались, перестали хрипеть, и тонкий, уже не прерывистый голос вышептал:

— Господи милостивый, неужели спасёмся?!

Голос был женский.

— Молчи, — прозвучал в ответ мужской голос, — молчи, как умерла. Не в Липенках своих — лясы точить.

— Где они теперь, Липенки, — короткий вздох, как всхлип, — там уже яблоки наливаются, крыжовник поспел... А мы...

— А мы в Сибири, на каторгу отправлены. Поймают — накормят яблоками! Не вздыхай, как корова, лежи тихо!

Замерли, прислушиваясь, — не донесутся ли сверху тревожные звуки? Но сверху в земляную нору проникал только шум дождя да раскаты грома. Стихли они лишь вечером, когда над увалами сгустились синие сумерки, и зачирикала неведомая птичка, зачирикала беспрерывно и звонко, словно радовалась сама и торопилась известить всех, кто её слышал, что буря с грозой закончилась, и стоит теперь над основным бором тишина и безветрие.

— Потерпи, не ворочайся, обождём чуток. Как стемнеет, тогда и вылезем, — в мужском голосе звучало веселье. — А ловко мы сиганули, скорее вихря! Вот пусть он теперь, жаба пузатая, отчитается перед начальством, оно ему хвоста накрутит!

— Не могу я больше, руки-ноги затекли, как деревянные, — не шевелится...

— А зачем тебе шевелиться, лежишь и лежи. По буграм бегать никто не гонит. Отдыхай.

— Куда мы теперь, с цепями-то?

— Не хнычь! Нынче все дороги наши, выбирай, какую захочешь. Не пропадём! Ты, главное, от меня не отставай, а я выведу, не впервой!

Когда над бором залегла темнота, они выбрались из своего укрытия и медленно, осторожно двинулись в сторону тракта. Неуёмная птичка,

подбадривая их, продолжала чирикать где-то впереди, будто беспокоилась, чтобы беглецы не сбились с верной дороги. Идти в темноте было тяжело, то и дело спотыкались, иногда падали, глухо звякая цепями. Выбрались к тракту. Он был пустынным в поздний час. Шагалось по нему после бо- рового неудобья легче, и от этой лёгкости как будто прибывало сил.

— Если колокольчик звякнет или конь копытами стукнет, сразу за мной на край в траву падай и не шевелись, пока не проедут, — наставлял мужской голос.

— Долго нам идти?

— Идти-то... До-о-лго! Пока ноги несут! — и рассмеялся, добавив: — Теперь нам, как дурным собакам, сто верст — не крик.

Огромная, на полнеба, туча, которая днём закрывала солнце, теперь, в поздний ночной час неведомо куда бесследно исчезла, небо прояснилось, и круглая луна величаво всплыла по крутому своду, уронив на землю блеклый, негреющий свет. Ясно обозначился тракт, потянулся вперёд, хорошо видный, и лишь там, где к его краям близко подходили деревья, он пересекался длинными, причудливыми тенями.

Вдруг возник неожиданно узкий свёрток, накатанный тележными колесами. На него и свернули беглецы, пошли по траве, которая густилась между колеями, и скоро различили впереди мутные очертания деревенских крыш. Добрались до поскотины, огороженной жердями, и перед ними, чуть в стороне от дороги, оказался толстый столб, высотой в человеческий рост. На самой верхушке столба что-то неясно темнело.

— Вот и угощенье нам выставили, — беглец, загремев цепями, поднял руки и снял со столба чугунок, осторожно поставил его на землю, снова поднялся и снял ещё половину хлебной краюхи, завернутую в тряпицу, — садись, красавица, ужинать будем.

Ели руками, доставая из чугунка холодную и комковатую просыпанную кашу, облизывали пальцы и снова тянулись, чтобы зачерпнуть столь нужного им сейчас угощения; хлеб беглец трогать не стал, засунув половину краюхи за пазуху. Когда кашу съели, выскоблив днище чугунка так, что ни одной крошки не осталось, беглец вернул пустую посудину на прежнее место и принялся обшаривать столб с обратной стороны. Скоро послышалось:

— Вот она, родимая, вот она, пригожая, вылезай, милая, вылезай, пропадём мы без тебя.

Нашёл он вбитую в столб железную скобу и долго мучился, пока её расшатал и вытащил. Отдыхаясь и крепко сжимая эту скобу обеими руками, пояснил:

— Чалдоны* привычку такую имеют — еду оставлять на столбах для беглых. Как бы договариваются с нами: перекусил, голубчик, и дальше ступай, а в деревню — ни ногой. Сурьёзные мужики: если в деревню заявишься, махом голову оторвут. И так спрячут, что с собаками не найдёшь. А чугунок или хлеб на столб выставить ребятишек посылают, для них и скобу вколотили, чтобы достать могли. Вот сколько нам счастья от чалдонов привалило, бери в охапку и пользуйся.

— А скоба-то нам для какой надобности?

— Сама увидишь, теперь дальше пошли...

И они пошли, стороной обходя деревню.

Рассвет их застал на берегу глухой, лесной речушки, густо заросшей по берегам мелким ельником. На берегу беглец разыскал два увесистых камня, вытащил их на сухое место и рассмеялся — безбоязненно, в полный голос:

— Теперь, красавица, будем волно с тобой добывать. Слаще волюшки на свете ничего нету. Больно будет — терпи. Воля, она стоит того, чтобы потерпеть.

В это время уже поднималось солнце, стало совсем светло, и теперь можно было разглядеть и понять, почему беглецы до сих пор двигались, не отставая друг от друга — их сковывала одна цепь. Старательно заклёпанная умелым каторжным кузнецом, она прочно соединяла ножные кандалы

* Чалдоны — старожилы в Сибири.

беглеца и беглянки, не давая им разойтись в стороны дальше, чем на три-четыре шага.

Один камень плотно вдавлен в землю, другой — в руке, острière скобы поставлено на заклёпку кандалов. Ну, поехали! Удар камня о железо прозвучал глухо и почти неслышно, острière скобы соскользнуло и оставило после себя лишь царапину.

— Ничего, домучим, ты держи крепче, скобу держи, чтоб не соскальзывала! Э, безрукая! Держи!

Дальше удары камня по железу слились в долгую и нудную долбёжку — каторжные кандалы никак не желали поддаваться и отпускать на волю убежавших с этапа. Но хотя и соскальзывала скоба, и руки раскровянила, хотя и медленно, по чуть-чуть, но дело, ради которого выгнали её из столба на деревенской околице, всё-таки делала. Сначала пошевелила, а затем и выбила одну заклёпку на кандалах, затем другую. Беглец принаравливался и бил всё точнее, уверенней, а когда скинул с себя ручные кандалы, работа и вовсе пошла веселее — не могло устоять железо против человеческого упорства. И вот, наконец, поранив руки и ноги, весь в поту, беглец вышиб последнюю заклёпку на ножных кандалах своей спутницы, откинул скобу в сторону и вскочил. Закружился, раскинув руки, закричал непонятное, а затем остановился внезапно, кинулся к кандалам и, раскручивая их по очереди, зафитилил в речку. Они глухо булькали, падая в воду, и круги от них по воде почему-то не расходились. Управившись с кандалами, беглец сдёргнул с головы казённую шапчонку и запустил её следом — в речку. Шапчонка не булькнула и не утонула, шлёпнулась на воду и поплыла, лениво поворачиваясь, вниз по течению.

Беглянка плакала, вытирая кровь с пораненной руки жёсткой полой арестантского халата, и морщилась — больно ей было. И страшно. Беглец подскочил к ней, встряхнул за плечо, закричал в самое ухо:

— Радуйся, дура! Теперь нам — полная воля! Не пропадём! Теперь нам сам чёрт не страшен!

Она подняла на него огромные заплаканные глаза, похожие на цвет спелого, обмытого дождём крыжовника, и другой ладошкой, не измазанной в крови, стала насуху их вытирать, одновременно пытаясь ещё и улыбнуться.

2

Эти прекрасные глаза, которыми наградила её мать, явились причиной всех несчастий, щедро выпавших на долю Ульяны Сизовой из деревни Липенки, затерявшейся в далёкой отсюда Тульской губернии.

Липенки, Липенки...

Они теперь, как небесные звёзды, — не досягнуть...

Усадьба помещика Сушинского на пригорке стоит. С белыми колоннами, с высокими окнами, украшенная гипсовыми львами и ангелочками. Старые липы, выстроившись вдоль аллеи, посыпанных речным песком, лениво шумят листвой под лёгкими вздохами летнего ветерка, налетающего из дальних степей. Дальше, там, где кончается главная аллея, начинается дорога, она скатывается под уклон прямо в деревню, которая и называется Липенки и в которой проживают крестьяне отставного майора Богдана Осиповича Сушинского.

Когда-то майор был бравым и молодым, имел пышные усы, которые завивал горячими железными щипцами, но с годами усох, скукожился и стал похожим на перезревший гриб, уже тронутый гнилью. Покойная супруга не одарила его детьми, и Богдан Осипович доживал свой век одиноким бобылём, годами не выезжая из своего имения и не принимая у себя соседей. Любимым его занятием было сидение на балконе с подзорными трубами. Труб этих у Богдана Осиповича имелось больше дюжины, все они лежали в специальном ящике, обшитом сверху добротной кожей, а изнутри — алым бархатом. Он сам выносил ящик на балкон, усаживался в кресло и часами, меняя подзорные трубы, разглядывал окрестности, находя в этом несказанное удовольствие.

И вот однажды, занимаясь своим любимым делом, Богдан Осипович неожиданно разглядел: под старой липой, присев на яркой траве, плетёт венок

из полевых цветов молоденькая девчушка и безоглядно поёт при этом, раскачиваясь в такт своей песне. Богдан Осипович от скуки заинтересовался — очень уж умилительная, идиллическая, прямо-таки пастушеская картинка получалась. Отложил подзорную трубу в ящик, выбрался из удобного кресла, спустился вниз и замер, когда вскочила перед ним в испуге девчушка. Глаза... Глаза и сразили наповал отставного майора, как пуля навывлет. Полюбовался, спросил, как зовут, услышал в ответ, что зовут её Ульяной Сизовой, и, ничего больше не сказав, вернулся обратно на балкон. Взял в руки подзорную трубу, посмотрел, но возле липы уже никого не было. Девчушки и след простыл, унеслась вместе с веночком.

Богдан Осипович опустил подзорную трубу и задумался.

Здоровья он был слабого, мучили его постоянные боли в суставах, темнело в глазах от частого сердцебиения, по ночам он маялся бессонницей и поднимался с постели разбитым и в печальном настроении, потому что всё чаще одолевали его мысли о скорой смерти. Но в этот день, когда увидел прекрасные глаза, смотревшие на него с искренним страхом, будто бес под ребро вселился и начал шуровать, переиначивая всё на свой лад. И болезни забылись, и мысли о скорой смерти, и сам он как будто два десятка лет скинул; воспрянул и даже испытывал некий любовный трепет.

На следующий день Ульяна была доставлена в имение, помыта в бане, переодета в новый сарафан, а вечером ей надлежало явиться в спальню. Да только ровным счётом ничего не получилось из того, что задумывал Богдан Осипович. Едва он дотронулся до Ульяны, как она, дикая, оттолкнула его двумя руками, и он, не удержавшись на слабых ногах, отлетел к стене, ударился головой об угол ночного столика и сразу же затих, не успев пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже не застонал.

Ульяна, увидев кровь на полу, заблуждалась в ужасе, потеряла саму себя, стала отбиваться от дворни, набежавшей в спальню, и её пришлось связывать.

Дальнейшее произошло просто, обыденно и страшно. Недолгий суд присудил Сибирь, и опомнилась Ульяна, пришла в себя только на долгом этапе, который медленно и устало подползал к Тюмени, где его ждал отдых. Из Тюмени в дальнейший путь этап повела другая конвойная команда под началом молодого офицера Грунькина. Был он, несмотря на молодость, очень грузен, когда садился в седло, конь под ним всхрапывал и прогибался. От конвойной службы Грунькин ещё не успел притомиться, нёс её ревностно и частенько хватал через край, добываясь порядка чрезмерной строгостью, а порой и жестокостью. Арестанты его тихо ненавидели, но помалкивали, и только один, бывалый каторжник Агафон Кобылкин, бесстрашно кричал ему во всю ширину глотки:

— Этапные обычаи никому не дозволено рушить! “Милосердную”* всегда пели — приварок для артели! Почему петь не разрешаешь?

— Почему? По кочану! — был ответ Грунькина. — А ты, Кобылкин, помалкивай, или я рассержусь!

— На сердитых воду возят! — не уступал отчаянный Кобылкин.

Не раз они так переругивались, и ясно было всем, арестантам и конвойным, что перепалки эти рано или поздно чем-нибудь да закончатся.

Они и закончились.

Но с таким вывертом, какого никто и не предполагал.

Угоразило Грунькина среди серых халатов и измождённых лиц разглядеть чудные глаза Ульяны Сизовой. Разглядел и заколыхался тучным телом, заволновался — молодой мужик, нутро загорелось. Считая себя царём и богом над этапными, Грунькин даже и цацкаться не стал, приказал, чтобы Ульяна явилась к нему вечером в его отдельную комнату, которую он занимал как офицер, и вымыла полы. Мойка полов — дело обычное на этапах, многие из арестанток только об этом и мечтали. Бабье дело нехитрое, раскинула ноги, вот тебе и поблажки: кусок получше, на телеге с барахлишком дозвоят ехать или вовсе осчастливят — кандалы снимут. Ульяна об этом уже зна-

* “Милосердная” — особая каторжная песня, очень жалостливая, которую пели, собирая милостыню для арестантов.

ла, уши ведь не заткнёшь, слышала, поэтому и побелела, когда Грунькин отдал свой приказ. А после, проследив, как он отъехал, протолкалась, нарушая ряды, к Агафону Кобылкину, поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до волосатого уха, и жарко вышептала:

— Дай мне нож, у тебя есть, у тебя есть, я себя резать хочу!

Бывалый каторжник, лихой жизнью крученный и верченый, самолично на тот свет людей отправлявший, заморгал глазами, как ребёнок, и мотнул головой:

— Нет у меня ножика, а был бы — не дал! Ты чего удумала, девка? Смирись, она не сотрётся, глядишь, и облегчение будет. А после плюнуть пошире и растереть.

— Не могу я так, против самой себя — помру сразу. Лучше уж без позора умереть. Дай нож!

— Не дам! Сказал — не дам, значит, не дам!

— Бог тебя не простит, что в последней просьбице отказал.

Выговорила эти слова, обречённо повесила голову и вернулась в свой ряд. Кобылкин глядел ей влед и от удивления только морщил лоб, наискосок украшенный кривым и широким шрамом. Видно, дрогнуло что-то в корявой душе каторжника, проклянулся неведомый раньше росток сострадания, и вечером, когда уже подходили к приземистым строениям, где предстояла ночёвка, он пробрался к Ульяне, тронул её за рукав и молча кивнул, давая знак, что надо отойти в сторону, чтобы чужие уши не услышали.

Они отошли, и Кобылкин торопливо шепнул:

— Слушай меня, девка, если жить хочешь. И ножик не понадобится. Делай, как я говорю, в точности делай...

И дальше торопливо прошептал такое, что Ульяна даже отпрянула от него:

— Не получится у меня!

— Жить захочешь — получится!

И не стал тратить время на ненужные сейчас слова, знал: чем дольше уговариваешь человека, тем сильнее он сомневается. Уверен был — сделает Ульяна так, как он сказал. А не сделает... Сделает!

Не ошибся Агафон Кобылкин. Разбойничья и каторжная жизнь, когда приходится босиком по бритве ходить, научила его разбираться в людях, хотя такой случай вышал впервые.

Комната, которую согласно своему чину занимал конвойный офицер, находилась в отдельном домике, где располагалась ещё и канцелярия. Низенькое крылечко, отдельный вход, узкий, тёмный коридорчик и, собственно, сами хоромы: стол, несколько стульев, кровать в углу и маленький диванчик. На улицу выходили два окна.

Вошла Ульяна, увидела расплывшегося на диванчике, как жидкое тесто, Грунькина, и едва не кинулась обратно. Но пересилила себя. Приняла приглашение и села за стол, на котором лежали белый хлеб, масло и даже конфеты с пряниками.

— Ешь, — милостиво разрешил Грунькин, — а после раздевайся и ко мне иди.

Давилась Ульяна белым хлебом, жевала конфеты и вкуса не чувствовала. Съела, сколько смогла, и попросила:

— Там бачок с водой, можно мне пройти, ополоснуться...

— Только быстро, я ждать не люблю!

В узком коридорчике стоял бачок, сверху лежал ковшик. Ульяна погрела крышкой, из ковшика воду полила, а другой рукой открыла настежь входную дверь и увидела на крыльце обрубок большущей толстой жерди. Быстро занесла его в тёмный коридорчик, упёрла, как наставлял Кобылкин, одним концом в порог, а другой чуть подняла, подсунув под него маленькую скамейку. Дверь прикрыла, вернулась в комнату.

— Долго ковыряешься! — выразил неудовольствие Грунькин. — Я же сказал — не люблю ждать! Раздевайся!

Вздрагивающими руками взялась Ульяна за отвороты халата, и в это время, как порох, пыхнул за окнами людской ор, столь громкий, что пока-

залось — стёкла в окнах задребезжали. Орал весь этап, орал, как под ножом. Кто-то из конвойных со страху пальнул в воздух, и от выстрела, будто подстёгнутый, ор загremел ещё сильнее. Грунькин вскочил с диванчика, ринулся в коридорчик, и оттуда донёсся дикий рев. С ходу, с разбега налетел в темноте грузный конвойный офицер на толстый конец обрубка от жерди, упёртый в порог, — точнёхонько низом живота. Лежал на полу, извивался, как червяк, и продолжал орать. Ульяна, не помня себя, перелетела через него, толкнулась в двери, выскочила на низенькое крылечко, побежала, и многоголосый ор постепенно стих.

Утром следующего дня, когда партия построилась, чтобы двинуться дальше, оказалось, что Грунькина нет и нигде не видно. Командовал за него старый седой фельдфебель, рычал грозным голосом, а сам незаметно ухмылялся в пышные усы, и вид у него был, когда забывался, очень уж довольный. Не жаловали подчинённые своего командира, поэтому и ухмылялся фельдфебель, зная, что начальник его находится в плачевном состоянии. Скоро и вся партия увидела, как вышел Грунькин, широко расшперивая ноги, будто в интересном месте был у него привязан кол. Морщась при каждом шаге от нестерпимой боли, он дошёл до телеги, взгромоздился, лёг на спину и махнул рукой, давая команду — трогайся!

Зашаркали десятки ног, загremели цепи — обычный этапный шум. Но в этот раз он нарушался дружным смешком, который прокатывался по серым рядам арестантов. Потешались они над Грунькиным едва ли не в открытую.

Но рано посмеивались арестанты, и рано злорадствовал Кобылкин, довольный тем, что задумка его удалась и что выручил Ульяну. Отлежался Грунькин, оклемался и, пока ехал в телеге, придумал, каким способом наказать строптивых.

И наказал.

Догадывался он, конечно, что вчерашняя история без Кобылкина не обошлась. Поэтому и решил проучить отчаянного каторжника так, чтобы все и разом поняли, кто здесь настоящий хозяин.

На следующее утро, после ночёвки, когда партия уже построилась и готовилась к отправке, выкатили на площадь большую чурку, к которой прибита была наковальня, и появился кузнец с инструментом и с цепью. Из общего строя вывели Кобылкина и Ульяну, поставили перед этой чуркой, и кузнец быстро, сноровисто сковал их ножные кандалы одной цепью. Теперь арестант Кобылкин и арестантка Сизова не могли разойтись друг с другом дальше, чем на три-четыре шага.

— Ну, чего не смеётесь? — громко спросил Грунькин. — Не смешно вам, значит. А мне — смешно!

И захохотал в общей тишине, колыхаясь всем телом.

Никто на этот хохот ни словом, ни звуком не отозвался. Молча двинулись арестанты по тракту. Все знали и понимали прекрасно, что Грунькин перелез через борозду, через которую конвойный офицер не имел права перелезть — ни по этапным обычаям, ни по служебным инструкциям. Но никакого начальства здесь, кроме него самого, не имелось, а значит, и жаловаться было некому. Одно оставалось: терпеть и ждать, когда на длинном пути сменится конвойный офицер. А путь впереди лежал ещё долгий, и когда произойдёт смена, неведомо.

Но Кобылкин не унывал и подбадривал Ульяну бодрым голосом:

— Ты, девка, не падай духом, а глаза поставь на сухое место. Этому упырю в радость будет, если мы сопли распустим. А ты ему своего настроения не показывай, иначе он совсем нас с грязью смешает. За меня держись, со мной не пропадёшь!

Ульяна в ответ кивала головой, соглашаясь, но слёзы сами собой катились из её чудных глаз, особенно, когда приходилось справлять нужду, большую или малую, находясь рядом с Кобылкиным. И хотя он всегда старался в такие моменты отвращиваться и делал вид, что ничего не видит и не слышит, Ульяна всё равно мучилась от стыда и бессилия и сдерживала себя из последних сил, чтобы не завывать в голос.

Арестанты Кобылкина уважали, а после памятного случая с Грунькиным зауважали ещё больше и делились едой. Подношения бывалый каторжник охотно принимал и самые лучшие куски отдавал Ульяне, приговаривая:

— Тебе крепче питаться надо, силы кошить. Нам с тобой много силы требуется.

— Зачем? — спрашивала Ульяна, и голос у неё вздрагивал.

— А затем, — отвечал Кобылкин, — что мы этому упырю ещё покажем дулю. Щёлкнем по носу! Погоди, дай срок, выпадет хороший случай — щёлкнем!

И выпал счастливый случай, как предсказывал Кобылкин, когда обрушился на арестантскую партию, бредущую по тракту, внезапный вихрь, а следом за ним — проливной дождь...

3

Половина месяца минула с тех пор, как сбежали с этапа Агафон Кобылкин и Ульяна Сизова. За это время ещё пышнее расцвело короткое сибирское лето, в лесах появились грибы, ягоды, и каждый куст, укрывая листвой, охотно давал приют и кров. Но всю жизнь под кустом не проживёшь. Вот кончатся жаркие денёчки, занудят осенние дожди, следом за ними запорхают белые мухи, и куда тогда податься беглым людям, где искать жилище, чтобы не стинуть в холодном сугробе, а дотянуть до весны и до первой травки?

Как ни кружилась голова у бывалого каторжника от нечаянно обретенной воли, как ни радовался он своему бесконвойному положению, но о будущем приходилось думать. Время-то быстро летит, не успеешь оглянуться, а руки, хоть и не скованные, уже ооченели. В былые дни Агафон Кобылкин не стал бы ломать голову, где зиму перебиться. Он бы просто поступил и быстро: прибил бы к лихой шайке, благо, их в сибирской земле немало, и занялся бы обычным своим ремеслом — разбойным: гуляешь, пока гуляется, в обнимку с удачей, а если она отвернулась, значит, браслетами гремишь. Всё для него раньше ясным было, а вот теперь — заколодило. Не один он сбежал с этапа в этот раз, Ульяна находилась при нём. И не мог он заявиться с ней в шайку, потому что хорошо знал неписанный и непреложный закон — в шайке всё общее. А баба, если появится, в первую очередь. Сам того не заметил Агафон, как за короткие сроки вошла к нему в душу Ульяна, как цепко и накрепко она к себе притянула, не отпуская дальше, чем на три шага, будто цепью приковала. И радовался он, как не радовался никогда в путаной и страшной своей жизни, вглядываясь в чудные глаза Ульяны и слушая её певучий голос. Чем дольше вглядывался и вслушивался, тем яснее ему становилось: не бросит он её и не отдаст никому. Понадобится — убьёт, кого угодно, сам на нож пойдёт, а дотронуться до Ульяны чужим рукам не позволит.

Мысли эти он держал при себе, вслух о них ни единым словом не обмолвился и никак не мог одолеть боязни, которая сдерживала его и не давала подступиться к Ульяне. Всё казалось ему, что, если возьмёт он её насильно, сломается она, как тонкий стебелёк таёжного цветка, и засохнет. Погаснут дивные глаза, кроткий голос оборвётся и никогда больше не зазвучит. Даже сильные, жилистые руки вздрагивали, когда внезапно возникал страх, что может остаться без Ульяны. Внешне же старался держать себя по-прежнему: насмешничал над ней, а иногда называл коровой и дурой. Она не обижалась, лишь смущённо улыбалась в ответ, опуская глаза, и всякий раз Агафону казалось, что в груди у него рассыпаются обжигающие искры.

Края, в которых они теперь пребывали, были ему неведомы, и он шёл, доверяясь лишь своему чутью, минуя стороной большие села и всё дальше забираясь в глухие места, где изредка попадались маленькие лесные деревни, возле которых можно было подкормиться и при удобном случае что-нибудь украсть.

Хоть и пробирался Агафон наугад, всё равно старался держаться поближе к натоптанным тропам и накатанным дорогам, побаиваясь забрести уж в совсем

неведомую глушь. Но чего опасался, то и случилось. Исчезла дорога, будто её корова языком слизнула. Попытался отыскать, а получилось, что ещё больше запутался и потерял всяческое направление. Сосновый бор будто подменили. Светлые, сухие увалы сменились глухим чернолесем и непролазным валежником. А день, как назло, выдался пасмурным, без солнца. Куда идти — непонятно. Темно, глухо. Только сушняк оглушительно трещал под ногами.

Измаялись и сели передохнуть. Вытянули натруженные ноги и не заметили, как свалились в крепкий, провальный сон.

Первым проснулся Агафон — будто шилом укололи. Вскинулся в тревоге, ещё не понимая её причины, и сразу же услышал, как сухо щёлкнул курок ружья. Именно курок, а не тонкая ветка, переломленная при торопливом шаге. Распахнул глаза. А в глаза ему — дырка от дула, круглая и тёмная, как зрачок. Стоял всего в нескольких шагах от беглецов рыжебородый мужик, одетый, несмотря на летнюю пору, в волчью доху, перехваченную широким ремнём из сыромятной кожи. На ремне висел самодельный патронташ. Вскинутое ружьё, готовое к выстрелу, мужик держал твёрдыми руками, и ствол даже не вздрагивал, словно прибили его к невидимой опоре. Узкоприщуренные глаза смотрели зло и настороженно.

— Ты бы ружьецо-то опустил, милый человек, мы путники тихие, мирные, никого не трогаем, — первым заговорил Агафон, стараясь приглушить свой хриплый голос, чтобы звучал он как можно тише и миролюбивей.

— Ага, мирные! Знаю я вашего брата! Человека зарезать — как муху хлопнуть! Подымайтесь! Вперёд идите. И не вздумайте баловать — за мной не жаржавеет. Погоди... Девка, что ли? Тоже с этапа сбежала?!

От удивления у мужика даже ствол в руках качнулся.

— Я же говорю тебе, милый человек, — снова заторопился, заговорил Агафон, — тихие мы, смиренные и на разбойные дела не способные, сам понимать должен, на разбой с бабой не ходят.

— Ну, это ещё надвое сказали, иная баба злее мужика будет.

— Да ты глянь на её, глянь, — упорно гнул свою линию Агафон, пытаясь разговорить мужика и притушить его первоначальную злобу, — она, как ангел, чистая, а ты её — в разбойницы!

— Зубы не заговаривай! Сказал — вперёд идите, вот и топайте. А там разберёмся, кто из вас ангелом, а кто чёртом прикинулся. Ступайте!

Пришлось подчиниться, чтобы не злить мужика. Ульяна вцепилась тонкими пальцами в руку Агафона, прижалась к нему, и он сразу же почувал, что она трясётся, как в ознобе. Наклонил голову, коротко шепнул:

— Не бойся.

Ульяна сбилась с шага, запнулась, и в отчаянии, также шёпотом, отозвалась:

— Лучше здесь помереть, чем на этап вернуться. Ты иди, Агафон, а я упаду и пусть пристрелит.

— Не дури! — Агафон встряхнул её за плечо и громко, в полный голос пригрозил: — Я тебе так лягу — костей не соберёшь! Шевели ногами!

Мужик с ружьём, шедший сзади, молчал. Но нетрудно было догадаться, что весь разговор, даже когда шептались, он прекрасно слышал.

Чернолесье и валежник под ногами внезапно кончились и сменились мягким покровом мха в низине. Дальше пошёл подъём на сухой увал, по гребню которого тянулась посреди молодого ельника узкая, едва различимая тропка.

— Направо поворачивай! — последовал грозный окрик.

Повернули, двинулись по тропинке. Скоро тропинка соскользнула с верхушки увала вниз, и перед глазами внезапно, будто из-под земли выскочила, возникла заимка: глухой заплот, такие же глухие ворота, а дальше, за ними, — приземистая изба с почерневшей крышей.

— Ворота открывай! — приказал рыжебородый мужик.

Ворота от старости провисли и открылись, царапая землю, со скрипом. Агафон пропустил вперёд Ульяну, шагнул следом за ней и споткнулся, замер на месте: под заплотом, развалившись в полный рост и задрав вверх все четыре лапы, покачивался из стороны в сторону, лежа на спине, матёрый медведь. На скрип ворот и на людей, которые вошли в ограду, он даже ухом

не пошевелил, продолжал покачиваться и негромко урчал, видимо, выражая полное своё удовольствие. Агафон резко качнулся, заслоня Ульяну, но мужик, увидев это, предупредил:

— Не шарахайся! Он не любит у меня, кто суетится, он степенных уважает, неспешных. Идите в избу.

Поднялись на крыльцо, миновали сени, и вот — изба, в которой не имелось ни перегородок, ни лавок; возле стола, сколоченного из толстых плах, стояли две берёзовые чурки. На одну из них мужик по-хозяйски сел, положил на колени ружьё, прищурился, словно в глаза ему слепило солнце, и принялся рассматривать Агафона и Ульяну. Молчал и толстыми, грязными ногтями постукивал по деревянному прикладу. Весело постукивал, дробно, и казалось, что где-то за стенами скачет конь по твёрдому настилу, озвучивая копытами свой быстрый ход. Наглядевшись и настучавшись, мужик принялся чесать растопыренной пятернёй бороду, а глаза завёл в потолок, почудилось, что ещё немного, и он заурчит от удовольствия, как медведь, лежащий на спине под заплотом. Внезапно мужик вскочил с чурки, будто ягоды огнём опалило, и весело крикнул:

— А чего стоим-то?! Печь не топлена, на столе пусто! Неужели жрать не хотите? Хотите жрать или нет?

— Да как сказать... — замылся Агафон, который не мог найти верного тона для разговора со странным мужиком. — Оно бы и не мешало, если имеется, чего на зуб положить...

— Имеется! — мужик прислонил ружьё к стене и показал пальцем: — Там дрова под печкой и растопка с серянками. Зажигай!

И столь неожиданным был этот переход в его настроении, что Агафон и Ульяна даже растерялись. А мужик тем временем уже тащил из сеней здоровущего неоципанного глухаря, мешок с крупой, охашку зелёного, еще не завядшего слизуна*, и всё это делал сноровисто, быстро и весело, словно исполнял долгожданную любимую работу.

Скоро в печке загорелись сухие сосновые дрова, в закопченный зев дымохода густо потянулся чёрный смолёвый дым, и изба, казавшаяся мрачной и необжитой из-за скудного света пасмурного дня, ожила, повеселела. В чугунке забулькала вода, Агафон ошпарил глухаря кипятком и принялся его ошипывать. Ульяна нашла тряпку, вымыла полы, и мужик, осторожно наступая на чистые половицы, удивлённо покачивал головой, словно узрел у себя под ногами диковинную невидаль. Агафон дёргал глухариные перья, отфыркивался от летящего пуха, а сам украдкой наблюдал за мужиком, поглядывал и на ружьё, прислонённое к стене. Один из таких взглядов мужик успел перехватить и спокойно, даже чуть насмешливо сообщил:

— Заряда-то в нём нету. Кончились у меня заряды, вот последний оставался, и тот на глухаря потратил. А во двор без меня — ни ногой! Иван Иваныч не даст и на крыльцо выйти — порвёт!

Намёк был понятный — даже думки не держите, чтобы без разрешения хозяина из избы вырваться. Но зачем же тогда он привёл их к себе, зачем собирается кормить и даже вроде бы радуется лёгкой суете и общему заделью? Не понимал этого Агафон, не мог найти разгадку, а когда чего-то не понимал, его обычная каторжанская настороженность многократно возрастала, и он продолжал неотрывно следить за мужиком, стараясь теперь, чтобы тот не перехватил его взгляд.

Хозяин в очередной раз сбежал в сени и притащил большую головку сахара, положил её на стол и сообщил:

— Чай будем пить! Вот супчику из глухаря похлебаем, тогда и чаёвничать начнём, тогда у нас и разговор сочинится.

Ульяна за хлопотами и от печного жара раздумянулась, ещё сильнее похорошела, и Агафон, изредка взглядывая на неё, обмирал от пронзительного нежного чувства, которое пресекало дыхание.

Суп сварился, чугун стоял теперь на середине стола, и все по очереди тянулись к нему деревянными ложками — крепко всё-таки проголодались.

* Слизун — дикий чеснок.

Выхлебали до самого доньшка, Ульяна в том же чугуне накипятила воду, и принялись за чай. Вот тогда, наколов ножом сахара и разделив кусочки на три части, мужик завёл, как и обещал, разговор. Станный, надо сказать, разговор:

— Вот скажите мне, чего человек на земле ищет? Всё он чего-то бегаёт, мельтешит, паскудит, врёт, изворачивается, как змея под вилами, а зачем он это творит, если знает, что в конце концов крышка ждёт от гроба? От крышки не увернёшься, не перехитришь её. А?

— Это как повезёт, — усмехнулся Агафон, — другой раз ни гроба, ни крышки нет, так закапывают, а случается и совсем худо — бросят зверью на поживу, а кости после ветер раздует.

— Ну, ладно, — согласился мужик, — пускай без крышки. Конечто всё равно один! А?

— Понять я тебя не пойму, милый человек. Какие тебе ответы давать, если спрашиваешь про то, чего я не знаю, — Агафон отхлебнул чаю и замолчал; он, действительно, не знал, что ему следует отвечать, старался лишь соблюдать осторожность, чтобы не рассердить мужика.

— Сермяжные вы люди, — искренне огорчился хозяин, — я-то надеялся, что отведу душу, а вы — как все! Дальше носа рассуждать не можете. Когда с этапа-то сбежали? Давно? И куда направлялись? Только врать не вздумайте, я на сажень под землю вижу.

Помолчал Агафон, раздумывая, и решил, что нет сейчас смысла врать, сочиняя какую-нибудь небывальщину, глаз-то у мужика намётанный, сразу догадался, что они с этапа сбежали, хотя и были они сейчас обряжены не в арестантские халаты, а в одежку вполне справную, пусть и потрёпанную, какую удалось своровать в деревнях, мимо которых пробирались. Решив так, он не стал таиться, честно рассказал мужику, как оказались они с Ульяной на одной цепи, как помог им внезапный вихрь избавиться от мучителя Грунькина и что идут они сейчас без всякой цели и даже не знают, где остановятся.

Слушал мужик с интересом, а когда выслушал, представился:

— Меня Кондратом зовут, а прозвище у меня — Умник. Я оттуда же, с тракта, сбежал, правда, давно это было, как-нибудь расскажу. Вижу, что врать не стали, это мне глянется, когда по-честному. А что пути своего не знаете — тоже хорошо. Я вам свой путь скажу — не отказывайтесь. Другого вам никто не предложит.

4

Бойко шумела неширокая речушка, омывая своим стремительным течением горные камни. Журчала, не прерываясь ни днём, ни ночью, и звук этот неумолкающий поселял в душе благодное спокойствие, когда отходят в сторону и растворяются, словно туман, тревоги и горести, и кажется, хочется верить, что нет в этом пустынном месте никакой опасности. Значит, можно жить вольно, не оглядываясь в тревоге, жить, как ты желаешь, сам себе господин и хозяин. Сладким было это чувство, веселилась и вскипала от него кровь, как в юности, и силы такие поднимались, что казалось возможным выламывать камни из горы величиной в свой рост и бросать их через речку.

Пылал большущий костёр, пламя его отражалось на текущей воде, и глаз невозможно было отвести от отблесков, словно обладали они неведомой тайной и будто бы завораживали. Агафон упирался босыми ногами в песок, уже остывший от дневного жара, смотрел, не отрываясь, на речушку, и слушал Кондрата, который говорил, не умолкая. Голос его сливался с шумом водяного течения и так же поселял в душе тихую благодсть.

— Вот за это меня, Агафон, и прозвали Умником, что я понять хотел, ради чего человек рождается? Сам не понимал — у других спрашивал. А другие смеялись. “Умник ты”, — говорили, но так говорили, будто я дурак круглый, как дырка в носу. А теперь мне и спрашивать не надо, нет такой нужды, я сам знаю. Для того он рождается, человек, чтобы в согласии с са-

мим собой жить, как его душа располагает, так он и делает, чтобы его никто насильно не заставлял: иди туда, тому кланяйся, говори это... Располагает моя душа, чтобы в таком месте обретаться, я и обретаюсь, и никто мне не указ. Спину сгибать не надо, шапку ломать не требуется, врать, опять же, надобности нет. Вот о какой жизни я мечтал! Сам до неё докумекал, и путь сюда сам придумал, а ты сомневался... Помнишь, как сомневался?

— Помню, — кивнул Агафон, не отрывая взгляда от текущей воды.

Он, действительно, всё хорошо помнил, и не забыл, что произошло год назад на заимке странного человека по имени Кондрат, а по прозвищу Умник. Тогда, год назад, рассказал тот Агафону и Ульяне, что собирается покинуть обжитое место, потому как частенько стали навещать люди — то беглые заглянут, то из соседней деревни, которая появилась недавно, кто-нибудь, заблудившись, зайвится. И если уж знают теперь, что такая заимка имеется, значит, жди в скором времени служивых. А вот их-то, служивых, Кондрат видеть не желал. Рассуждая пространно про жизнь человеческую, он всегда эти рассуждения заканчивал одним и тем же — жить надо там, где душа твоя будет спокойной и безмятежной. А для того, чтобы она в таком положении пребывала, надо отправляться в путь, искать для пристанища иное место. Предлагал Кондрат идти вместе с ним в дальний путь и говорил, что они сразу ему поглянулись, когда услышал он их короткий разговор по дороге к заимке. На вопрос же — куда приведёт этот путь? — честно отвечал, что он ещё и сам толком не знает, но слышал от верного человека, что имеются такие места в алтайских горах, где можно скрыться и никто тебя не найдёт. Агафон, слушая Кондрата, маялся в раздумьях, Ульяна молчала, не встречая в мужичьи разговоры, и длилось так несколько дней. В конце концов, Агафон хлопнул ладонями по столу и объявил громогласно, что согласен, а Ульяна, услышав про его согласие, ничего не сказала, только кивнула.

Из соседней деревни привёл Кондрат лошадь с телегой, на которую погрузили нехитрый скарб, и тронулись в неведомый путь. Следом за телегой, как собачка, косолапил Иван Иванович, и Кондрат всё пытался его уговорить:

— Иди в лес, дурак, зима наступит, где я тебе берлогу рыть буду?!

Но упрямый зверь не отставал и лишь урчал время от времени, выражая неудовольствие.

— Я его совсем малым подобрал, с руки кормил, вот и привязался ко мне, как к мамкиной титьке, — горевал Кондрат. — Думал, в лес уйдёт, а он, видишь, за нами тянется. Иди, Иван Иванович, иди, место себе ищи!

Но медведь ещё долго тянулся за своим хозяином до тех пор, пока не пошёл снег. Проснулись утром — кругом бело. И медведь исчез.

— Вот и оборвалась последняя зацепка, Иван Иванович и тот ушёл. Теперь у меня всё сначала начинается — и путь, и судьбина, будто я заново родился — голенький, — Кондрат смотрел на встающее холодное солнце и улыбался.

Настоящая зима прихватила их в дороге, в лесу, и они пережили морозные, снежные месяцы в хилой избушке, срубленной на скорую руку из тонких брёвен. Намаялись, наголодались, но дождались тёплых дней и, как только пали сугробы, снова тронулись в путь, одолевая одну за другой нечитанные версты.

И вот пришли.

Уже не втроём, а в десять раз больше. Попадались на пути разные люди, и мужики, и бабы, и, если кто-то из них изъявлял желание идти в неведомое, но благодатное место, никому Кондрат не отказывал, только требовал со всех слово, что обратной дороги они искать не будут. Иных это условие пугало, и они сразу шарахались в сторону, а те, кто согласился, послушно шли за Кондратом, доверив ему свои судьбы и жизни. На всём длинном переходе и до сегодняшнего дня Агафон был у него правой рукой. Кондрат доверялся ему без всякой опаски и любил, когда выдавались свободные минуты, разговаривать с ним о жизни. Точнее будет так сказать: он говорил, Агафон слушал. И чувствовалось, что речи его находят у Агафона полное согласие.

Место, которое они выбрали для будущей жизни, всем радовало: и горы, и речка, и луг — всё было приятным для глаза. А когда обнаружили,

что в этих местах даже гнус не водится, ни комара, ни мошки нет, повеселели ещё больше, и топоры стучали, не умолкая, с восхода солнца и до тех пор, пока не упадут сумерки.

Сейчас, наработавшись за день, люди спали, а Кондрат с Агафоном всё ещё сидели у костра, смотрели на речку и оба молчали — наговорились. Пора и спать. Первым поднялся Кондрат, потянулся с хрустом и ушёл в темноту. Агафон пошевелил палкой костёр, и тот вспыхнул заново, взметнув вверх огромный столб искр. Заслоняясь рукой от этих искр, неслышно приблизилась Ульяна, присела рядышком на бревно, прислонила голову к плечу Агафона, сказала негромко:

— Час уже поздний, ложился бы... Завтра опять рано вставать.

— А ты чего не спишь?

— Не знаю, проснулась. Глаза закрываю, а сна нет. Привиделось мне — нехорошее... Такое нехорошее, даже затряслась от страха.

— Плонуть и забыть, мало ли чего привидится!

— Нет, Агафон, такое долго помниться будет. Мальчонка маленький идёт на меня, а горло у него перерезано, и кровь течёт прямо на рубашку, а рубашка белая, длинная, в пол... Я убежать хочу от него, а ноги не слушаются. Подходит он совсем близко и пальцем грозит мне. Молчит и грозит, а лицо строгое-строгое, как на иконе.

— Да не бери ты в голову! Сказал же тебе — плонь и забудь. Мне другой раз такая чертовщина снится... Тьфу! Пойдём спать!

— А костёр? Может, водой залить?

— Сам догорит, погода тихая... Пошли!

Недалеко от костра, рядом с первыми венцами будущей избы, стоял немудрёный шалаш, сложенный из веток и сверху накрытый травой, успевшей высохнуть на солнце. В шалаше теперь и жили Ульяна с Агафоном, жили, хоть и невенчаные, как муж и жена. Агафон до конца выстоял, так и не решившись раньше времени дотронуться до непорочной девчонки, которая без оглядки ему доверилась. Ульяна сама выбор сделала, сама пришла к нему, ещё там, на займке Кондрата, пришла, прилегла рядом и едва ощутимо погладила по голове ладонью. Спокойно и ровно звучал её голос, и от этого голоса Агафону хотелось заплакать, как в далёком и позабытом детстве, потому что во взрослой жизни он никогда не плакал.

— Я ведь сначала боялась тебя, — говорила Ульяна, продолжая гладить его ладонью по голове, — так боялась, что не смотрела лишний раз. А теперь смотрю — и радуюсь. И дальше хочу радоваться. Только... целоваться я не умею...

Ни похабным словом, ни движением непристойным он не обидел её. Ни тогда, ни до сегодняшнего дня. Не узнать было матёрого разбойника, притихшего под девичьей ладонью.

Сухо, уютно и счастливо было им сейчас в шалаше. И речушка заботливо пела для них свою бесконечную песню, убаюкивая в крепкий сон.

К зиме, к первым морозам и снегопадам, встала деревня, выстроившись в одну улицу. И люди начали на новом месте свою новую жизнь, которая отличалась от прежней, как отличается своим видом старая, изорванная подстилка от нового, в разноцветье сотканного половика. Верховодил всей этой жизнью Кондрат, рядом с ним всегда находился Агафон, и никто этой крепкой связки не оспаривал и недовольства не высказывал.

Обустроивались, обзаводились хозяйством, время от времени посылали доверенных гонцов через перевал, и те возвращались с нужным инструментом, который своими руками сделать было невозможно, с домашней живностью и с семенами. Земля здесь оказалась мягкой, как пух, и плодородной — что воткнул, то и зацвело. Даже огурцы вызревали на навозных грядках. А уж репа, брюква, капуста и прочее, что попроще, перли из земли с такой силой, что треск стоял. Народились детишки, деревня огласилась звонкими голосками, и жизнь окончательно вошла в прочное русло.

Ульяна принесла сынишку, затем девочку, а следом — ещё одного парня. Тесно стало в избе, и Агафон всерьёз задумывался о новом строительстве,

собираясь ставить более просторное жилище. Начал заготавливать лес, укладывая в ряды сосновые брёвна, чтобы они высохли до чистого звона.

Вот за этим занятием и застал его Кондрат. Спрыгнул с коня, повод не привязав, и напрямик к Агафону. Не поздоровался, не кивнул, а сразу — в карьер:

— Бросай работу! Всё бросай! Коня седлай, ружьё бери, харчишек не забудь! Я здесь подожду, дух переведу.

Не стал Агафон спрашивать о причине такой спешки, понимал — по пустяшному делу сломя голову Кондрат бы не присекал. Сразу же бросил работу, побежал в свою ограду и скоро появился верхом на коне, с ружьём и дорожным мешком, в который успел сунуть краюху хлеба, пару луковиц и кусок вяленого мяса.

— От меня не отставай, — махнул ему рукой Кондрат, — после расскажу...

Вскочил в седло, хлестнул плёткой коня, и тот сразу взял рысью, вынося своего седока к речушке. Размётывая брызги, кони одолели речушку, выскочили на утоптанную тропу, и гривы их взметнулись от встречного воздуха. Махом проскакали вёрст шесть, дальше тропа сузилась и начала вилить зигзагами вверх, на подъём. Нависали над ней каменные козырьки, в иных местах так низко, что приходилось клониться к лошадиной шее. Тут уж вскачь не полетишь, и скоро пришлось спешиться.

— Давай коням передых дадим, — Кондрат вытер ладонью потный лоб, ладонь обтёр о рыжую бороду и присел на корточки, — да и самим охолонуть надо, чтобы горячки не напороть... Слушай...

И дальше поведал такое, что Агафон, слушая его, только кричал, как селезень на болоте.

Оказывается, ещё вчера Кондрат отправился на охоту. Давно уже приметил он лёжку горных козлов, но всё времени не хватало, чтобы добраться до них. И вот собрался. Но охота с самого начала не заладилась: когда подходил к лёжке, опёрся ногой на камень, думал, он цельный, а камень закувыркался вниз, всё сшибая, что на пути попадало, и такой получился тарарамный грохот, что козлы вспорхнули, как птички, и пошли перескакивать с камня на камень, уходя выше по склону. Кондрат, не в силах пересилить охотничьего азарта, потянулся следом за ними. Но козлы будто насмехались: перескочат на новое место, разлягутся, рога выставят и ждут, когда он поближе к ним выпарапается. Но едва он начинал подбираться на ружейный выстрел, они легко, по-птичьи, вспархивали и — догоняй, охотник! Конечно, следовало бы плюнуть, послать подальше хитромудрых козлов, неудачную охоту, спускаться вниз, на тропу, где оставил коня, и ехать домой. Но Кондрат упёрся. Снова и снова тянулся вслед за козлами, а они уводили его всё дальше и дальше по горному склону.

Опомнился он, когда огляделся и понял, что оказался в совершенно незнакомом ему месте. Вокруг вздымались отвесные скалы, и он только запрокидывал голову, растерянно озираясь. Козлы исчезли, будто и впрямь улетели, как птички. Кондрат начал искать спуск, чтобы вернуться к коню, но не тут-то было — куда ни ткнёшься, везде обрыв, да такой бездонный, что вниз заглянуть жутко. Тогда присел на камень, перевёл дух, ещё раз огляделся и начал обходить кругами незнакомое место. Должна ведь какая-то тропка быть, ведь сам он сюда как-то поднялся?! Но зияли перед ним только бездонные обрывы, а сверху громоздились отвесные скалы, окрашенные в розовый цвет заходящим солнцем.

До самой темноты шаркался Кондрат из стороны в сторону, но спуска так и не нашёл. Уморился до края, выбрал удобное место под большим валуном, привалился спиной к теплому ещё камню и провалился, как в яму, в тяжёлый сон. Проснулся от холода, уже на исходе ночи; в горах всегда так бывает: пока солнце светит, от жары изнываешь, а луна взошла — зубы начинают дробь бить. Вскочил, задрывал руками и ногами, чтобы согреться, и тут увидел в густой ещё темноте, что неподалёку от него поднимается играющий свет — будто из камня всходят искрящиеся столбы. Покачиваясь из стороны в сторону, они сливались друг с другом, и вот уже сплошная

полоса разрезала горный склон. Кондрат даже глаза закрыл и головой встряхнул — может, привиделось спросонья? Снова открыл. Нет, не привиделось. Как поднялся свет, так и поднимается, только становится всё ярче и ярче. До такого накала, что глаза режет и слезу выжимает.

Заслонился ладонью, отшагнул назад, и показалось ему, что ноги очутились в темноте, а сам он будто бы полетел, невесомый, как пушинка. И по-прежнему властвовал вокруг неистовый свет, на который теперь боязно было даже смотреть.

Сколько времени это длилось и было ли на самом деле, Кондрат так и не понял. Очнулся на горной тропе, когда уже занимался рассвет, — обычный, без искрящихся столбов и полос. И виделось, теперь уже совсем ясно, что тропа ему знакома, по ней он поднимался вчера в погоне за козлами, и где-то там, внизу, оставил коня. Кондрат передёрнул плечами, осмотрелся, но ничего необычного не обнаружил — всё на месте, всё, как обычно: тропа вниз уходит, гора вверх вздымается. Может, и впрямь привиделось? Поставил голову и стал спускаться по тропе.

Конь встретил его весёлым, радостным ржаньем, даже хвост вздёрнул. Кондрат потрогал жеребца, похлопал по шее, ладонью прикоснулся к мокрым и шершавым конским губам, проверяя самого себя, в яви ли он пребывает? Убедился — в яви.

А что же тогда с ним ночью происходило? Неужели он на какое-то время ума лишился?

Быть такого не может! Не тот он человек, чтобы здравый рассудок потерять!

И не тот человек, чтобы до подноготной не докопаться.

Поэтому и вернулся вместе с Агафоном, чтобы понять и выяснить: что же всё-таки происходило с ним на горном склоне?

Слушал его рассказ Агафон и головой покачивал, удивляясь услышанному. Когда Кондрат замолчал и взглянул на него, будто безмолвно спрашивая — ну, и чего скажешь? — Агафон отбросил плоский камешек, который вертел в руке, и ответил:

— Уж не знаю, какие там огни горели, но одно знаю верно — без зверя, который на двух ногах, не обошлось. Людишки к нам какие-то пожаловали, или они раньше здесь, ещё до нас, обретались. Я, Кондрат, в чудах и во всякую хренотень не верю. Надо нам заново то место отыскать и поглядеть.

— Вот-вот! И я так мыслю! В четыре-то глаза, может, увидим, чего я не разглядел.

— Верно, один ум хорошо, а два сапога — пара, — усмехнулся Агафон и поторошил: — Давай трогаться, солнце уже за полдень, а нам ещё добратся надо.

Тронулись пешим ходом, коней вели в поводу, потому что тропа местами становилась до крайности узкой, близко и опасно подходя к обрыву. Но всё равно не терялась, тянулась, как виложистая нитка, помеченная круглыми катышками козлиного помёта. Скоро пришлось и коней оставить, а самим ползти едва ли не на карачках. И всё-таки они ползли. Рвали штаны на коленях, в кровь обдирали руки, но не останавливались.

Тропа круто вильнула напоследок, упёрлась в плоский валун и кончилась. Перед валуном — небольшая ровная прогалина, а над валуном высилась, упираясь в небо, скала. Не было дальше никакого хода — ни напрямик, ни вбок.

— Здесь ты был, помнишь это место?

— Не могу сказать, Агафон, — растерянно развёл руками Кондрат, — вроде это, а вроде бы и нет...

— То ли девка, то ль мужик, то ль корова, то ли бык! Слушай, давай перекусим, а после вздремнём по очереди, чтобы ночью не клевать носами. Ночью, я так думаю, чего-нибудь да прояснится. Идти-то нам дальше всё равно некуда, только вниз спускаться.

— Это бы хорошо, если прояснится. А если не прояснится?

— На нет, как говорится, и суда нет.

— Всё присказками говоришь сегодня, — рассердился Кондрат. — К чему бы это?

— А к тому, что больше говорить нечего. И злиться на ровном месте не резон. Не рви постромки, Кондрат, не торопись, дай время, может, и поймём, что тут делается.

Возражать Кондрат не стал. Но и успокоиться никак не мог — тяготила его неизвестность, вспоминалась прошлая ночь, и он готов был сейчас хоть кричать, хоть драться, хоть из ружья стрелять, да только не знал — куда и в кого. Злился ещё сильнее, даже завязки у дорожного мешка оборвал, пока развязывал. Но за едой понемногу утихомирился, а после, вытянувшись в полный рост, уснул, положив голову на приклад ружья. Агафон не спал, прохаживался по прогалине в разные стороны, осматривался, заминал, но ничего необычного разглядеть не мог. Горы и горы. Больше и сказать нечего.

Ближе к вечеру он тронул за плечо Кондрата. Тот вскочил, как солдатик, сразу схватился за ружьё.

— Не шуми, — успокоил его Агафон, — теперь я прилягу, посплю малость, а ты покарауль.

— Заметил чего, пока я спал?

— Спони по бороде текли — это видел. А больше ничего. Слышать, правда, слышал.

— Чего слышал?

— А как ты шептунов в штаны пускал!

Кондрат заругался — нашёл время шутки шутить, не до смешков нынче! Но Агафон, словно и не слышал, посмеивался и укладывался спать. Владела им сегодня непонятная весёлость, будто вернулся в прежние рискованные времена, когда каждый шаг — по краешку обрыва. Оплошал и — всмятку! Только брызги в разные стороны. Не забылся разбойный промысел, лишь притих на время, а выдался случай — и явился во всей красе, обжигая чувством опасности. Агафон радовался этому возвращению, словно хлебнул полным глотком крепкой, до вздрагивания, хлебной водки. Даже сон его не брал, хотя и намаялись до края, ползая сегодня по горной тропе. Слышал, как Кондрат ходил неподалёку, вздыхал, кричал, бормотал что-то себе под нос неразборчивое и вдруг смолк внезапно, как обрезался. Агафон в тревоге вскинулся на ноги и замер.

Картина, которую он увидел, могла померещиться только в дурном сне: Кондрат, вытаращив глаза, отступал, пятился к обрыву, в руках у него ходуном ходило ружьё, но стрелять было не в кого. Наклонялся вперёд, пытаясь устоять, но, не в силах сопротивляться, пятился и пятился, вот ещё три-четыре шага — и рухнет с обрыва. Его будто в грудь толкали.

— Стой! Куда? — подскочил к нему Агафон, схватил за рукав, дёрнул рывком, оттаскивая от обрыва, и в этот момент разглядел, что из-под каменного среза искрящимся столбом поднимается свет. Вот он наклонился, лёг на прогалину, и каменная твердь под ним начала проседать, опускаться. Оглушительный треск заложил уши. Свет ослеплял, заставлял закрывать глаза. Агафон и Кондрат цеплялись друг за друга, пытаясь устоять на ногах, но кто-то невидимый жёстко и сильно продолжал их толкать, чтобы скинуть с обрыва.

Внезапно режущий свет исчез, оглушительный треск оборвался, и в наступившей тишине они услышали запалённое дыхание друг друга. Теперь они уже не пятились к обрыву, да и самого обрыва уже не было — ровный, хотя и крутой спуск, усеянный мелкими камешками, плавно уходил вниз.

И снова пришлось подчиниться неведомой силе, которая властно развернула их и на этот раз мягко, а не тычками, направила к спуску. Переставляли ноги, ворошили камешки, иные из них скатывались вниз и весело пощёлкивали. Ружья ни тот, ни другой не выронили и держали наготове. Спускались долго, казалось, что и конца этому спуску не будет. Но вот он закончился, они оказались на дне узкого ущелья и здесь пришли в себя. Озирались, пытаясь понять, где очутились, и вот что увидели: вправо и влево, загигаясь, как коромысло, уходило ущелье, а прямо перед ними зиял вход в пещеру, накрытый длинным каменным козырьком. Стояла тишина. И не было никакого намёка на яркий, режущий свет и на оглушительный треск проседающей каменной тверди — словно привиделось во сне.

Но сон оборвался, и прежний, привычный мир окружал проснувшихся. Солнце уже закатилось, однако было ещё светло, и в узком просвете вверху ущелья виднелось чистое, налитое голубизной небо.

— Чего делать будем? — хрипло спросил Кондрат.

— Выбираться надо, как бы насовсем здесь не остаться.

— Может, глянём? — предложил Кондрат, кивая на вход в пещеру. — Если уж попали...

И не договорил, но и без слов ясно было, что не желает он уходить отсюда, не выяснив до конца, куда же они попали.

Агафон молча кивнул, соглашаясь с ним, и первым шагнул к пещере, удобней перехватив ружьё и взведя курок.

Дохнуло на них из глубины пещеры тяжёлым, затхлым запахом. При скудном свете мутно увиделись сгнившие тачки, разбросанные лопаты и железные ломы, изъеденные ржавчиной, россыпи кирпичей, трухой осыпавшиеся ящики, в которых лежали непонятные тёмные слитки. Но не это поразило их, а совсем иное: в разных местах, где рядом с тачками, где возле ящиков тускло отсвечивали человеческие кости и черепа. Смерть, похоже, застала людей в один момент, кто где находился, там и рухнул, и теперь об этих людях напоминали только останки, съеденные временем.

Кондрат, заикаясь, выговорил:

— Как-кого... они тут делали?

— Какого, какого... Вот такого! — Агафон прошёл вглубь пещеры, наклоняясь над сгнившими ящиками и тачками, вернулся и твёрдо сказал: — Серебро тут добывали, руду. Я это дело доподлинно знаю, в Нерчинске два года землю долбил на руднике. Пошли, дышать нечем!

— А как они... С чего померли?

— Откуда я знаю! Меня здесь не было. Они тут лет сто назад шевелились, не меньше, сам видишь — прахом всё взялось. Пошли, Кондрат, пошли, не могу я здесь.

— А серебро, серебро есть?

— Похоже, есть, видел какие-то слитки. Видно, руду добывали и здесь же серебро плавил, там дальше вроде как печи были. Эту руду с ртутью моют, моют-сушат, а после плавят — морока та ещё. Пошли, говорю.

— Погоди, а серебро? Взять можно?

— Куда нам с ним?! В лавку? Ты, Кондрат, о своей голове думай, как нам отсюда выбраться. Давай ночь ещё переждём, а утром видно будет. Ещё раз спустимся, тогда и поглядим.

Они вышли из пещеры и остановились на дне ущелья, как вкопанные — спуска, по которому они добрались сюда, не было. Нависали отвесные каменные стены, оставляя лишь узкую, быстро темнеющую щель, и не имелось в этих стенах ни единого выступа, а не то что спуска. Как в каменном мешке оказались. Не сговариваясь, двинулись быстрым шагом по дну ущелья, надеясь, что оно хоть куда-то выведет, но дно тянулось и тянулось, становясь все уже и уже.

— Неужели нас бесы водят? — Кондрат остановился, переводя запалённое дыхание, и хриплый голос впервые за сегодняшний день беспомощно дрогнул — как ни крепился мужик, а страх одолел его.

— Может, и бесы, — согласился Агафон, — только нам от этого не легче. Давай здесь останемся, ночь переждём, а после решим. Надо ещё в другую сторону попробовать, вдруг там выход найдётся...

— Я уже и не верю, — признался Кондрат, — не верю, что отсюда выберемся. И какой чёрт меня потащил!

— Хватилась девка, когда ночь прошла. Теперь уж поздно, не переменишь. Терпеть надо, Кондрат, а в отчаянность впадём, тогда уж наверняка не выберемся. Страх, он не советчик.

На эти слова Кондрат не отозвался, сполз, как густой плевок, по каменной стене и сник, словно в одно мгновение растоптали мужика, и ни на что дельное он теперь не годился. Агафон это понял сразу, знал ещё по прошлой каторжной жизни, что случается такое — крепкий, казалось бы, человек, и нрав у него, как кремень, но доходит он до невидимой черты и не может

её одолеть. Рассыпается, как от удара молотом, и заново крошки от былого кремня уже не соберёшь и не склеишь. Всего один раз ломаются такие люди, но зато насовсем, на всю жизнь, какая им останется.

Жаль ему было Кондрата, до слезы жаль, но утешить его сейчас он ничем не мог, и любые слова были бы бесполезны. А Кондрат, сидя на корточках и опустив руки, мотал головой, словно маялся нестерпимой болью, ругал самого себя, проклятое это место и начинал бормотать, сплевывая после каждого слова себе под ноги, уж совсем несвязное. Сам собою не владел человек.

Сумерки между тем сгустились, и скоро темнота сомкнулась над каменной щелью, а в небе, в недосыгаемой вышине, обозначились крупные, мохнатые звёзды. Агафон, стараясь не слушать бормотания Кондрата, смотрел, запрокинув голову, на эти звёзды и пытался вспомнить весь сегодняшний день, с самого утра. А ещё старался восстановить в памяти дорогу, которую они одолели. Он ведь тоже в эту сторону не раз ходил на охоту и видел тропки, на которых обитали горные козлы, но почему-то никогда не видел ни валуна, ни прогалины. Чертовщина какая-то получалась. Снова и снова вспоминал горную дорогу и убеждался: шли они по местам совершенно незнакомым. Неужели и впрямь их бесы водили?

“Что же ты, человек, злых духов вспоминаешь, да ещё ночью, когда помыслы должны быть светлыми? — нараспев зазвучал неожиданный странный голос; звучал он не в воздухе, и слышал его Агафон не ушами, а будто он был ему раньше знаком и являлся из памяти — нежный, тонкий, словно сотканный из серебряных ниток. — Ночью, если не спится, нужно добрые дела вспоминать, какие успел за день сделать, а ты злых духов тревожишь. Не трогай их, они сейчас отдыхают и рассердятся, если ненароком разбудишь. А про друга своего верно подумал — не владеет он больше собой, хотя и Умником прозывался. Зря прозывался. Умный, когда о завтрашнем дне думает, на желания свои нынешние может узду накиннуть. А он не захотел. И перед соблазном не устоял. Опять же — загорелась душа жадностью, вот и кинулся исполнять. Он ведь не всё рассказал, твой друг, самое главное утаил. Я расскажу. Слушай... Сказано ему было: здесь мои владения и моё богатство. А ещё было сказано, чтобы он сюда никогда не возвращался и людям вашим запретил бы здесь появляться. И богатства ему были показаны, посмотри, убедись и уясни, что чужие они для вас. Ничего не понял. Посчитал, что блазнится ему мой голос. Серебро, какое успел, в карманы напихал и дома спрятал. Позвал тебя в помощь, надеялся ещё поживиться. Знаешь, почему Умником его называли? Потому что вор он, и воровал всегда с выдумкой, умничал, когда воровал. А после решил другую жизнь начать, да не получилось у него — старые грехи пересилили. Как появился соблазн, так и поддался сразу. И ты свои грехи тоже сюда принёс, не оставил их, не избавился, и все остальные принесли. Присыпали их, как золой, а внизу угли тлеют, дунул ветер, они и загорелись. Поэтому нет вам, грешным, доступа к моим богатствам. Помни, что слышал. Теперь главным будешь в деревне, и тебе говорю: никто в мои владения вступить и хозяйничать в них не может. Иначе... Ты видел, что я могу сделать, там, в пещере, видел? Запомнил? — Запомнил, — не размыкая губ, отозвался Агафон, — Только скажи мне — кто ты? Как я тебя называть должен? Голос-то, вроде, бабий... — Голос мой. Я чужими голосами разговаривать не умею. А кто я — может, и узнаешь со временем, если старые грехи отряхнёшь. Сегодня отпускаю вас, но ещё раз говорю: помни, что слышал”.

И не успел Агафон уяснить для себя эти слова, не успел ни о чём подумать, как закрутила его неведомая сила и выкинула в пустоту. Словно во сне летел он, просекая темноту, и очнулся, открыл глаза, когда ощутил под собой твёрдый, прохладный камень. Распахнул глаза. Склонялся над ним его конь, выгибая шею, и тянулся, шевеля губами, словно хотел поцеловать.

Агафон вскочил на ноги.

Занималось утро. На редкой траве и на камнях лежала обильная роса, и даже узда на коне поблёскивала от мелких капелек. Солнце из-за горы ещё не поднялось, но розовый свет уже струился по склонам и становился ярче.

Конь Кондрата стоял рядом, пощипывал жёсткую травку, косил большим карим глазом на хозяина, а хозяин лежал ничком, подтянув к животу колени, и бормотал, не прерываясь, но что бормотал — разобрать было невозможно. Так бывает, когда маленький ещё ребёнок баякает на своём ребёночьем языке, и никто из старших даже не пытается понять его — пускай баякает, подрастёт, заговорит, как взрослый. Но в случае с Кондратом, уверен был Агафон, заговорить по-иному уже не получится. Видел он на своём веку тех, кто сходил с ума, и ни разу не видел тех, к кому бы возвращался рассудок. Постоял над скрючившимся Кондратом, окликнул несколько раз, но внятного ответа не получил. Тогда поднял его, усадил в седло и для надёжности привязал ремнями от стремян, чтобы не свалился.

И двинулся в обратный путь, ведя в поводу сразу двух коней.

До деревни добрались лишь поздно вечером. Народ к тому времени уже встревожился, мужики сидели на брёвнах и решали — отправляться завтра с утра на розыски или ещё денёк подождать? Сгрудились вокруг в изумлении, когда Агафон, распутав ремни, снял Кондрата с седла и уложил на землю. Спрашивали наперебой:

— Он чего буровит-то?

— Рехнулся?

— Агафон, где были?

— А кто у нас теперь править будет?

И много ещё о чём спрашивали мужики, глядя на бормочущего Кондрата. Отвечать им Агафон не торопился. Понимал, что расскажи он сейчас мужикам истинную правду, никто ему не поверит. Решат, что сочиняет небылицы, или, того хуже, заподозрят, что он и сам умом тронулся. Поэтому сразу не придумав, что говорить, махнул рукой и сказал:

— Завтра, мужики, с утра у меня собирайтесь, доложу вам по порядку, что за напасть случилась. А заодно и думать будем, как дальше жить. Ноги у меня в коленках подкашиваются, и спать хочу — глаза слипаются. Боюсь, до избы не доберусь. Вы Кондрата покараульте ночью... А я пойду.

Не задерживаясь, сразу же и направился к своей избе, шарахался из стороны в сторону, словно возвращался, в излишек выпив, после гулянки. Не притворялся, его и в самом деле покачивало, будто земля под ногами ходила волнами.

На пороге, распахнув двери, стояла Ульяна, держала на руках младшенького, а старшие по бокам держались за подол юбки. Агафон наклонился, обнял разом всех четверых, успокоил:

— Живой я, живой и здоровый. Пойдём в избу, Ульяна, я спать буду, ничего не хочу — спать.

— Может, на стол собрать?

— Не надо...

И рухнул, не успев стащить с себя одежду, поперёк деревянной кровати, не дожидаясь, когда Ульяна разберёт постель. Не чуял даже, как она его раздевала, укладывала и накрывала пёстрым цветным одеялом, шитым из лоскутков. Проснулся поздно, от неясного говора. Прислушался, не открывая глаз, и понял, что за окном гомонят собравшиеся мужики. Надо выходить к ним и рассказывать... А что рассказывать? И вдруг, будто кто нашептал ему: вот ведь как случилось!

Он оделся, вышел к мужикам совершенно спокойный и твёрдо, убедительно заговорил:

— На козлов он охотиться поехал, а они в горы от него ушли, за тем местом, где козырьки каменные начинаются. День там проваландался, переночевал и вроде бы выследил, по какой они тропе ушли. Утром за мной примчался, поехали, говорит, ты с другой стороны на тропу зайдёшь, тогда мы их прижучим и мяса настреляем немеряно. Ну, приехали, тропу отыскивали, поднялись, а там такая страсть: сверху — осыпи, а внизу — обрыв, дна не видать. Кондрат остался, а я с другой стороны зашёл. Слышу: он выстрелил. И такое началось — конец света! Или от выстрела, или заряд в камень попал, а только осыпь зашевелилась и вниз поехала. Камни летят, как брызги, грохот кругом, уши закладывает. Я за валун заскочил, сижу, ни живой ни мёртвой,

а осьшь летит и летит. Едва дождался, когда стихнет. Вылез из-за валуна на карачках, пополз Кондрата искать. Нашёл, он тоже успел за валун спрятаться, только ему страшной пришлось — обрыв-то рядом. Пять шагов — и полетел, как пушинка. Вот и натерпелся страху. Кое-как вытащил, вниз спустились к коням, тут он и забормотал. Молчал до этого, не говорил, а как вниз спустились, будто прорвало, бормочет и не останавливается. Теперь за каменные козырьки даже носа не суйте. Со всех сторон осыпи сдвинулись, от одного голоса дурной камень может покатиться, а как покатится — костей не соберёшь. Или умом тронешься, как Кондрат. Присмотрели за ним, как он там?

— А никак, закатил глаза и молчит. Руки сложил, будто помирать собрался, и молчит. Накормить хотели — отказывается, не желает пищу брать.

— Пойдём, глянем...

Гурьбой повалили к избе Кондрата. Хозяин лежал на широкой лавке, сложив на груди руки, смотрел широко раскрытыми, круглыми глазами в потолок и даже не пошевелился, когда пожаловали к нему гости. А они переглядывались между собой, кивали, указывая друг другу на перемену, которая произошла с человеком: рыжая, до огненности, борода Кондрата побелела неровными клочками и торчала вверх, как растрёпанный веник.

— Давайте решать, чего приглядывать за ним будем, не дело одного оставлять, — сказал мужикам Агафон, когда вышли все из избы.

Бабой Кондрат не обзавёлся, говорил, что для вольной жизни она помехой является, жил один, а ещё говорил, посмеиваясь, что невеста для него вот-вот родится. Теперь не до смешков было: человека, который не в разуме, без догляда оставлять нельзя, мало ли что в голову ему стукнет, да и кормить-поить надо, не будет же он век от пищи отказываться. Решали мужики недолго и присудили так: присматривать за Кондратом станут по очереди, и кормить-обихаживать его бабы станут тоже по очереди, чтобы никому накладно не было, чтобы хлопоты всем поровну. На этой же общей сходке мужики выбрали главным человеком в деревне Агафона. Много слов не говорили, просто сказал один, мол, бери теперь наши вожжи в свои руки, а остальные согласно кивнули. Отказываться Агафон не стал, взял вожжи в свои руки, и жизнь в деревне пошла дальше по натопанной колее.

Споткнулась она, казалось бы, на ровном месте через несколько лет.

Август стоял тихий, благодатный. Ночи с верхушек гор опускались уже прохладные и беспросветно-тёмные, но зато в небе вызревали огромные звёзды. И было их такое множество, что голова кружилась.

В одну из таких ночей, внезапно проснувшись, Агафон обнаружил, что Ульяны с ним нет. Пошарил рукой по пустой подушке и удивился: где она? Подождал. Может быть, на улицу по нужде вышла и сейчас вернётся? Но время шло, а Ульяна не возвращалась. Тогда он, наскоро натянув штаны, вышел на крыльцо и сразу же различил в темени мутное, белесое пятно в углу ограды. Спустился с крыльца, подошёл ближе. Ульяна стояла босой, в одной исподней рубашке, стояла, видимо, уже давно, потому что, когда он тронул её за плечо, оно оказалось холодным.

— Ты чего здесь?

Она не обернулась на его голос, не пошевелилась и не ответила. Как стояла, так и продолжала стоять, словно пыталась что-то разглядеть в непроницаемой темноте. Агафон тряхнул её за плечо сильнее:

— Слышишь меня?

— Слышу, — наконец-то отозвалась Ульяна. — Слышу тебя, Агафон. Скажи мне: ты, когда разбойничал раньше, детей убивал?

Агафон даже дёрнулся от неожиданности и руку свою убрал с плеча Ульяны. Уж чего-чего, а вот таких слов он от неё не ожидал. Да и где она, его прежняя разбойничья жизнь, о которой он позабыл и которая, как казалось ему, безвозвратно поросла бальём. Канула она бесследно, и не стоит вспоминать о ней, да ещё посреди тёмной ночи.

— Молчишь? Не можешь ответить? Значит, убивал. — Голос Ульяны на удивление звучал спокойно и даже устало, словно говорила она о каких-то обыденных, домашних делах. — Сон мне снова приснился — мальчонка

в рубашонке белой, в крови весь, и снова пальцем грозил, помнишь, я рассказывала, давно ещё... Вот он заново явился, зарезанный... Тогда ничего не говорил, а в этот раз сказал... Отольётся, сказал, моя кровь вашими слезами...

— Да мало ли чего приснится!

— Говорил уже, Агафон, в прошлый раз говорил. А мальчонка снова явился. Неспроста он приснился, я сердцем чувю.

Уговаривал Агафон жену, сердился даже, пытаясь внушить ей, что не стоит посреди ночи вскакивать, как оглашенной, и по ограде шастать из-за дурацкого сна, который утром уже позабудется.

— Не забудется, — твёрдо отвечала Ульяна, — я и первый до капли помню... В глазах стоит...

— Ладно, пошли в избу, хватит здесь топтаться, замёрзла уже...

Взял её за руку, повёл за собой. В избе, как маленькую, уложил в постель и сам осторожно прилёг рядом. Вслушивался в дыхание Ульяны, догадывался, что она не спит, хотел заговорить, успокоить её, но подходящих и нужных слов подобрать не мог — не шли они ему на ум. Вот уже и окна в избе засинели перед рассветом, а супруги лежали, не сомкнув глаз, и молчали, словно отделились друг от друга невидимой стенкой.

Утром Ульяна привычно поднялась, пошла доить корову, хлопотать по хозяйству, готовить завтрак, и, когда сели за стол, она ни словом не вспомнила о ночном разговоре, а говорила о том, что надо успеть сегодня вытащить пустые бочки из погреба, ошпарить их кипятком и высушить, приготовить заранее — скоро придётся засолками заниматься на зиму. Агафон согласно кивал, а после завтрака сразу полез в погреб доставать бочки.

День прошёл, как обычно, в привычных трудах.

Показалось даже, что ночной разговор и сон, приснившийся Ульяне во второй раз, сами собой позабудутся, и возврата не случится.

Но вышло наоборот: и сны пришлось вспомнить, и недоброе предчувствие Ульяны, которое сбылось страшно и скоро.

Зима в тот год наступила ранняя и обильно снежная. Будто невидимая прореха разъехалась в небесах, и сыпалась из неё белая мешанина иной раз целыми сутками. Утром вроде бы чуть развидняется, и даже солнышко мигнет на короткое время, но вот уже закружились лохматые хлопья, гуще, гуще — и нет ни солнца, ни света. Шаткой стеной, покачиваясь, встал снегопад. День проходит, ночь наступает, а он — стоит. Изредка снегопады сменялись морозами, а затем — снова и снова, валит и валит, без конца и без края.

За деревней, где начинались подъёмы предгорья, намело огромные сугробы с загнутыми гребнями. В этих сугробах играли ребятишки в один из оттепельных дней. Норы рыли палками, прятались в них, гадали, — одним словом, радовались. И никто из них не поднял вверх головы, не увидел опасности и не предупредил, что надо бежать отсюда, не оглядываясь. Огромный снежный гребень отломился беззвучно и ахнул вниз с глухим звуком — будто пуховой подушкой об землю ударили. Кого не сильно придавило, тот успел выбраться, кто подальше стоял, тот отскочить успел, а вот парнишки и девчонка Кобылкины в нору залезли как раз в это время. И остались в ней.

Была по-волчьи Ульяна, когда голыми руками разгребала снег, ломая ноги о ледяные прожилки. С хрипом, задыхаясь, откидывали мужики снег лопатами, не давая себе передышки. Скорей, скорей, лишь бы успеть!

Не успели.

Пока добрались до ребятишек, пока вытащили их из-под снежной тяжести, они уже не дышали. А мёртвые глаза у всех троих, припорошённые снегом, были широко открыты, словно удивились малые, не понимая, что с ними произошло, да так и отошли в иной мир с этим искренним удивлением.

После похорон Ульяна наглухо замолчала, будто онемела. Агафон, пугаясь этого молчания, подступал к ней с расспросами, слова какие-то говорил — она ему не отвечала. Смотрела немигающим взглядом и руки растопыривала, шарила ими в пространстве, пытаясь что-то найти, но так и не находила. Хозяйство забросила, не было ей теперь дела ни до живности, ни до печки, ни до еды — клонет малую крошку, как синичка, и смотрит, смотрит в стену остановившимся взглядом.

Агафон сам хлопотал по дому и во дворе, крутился, как юла, но всё валялось из рук, падало, разбивалось и вытекало — не наладить и не собрать.

И вдруг, посреди ночи, Ульяна заговорила:

— Огонь запали, хочу, чтобы светло было...

Зажёг Агафон сразу две сальных свечи, обрадовался, что Ульяна заговорила, заторопился, спрашивая — может, ещё какая надобность есть?

— Нитки мне принеси с иголкой, — попросила Ульяна, — и холстину белую достань из ящика.

Удивился Агафон, но просьбу послушно исполнил. И дальше смотрел во все глаза, как руками рвала Ульяна холстину, прикладывала лоскут к лоскуту, примеривая, а затем начала их сшивать. Понятно стало, что пытается она шить рубашку, которая получалась у неё кривая, косая и неровная. Но явно проглядывали уже и рукава, и ворот. Хотел спросить: зачем она это делает? Но Ульяна опередила его, и сама сказала:

— У мальчонки, который снился, у него рубашка в крови. А я ему эту отдам и переодену в чистую, может, он и простит твой грех. Мальчонку-то, Агафон, ты зарезал. Вот к нам этот грех и вернулся, теперь наши дети сгинули. Ты ведь так и не признался мне, что убил, и не покаялся, видно, ни разу... Думал, что на новом месте всё позабудется, а не забылось, по следу твой грех шёл, не отставал, шёл и догнал.

Похолодела спина у Агафона, а после горячими каплями пота обнесло её... Вспомнились слова, которые он услышал в ущелье. Иными те слова были, но суть — одна. Не вспоминал он о давнем своем грехе и не каялся, а сейчас, в эту минуту, как озарило, будто невиданно ярким пламенем вспыхнули тусклые сальные свечи и осветили — всё стало видимым, как наяву... Богатый купеческий дом брали они тогда с подельниками, а навёл их на этот дом купеческий же конюх. Всё рассказал за обещанную долю: когда хозяева спать ложатся, и как можно хитрые запоры без шума открыть, и где хозяйское добро хранится. Купец со своей супругой даже проснуться не успели — их сонными зарезали. И сразу принялись выворачивать наизнанку сундуки — добром огрузились без всякой меры. Когда это добро уже вытаскивали, появился в дверях своей спальни маленький мальчонка в длинной белой рубашке. Видимо, проснулся от шума и кулачками протирал глаза, которые, когда он отнял кулачки, оказались у него пронзительно голубыми. Увидел конюха, узнал его и даже успел сказать:

— Дядь Яша...

— Режь его! — заорал конюх, тащивший на горбу большой узел, — он про меня скажет, тогда и до вас доберутся!

Агафон, подчиняясь этому крику, а больше того — разбойничьей привычке не оставлять свидетелей, выдернул из-за голенища сапога узкий, остро отточенный нож на ловкой, костяной ручке. Короткий взмах и — скорей, скорей в распахнутые двери, чтобы не задержаться и вовремя унести ноги. Назад он даже не оглянулся.

— Когда помру, ты рубашку эту в гроб мне поклади, чтобы под рукой была, — глухо, едва слышно, словно издалека, доходил до него голос Ульяны.

Он не отозвался на её голос, на ощупь, как слепой, выбрался из избы на оснеженное крыльцо, поднял голову в небо и увидел, что оно в эту ночь стоит над землёй высоким и чистым.

— Господи, прости! — впервые в жизни прошептал Агафон.

Ответа ему не было.

Скончалась Ульяна на следующую ночь, под утро, прижимая к груди так и не дошитую рубашку из белой холстины. Агафон, исполняя её просьбу, положил рубашку в изголовье гроба.

5

— Бу-бу-бу-бу, — бормотал без передыха Кондрат, и жиденькие слюны стекали по бороде, которая за последние годы стала совсем сивой. Потеряв рассудок, он быстро постарел, обрюзг, редко, только по нужде, выбирался из

избы, а в остальное время либо спал, либо жевал. Прожорливость в нём открылась неимоверная. Сколько ни варили для него бабы по очереди, сколько бы ни принесли — всё сметал подчистую, по-собачьи вылизывая чашки языком. Наевшись, сразу же засыпал, а проснувшись, начинал бубнить, сердито требуя, чтобы его покормили.

Ухаживать за полоумным — дело хлопотное, брезгливое, а когда ухаживать приходится годы, оно и вовсе становится муторным — до отрывки. Вся деревня тяготилась своим бывшим старостой, многие уже вслух начинали высказывать неудовольствие, но Агафон всегда осекал их грозным окриком:

— А куда его девать? Верёвкой задушить? Или голодом уморить? Кто возьмётся?

Замолкали, но недовольство оставалось.

После похорон детей и Ульяны, оказавшись один, как перст, Агафон растерялся, не знал, куда себя приткнуть, и совершенно забросил хозяйство: живность раздал по соседям, строительство нового дома прекратил и даже печь топил от случая к случаю, когда в избе становилось так же холодно, как на улице. Занятый своими переживаниями, он даже не заметил, что недовольство мужиков и баб, связанное с Кондратом, плавно перешло и на него. Говорили: это что за староста, который ходит, как мешком оглоушённый?!

Он и впрямь ходил и жил, словно ушибленный. Всё было немилым. Вольная жизнь, о которой когда-то рассуждали они с Кондратом, теперь скукожилась, поблекла и не радовала. Чаше стали сниться странные сны — все, как на подбор, о прежней разбойничьей жизни, такие страшные и кровавые, что, просыпаясь, хватался рукой за грудь. Казалось, что сердце сейчас через рёбра на волю так и выскочит. Не зная, куда себя девать, он стал ходить к Кондрату. Приходил, садился, слушал бесконечное “бу-бу-бу” хозяина, и сам начинал разговаривать. Жаловался:

— Вот как оглобли развернулись, в обратную сторону, шиворот-навыворот, будто бы в прежних годах оказался. Сам-один, тоска съедает, хоть безмен бери, да выходи на большую дорогу. Не выпясалась наши хотелки, Кондрат, зря ты Умником себя прозывал. Как говорится, приехали с ярмарки, денег нет, и горшки вдребезги побиты. Сижу с тобой, разговариваю, а сам думаю, и придумать не могу — куда мне теперь податься, где голову прислонить? Может, новую бабу завести? Как мыслишь?

Ответа Кондрат не давал. Только начинал бубнить быстрее и громче, размахивал руками, и слюни обильнее текли по бороде — это был первый признак, что он проголодался и требует еды.

— Ну, и прорва у тебя открылась, — досадовал Агафон, — как в бездонную бочку любой кусок летит! Потерпи, принесут, тогда и поешь, а у меня ничего нет, не кашеварю я нынче, так, всухомятку, обхожусь.

Когда Кондрат начинал уже голосить, Агафон, чтобы его не слышать, вставал и уходил из избы.

И однажды, выйдя на улицу, удивлённо остановился. В округе-то, оказывается, весна в полную силу властвует: речушка взбухла и разломала лёд, на солнечных пригорках первая трава проклонулась, а воздух, стекая с горных вершин, обдаёт лицо теплом. Долго стоял, подняв голову в небо и закрыв глаза. Нежился, словно пребывал в сладком сне, и показалось ему в эту минуту, что вот тронется он сейчас с места, дойдёт до своей избы, а там, как прежде: Ульяна хлопочет, ребятишки кричат и носятся возле крыльца... Сорвался, побежал, но по дороге одумался и сам себя окоротил: мёртвых с кладбища не носят, мёртвые в земле лежат.

Добрёл до крыльца, сел на верхнюю ступеньку, нагретую солнцем, и неожиданно для самого себя заплакал. Ни одной слезинки не уронил, когда сгинули ребятишки, Ульяну в могилу опускал — глаза сухими оставались, а в этот день, тёплый и ласковый, словно запруду прорвало — плакал, не стесняясь, в голос, и слёз не вытирал. Плакал, понимая, что не получится у него доброй, счастливой жизни, сломалась она безвозвратно и никогда уже больше не вернётся, как бы ни желал он этого. А виной всему — прошлые грехи. Висели на нём, как кандалы, накрепко заклёпанные умелым кузнецом. Как их снять, как от них избавиться? Впервые задумался об этом

Агафон, когда внезапно расплакался, сидя на крыльце возле своей пустой избы. Догадка эта, пришедшая ему столь же неожиданно, как и слёзы, заставила совсем по-иному взглянуть на прошлую и нынешнюю свою жизнь. Будто перекрасилась она разом в другие, непривычные для глаза цвета. И были они успокоительными для сердца, которое так больно стучало в последнее время.

На следующий день, самолично обойдя деревенскую улицу, Агафон созвал всех на общий сход. Стоял на крыльце, на котором вчера ещё плакал, смотрел на собравшихся людей, смотрел так, словно встретился с ними впервые, словно и не жил никогда рядом. Долго молчал, собираясь с духом, и кто-то из мужиков поторопил его:

— Долго стоять так будем, Агафон? Ноги-то у нас свои, не казённые, чего их зря мучить!

Но он всё равно не спешил. Пытался придумать слова, чтобы прозвучали они ясно и понятно, но слова рассыпались, как неумело сложенная поленница, и никак не желали выстраиваться по порядку. Наконец, он решился и сказал просто, даже не пытаясь чего-то объяснить или о чём-то рассказать. Понял в последний момент: что бы ни рассказал, как бы ни объяснял, всё равно его не поймут. Поэтому сказал так:

— Выбирайте себе нового старосту. А я отказываюсь.

Мужики зашумели, загомонили, но он их слушать даже не стал. Спустился с крыльца, прошёл ровно посередине, рассекая толпу, и двинулся вдоль по улице, направляясь к предгорью.

— Ты куда, Агафон? — донеслось ему в спину.

— В землю! — не оборачиваясь, крикнул он в ответ.

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

РОССИЯ СОЛОВЬИНАЯ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как дом в краю родном без мамы,
как без дороги жизнь моя,
без русской песни, как без храма,
Россия соловьиная...

Рыдает песня и прощает,
в глухой степи любовь хранит,
она и колыбель качает,
и сердце девичье знобит...

Какую тайну ты, Россия,
сумела в песне передать?
Простой напев, слова простые,
а слёзы трудно удержать...

Забыта или знаменита,
ты с нами, песня, навсегда,
как перед битвою молитва,
как над могилою звезда...

КРАСНИКОВ Геннадий Николаевич родился в 1951 году в г. Новотроицке Оренбургской области. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. В течение двадцати лет был редактором альманаха "Поэзия" вместе с Н. Старшиновым. Автор книг стихов: "Птичьи светофоры", "Пока вы любите...", "Крик", "Не убий!". В последнее время выступает в печати как переводчик, публицист, эссеист. Член Союза писателей России. Живёт в Подмосковье.

Не растерять бы в самом деле
от колыбели до конца —
как наши матери нам пели,
как любят русские сердца!..

* * *

В ночи неведомо куда
сквозь вечность нас ведёт дорога,
и, как слеза, дрожит звезда,
мерцающая на ресницах Бога...

И с вечностью глаза в глаза —
мы замкнуты в земных границах,
и, как звезда, дрожит слеза
у человека на ресницах.

* * *

Над бездной без ветрил и без руля
срываемся в раздрай всемирной смуты,
как крысы с тонущего корабля
бегут недели, дни, часы, минуты...

Смех Вавилонский, ржанье о грехах,
и новый век глядит в окно бесстрастно
с отрезанною головой в руках...
Мгновенье, сгинь! Исчезни. Ты — ужасно!..

Всё новых зрелищ требуют слепцы!
И страшный цирк распахнут к их услугам.
Там Смерть читает мрачные столбцы,
Конь Блед под хохот скачет круг за кругом!..

Но птицам здесь уже гнезда не вить,
последний час на мёртвом циферблате,
и некому ни помнить, ни любить,
и над землёю бедной зарыдаты...

* * *

Ещё он там, на прежнем месте,
ужасный тот Голгофский Крест,
Но мир уже разбужен вестью:
— Христос Воскрес,
Христос Воскрес!..

Себя за нас Принесший в жертву,
Кто на страданье предан был, —
Христос Воскрес, восстал из мертвых,
и нас из мертвых воскресил.

Встречают радостью нежданной
над смертью Жизни торжество
встречавшие Его “Осанной”
и гнавшие: “Распни Его!..”

Играет солнце и ликует,
Христосуется с нами Свет,
былинку каждую целует,
и мы целуемся в ответ.

Но — ликованьем осиянны —
мы помним, не скрывая слёз,
что от гвоздей земные раны
Спаситель наш с собой унёс.

* * *

Всё тяжелее жить, всё тяжелее плыть
и преодолевать холодных волн стремленье,
но “плыть или не плыть?”, но “быть или не быть” —
не спрашивай себя в печали и сомненье.

Покуда кровь стучит от сердца до виска,
покуда пальцев дрожь веслу передаётся,
ты всё-таки плыви, — пусть чёрная тоска
на дно тебя влечёт, —
плывущий да спасётся!

На утлом челноке ты вышел в океан,
и тяжесть всех веков легла тебе на плечи,
но знай, что вдалеке — по водам сквозь туман
уже идёт Господь плывущему навстречу.

ИГОРЬ КОЖУХОВ

РОДНАЯ ДУША

РАССКАЗЫ

СТАТЬЯ

Артём, двадцатипятилетний студент, наконец-то закончил институт. И, хотя ещё во время учебы он писал статьи в разные газеты, теперь встал вопрос о настоящей работе. Иван Силантьевич, главный редактор газеты, где его чаще всего печатали, просто и внятно сказал: “Вот неделя сроку, молодой человек. Вот командировка как начинающему специалисту, если сразишь репортажем наповал, беру. А если нет, возьму на полставки, пока не вырастешь”.

Всё было правильно. Артём решил уехать из города подальше, может, что и придёт в голову.

Деревня

Артём вышел из автобуса на мокрый асфальт и, дождавшись, когда развееется дым, вдохнул полной грудью. Влажный и свежий воздух раскрыл слежавшиеся лёгкие, от нескольких вдохов закружилась голова. Закрыв глаза, хотел сказать что-нибудь возвышенное, но ничего не вспомнил. Пришло на ум только глупое: “Лепота...”

Парень стоял на обочине дороги перед синей табличкой с надписью: “Деревня Задел”. Почти за четыреста вёрст от областного центра.

КОЖУХОВ Игорь Александрович родился в 1967 году в с. Береговое Новосибирской области, где и проживает. Публиковался в журналах “Союз писателей”, “Сибирские огни” и др. Член Союза писателей России, член Петровской Академии наук и искусств. Победитель первого конкурса имени П. П. Дедова в 2014 году и диплом III степени в 2015 году. Автор книг “Булемина любовь”, “Последняя коммуна”, “Когда взойдёт солнце”. По рассказу “Мамка” снят короткометражный художественный фильм.

Начало дороги было насыпано щебёнкой, дальше — среднерусский чернозём.

С новым вздохом, надломив неуверенность, Артём быстро пошёл навстречу, как был почти уверен, судьбе. Дорога не разбита, следовательно, техника здесь бывает редко. Наверняка, был совхоз или колхоз, но распался, сейчас дворов тридцать, а то и меньше. Шёл быстро, то мечтая о славе, то боясь неудачи, то напевая в такт шагам песни, то читая стихи. Дорога, сделав плавный полукруг, спрятала за лесом трассу, сузилась до двойной колеи. Лес приблизился и навис тяжёлыми кронами над дорогой, а сама дорога, уйдя в сторону от основной, только не накатанной, а значит, брошенной, приобретала просто сказочный вид. Он всё больше радовался, что сошёл именно здесь, почему-то уверяясь в будущей удаче. И, когда лес с дорогой вдруг оборвались большим лугом к деревне и реке, от неожиданности и радости закричал что было мочи. Сказка, действительно сказка!

До небольшой реки было с километр, деревня начиналась метров на триста ближе и располагалась будто в большой ложбине. Насчитал почти сорок дворов и пошёл к самому большому, догадываясь, что это магазин.

На входе, обозначенном двумя толстыми столбами-воротами, его облаяли похоже друг на друга собаки. Поняв, что вреда им не принесут, снова завалились в пыль, набивая ею шерсть и затрудняя жизнь блохам. Деревня, на удивление, была не пустая. Почти за каждым палисадом видны бабы и мужики, работающие в своих огородах. Стайка голоногих пацанов на велосипедах, юноша на неизвестной технике с двигателем внутреннего сгорания и, конечно же, красивенькие, живые девчухи в сарафанах и сандалиях. Он сразу решил: “Деревня а-ля прошлый век”.

Магазин был закрыт на обед, зато в стороне — ларёк, небольшой, но ухоженный, с открытым окном. В ларьке приятная женщина лет тридцати—тридцати пяти, с яркими губами, тонкими подкрашенными ресницами и с чёрными вдруг ногтями.

“Ба! Да здесь тоже телевизор смотрят!” — мелькнуло в голове парня.

Женщина, выказав интерес, грудным, мягким голосом почти пропела:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! У вас здесь, как в сказке, красиво. Прямо сердце радуется!

— Это вы правильно заметили, красиво. Жить только не совсем просто, но народ старается. А вы, собственно, зачем к нам?

Артём решил себя не выдавать, сказал, что просто в отпуске, путешествует.

— Везёт, — сделала вывод женщина, уютно пошевелив плечиком и улыбнувшись, — а то оставайтесь. У нас пустые дома есть, живите. И невесту найдём.

Она пристально посмотрела в глаза незнакомцу, теребя рукой ляпочку на голом плече, задевая пальчиком мочку уха и завиток волос.

— Не пожалеете!

— Хорошо, только где переночевать можно?

— Да хоть у матери моей, возле речки домик стоит, красивый, с башенкой. Давайте, покажу, — и она, повернувшись к нему вполоборота и немного наклонив голову, рукой показала направление.

— А там спросишь бабу Лиду, не обманут, — легонько толкнула в спину. — Если понравится, может, вечером встретимся, — и улыбнулась, уверенная, что ему понравится.

Баба Лида

Баба Лида была совсем не старой. Плотная, аппетитная женщина, сразу располагающая к себе. Улыбнувшись красиво и открыто, по-мужски протянула руку.

— Дочь послала? Что ж, хорошо, комната есть. Надолго?

— Да на недельку, может, больше, если понравится. Хочу хорошо отдохнуть, выспаться. Специально уехал подальше, где и телефон не берёт,

чтобы забыть всё и всех. Походить, помечтать, полюбоваться вашими красотою. Ещё хочу на людей посмотреть, может, пригодится что в работе.

Она посмотрела внимательно на гостя и, улыбувшись, спросила:

— Не жену ищешь? Говорят, сейчас модно из деревень далёких неизбалованных брать для жизни... А то горожане всё больше для форсу.

Он засмеялся.

— Нет, жениться мне ещё рано! Для себя надо пожить.

— Да ну вас, для себя, себе, о себе... А потом не знаете, куда деваться... Хватит разговаривать, пойдём, покажу комнату.

Она пошла впереди, уверенно ступая и плавно отводя руку.

Ночью, вкусно накормленный, долго лежал, глядя в белый потолок. За ужином много разговаривали с тётёй Лидой. Узнал много интересного о местной жизни, о людях и судьбах.

— А дочка моя, Оленька, красивая и добрая, хорошей могла бы быть женой. Вот только не повезло ей в жизни, — тётя Лида погрустнела, стараясь улыбкой скрыть настроение, но на его вопрос уклончиво ответила: — Ладно, давай, улаживайся. Если поживёшь недельку, всё узнаешь, не торопись.

...Жизнь! А что я о ней знаю, думал Артём, родившийся и выросший почти без проблем и забот. Девяностые, когда всё вставало, падало и снова вставало, были для него ещё не осознанными. И боязнь родителей за его жизнь казалась тогда чрезмерной и утомительной. Это сейчас, узнав все беды и испытания, выпавшие в то время на плечи отцов и матерей, он почти всё понимал. Но, наверное, не так остро...

Он вдруг подумал об Ольге. Что же она не пришла? Красивая и уверенная, с ясными, блестящими глазами, с лёгкой, почти детской, понятной улыбкой. И с запахом уютной женщины, который засел в его сознании.

“Я ей скажу, что она красивая... Или очень красивая...” — засыпая, он был уверен, что этого ей никто не говорил.

День

Пробудился Артём поздно. В недоумении долго смотрел на листья черёмухи и не мог понять, откуда на шестом этаже черёмуха. Пришёл в себя от голоса, как сначала показалось, тётки Лиды, но это был голос Ольги. То же спокойствие и с лёгкой иронией красивое, чуть тягучее:

— Со-о-ня, — она приоткрыла дверь и посмотрела, улыбаясь, ослепляя свежестью и чистотой. — Как спалось, неожиданный гость? Что снилось?

— Хорошо, очень! А снилась ты... — сказал он и застеснялся: она ведь явно старше лет на десять, мелькнуло в голове.

Но Ольга вдруг, успокаивая, засмеялась и, сверкая зубами, задорно проговорила:

— Считово, сон в руку. А сейчас вставай, умойся и айда завтракать на веранду.

Гость быстро вскочил и, немного рисуясь мышцами, надел джинсы.

— Можно рубаху не надевать, хочу по пояс водой холодной, а?

Она игриво махнула рукой.

— Давай, по-военному, семь минут.

Он скользнул мимо, вдохнув украдкой аромат весны, идущий от неё, и побежал в сторону реки. Берег, немного с камышом и со следами жизни крупного рогатого скота, плавно уходил в тихо струившуюся воду. Разделся и потихоньку, зайдя в воду по пояс, оттолкнулся от берега и поплыл. Ближе к середине течение было довольно сильное, и, немножко поборовшись с ним, вернулся назад. Выйдя, размялся, присел и, несколько раз отжавшись, пошёл обратно.

Деревня уже жила своей полновесной жизнью. Совершенно ясно, что здесь есть какое-то производство. На лошади проехал мужик, с тяпками прошла кучка женщин, за деревней видны тракторы. Но как-то всё не по-настоящему, неторопливо, и коровы чёрными жуками пасутся вдалеке на берегу. Артём понял, что почти всё проспал, по крайней мере, утреннюю деревенскую побудку.

Они постояльца уже ждали, очень похожие дочь и мать. Парень сел и, маскируя смущение, громко поздоровался.

— Да не кричи, родной, все же свои, — тётя Лида, не спрашивая, налила в большую кружку молока. — Чай мы не приветствуем, молоко — вот мужицкое питьё!

Он кивнул, стараясь успокоиться, стал с аппетитом есть. Всё было красиво и вкусно. И тёплые шанежки со сметаной, и печёная булочка, покрытая вареньем, которую тётя Лида называла почему-то “коврижка”.

Поднял глаза на хозяйек. Старшая улыбается, а Ольга смотрит внимательно и оценивающе. Правая ладонь под щекой, левая указательным пальцем ездит по краю пустого стакана:

— Так что ты хотел здесь найти, милый?

Его глупое волнение и так не отпускало, а здесь вообще заволновался.

“Что ж такое? Ольга меня прям завораживает!” — он собрался с мыслями и, стараясь быть спокойным, всё объяснил.

— Мне нужно найти нечто яркое, нетривиальное, выдающееся, написать об этом, и тогда меня возьмут на хорошую работу.

— А странное можно?

— И странное можно, только ничего странного уже в мире нет. Обо всём сказано.

— А вот и нет, — Ольга по-школьному подняла руку. — Я знаю странное!

— Расскажи!

— Я тебе суть расскажу, а уж ты сам потом подумай. Есть у нас в деревне дед Саня, живёт один. Только каждую субботу с утра растопляет он баню, в магазине покупает бутылку водки, а потом целый день стоит у забора один, до вечера. Вечером парится в бане, приходит домой и... всё.

— Что же здесь странного?

— А я не знаю, может, и ничего, вот ты и узнай. Тем более сегодня суббота, его день. Пойдём со мной, поможешь мне ларёк открыть, а я тебе его покажу, когда за водкой придёт.

— Так вдруг не придёт? — засомневался Артём.

— Придёт, обязательно. Это повторяется уже третий год.

Парень не увидел ничего странного, но предложение помочь сыграло главную роль. Они пошли.

Женщина взяла Артёма под руку, как-то незаметно подстроилась под его шаг, и идти с ней было легко и просто.

— Ты, получается, коммерсант местный? — он не знал, как начать разговор, но понимал, что надо что-то говорить.

— Можно и так сказать, только коммерсант так себе. У нас здесь народ не слишком денежный. В основном все на подножном корме живут. Зарабатывают маленько только у фермера местного Миши. Батрачат на него и ещё спасибо говорят. Кто недоволен — тот свободен. Поэтому довольны все...

Пришли. Её ларёк стоял напротив магазина.

— Конкуренция не давит?

— Нет, нормально. Мне хватает.

Она открыла широкие заставы на окнах, метлой подмела перед ларьком и, иронично вздохнув, сказала:

— Вот и всё, теперь ждать.

Он сел в ларьке за прилавок и, не зная, что делать, задавал вопросы. Всякие глупости безразличные, и незаметно добрался до личного:

— Оля, прости, а почему одна?

Словно ожидая этого вопроса, она, внимательно посмотрев парню в глаза, наклонилась, показывая ровные груди в разрезе платья, и приблизила своё лицо к нему.

— Потому. Если хочешь знать, потерпи. Узнаешь.

И, улыбувшись, пальчиком тихонько задела кончик носа. Поймав её за руку, поднялся, оказавшись лицом к лицу. Она смотрела ему в глаза, не пытаясь освободить руку, но подождав несколько секунд, вздохнув, отошла к окну.

— А вон и дед Саня, — прерывая неудобное молчание, кивком показала в окно.

Это был просто пожилой человек: седой, невысокий, даже больше крижистый, неторопливый, явно уверенный в себе. Простая светлая рубашка с узким воротом и длинными рукавами. Широкие серые штаны, заправленные в короткие яловые сапоги.

Дед подошёл к магазину, остановился, внимательно посмотрел в сторону Ольгиного ларька, кивком поздоровался.

— Он же нас не видит, — сумничал парень.

— Не видит, но знает, что я смотрю.

Через пять минут он вышел из магазина с авоськой, в которой лежали булка хлеба, пакет сахара или соли и бутылка водки.

Вечер

У него топились баня, бело дымя чистым берёзовым дымом, блестело окно на дороге, и сам он, как обычно, уже сидел у калитки. Когда Артём с тётёй Лидой подошли к его ограде, он привстал, цыкнув на маленькую собачонку, которая их облаяла.

— Не шуми, Валгуз. Давай людей послушаем.

Он поздоровался, кивнув женщине и пожав руку парню.

— Саня, позволь моему постояльцу в баньке твоей попариться. Нам свою топить сегодня несподручно, а ему с дороги надо обмыться.

— Пускай идёт, пару не жалко, да и вода не куплена.

Дед ещё раз посмотрел мимо них в конец улицы, вздохнув, встал и направился в дом. Артём — за ним, тётя Лида — домой.

Дед разлаписто шёл впереди, разводя полукруг левой рукой и, не останавливаясь, легко заскочил на крыльцо из пяти ступенек. В доме обдало прохладой.

— По жаре так лучше, спится спокойней и голове легче.

Он сел, показав ему рукой на лавку у окна, и несколько минут молчал.

— Жар терпишь? — вопрос был с нескрываемой иронией.

— Да, люблю. У меня самого старики в деревне, так у них банька хороша.

— Хороша, говоришь? А ну, айда мою ценить!

Разделись в предбаннике. Артёма поразило тело деда. Иногда ходишь по лесу и встречаешь такие деревья, невысокие, но дико крепкие, словно витые вокруг ствола верёвками. Вот так и у него. По костям под кожей наплетены мышцы, а по мышцам, как связующие верёвки, — жилы.

Когда разделся, Артём даже растерялся от контраста. Ведь никогда он не был слабым, любил спорт и даже занимался в институте боксом, но... По деду можно было просто читать его жизнь, где каждая удача, добытая тяжёлым трудом, вплетала в тело победную мышцу, а тяжесть этого труда, порой беспощадного и единственно возможного, — упрямую стальную жилу. Однако дед, посмотрев на гостя, одобрительно хмыкнул и, хлопнув по плечу, сказал:

— Молодец.

Он явно понимал, что парень, как обитатель “каменных джунглей”, должен тратить больше времени только на то, чтобы быть похожим на мужчину.

— Пару боишься?

И хотя вопрос был прост и конкретен, он, понадеявшись на свой городской банно-саунный опыт, слукавил:

— Нет.

После предбанника парилка показалась маленькой и очень компактной. И, хотя слишком жарко не было, Артём понял: жарко будет. Веник лежал в глубоком железном тазу, в чуть зеленоватой, настоявшейся воде, а сверху плавали листочки, словно островки камыша в лесном озере. Баня натомилась.

Это сейчас всё чаще молодые да скорые могут затопить баню после работы и через час-два уже мыться. И всё больше именно поэтому не чувствуют всей прелести банного тепла, прогревающего человека насквозь, до костей, до расслабляющей все мышцы истомы. И не понять молодому, нахлеставши

себя “холодного” веником, того блаженства и радости, которую испытывает по-настоящему прогретый и правильно пропаренный человек, упавший в предбаннике без сил на лавку. Не понять, ибо в спешке своей теряет он, непротомлённый до нутра, единство с сутью бани. В сыром пару, лишь обжигающем кожу, не очистишь душу и тело.

У деда баня была настоящая. Он не спеша вынул веник из таза, легонько похлопал по руке, хмыкнул и сказал себе понятную оценку:

— Дошёл!

Артём уселся на верхний полок поглубже, спиной к осиновым стенам, и сразу почувствовал тепло бревна и полка, именно тепло, а не обжигающий накал. Дед взял железный, с деревянной ручкой ковш и, ещё раз взглянув, спросил:

— Готов?

Компаньон мотнул головой. Дед подчерпнул полковничка настоя и плеснул на камни. В бане ухнуло! Вода, казалось, не долетела до камней, а испарилась над ними. В тело ударил жар, пугающе горячий, но быстро отступивший, превратившийся просто в жаркую, ароматную массу. Уши зажгло, парень закрыл их руками и машинально нагнул голову.

— Не суетись, милоч, отступит. Грейся и дыши ртом, нутро тоже тепло любит, — дед навалился на деревянную подставку на полке и закрыл глаза, с шумом вдыхая полной грудью тепло, заполнившее пространство. Минут через пять он приветал и, уже не спрашивая, плеснул ещё полковша. И хотя казалось, что тело привыкло, уши снова вспыхнули, и гость опять, закрыв их, наклонился.

— Вот, возьми, шапку надень, а то облезут.

Артём напялил на себя треух и поинтересовался:

— А ты?

— А мне не надо, я так привычный. Шапку на случай держу, вишь, пригодилась. — Дед снова шумно задыхался.

Так продолжалось ещё минут десять. С каждой поддачей “новичок” наклонился всё ниже и ниже и, наконец, сполз с полка на лавку, не задыхаясь, нет, а прокалившись насквозь. Видя такое состояние, дед спрыгнул:

— Пойдём, отдышимся.

Парень еле выполз. Казалось, что он летит на ковре-самолёте, то падая вниз с замиранием сердца, то взлетая вверх, а сердце, наоборот, заходится в бешеном ритме.

Хозяин налил ковш кваса и, как больному, поднёс гостю. С жадностью выпив, парень снова упал, закрыв глаза. Через минуту покрылся мелким бисером пота, как после дождя.

“Наверное, всё внутри раскалилось, квас даже до желудка не дошёл”, — думал Артём, не чувствуя мышц.

Дед, сидя напротив, с улыбкой повторил:

— Молодец.

Через несколько минут он поднялся и говорит:

— Ну что, пойдём?

Парень не понял.

— Куда?

— Париться!

— Так, а что мы делали?

— Мышцы прогревали, — он смотрел иронично и лукаво, — а сейчас будем душу прогревать веником. Лихо из неё выгонять, чистить, так сказать. Вот потом ты всё и почувствуешь.

— Можно, я попозже?

И дед, засмеявшись, согласился.

Что было дальше, “новичок” не видел. Но в парилке ухала каменка, свистел веник и кричал дед:

— А вот так, а вот сюда, а вот ещё чуть-чуть...

И снова ухала каменка и свистел веник.

— Да не может быть, — Артём поднялся минут через десять, думая, что старый наверняка хлещет полком, смеясь над ним, и открыл дверь.

В лицо ударил теперь уже, действительно, жар, словно горячей вспышкой. Дед сидел на полке и, хлеща себя веником, прокричал:

— Не выстуживай, заходи быстрее!

Парень, обалдевший от увиденного и почувствованного, крикнул внутрь этого горна:

— Нет, хорош! Я пас, — и выпал из бани теперь уже на улицу.

День подбирался. Солнце зашло за край деревни и светило теперь оттуда вверх, а сам горизонт давал уже прохладную тень, ласковую и успокаивающую. Дед сидел напротив Артёма, чистый и побритый, по-старинному в мужских хлопчатобумажных кальсонах, с подтянутым веревочкой животом. Парень уже долго отдыхал в сених на вмятом диване, дед много меньше, но восстановился он явно быстрее. Непонятно, закалка это старая или привычка, но Артём первый раз в жизни видел такого пожилого человека, так парившегося в бане и сохраняющего при этом ясность во всём.

— Ну что, теперь ужин, — он подмигнул и сильно и сухо, но без замаха, хлопнул в ладоши.

Дед сам накрыл на стол. Артём вызвался помочь, но старик не позволил. Получилось, что пришлось просто сидеть и наблюдать. Хозяин пронёс мимо кастрюлю, из которой парило, слазил в погребок, открыв незаметную дверцу в кухне под лоскутным, ручного плетения ковриком или, скорее, ковром. От дыры по ногам пронесло прохладой, а в нос ударил далёкий, ностальгический запах детства, запах бабушкиного деревенского погреба, который она ласково называла “голец”. Дед ещё несколько минут поколдовал и пригласил к столу.

Артём не ожидал! При взгляде на стол у него возникла куча реплик, самой скромной из которых была: “Гениально!”

В центре на широкой тарелке парила крупная, чуть распадающаяся картошка. Вокруг — непредсказуемо живописно — солонина! В цветастой тарелочке наложены пирамидкой присыпанные крошенным луком и приваленные, именно приваленные густой сметаной, лениво сползающей в тарелку, чуть лохматые и ровные, как один, грузди! По другую сторону уже в небольшой, немного меньше половины тазика, железной тарелке — красивые, чуть пупырчатые огурцы с прилипшими к ним листьями смородины и хрена. И на них же наложенные в полкулака, ровные, тёмно-розовые, наполненные соком помидоры. На широкой деревянной доске толсто, в два пальца, нарезанное сало с мясной, в полсантиметра, полоской, с каплями подвальных “слёз”. В плетёной старинной соломенной вазочке с одной стороны — полумесяцы чёрного, с другой — кубики белого хлеба. Около сала — ровная половинка луковицы. Завершала картину запотевшая бутылка водки с содранной этикеткой.

Парень сглотнул слюну и спросил совершенно без интереса:

— Послушай, деда, а что, свежего-то ничего нет? У тебя же полный огород всего.

Дед, махнув рукой, с обидой спросил:

— А это кому? Да и кто водку свежим закусывает, это что, квас на хрену?

Артём, понимая, насколько хозяин прав, уже пристраивался на высокий стул. Дед сел напротив. Он внимательно, чуть прищурился, посмотрел на гостя и непонятно спросил:

— По половину? — и, увидев в глазах вопрос, улыбнувшись, показал на стакан.

Артём с готовностью согласился, накладывая парящий картофель и давая его ложкой, пытаясь размешать со сметаной. Но не тут-то было! Сметана, как кусок белого масла, прочно держалась на ложке, немного стекая на горячий картофель.

— Ты не мешай, ешь вприкус.

Дед подал полстакана водки и, приподняв свой стакан над столом, просто сказал:

— С лёгким паром! — не закрывая глаз, неторопливо выпил и, уколоч вилкой лохматый груздь, откусил меньше половины.

Артём тоже вышел. Не по-мальчишески, бравирюя и хыкнув, залпом, а стараясь неторопливо, как бы с толком. Непривычный для него алкоголь обжёг гортань и сразу желудок, поэтому стал быстро есть. Сочетание горячего картофеля, вкуснейшей, хрустящей на все лады солонины, холодного ароматного сала и вдобавок совсем не кислой, а масляной сметаны вызывало вполне определённый, обоснованный восторг. Парень ел всё подряд, повинуюсь только зрению.

Наконец, сбив первый азарт голода и запив немного рассолом, поднял глаза на деда. Он внимательно смотрел и по-хорошему изрёк:

— Молодец.

Налил ещё по половине гранёных и опять, подняв над столом, сказал:

— За жисть!

Кивнув, уже не смотря на него, Артём вышел, непроизвольно передёрнувшись, как от холода.

Теперь он уже ел со вкусом. Например, огурец, надкушенный чуть не наполовину, заполнял рот терпко-солёной свежестью, а опухший помидор, легонько надкушенный сбоку, сладковато-кисловатой пряностью с чуть бьющей в нос горчинкой.

Дед ел мало и улыбался, радуясь аппетиту гостя. Артём, оторвавшись от еды, откинулся на спинку стула.

— Знаешь, дедусь, вот сейчас понимаю, насколько вы счастливее здесь, со своей настоящей едой, которую делаете сами, с совершенно нерешаемыми трудностями, которые решаете, с болезнями почти не излечимыми, но с которыми вы упрямо живёте! Насколько вы счастливее нас, всего лишь с одной нашей городской суетой. Всего лишь с суетой, не говоря о других трудностях.

— А не суетиться нельзя?

— Вот нельзя, хоть верь, хоть нет, затягивает, не отпускает. Потом уже и не думаешь, смотришь — бежишь вприпрыжку за трамваем; не хочешь, а подталкиваешь впереди стоящего; даже не думал, а грызёшься с кем-то просто так! Спать падаешь и дела на завтра по очереди расставляешь, потом боишься, что всё за день не успеешь, и не спишь всю ночь. Утром встал и поскандал суетиться, чаще всего зря. Ведь всё терпит, остановись, осмотришься — но нет! Нельзя! А почему? Да потому, что все бегут...

Он замолчал, задохнувшись словами. Дед молча доразлил водку и, подняв снова первым, внятно сказал:

— Теперь давай за тех, кого нет... пока. Но которых надо ждать.

Артём не понял, но, уже не ощущая вкуса, выпил.

Разговор

Дед смотрел на парня и молчал. Какие-то свои мысли морщили его лоб и не давали сейчас покоя.

— Послушай, — он привстал над столом, — а как ты, как мужик?

Вот те на! Гость растерялся.

Дед рассмеялся:

— Ты мне нужен как настоящий мужик, с женщиной... Сможешь? — он стал вдруг угрюм и серьёзен, сжав добела кулак на скатерти, — с женщиной, чтобы родила она потом, понимаешь?

— Нет.

— Ну, и баран, — упрямая морщина пересекла переносицу, — ну-ка, садись, давай на руках.

— Интересно!

Артём — не самый слабый с курса, и на руках боролся часто. Поэтому, не боясь, сел и поставил со знанием дела свою руку напротив дедовой. Дед поставил свою, но она оказалась намного ниже. Не смущаясь, он подложил под локоть левую ладонь. Теперь нормально, кулаки почти вровень.

— Ну, тебе же трудней так, у меня же упор будет, у тебя нет, — Артём представлял, насколько трудней так бороться.

— А ты попробуй, потом умничай.

— Ну ладно.

Удобно сев, расставил ноги под столом, расправил плечи, левую руку положил на стол. Взявшись за ладонь, почувствовал сразу беспощадность и безысходность силы деда.

— Раз, два, три. Начинай!

Дед нарочито шевельнул рукой, парень напрягся и растерялся. Рука стояла мёртво, как вваренная сварщиком в стол труба. Артём ещё напрягся и, немножко задавливая правое плечо, попытался нажать сильнее. Дед спокойно, как пионер на уроке, смотрел на него со своей прямой рукой. Парень приослабил — дед не давит, парень нажимает — дед не шевелится.

— Всё? — глаза его хищно блеснули, витые мышцы чуть вздулись, и рука Артёма беспомощно упала, прижатая дедовой. — Как же так, — он сурово смотрел в упор, — ты что, руками не работаешь? Почему у тебя они как ватные?

Старик сидел напротив, облокотившись на стол и долго смотрел Артёму в глаза, пытаясь, наверное, узнать то, чего парень сам не знал.

— Я, дед, журналист. Быть стальным мне необязательно, мне писать надо правильно, — и уже громко, — в общем, говори, что хотел, и я пошёл спать.

— Хорошо, — дед привстал, открыл шкаф, достал начатую бутылку, — выпьешь?

— Нет.

— А я выпью, а следующую баню пропущу.

Он налил немного, выпил и заговорил.

— Понимаешь, сын у меня был, точнее есть. Фёдором зовут. Фёдор Александрович, — на глаза его накатились слёзы, — но ушёл он на вторую чеченскую и не вернулся. Не погиб, а просто не вернулся, где-то чем-то занят... — он замолчал, вытирая глаза скатертью.

Воспоминания и несомненная боль сразу сделали из него немощного старика, какого-то маленького и беспомощного.

— Он придёт, но мне-то скоро помирать, а внука нет. Нету! Кому всё оставлю? — он смотрел теперь опять в упор уже сухими глазами. — Не думай, я не дурак и не пьяный. Внук будет! У него осталась здесь девушка, она его любит до смерти. И поклялась ждать, сначала ему, а когда пришла бумага — мне, глупая. А теперь не хочет клятву нарушать, да оно и не с кем. Но я-то понимаю всё. Ещё пройдет немного времени, и она уже не сможет родить, а внук нужен. Помоги. А Фёдор придёт, я сам, если что, с ним поговорю... — он опять затрясся в плаче, стягивая со стола скатерть.

Артём, растерявшись, подошёл, взял бутылку и, налив, выпил.

— А она?

— Кто?

— Девушка?

— Я ей скажу, согласится. Ей самой надо. Ты пойми. Пойми, сделай и уйди. А остальное — наша забота.

Парень сел на диван, отвалился и закрыл глаза. Дед ещё долго сидел за столом, оперев голову на стальные свои руки и, вздыхая, молчал. Ночью, очнувшись от короткого сна, Артём собрался и, уже уходя, услышал в спину: “Помоги!”

Дойдя до тёти Лиды, он с удивлением спокойно открыл дверь и вошёл. Только пробираясь через кухню, “до звёзд” ударился об открытую дверь своей комнаты, за что был назван, как оказалось, не спавшей хозяйкой слонем. С трудом сдерживаясь, чтобы не закричать от боли, растирая уже опухшую бровь, скинул джинсы и нырнул под прохладное, но мягкое одеяло.

Ольга

“Ты куда лезешь? Куда лезешь?” — это они ему кричат оттуда.

Артём наклоняет голову и с короткого разбега в два-три шага бьёт головой в ворота. Бум — искры из глаз, бум — опять искры и боль... Ворота проламываются, и он падает лицом в прохладную лужу, умиряющую боль...

— Бедный, больно?

Артём открыл глаза, на лице — прохладное, мокрое полотенце и руки, незнакомые, но до слёз родные, легко плавающие по волосам. Он их ловит, останавливая на лице и, не зная, что сказать, прижимает к губам. Они замерли на секунды, оторвались от лица и...

— Поспи, ещё очень рано. Приду кормить тебя завтраком.

Лёгкий шорох, чуть скрипнули половицы, и... крепкий, спокойный сон.

Проснулся Артём совершенно выспавшимся. До хруста напряг мышцы, почувствовав заметную боль в правой руке: “Значит, не сон!”

Соскочил и, подойдя к старому, полукруглому зеркалу, увидел блудного юношу, с опухшей после гулянки физиономией и ярким, как говорил Жеглов, бланшем вдобавок к тёмной полосе на брови.

— Вот это распечатался, мог и убиться, если бы быстрее шёл, — пошутил парень и пошёл умываться.

Утренняя прохлада уже сменилась лёгким теплом. Солнце, совершенно не смущаясь, смотрело на землю ласково, по-матерински нежно. Пройдя через двор, Артём зашёл в открытую баню и, приоткрыв кран на печном баке, с удовольствием по поясу ополоснулся. Немного нагнувшись, чтобы не удариться ещё и в бане, вышел и столкнулся с Олей. Она ждала его с полотенцем в руках. Хотел взять, но она остановила и, кинув на плечи постояльцу, стала вытирать мягкими крыльями его лицо, волосы, грудь. Молча, но так просто и по-домашнему, как будто делала это всегда, уже долгое время. Опять, как и ночью, взяв её за руки, остановил, и теперь, глядя уже в глаза, целовал открытые тёплые ладони, с умилением и восторгом слушая чуть смущённый шёпот:

— Ах, не надо, прошу. Что ты? Не надо, — и закрывала глаза с трепещущими ресничками, немного прижималась волнующимся телом.

Непередаваемый восторг от этого, казалось бы, простого сближения, ещё не физическое, но уже и не платоническое влечение, не явное, но уже согласие захлестнуло и опьянило рассудок Артёма. Потянулся к её лицу и, уже чувствуя сладковатый запах губ, вдруг услышал звонко и громко:

— Молодые, завтракать!

Оля вздрогнула всем телом, отшагнула и, быстро отходя, вдруг сказала: — Вечером.

За столом было опять вкусно и красиво. Баба Лида, видя лицо Артёма, смеялась звонко, как деревенская пастушка, и комментировала увиденное, как знатный сатирик.

— А я думаю, что это? Кто бы с дедом в баню ни пошёл, того из бани еле выводят. Ведь это он их ковшом в лоб, ха-ха, ай да старый! Банного здоровья не хватает, так он банным ковшом дорабатывает! — и она, зажигая задором, весело смеялась.

Гость не оправдывался и ел молча, глядя исподлобья на гладко вытирающую из открытого сарафана Ольгину грудь. Она, заметя это, переставила к лицу маленькую вазочку с лохматыми, как бабочки, цветами и просидела так весь завтрак.

Потом она ушла на работу, а молодой журналист остался “на хозяйстве” с тётей Лидой, которая вдруг решила взять его в оборот. Оказалось, что коровы у них нет, потому что “двум бабам” трудно её прокормить, зато есть дойная коза, молоко которой меняется один к двум на коровье у соседей. Но стайка уже старая. Поэтому козу надо вывести на луг, а стайку к вечеру справиться. Сама же тётя Лида заниматься будет “бабским делом” — консервировать разные варенья. Парень был согласен, лишь бы день скорей прошёл. Получил молоток, топор — что-то среднее между колуном и плотнички-ким, — ножовку и гвозди.

Длинные доски лежали у сарая. Когда Артём зашёл в сарай, коза спокойно подняла голову от ведра с непонятными вкусами и, не переставая криворотом жевать, с презрением на него посмотрела.

Минуты две присматривались.

— Пойдёшь гулять? — спросил он.

— Мееет, — протянула коза.

— Пойдём, прошу, мне тебе надо ясли сделать, — и он, вытягивая руку и ласково чмокая, стал крадучись к ней подходить.

Коза, растопырив ноги, тянула морду, смешно морща нос. И когда его пальцы оказались около её челюсти, не больно, но быстро вдруг укусила. Парень вскрикнул от неожиданности, отскочив и ударившись о дверь, выпал на улицу.

На улице его встретил хохот наблюдавшей за происходящим тётки Лиды. Она смеялась долго и задорно, по-девчачьи отклоняясь назад и прижимая рукой живот.

— Ты что так прёшь?! Это же не девка, а коза, с ней хитро надо и спокойно. А на чмокание ты девиц подманивай глупых, деревенских... — и она смеялась.

В общем, “умную” козу она увела сама, и помощник приступил к делу.

Вспомнил дедовский сарай, собранный компактно и правильно, и, немножко подумав, сколотил довольно удобный и практичный загон, с отдельными яслями для сена. Вкусно и сытно накормленный, днём обедать он не захотел, и, только раз напившись молока, к вечеру всё закончил. Выйдя во двор, увидел уже пришедшую домой Ольгу, слушающую весёлый рассказ матери. И, когда они похоже засмеялись, понял — про него.

“Ну, и ладно, победителей не судят!” — пошёл мыться в подтопленную тёткой Лидой баню.

Думал об Ольге. В голове вертелось, что скажет она ему и что он ей ответит.

“...Или лучше вынесу из пожара, который случится почему-то, вынесу мать, её и... Нет, лучше сначала её, потом мать, и до кучи — козу! Но все останутся живы, здоровы и счастливы. Потом ещё построю им дом, красивый, с огромной мансардой, и все вокруг будут восхищаться домом! Нет, лучше мной, мастером!” — Артём поймал себя на мысли, что улыбается, как дитя, щупая рукой опухший лоб.

Потом встал, чуть согнув шею из-за низкого потолка, втянул живот и, приподняв локти, напряг мышцы: “Ничего, пойдёт!”

Вытерся и, натянув джинсы, пошёл в дом.

Ольга сидела за собранным на ужин столом, матери не было. Видя немой вопрос, объяснила, что ушла проведать сватью.

Сел за стол, чувствуя, как ходуном ходят руки. Что же это? Он приподнял плечи и посмотрел на Ольгу. Она сидела напротив. Красивое, простое лицо, тёмные глаза с чистым блеском, смотрящие вглубь, чувственный рот с чуть полными губами, улыбающимися маняще и лукаво.

— Красивая?

— Что?

— Не что, а кто! Я?

— Ты... Да. Очень красивая. Очень-очень!

— Дак почему молчишь, не скажешь?

— Говорю... — юноша потерял от волнения голос и последние слова уже шептал.

— Ну-ну. Мало вас, кто сказать может. Очень мало. Что-то думаете, мучаетесь. А от вас ждут слова, одного или лучше трёх. И всё бы вставало на место. Но вы мучаетесь и мучаете, потом уходите, а вас любят... — она плавно обошла стол и, присев на его край, тёплой рукой подняла лицо парня вверх. — Ау, тут вам женщина в любви объясняется.

Артём вскочил и, схватив её со стола, стал целовать, стораая от желания. Ольга обняла его скрещенными руками и целовала глубоко и искусно, успешная говорить тихо и понатно:

— Пойдём ко мне, мать не придёт, я просила. Только ты и я.

Увидев его состояние, она разделась сама и, ослепительная в женской, истомлённой желанием красоте, помогала, смеясь, ему. И когда тела их прикоснулись, а руки её прижали парня к себе, он с содроганием простонал...

Ничего не получилось. Артём чуть не заплакал от стыда и обиды. Но она, гораздо умнее и лучше, чем он думал, держала его крепко и успокаивала:

— Всё хорошо, милый, хорошо! Эта слабость сильного мужчины, всё сейчас будет, всё... всё...

Он поднял её на руки, а она, как-то удобно подогнув ноги, повисла на нём, он нёс её по комнате и целовал запрокинутое лицо. Потом упали в расправленную большую кровать. Ему казалось, что побелели от зависти и без того белые простыни. Её тело, тело созревшей женщины, с чуть широкими бедрами, впалым животом и крепкими, полными жизни, грудями, и плавная шея с голубенькой жилкой, и лицо, вдруг навсегда любимое, и губы, побледневшие от желания и страсти... И сила его, желание и страсть были именно такими, как хотела она. Вместе с непередаваемым чувством он потерял ощущение времени... Затем, опомнившись, не в силах найти слов, просто выдохнул, не зная ничего более существенного:

— Я люблю тебя, Оля!

Болезнь

Артём проснулся больным. Эта ночь впервые в жизни по-настоящему прирастила его к женщине. Ольга ничего не говорила, но с каждым движением, жестом, вздохом, стоном и, конечно, взглядом, бесповоротно забирала его... Когда она сказала, что нужно идти в свою комнату, он растерялся.

— Оля, волшебная, я хочу остаться с тобой навсегда, и здесь, и там, везде. Хочу, чтобы ты была моей, женой, любимой, единственной... — ему вдруг захотелось плакать от обиды, боясь, что она не понимает.

Но нет.

— Артём, — отвыкший от своего имени, он вздрогнул, — давай не сразу всё, давай подумаем, — она встала, светясь в проёме окна бледным светом, накинула через голову ночнушку и, взмахнув волосами, повторила:

— До завтра.

Парень ушёл к себе, не найдя нужных слов и страдая от этого...

Утром он встал, умылся, не глядя на тётю Лиду, позавтракал и ушёл на берег. Ручка и тетрадка, взятые с собой, опять не понадобились. Целый день, с часовыми промежутками, ходил около центра деревни и, не выходя на открытое место, наблюдал за её ларьком, болезненно волнуясь, когда туда заходил покупатель-мужчина.

Ближе к вечеру его терпение лопнуло и, быстро пройдя через небольшую площадь, он зашёл к ней и прижал дверь спиной. Она подняла глаза и, оторвавшись от бухгалтерии, подошла и поцеловала, долго и глубоко, закрыв глаза и сжав его волосы и уши. Посмотрев в лицо, сказала:

— Ночью приду. Через окно. Жди...

Он вышел на подкошенных ногах и почти бежал домой, ругая себя за плохие мысли.

Дни потеряли смысл. Влюблённый жил ночами, думал о ночах и ждал их, как праздника. Она приходила, и забывалось всё, переворачивалось с ног на голову, а мысли принадлежали только ей...

Время, данное Артёму Иваном Силантьевичем, давно вышло. Он написал телеграмму и отправил с почты. В ней наврал с три короба о гениальных работах и статьях, которые пишет в этой глуши. Ответ был исчерпывающе лаконичным: “Ну-ну. Жду. И. С.”

Предназначение

Однажды утром Артём, почувствовав на себе чей-то взгляд, с трудом разорвал сон и, открыв глаза, обалдел. Напротив на табуретке сидел дед Саня, с улыбкой и вниманием глядя на парня.

— Дошёл! Вот ведь жизнь деревенская, трудная. И с лица схуднул, и потемнел что-то. Не хвораешь?

— Нет. Всё хорошо. — Артём сел на кровати и, подобрав ноги, спросил, зачем тот пришёл.

Дед, ещё сильнее улыбаясь, махнул рукой.

— Да ладно, что там. В общем, хорош. Ты свою миссию, так сказать, выполнил. У неё всё получилось, и теперь тебе пора уезжать.

— Что получилось, у кого?

— Как у кого? Помнишь наш разговор? Это про Олю, про нашу, мою Олю.

Улыбка сошла у деда с лица, и неровная краснота полезла с небритых щёк на лицо.

Бессонницы последних ночей, постоянные нервные мысли об Ольге, просто моральная усталость сразу и резко дали о себе знать. В груди нудно задало, противно застучало в висках. Он откинулся на стену и, еле сдерживая гнев, сказал:

— Уйди, дед. Она придёт, и всё решим. Уйди, прошу...

Дед, расковрячившись, повернулся и, сжимая кулаки, ещё раз сказал:

— У неё есть жених, он скоро придёт. Помни наперёд... — резко развернулся и, легко протопав по комнате, вышел.

Память?

Почти сразу пришла Ольга. Она села перед ним, как перед больным, и, улыбнувшись, сказала:

— Дед Саня к тебе послал. Говорит, разговор у тебя есть.

Он, еле сдерживаясь, чтобы не упасть перед ней на колени, кивнул.

— Нет, разговор у тебя. Я слушаю.

Она сжала коленями сложенные вместе ладони и, не смотря на него, заговорила:

— Мне было двадцать, когда мы встретились. Ему двадцать пять. Он молодой военный, лейтенант. Любовь утопила нас, но он уехал по распределению, обещав приехать за мной. Только началась война, и его судьба — защищать родину — победила судьбу любить девушку. Но он всё равно вернулся. Раненый герой, отпущенный домой на побывку. Счастью не было конца. Федя носил меня на руках ночи напролёт, он читал мне стихи великих поэтов, он любил меня, заставляя забывать всё. А я ходила за ним тенью, болела его ранами и читала молитвы над его головой. Я жила только им, ни о чём больше не думая. Но раны его затянулись, руки окрепли, и он снова пошёл. Пошёл на вторую войну, которая, как говорили, уже не страшная. Я поклялась жизнью ждать его, повесив на грудь ему свой крестик. И он ушёл. Потом пришло одно письмо, а потом бумажка, что он пропал. Нет его ни живого, ни мёртвого. И уже почти четыре года!

— А я?! — вдруг громко вырвалось у Артёма из горла, как будто крик проснувшейся голодной вороны.

— А ты, — она подумала, — ты хороший и красивый. Только я тебя не люблю. Я его люблю. И когда твои руки обнимали меня — это были его руки. И губы — это его губы. И имя твоё — чужое мне...

— Так для чего же всё? — он закричал, как больной, с визгом.

— Ты знаешь. Дед сказал. Только не допрашивай меня больше, и останешься в памяти моей настоящим, честным человеком. Как дед говорит — мужиком. — Ольга встала, подойдя, знакомо поцеловала прямо в губы. — Уезжай, пожалуйста...

...Он ушёл утром. Ранний сентябрьский день, не торопясь, будил лес. Тяжёлые мохнатые сосны встречали солнце спокойно и мудро. Озябшие, боязливые осинки трепетали успешными уже ярко пожелтеть и даже покраснеть тонкими листиками. Тяжёлые красавицы берёзы как бы вздыхали, покачивая сверху вниз тоже уже не зелёными, прогнутыми ветками. Блудливая кукушка ни с того ни с сего начала торопливо считать года, но суетливый дятел, забарабанив в сухой ствол, сбил её после пяти.

— Вот смотри ты — оголодал! — цыкнул на него Артём и последний раз обернулся на затянутую туманом деревню.

Извещение

“...Ваш сын, гвардии капитан Степняк Фёдор Александрович, 9 августа 2000 года при боевых действиях по уничтожению незаконных бандформирований под селением Сержень-Юрт Аргунского ущелья пропал без вести...”

Свидетельство о рождении:

“Степняк Фёдор Фёдорович
Родился 9 июня 2005 года
Деревня Задел, N-го района
Мать: Степняк Ольга Ивановна
Отец: Степняк Фёдор Александрович”.

РОДНАЯ ДУША

Скорый осенний, конца октября, день торопит хозяев с управой, хотя понятно, что, если дашь корове корма на ночь рано, она его к полуночи и съест. Значит, ни свет ни заря уже базлает в голос: оголодала! Но очень не хочется мужику лазить по темноте вокруг сараев, поэтому сдвигает умный хозяин постепенно время управы на более раннее. А в пять утра засветит одну лампочку, подвинет по длинным яслям надёрганное из большого зарода с вечера сено и бежит в тёплую хату докемарить часок вдогон.

Вот и Иван Сергеевич, торопливый, негромоздкий, потому немного сутеный мужик, управлял своё хозяйство по раннему, осенне-зимнему времени. Живущий теперь один в своём, а ранее отцовском доме, хозяйничая, он разговаривал вроде сам с собой, но нет: со всеми, кто слышит. Сейчас он негромко говорил с коровой, которая стояла, насколько позволяла привязь, в стороне и смотрела огромными чёрными глазами именно на хозяина.

— Вот и я про то... Время попутали, теперь с полудня ночь... не в моих силах поперёк делать... Продаваю же тебя, как и летом, в одно время, так что молчи уж, без тебя тошно! — ворчал хозяин.

Молчаливая и без того корова хлопала большими ресницами, борясь с желанием вылизать хозяйскую “управную” фуфайку, пахнущую домом и немного даже хлебом. Ванька, закончив с кормом, приобнял любимицу за морду и, почесав ей шею, двинул дальше, по “ранжиру”.

На втором месте была средних размеров собака, сука Весна, которую он нашёл два года назад в апреле щенком, брошенным у большой мусорной ямы. Маленький пушистый комочек топтался на вытаявшем из снега островке соломы и уже не звонко поскуливал от страха. Увидев мужика, щенок кинулся к нему через снег и прилип к ногам, отчаянно пытаясь доказать, что он любит их, эти ноги, вместе с хозяином. Свалив мусор в отвал, Иван поднял живой комочек и, засунув в пазуху, понёс замолчавшего щенка домой.

Теперь это была взрослая, любящая и подчиняющаяся хозяину собака, понятливая и верная. Будка её стояла как раз в центре уличного перехода из сарая в сделанный полужемлянойкой куриный зимний лабаз. Он обязательно, проходя несколько раз за день мимо неё, останавливался и чесал ей за ухом или гладил по спине, а ласковая дворняга потягивалась и задирала вверх благодарную морду.

— Что, Весна, скоро зима? — спросил Иван каламбуром.

Собака, переворачиваясь пузом вверх, была с ним согласна и на своём языке повизгивала: “Да, хорошо, пускай зима, ты с кормом не опаздывай и на ночь иногда отпускай, лёгкие прочищать бегом!” Иван Сергеевич всё это понимал и делал беспрекословно. Оторвавшись от Весны и уже почти войдя в сарай к курам, услышал:

— Отец! — Иван узнал дочь и, придавив дверь, остановился, ожидая.

* * *

Рая подбежала встревоженная и, не зная, как начать разговор, волнуясь и перепрыгивая с темы на тему, не поднимая глаз, начала:

— Ты почему телефон не носишь в кармане? — и, не ожидая ответа, продолжала: — тебе все звонят, не могут понять, где ты, что ты, как с тобой...

Отец, улыбаясь, подтвердил:

— Ну да, так и есть. Он, бедолага, дома лежит, меня зовёт, плачет, а я вот тут с животными всё... Кому я нужен-то вдруг?..

— Кому-кому... — дочь подняла глаза с тяжёлыми, тёмными от краски слезами и прокричала: — Дядя Коля умер, сегодня или вчера, не знают. Смотрят, дыму из хаты нет, зашли, а он лежит на диване, холодный...

Иван, оглоушённый известием, ещё недопонимая, переспросил:

— Кто смотрит?.. Где лежит?.. Как это?.. — он сморщился и, заплакав, пошёл в сторону дома, забыв о дочери. — Я ему вчера звонил... или позавчера. Всё хорошо, говорит, в гости приезжай, на ноябрьские, говорит, посидим вдвоих, по-братски...

Перед домом он перешёл на бег и, заскочив на крыльцо, хлопнул входной дверью. Рая растерянно постояла и, продолжая тихо плакать, пошла из ограды.

* * *

В избе на кухонном столе лежал телефон.

Какое-то время назад — год, может, два, а может, и больше, — Иван утратил азарт жизни, давно оставшись один, так и не решившись что-то начать сначала. Первое время, после развода с женой, прилежно участвовал в жизни детей: помогал им в чём-то, старался находиться на виду. Он был совершенно уверен в том, что всё, что осталось с ним, будет потом востребовано детьми, как это было раньше у его родителей и у родителей его родителей. Испокон веков! Но сын, окончив институт, улетел служить на север, дочь вскоре вышла замуж и занялась своим с мужем хозяйством. А он, надеясь на свою обязательную нужность, звонил, спрашивал, как дела, чем помочь, что для них сделать. Но всё больше и больше понимал, что его советы не очень-то нужны взрослым уже детям, его переживания не интересны и не укладываются в “новое понимание жизни”... Так однажды сказала ему дочь, уставшая от внимания одинокого отца, не поняв, что теперь именно ему это нужно. Иван, смутившись от правды и даже обидевшись, стал звонить реже, потом ещё реже, потом ещё...

Что удивительно, но и сын словно не заметил этого и, как бы радуясь звонкам отца, сам не сообщал о себе до тех пор, пока, соскучившись, отец не отбрасывал гонор и не набирал снова его номер. И опять: “Привет — привет... Как дела? Звони...”

Он отстранился... Жил теперь только для себя: подрабатывал сторожем в недалёком детском санатории, завёл скот и полностью отошёл от другой, не совсем понятной ему жизни. Странно, но всего в двенадцати километрах от него, точно так же, почти по одному сценарию, жил, а теперь вот и умер его старший брат Николай.

* * *

Иван взял телефон и нашёл последний звонок брату. Оказывается, разговаривали они почти два месяца назад, точнее — месяц и двадцать пять дней! Сомневаясь, снова пересмотрел вызовы и, ужаснувшись, выдохнул:

— Вот как... Думал, это дня три-четыре назад было, и разговор даже помню...

Он, оправдывая себя перед самим собой, стал вспоминать, перебирая возможные темы общения. Но нет, не помнил! Кроме, конечно, трёпа о том, что всё более-менее хорошо... И кажется, брат жаловался на боли в кишках

да на слабость непонятную. А он, Иван, посоветовал травки какой попить да курить бросить обязательно, совсем... Но это он говорил Николаю всегда, чем часто вызывал его гнев: “Курю, значит, надо!..”

Ну, а больше Иван не помнил ничего, и это, именно это злило его до слёз: “Как же так, ведь столько можно поговорить, пообщаться. Времени же много свободного. И съездить можно, сел на велосипед и через два часа там, а то и меньше...”

Он растерянно вспомнил, что брата уже нет, отчаянно опять заскулил:

— Да быть не может... Что с ним делается, совсем же молодой... — и плакал, стоя посреди дома, забыв снять верхнюю одежду.

Через минуту, словно опомнившись, побежал к соседу через дорогу. Тот, выслушав, так же удивлённо воскликнул, что, дескать, совсем молодой же брат. Потом смутился и пообещал, что по хозяйству поможет управиться, а баба его корову подоит, сколько надо будет.

Иван вернулся домой и сел на табурет посреди комнаты. Мысли лезли одна на другую: “Как быть сейчас?.. Кто с ним?.. И одеть надо... Помыть...” Эта растерянность, точнее, потерянности от незнания последующих действий пугала, хотя Иван понимал, что именно он сейчас судьбой и жизненным законом поставлен главным в этом скорбном ритуале.

Резко вскочил и, протопав в спальню, вытащил из-под белья в шкафу семнадцать тысяч рублей. Всё, что было из денег вообще. Открыв платяной шкаф, снял свой “германский костюм”, купленный уже лет десять назад по глупому пьяному куражу. Костюм, в который он, по хмельной дури, всадил заработанные на калыме деньги, счастья ему не принёс. Жена, и так его совсем не любившая, получив такой повод, тогда и ушла с “чистой совестью” к их общему знакомому, которого, оказывается, наоборот, давно любила. Со зла Иван нарядил в костюм огородное пугало, чем рассмешил всю деревню. Но маленькая совсем ещё дочь по сумеркам сняла “германца” и спрятала в бане. Потом он успокоился, и костюм занял своё постоянное место в шкафу, “до поры”. И вот пора пришла...

Иван опять сел.

“Как же всё так? И теперь кажется, скажи мне месяц, неделю назад, что такое случится, я бы к нему бегом убежал. Я бы с ложки его кормил, горшок выносил и мыслью не показал недовольства или усталости... Да я бы... Как так, брат... что молчал?” — слёзные спазмы накатили опять, он стряхнул их рукой и, встав, посмотрел за стекло, ткнувшись с ходу в него лбом. За окном была ночь. Он что-то вспомнил и, взяв телефон, защёлкал кнопками. Наконец поднёс к уху.

— Сосед, привет, — он называл соседями всех, не пытаясь вспоминать имена, и такое обращение вошло в привычку. Его узнавали, так было проще. — Мне надо в соседнюю деревню, брат у меня помер, помоги, — потом послушал, приоткрыв рот, и продолжал: — Никого нет там. Я вот и хочу, что-то надо делать...

Снова слушал и говорил:

— Вышил?! Вот беда... Ну ладно, сейчас Фёдору позвоню, может, он...

Опять тыкал и, набрав, долго ждал. Услышав ответ, теперь назвал имя:

— Федя, помоги горю, довези до брата, очень прошу. Да, туда... Какая ночь? Время шесть! А, ночь, что света нет? Ну, ладно, извиняй.

Иван, глядя на телефон, говорил сам себе:

— Как случилось, так и случилось. Меня никто не спросил-предупредил, что такое приключится...

Оглядев комнату, снял с вешалки подаренный зятем яркий молодёжный рюкзак и, уже не останавливаясь на раздумья, сложил в него аккуратно свёрнутый костюм, деньги — в крепкий, плотно закрывающийся кармашек и, хмыкнув, застегнул его. Снял грязную одежду, переделся в подходящую, ещё раз осмотревшись, погасил свет и вышел.

Он решил ехать к брату на велосипеде, о чём рассказывал Весне, та стояла, натянувшись на цепи, под тусклой лампой, освещавшей часть ограды и сарай, и внимательно слушала, поворачивая морду вслед его движениям.

— Оставайся за хозяйку. Сосед придёт управляться, не бузи, надо. Когда вернусь, не знаю, так что... так.

Иван выкатил велосипед, надел поверх спортивной шапочки фонарик и, засветив его, покатил по непьюльной осенней дороге из деревни.

Часа через два он подъехал к дому брата — в окнах и открытых сенях горел свет. Поставив велосипед, Иван с трудом, оттягивая секунды страшного и нежелаемого, но упрямо вошёл сначала в сени, уловив запах покойника, а затем в дом...

Брат лежал в главной комнате на невысокой широкой лавке, которую сам и сделал в хозяйстве, чтобы “посидеть вечерком”. Иван, не видя находящихся в избе людей, прошагнул к покойному и, уже не сдерживая себя, наклонившись к его лицу, заплакал. Брат, по-живому улыбаясь чуть посеребрившими губами, не открывая глаз, молчал.

Только сейчас он потерял надежду, какая теплилась в нём весь вечер... Брата больше нет...

* * *

На третий день вечером Иван сидел в братовой, прибранной после поминок комнате с соседом и как бы другом покойного. Тот, хмельной, возмущённо рассказывал:

— Почему тебе не сообщил, не знаю... Это же у него месяца три-четыре продолжалось, может, чуть боле... Оно, конечно, жажда, и раньше, — сосед сделал “умное” лицо с широко раскрытыми глазами, задержав для солидности речь, — но именно тогда брата твоего первый раз загнуло. Я-то смотрю, его нет целый день. Зашёл проведать: лежит Колян, глаза в слезах. Ни, говорит, ходить не могу, ни есть, ни даже сидеть. Как с вечера скрутило кишки, где-то там, внутри, чуть справа, пал на кровать и встать уже не получается... Я-то про “скорую” заговорил, он отнекался. Отлежусь, само, мол, пройдёт... И то правда: через день, вижу, вроде как ходит по двору, рукой махнул, ну, значит всё в норме. Скока-та время прошло, сам ко мне притопал и рассказал, что в больницу поедет... Кто-то ему сказал, что надо кинокамеру проглотить, зонд такой — и всё будет понятно про его боли.

Иван внимательно слушал Колькиного друга, но не мог понять, почему же ему, брату, тот не сообщил о своих проблемах. Он даже представил, как брат ему звонит и говорит о болезни. А он, Иван, срочно приезжает и помогает Кольке!

— Стоп, стоп... Да ведь звонил же Колька, рассказывал... А я что сказал: попей травки, полежи, всё пройдёт...

Иван понимал, что именно он отбил желание брата обратиться к нему за помощью. Именно он, слыша в его словах осторожную просьбу о содействии, сразу начинал рассказывать о своих трудностях, требующих постоянного присутствия дома, на хозяйстве... А тот, послушав, как тяжело со скотом и другой живностью, помолчав, заканчивал: “Ну, хорошо, позже созвонимся... Бог даст, подправлюсь, в гости приеду, подмогну чего...”

Отчётливо всё это сейчас вспоминая, Иван не понимал себя, и, не найдя оправдания, вслух вскрикнул:

— Вот сволочь!

Хмельной сосед замолчал и вопрошающе смотрел на мужика.

— Это я себя так. И что же происходит, ведь не слышим уже друг друга, даже в беде. И я тоже, гад занятой...

Колькин знакомец растерянно молчал, глядя на надкушенный кусочек колбасы в руке. Потом, вздохнув, выпил рюмку водки и, доев колбасу, тёр ладони, вгоняя жир в кожу.

— Через несколько дней он приехал: я с вечера свет в избе заметил. На следующий день пошёл к нему узнать, чё да как... Пришёл, а брат твой злой, как собака, молчит, но я-то его знаю... Ну, выставил свою на стол. Он, правда, закусить достал, сала порезал, хлебушка... По одной выпили — молчит, по второй — молчит, после третьей прорвало Кольку. Вот чё рассказал

мне твой брат о болезни. Только опуцу не основное, — сосед глубоко вздохнул и уверенно начал. — Как пробиться к врачам, ты сам знаешь, если хоть раз болел. А если нет, узнаешь, что, конечно, не дай Бог никому, — расчувствовавшийся сосед перекрестил себя собранной ладонью и продолжил...

* * *

Колькин рассказ о болезни, переданный соседом брату Ивану:

“...И вот назначили главную процедуру, как называется, не разобрать, но суть — в нутро заглянуть! А чтобы это сделать, надо и желудок, и кишки очистить от содержимого, что уже довольно трудно. Врач, когда узнал, что живу я за сто вёрст от города, скумекал и решил меня на два дня в амбулаторию определить, чтобы, вроде, без суеты. С вечера поел я как положено: с собой в город брал и сала, и яиц варёных, и творога солёного с луком! Налупились, по крайней мере я, от пуза с соседями по палате, а в ночь, часов в десять, заходит девочка — медсестра в белом! Прочитала мою фамилию на листочке и говорит: “Вам есть на ночь нельзя! Утром клизма”. Во как! Я, чтобы её не расстроить, пообещал не есть, а сам-то — под завязку. Ну, ладно, думаю, как-нибудь уж... Утром будит она меня и повела в другую комнатку. Там приказывает, чтоб по пояс раздевался и вставал на кушетку на колени, согнувшись, срамом к ней... Представь... А я смотрю, ей, может, лет восемнадцать-двадцать: в лучшем случае в дочери, а то и во внучки годится! Я к ней так встану, и всё! Ведь этой девочке до конца жизни душевная травма гарантирована... В общем, нет, говорю, и не проси... Кое-как уговорил, прислали совсем пожилую санитарку, той терять нечего!.. Закачала она в меня через зад воды ведро, не меньше. И говорит: иди в туалет, что на этаже... Я бегом туда, штаны не застегая, в руках держу... А там народ с утра уже в очереди, ведь туалет один на десять комнат, в которых по пять человек. И все в него хотят. Я в крик, но там такой же уже сидит, выливается, и через дверь матерится... Туда-сюда мотанулся — хоть вешайся. Есть ещё два туалета, но они под замками, и только для врачей, которым вдруг приспичит... Как ни держался, но уже бежит по ляжкам и вонь смердная... Запихнули меня в женский, там унитаз и небольшая ванночка. Закрылся и, плача от стыда, обмылся, штаны прополоскал... Потом надел всё мокрое, дошёл до палаты и, забрав сумку, убежал оттуда... Если так со мной поступают, пока ходить могу, что будет, если вдруг операцию сделают, лежать придётся? Пусть уж лучше дома, может, и пройдёт всё само... Если, опять же, Бог поможет... А нет, то и ладно... Пожил... Но терпеть такое не буду, словно скотина какая, и то ту моют перед забоем...”

Сосед замолчал и пошёл к двери.

— Умер он через месяц. Быстро так, как по расписанию. Выходил каждый день, а тут нету. Я бегом после завтрака. Лежит. И телефон в руке, вот как...

Иван не попрощался, плача и сморкаясь в грязный рушник.

* * *

На неделе позвонила Нина, вдова покойного, и сообщила, что поминки на девять дней соберёт она.

Иван согласился:

— Спасибо, Нина... А то я уже не знал, как быть, думал, у себя соберу немного, и ладно... Но, если так, обязательно приеду, и с тобой давно уже не виделись.

Она отключилась, а Иван долго держал в руках молчащий телефон, вспоминая жену брата.

На девять дней приехали с соседом Фёдором на его машине. В Колькиной ограде стоял пассажирский микроавтобус, рядом находилось несколько человек. Иван, растерянный присутствием незнакомых людей, вошёл в дом и с облегчением узнал Нину в тёмных одеждах и со скорбным лицом. Стол был

собран самым необходимым для поминания, включая кутью, блины и первое-второе. На помин народу было совсем мало. Иван с Фёдором, поздоровавшись, сели, и сама хозяйка ухаживала за ними. Не пивший ста грамм Фёдор отобедал быстро и вышел курить на улицу. Иван же, захмелев, наоборот, не торопился и обрадовался, когда к нему подседа Нина. Про житьё-бытьё поговорили быстро, словно совсем дальние знакомые... То-сё, да и ладно. Потом Нина, словно решившись, повернулась к деверю и, понизив голос, убедительно заговорила:

— Я вот что думаю, Ваня... Хату, чтобы не пропала за зиму, сдам каким беженцам с Украины. Думаю, найдутся. А уже после, ближе к весне-лету, буду решать, что делать. Дочь-то далеко, пока приехать не может, но весной обязательно. Вот и решим, как быть с хозяйством этим...

Последние слова кольнули Ивана неопределённостью, но, понимая, что теперь решают вдова и дети брата, он согласно кивнул головой:

— Делай, как считаешь нужным, теперь уж всё одно. Хотишь — продавайте, хотишь — на старость оставьте. Она вот уже не за горами, старость-то... И потянет к земле и покою, мож, и пригодится вдруг хозяйство в деревне.

Невестка неожиданно сухо распрощалась с ним, и Иван, осмотрев уютный дом брата, понимая, что он здесь последний раз в жизни, вышел в холодный день.

Фёдор, уже ждавший его в машине, нетерпеливо тронул. Какое-то время ехали молча...

— Это что, всё родня Нинкина? — Фёдор угрюмо крутил баранку.

— Ну, да. Скорее всего. Она же ни с кем не знакомила. И дочь его, Зинка, не смогла приехать, или не захотела, хотя... как узнаешь.

— Вот тараканы! Все сараи взлохматили и погребя проверили, и делят уже, не стесняясь, как в кино про войну... В руки взял — моё! — Фёдор зло замолчал, и уже до дома ехали молча.

* * *

Ночью Ивану приснился страшный сон. Его покойный брат Николай пришёл к нему и, сев у дверей на лавку, жаловался: “Солонину всю выгаскали. Десять банок огурцов, двенадцать — помидор, капусту квашеную, сколь, не помню. Картоху едовую выгребли, но погреб не утеплили, посадочная вся перемёрзнет, что высаживать весной буду... А цепь собачью, шесть метров, новый Нинкин мужик забрал, говорит, им пригодится. Они вроде как в частном секторе живут, им без цепи такой никак: у собаки радиус захвата маленький!” Сам Иван что-то говорил, успокаивая брата, и пытался посмотреть ему в глаза. Но тот упорно отворачивал лицо, повторяя жалобы, а потом встал и, не прощаясь, вышел...

Проснувшись испуганный, вспомнил весь сон досконально и утвердился в догадке: “Не прощался... Значит, ещё придёт...”

Потом до утра сидел за столом, пил горячий чай и плакал, жалея брата и себя.

* * *

Утром пошёл к почти столетней бабке Никулихе. Та, поддерживаемая пожилой уже внучкой, играющей роль посредника, долго не могла понять, о ком разговор, и, шамкая пустым ртом, переспрашивала:

— Ты Проховой Лидки сын? Помню, помню! А кто помер тоды? Брат! Вона как, и брат был?!

Она долго копалась в Ивановой родословной, и, наконец, разобравшись с помощью внучки и узнав просьбу последнего, пошевелив губами, выдала:

— Поезжай в церкву. До сорока дён закажи молитву об упокое и свечки всем поставь. Чичас она ещё тут мотается, а коли в его доме уже другие хозяева насели, она к тебе и пришла, как к самому близкому...

Иван, до этого не слишком разбиравшийся в таких делах, не поняв, переспросил:

— Кто? Кто пришёл, он помер, тебе говорю... — и уже внучке. — Ты ей переведи, что ли. Чего она несёт? Или недослышит?

Но бабка, округлив глаза, возмущённо зашамкала сама:

— Душа его пришла. Видать, сам упокойный до этого к тебе обращался за помощью какой... И вот теперь помнит, куда идти, пришла. С девятого дня она без тела, бездомная значит. До сорокового дни тута будет. Вот ты и помоги ей, закажи молитву, и оставит она в покое мир этот грешный... и тебя!

Немного запутанный такими тонкостями, но поняв суть, Иван положил на стол пакет с подарками: шмат сала и два килограмма своего творога, и, попрощавшись, вышел.

Дома, отдыхая после вечерней управы, решил ехать в церковь в пятницу вечером, чтобы с утра субботы сделать дело и на четыре часа вернуться домой. Зная город, он понимал, что за день туда и обратно ему не успеть: “А ничего. У Нинки ночлега попрошу на одну ночь. Поди, не откажет, я ей плохого ничего не делал”.

Назавтра, в четверг, загодя договорился с соседом про управу и, проходя домой, пообщался с Весной.

— Ты уж не обижайся. Опять на два дня почти уезжаю. Тебе хозяйничать, а соседа знаешь, потерпишь...

Умная псина понимала, что сейчас её могут почесать, натянулась на цепи, как винтом виляя хвостом, и, съедаемая нетерпением, поскуливала. Хозяин почесал её выбитую ошейником шею, выгибающуюся под рукой спину и в довершение хлопнул по болтающемуся задку. Благодарная за внимание Весна звонко взлаяла, призвав к переключке всех соседских собак.

Вечером, уже перед сном, чистый и побритый Иван выбирал одежду. Её, этой одежды, было не то чтобы много, но накопилась она в шифоньере за долгое время, поэтому была разномастна и неудобна для отвыкшего от неё Ивана.

Ещё совсем не старый, но почему-то решивший жить именно так, как жил теперь, про всякую там “моду” он знал только из телевизора. Недавно смотрел какой-то концерт, ему запомнился и понравился певец в джинсах и пиджаке. Джинсы у Ивана были, пиджака не оказалось. Долго перекаладывая с полки на полку в шифоньере пахнущие затхлым вещами, нашёл шерстяную кофту. Нарядившись, прошлёпал к рукомоёйнику, где висело большое зеркало. Но оно выхватывало только верх: джинсы были внизу, и общий вид был скрыт. Долго пытался, приподнявшись на носках и клоня голову через кран к зеркалу, оценить наряд в целом, но не получалось. Плюнув от злости, сбегал в сенки и принёс табурет, старый-престарый, весь рассохшийся и шевелящийся, как живой. Отойдя к центру комнаты, оценил взглядом расстояние до зеркала и, удовлетворённый, поставил табурет. С сомнением покачал, но, решив не отступать, по очереди, право-лево, залез на него и, медленно отпустив руки, выпрямился. С трудом, не отрывая глаз от ног, поймал положение и потихонечку посмотрел в зеркало. Ну и ну! До зеркала оказалось неожиданно далеко, но даже то, что он увидел, вызвало в душе неподдельное возмущение. Из бессовестного стекла на него смотрел какой-то нескладный мужичок в измятых, словно нарочно, джинсах и серой, явно конца девяностых годов прошлого века, кофте. К тому же по груди шла нечитаемая иностранная надпись. Иван расстроился.

— Не пойдёт, конечно. И джинсы, и кофта — гадость. Давно надо было выбросить. В такой одежде пойдешь управляться, так корова молоко не отдаст, не узнает! Да и надпись непонятна, не по-русски — вдруг, правда, мат?

Корова, конечно, была не шибко авторитетом, но ссылка на неё всегда означала окончание рассуждений.

Устав балансировать на шатающемся постаменте, Иван, решив соскочить по-молодецки, поднял левую ногу и, чуть отпихнувшись правой, потерял опору... Удар об пол был не столько болезненным, сколько обидным и неожиданным. Он полминуты лежал для порядка, пытаясь выждать, где болит, но нигде не болело. Бедолага вытянул ноги, сложил на груди руки и затаился: “Всего пятьдесят с небольшим. Всего! Но жизнь почему-то летит

стороной, цветная, весёлая, крикливая и непонятная. А тут... Ведь даже уже ни о чём хорошем и не думаю, а только о смерти, подводя её, как итог, под всё, что происходит теперь. Но жить-то ещё лет двадцать, — он быстро посчитал сумму и переправился, — двадцать пять, минимум... И что? Я же с ума сойду, оценивая всё происходящее только с позиции предстоящего ухода. В конце концов, зачем жить, всё равно однажды конец?..”

Он встал, собрал обломки табурета, сложил их у печи, затем стянул с себя смешную одежду: “Что за дурость, не венчаться же еду, а совсем наоборот...”

Разволнованный мужик погасил свет и лёг на свой родной диван, с выдвинутой под его тело ложбиной, и, перекрестив в темноте лицо, закрыл глаза.

Ночью опять было тяжело. Его о чём-то просили, напирая на то, что он обязан помочь. Потом ругали за неподстриженную голову, за грубые руки и за нелеченые два коренных зуба... Иван отбивался во сне, но не мог понять, от кого. Это было до судорог в теле страшно и больно. Те, из сна, рукоприкладствовали. Он нездорово проснулся, чувствуя себя совершенно разбитым и испуганным. Опустив руку на лицо, понял, что плакал.

— Господи! Прости меня, грешного. Я сделаю всё, всё, что положено... и даже больше, — как заговорённый, опять перекрестился и, сжавшись по-детски под одеялом, беспокойно уснул.

* * *

Утром оказалось, что ему сегодня на смену. Иван не мог понять, как он просчитался, но в календаре стояла большая буква “с”. Он, торопясь, пощёлкал кнопками телефона и, подождав, заговорил:

— Саня, дежурь за меня сегодня... Очень надо, я в церкву еду, молитву заказать. Да не смогу послезавтра, — он немного запнулся, думая, — на сегодня с попом договорился... Почему баба? Мужик с бородой, — и, опять чуть замедляясь, уже врал без разбора, — с ними же надо заранее договариваться о таких делах. Мне на сёдни назначили, к обеду!

Потом минуту слушал и удовлетворённо закончил:

— Ладно, как скажешь, дежурю. И молока бутылку принесу... И яиц десяток... Договорились...

Наконец он выключил телефон и закончил:

— Вот хапуга! — он пошёл в утреннюю темноту управляться.

* * *

В шесть часов вечера Иван, держа на коленях свой цветной рюкзак с подарками, ехал на рейсовом “ПАЗике” в город. За мутными стёклами мелькала холодная, начала ноября, ночь, вернее, темнота, иногда разбиваемая светом встречных машин. Где жила бывшая жена брата, он знал. С самим Колькой возили туда дрова для бани года три назад. К тому же это самая окраина города: от первой остановки автобуса пешком пятнадцать минут. А уже утром от Нинки до церкви ещё столько же лёгким шагом.

На ходу стёкла автобуса совсем застыли, и, чтобы не проскочить остановку, путник заранее встал в передних дверях. Когда автобус, прогазовав белым паром, уехал, Иван убедился, что жизнь не стоит на месте. По крайней мере, вокруг остановки всё незнакомо: окружено стройками с высвеченными в темноте подъёмными кранами. Но он, не растерявшись, интуитивно пройдя мимо гор мусора и заборов, подошёл к высокому каменному дому, где жил незнакомый мужик, к которому убежала жена его брата... Иван нажал белую кнопку вызова на тёмной калитке и скоро услышал хлопнувшую дверь, а затем голос бывшей снохи:

— Ну, кому там чего надо?

Иван как мог радостнее, привстав на цыпочки и всё равно ничего не видя, ответил:

— Нина, здравствуй. То есть, добрый вечер. Это я, Иван. Брат... — и он замолчал, не зная, как ещё обозначить себя.

Дверь, пощёлкав затворами, приоткрылась.

— Ты чего припёрся на ночь глядя? Время попутал?

Нежданный гость стал торопливо объяснять, для чего он здесь, сбивчиво пересказав свои волнения, включая сны и направление старой Никулихи. Закончил он просьбой переночевать, не предоставляя стола, а наоборот, с подарками от него.

Бывшая сноха, не сомневаясь, ответила:

— Никак не смогу. Михаила дома нет, он на сутках, как же я тебя в дом пущу. Объясняй потом, кто ты мне, а кто я тебе.

Иван в растерянности отшагнул от калитки, давая понять, что без разрешения ломиться не будет.

— Я в кухне ночь просижу, а утром спозаранку уйду. Церковь же рано откроется, — и чтобы уж наверняка её разжалобить, добавил: — Не чужие же, поди, совсем.

Нинка, освещённая уличным фонарём, выступила за калитку и, прижав её спиной, вдруг с шипением затараторила:

— Не чужие, говоришь? А ты помог мне с поминками, подсобил девять дней отвести? Не спросил, может, что надо, сноха родная? Так за наш счёт вашу родню и поили, хорошо, Миша в положение вошёл, помог. И даже в деньгах не отказал, по сути, чужому человеку. А вы-то где все были?

Иван оглох от растерянности и обиды. Он прекрасно понимал, что всё на поминальный стол было взято в доме брата, только водки, конечно, несколько бутылочек за деньги приобретено. Но тем не менее, ему захотелось оправдаться, объяснить, что ничего плохого не хотел, и что он, в конце концов, готов внести деньги, какие она скажет. С трудом поборов первое, озвучил второе. Женщина неожиданно согласилась.

— А мне много не надо, давай пять тыщ, как раз половина наших трат. Ещё не считаю, за машину сколько отдали, а то бы и не приехали, не помянули по-положенному...

Иван трясущимися руками достал кошелёк и, открыв его на просвет фонаря, вытащил пятидесятую купюру. В кошельке осталось пятьсот рублей да в кармане мелочь. Она резко взяла бумажку, также растянув её на свет, удостоверилась в номинале и, вздохнув, словно ничего не происходило, предложила:

— Баню сегодня топили. Хочешь, переночуй, на полку не замёрзнешь... А в дом не пущу. Мне нервы из-за тебя тоже тратить не шибко охота.

Она открыла калитку, и Иван, словно заколдованный, молча и торопливо проскочил через ярко освещённую ограду сразу в баню, к которой три года назад сам сгрузил дрова, привезённые для Нинки по просьбе брата. Уже подходя к дверям, услышал:

— На ночь собаку выпускаю, так что до утра не выходи, ногу откусит.

Иван зашёл в предбанник и услышал, как загремела цепью собака, потом хлопнула входная дверь. Всё, в тюрьме!

* * *

Злая псина сразу закрутилась у его неожиданного пристанища. Наверное, чувствуя чужого человека, громко нюхала входную дверь, скребла, злясь, порог и иногда, порывав, лаяла. Поставленная без фундамента баня ночью совершенно выстыла, и Иван уже не лежал, а сидел, нахохлившись, на полку, подсунув под зад случайно найденное в темноте полотенце. Организм, привыкший работать сутки-трое, ночью затребовал перекуса или хотя бы обязательного чая. Но любое шевеление вызывало возмущённый и нервный лай собаки. Он терпел... “А может, это мне испытание или предупреждение какое? Мол, не живи среди всех отшельников, вспомни в себе человека. И узнай людей в окружающих тебя!”

Ивану казалось, что он и не был нелюдимым: соседям, если что, помогал, ребятишек любил местных, какие под ногами шныряли. Но ситуация

с братом перетягивала все известные ему свои добродетели. И, не находя опять оправдания, глушил обидные мысли о снохе, заставляя себя смиряться: “На себя посмотри! Потом суди!”

Под утро совсем замёрз, впад словно бы в летаргический сон. В голове билась мысль посмотреть время, но понимание, что придётся раскрываться и лезть в карман за телефоном, останавливало.

Через вечное время хлопнула входная дверь, и он услышал, как Нинка кричала на собаку. С трудом, словно скованный изнутри льдом, слез с полка, нашёл на ощупь рюкзак и двинулся аккуратно к двери, ориентируясь по окну. Нинка опередила, и дверь раскрылась прямо перед носом.

— Живой?

Иван, выступив на улицу, переждал боль в отёкших конечностях и, стараясь быть спокойней, спросил:

— Вы баню когда топили, честно?

— Ну, в четверг, позавчера. И сегодня будем, как Миша с работы придёт. Не умер же, чего ещё надо. Специально тебе топить — так не барин пойдёшь, жара ни к чему!

— Да уж, спасибо, что не сжарился... — Иван, разминая ноги, пошёл через ограду к калитке, пытаясь накинуть негнувшимися руками рюкзак.

Справившись, остановился в калитке и, не удержавшись, спросил ещё, чтобы окончательно удостовериться, кто он для “ранешней” родни.

— А свет-то зачем отключила? Просто бы высчитала по-родственному за ночь, заплатил бы, куда не делся.

— Иди давай, родственник... Другой спасибо бы сказал, а этот... Глянька, спать ему темно!

Она защёлкнула задвижку на воротах, заскочила в дом, и, сильно хлопнув дверью, погасила лампочку над крыльцом.

Иван, не поворачиваясь, уже быстро шёл по предполагаемому направлению к церкви, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Огромный Божий дом высветился сразу, как только он дошёл до просторного парка, известного ему ещё с молодых лет. Не был здесь Иван уже лет тридцать, но парк, наоборот, показался не разросшимся, а каким-то аккуратно-компактным, ровно разрезанным, будто торт, стылými асфальтовыми дорожками. Сама церковь, огороженная чугунной оградой и освещённая прожекторами, смотрела лицом-фасадом с открытыми глазами-окнами и дверьми-ртом. Чугунная калитка открыта, Иван радостно заключил: действует! Измученный сомнениями и неуверенностью, он больше не хотел ждать. Подойдя к широкому, на три стороны, крыльцу, стянул с головы шапочку, быстро перекрестился, вдохнул полную грудь воздуха и быстро вошёл в пахнущее ладаном Божье место...

* * *

Вышел из церкви Иван через четыре часа. Усталю отшагал от крыльца и, повернувшись у калитки, теперь уже широко перекрестился, отвесив дополнительно смиренный поклон.

— А что теперь, третьего не дано. Надо вникать и чтить, если правда именно в веру.

Выйдя за забор и отдышавшись от непривычного ладанного угара, он понял, что очень хочет есть. В рюкзаке лежали приготовленные подарки снохе. И вот теперь они оказались как нельзя более к месту. Времени до автобуса было с лишком, и, оглядевшись, увидел чуть в стороне длинные парковые скамейки, совершенно пустые по причине холода. Но нет, на одной сидел пожилой мужик — его Иван видел в церкви — и закусывал, разложив снесь на газетных листах. Шёл, и не ожидая от себя, напросился, улыбаясь:

— Можно к вашему столу, со своим, перекусить?

Мужик поднял удивительно добрые глаза и словно об обязательном, изначально решённом, тоже улыбаясь, сказал:

— Да садись, конечно! Можно и без своего, у меня целая сумка ёдова: мать наложила будто на неделю. Она ещё помнит, как на быках в город

ездили, вот по старости и проявляет инициативу. Хотел тайком выложить половину, да решил, что останется, каким нуждающимся раздать, ну, ничем, вроде, как в кино. Дак они на меня как загадели, когда пирог да яйца достал, жуть... Ты, говорят, сам жри свои хлеба, нам давай деньги... — и, смущаясь, закончил: — Вот и стараюсь теперь, чтобы домой не везти.

Он опять поднял доброе лицо и уже рукой ещё раз пригласил. Иван сел и, достав своё, порезал на общий стол. Минут десять-пятнадцать молчали, пробуя теперь общие разносолы.

Случайный знакомый был явно старше, широколиц, добротен и чисто одет по-деревенски, просто подстрижен и совершенно осязаемо спокоен. Немного насытившись, Иван вспомнил, что не познакомился, и, дождавшись взгляда, протянул руку. Собеседник опередил.

— Пётр. Пётр Иванович! Из деревни Белой нашей области, приезжаю вот уже в третий раз, по жене покойной службу заказываю. И сам маленько того, исповедуюсь как бы... — он говорил тихо, словно боялся непонимания и, следовательно, осуждения.

Наш паломник, не приглядываясь к собеседнику, рассказал о себе.

— Приехал тоже службу заказать, но не получилось... Так, свечки поставил за упокой, потом ещё приеду, дня через два.

Новый знакомый поддержал разговор:

— А по какому поводу? Если возможно поделиться...

Иван, влекомый доверием к совершенно незнакомому человеку, рассказал о смерти брата со всеми последними своими шагами, кроме ночёвки у Нинки. Но чтобы объяснить, почему нет денег заказать службу, опять немного соврал, выгораживая и себя, и сноху.

— Утром заскочил к ним с автобуса, попроведать, а им дрова для бани привезли. А она же одна, брата всё любит, хоть и жили порознь... С днягами тоже не совсем: дочь опять же с ней... Вот я и заплатил, хоть и отбивалась, вроде не надо...

Пётр Иванович полез в карман и, вытащив кошелек, стал пересчитывать в нём купюры. Иван растерялся и даже немного расстроился, поняв, что делает собеседник. Он торопясь стал отнекиваться, но Пётр Иванович сам вздохнул с сожалением.

— Да, неудача, совсем мало, ещё билет брать домой. Придётся тебе приехать. Хотя... Знаешь, что я однажды слышал от очень серьёзного человека?

Иван, радуясь, что всё так закончилось (брат в долг он не любил), внимательно слушал. Пётр Иванович, надев шапку, снятую во время обеда, начал:

— Человек этот сказал, что если в то время, пока душа уже без тела, но ещё не призвана Богом на суд, мечется около потерянного дома, и вдруг где-то недалеко рождается новый человек — явление, как мы знаем, тоже сначала бездуховное, она может, с позволения Божьего, в него вселиться!

Иван, не уяснив сути, но поняв, что это важно, переспросил, с недоверием улыбаясь:

— Кто в кого и с чьего разрешения?

— Ну, грубо говоря, душа твоего брата, если, конечно, он отмолил грехи свои в момент болезни...

— А он молил, точно знаю...

— Могла быть допущена в тело младенца, рождённого в это самое время, где-то там у вас, недалеко.

Иван, продолжая улыбаться, дожёвывал непропечённую шкурку от самим же солёного сала, был совершенно сражён логикой услышанного. Сразу, словно бы ему сказали, что брат не умер, а уехал в другую страну или, лучше, улетел на Луну! Не увидишь, конечно, его больше, но он жив, здоров, может, герой будет или уже... И, поняв, что это, даже в разлуке, в тысячу раз лучше, чем смерть, радостно принял теорию.

— А ведь точно, как я сам не сообразил, вот ведь... Сразу отпевать, не узнав нормально...

Он быстро попрощался с Петром Ивановичем и, закинув за плечи рюкзак с тремя восковыми свечками и маленькой брошюрой молитв, затопал через многолюдный уже парк на остановку.

Вечером, после управы, Иван, взяв пол-литра совхозной (магазинной) водки, шёл к знакомому мужику Владимиру Бердневу, в народе — Баяну. Этот Баян был удивительным, превосходным баянистом, причём самоучкой. Его звали на все праздники в деревне, а иногда и без праздников — душу порадовать.

Был он непривередлив, совершенно бесхозяйственный и одинокий, цену за услуги не задирает, брал даже продуктами. Но что особенно интересно, он знал все новости в деревне досконально! Рассказывал красочно и самозабвенно, немного путаясь в именах, времени и лицах. Но суть именно в том, что новость, любую, он знал.

Хозяин сидел в тепло натопленной хате посреди кухни на высоком крепком табурете с незабвенным баяном на голых побитых коленях. Гость удивился его виду, но, поняв, что в доме жарко натоплено, успокоился: “Хорошо, что не пьян”.

Не поднимая головы с мехов и чуть убавив звук, Вовка поздоровался и объяснил:

— Сейчас. Немного тренирую пальцы. А то отвыкнул без каждодневной работы, тогда всё, ничего нормального не сыграешь. Душа, мысль, уши знают, как надо играть, — руки без тренировки не могут.

Он, играя, наращивал темп, складно подстукивая ногой и прикрыв плотно глаза, улыбался, угадывая, что это хорошо. А когда Ивану стало казаться, что сейчас вот и начнётся самое важное, для чего и играют музыку, тревожащую душу, она резко прервалась. Он по инерции, опережая несыгранный такт, клоннул головой и разочарованно выпрямился:

— Ну, ты даёшь — уф, аж мурашки по коже...

Хозяин поставил инструмент на широкий стул у стола и, пригласив присесть гостя, сам примостился сбоку от своего музыкального друга, как бы обозначая его компаньоном, живым и душевным.

— Шестнадцать лет тут живу, в первый раз ты пришёл. Даже немного растерян. Но боюсь, что тебя огорчу, на поминках не играю. Раз пробовал, но плохо получилось. Родные просят любимые песни покойного, и обычно в грустной тональности, и темп потише... А как, скажи, пожалуйста, скорбно сыграешь популярные шлягеры шестидесятых-семидесятых годов? Не знаешь? То-то! — он откинулся на спинку стула, приобнял левой рукой баян и легонько стучал по нему пальцами.

— А кто сказал, что я к тебе за этим пришёл? — Иван, улыбаясь, вытащил из кармана пол-литра. — Может, наоборот, отдохнуть и выказать уважение тебе и твоему таланту.

— Ну, это другое дело! — голоногий, в смешных цветных шортах, хозяин буквально в минуту собрал на стол, выставил две рюмки и, чуть задумавшись, стакан воды.

— Это запить, иногда первая встречается в горле, не проглотить! — он подтащил табурет, на котором играл, и сел теперь напротив гостя.

— Ехали?!

Иван открыл бутылку, налил почти по полной, и они синхронно, аккуратно и глухо стукнув рюмками, закинули в рот “по семьдесят”. Немного закусив, выпили ещё по одной: чтобы “не потерять тепло в груди”.

— То есть пришёл ты вдруг просто так, сказать Вовке Баяну, какой он удивительный музыкант, — молодой ещё мужик смотрел чуть хмельными глазами, явно призывая к разговору.

Гость помолчал, словно сомневаясь секунды, но уже по-свойски махнул рукой.

— Ты всё в деревне знаешь: и в нашей, и в соседской. Может, скажешь, если есть такое, что кто-то родил здесь около двадцати дней назад?

Лицо Баяна изменилось. Он резко вскочил и, отпрыгнув от стола, затараторил спутанно и торопливо:

— Ах вон ты чё! Сама послала? Так я тебе скажу, что это не моё, не моё! Понял? Я там всего четыре раза был, четыре раза! Причём три — пьяный

почти в умат. Что, если спали вместе? Мне же надо было где-то спать, я же не собака, чтобы на полу... Вот и лёг на её кровать. То есть ложился... А было всего раз, и то так, без желания, без кайфа как-то. Я больше после того раза и не пошёл, понял, что не понравился... Зачем мучиться?

Он, бегая по комнате и размахивая руками, вполголоса кричал, поглядывая на дверь, словно ожидая кого-то. Затем, не понимая, почему “посланный ею” Иван молчит, неожиданно, словно обрывая музыку, припал к столу:

— Это Кошалёв гад, точно тебе говорю, дядя Ваня, Юрка Кошалёв. Он меня и выщепил, когда я последний раз от неё уходил. Прижал к забору и давит пальцами горло, словно гусю. Я не пойму ничего, а он слюнями в морду: “Моя она, если ещё раз придёшь, на вилы насажу...” — и дерёт горло ногтями. Еле вырвался, хотел обматерить его, а говорить не могу, шиплю, как действительно гусь. Короче, домой прибежал и больше — ни ногой, ну её к лешему, и с любовью, и с кроватью... Я и забыл уже почти, а тут узнаю — родила!

Вовка сел и, сам налив водки, взволнованно хыкнул, запил водой и забарабанил пальцами по столу, отводя воровато глаза.

— Так ты скажи, кто родил-то? Мне надо знать! — Иван встал и надевая куртку, не мог попасть в рукав. — Кто? Имя забыл?

Баян, ничего не понимая, тоже встал и, на всякий случай отходя в спальню, назвал:

— Зинка Фролова, кто?! А то не знаешь, кто послал, вот кино индийское, в двух сериях, где все родня!

Иван вышел, громко хлопнув дверью.

— Хорошо, что не ты отец.

* * *

Придя домой, долго сидел одетый, упорно глядя, как от ботинок тёмными струйками растекалась тающая в тепле грязь.

Скоро всё остынет... Потом природа поседет первым робким снегом, ещё тонущим в лужах, но уже спокойно лежащим на подстылой земле. Сколько раз, сколько раз видел он это, Господи, но всегда душу охватывает грустный восторг, когда выходишь утром, а мир сед... Сед и немного суров: не холоден, а именно миролюбиво суров, словно пожилой, любящий тебя отец...

Иван и отца вспомнил, уже больного, коротко стриженного и вдруг совершенно седого, хотя уезжал в больницу статный, русский сибиряк. Его не было долго, а когда привезли, сам идти не мог. Они с братом, с двух сторон обхватив за тело и ноги, несли его с дороги через снег домой, а отец плакал, и слезинки настывали в высокой щетине на провалившихся щеках. И Колька плакал, смешно и страшно корча лицо, не сдерживаясь и громко всхлипывая. А сам Ванька плакал, ненавидя себя за то, что не ездил к отцу в больницу: ведь он наверняка смог бы ему помочь...

Стоп! Вот видишь, Иван, забыл ты, как просил перед смертью отец вас держаться друг друга. А вы обещали, да не сдержали слово... Но только память с сожалением укорит в этом, а время отберёт потом и слотит торопливо, как глотает всё.

Он очнулся от дум, вытер ладонью мокрое лицо и, быстро раздевшись, лёг спать, не протопив на ночь печь. Уже засыпая, решил не вставать завтра до свету — а это почти до десятого часа. Ещё подумал, что скот будет орать, но... не сдохнут за один раз. Уснул.

Проснулся ещё в темноте, чувствуя лицом прохладу в доме. Попытался уснуть, но не смог и, поняв, что выспался, решил вставать. В доме у него удобств не было, и он, не позволяющий себе “слабости в ведро”, накинув старый, длинный утеплённый плащ, предназначенный именно для этого дела, выскочил до ветру в красивый, самим сделанный туалет. Прискакал обратно быстро, замёрзший и окончательно проснувшийся. Было шесть с небольшим. Поставив чайник, начал растапливать печь.

“А где же живёт Зинка? — он знал, что найдёт её, но хотел вспомнить сам, чтобы не спрашивать односельчан. — Начнут: зачем да почему? Смешки-уколы... А она, по-моему, совсем соплячка ещё: лет тридцать, может, с небольшим”.

Чайник отключился, он встал и заварил крепкий чай с сухим имбирём, который заготовил сам. Вернувшись к печи, зажёт белую, скрученную в трубочку берёзовую кору и, аккуратно подсунув её под дрова, закрыл дверцу. Верная, как добрая собака, печь сначала тихонько заскулила, чуть сбиваясь и начиная вновь, потом, уже разгоревшись, протяжно и чуть слышно завывала, призывая замёрзшего хозяина к теплу, домой! Иван тянул терпкий, чуть подслащённый чай, сидя на низком стульчике, и смотрел через щель на горящий язык этого верного домашнего существа.

— Управлюсь, вспомню: суета здесь не нужна...

Ему было пятьдесят два года, но именно теперь он почувствовал себя старым и совершенно одиноким...

* * *

С утра варил творог из обраты. Сначала два дня копил в погребе молоко, затем — на электрический сепаратор, после сливки — на сметану, обрат — на творог. Сметану можно просто сторговать, а можно на масло сбить. Если на масло, останется ещё пахта: её, остуженную, он сам очень любил. Вообще, Ивана поражало разнообразие продуктов, которое можно сделать из молока. Он смолоду научился готовить любой деликатес, включая простоквашу. Но со временем дачники, да и просто бескоровные местные убедили его в коммерческой выгоде этого занятия, и теперь его молочка была нарасхват и даже по записи. Это было очень удобно и приносило ощутимый доход, который почти весь он тратил на пятилетнего внука, сына дочери, Петруху.

Сегодня, отторговав по записи (два кило творога, полкило масла, баночка сметаны и “полторашка” молока), остатки сложил по чистым баночкам и упаковал всё в рюкзак. В двенадцать дня пошёл.

Сама Зинка появилась в деревне лет пятнадцать назад и поселилась, неизвестно почему, у бабы Стеши Фроловой. Может, та пожалела, только оказалось, что, как баба Стеша померла, пришлая тоже этой фамилии. А никто и не разбирался, да и милиция сюда попадает, только когда выборы проходят. Посидят сутки в клубе и до следующих забывают дорогу в эти места, конечно, если не порешат кого местные алкаши. Но то совсем редко, слава Богу, народ в деревне теперь тихий и скрытный: лишь бы меня не тронули...

Иван прошёл мимо фроловского дома. Не заметив ничего, шагов через пятьдесят развернулся резко и, как ни в чём не бывало, пошёл обратно. Теперь смотрел уже через левое плечо, до минимума сбавив ход, размышлял: “Дорожка к дверям напотгана, дыма вроде нет, но над трубой жар шевелит воздух. Значит, дома...”

Он уже хотел повернуть, но из-за угла вынырнул знакомый мужик, и Иван, поздоровавшись кивком, озабоченно проскочил до перекрёстка. Там, крутанувшись, убедился, что “фарватер” чист, быстро вернулся и, уже не думая, зашёл в избу, стукнув для порядка козонками в дверь.

* * *

В домешибанул в нос запах маленького ребёнка, но очень уж резкий и со спиртовой прокисью, словно в утреннем пивном баре. Он вполголоса назвал имя предполагаемой хозяйки и, затаившись, полминуты ждал ответа. Поставив, скинул чуни и, мягко ступая, прошёл через кухню с навязанными попереёк верёвками и, как он решил, спальню, задрнутую по проёму простыней. На широком диване лежала Зинка в коротком халате, и громко сопя, спала. А в её скрещённых руках лежал завёрнутый в пелёнку младенец с маленьким кукольным личиком. Иван, испугавшись, что она его задавила своей ручищей, быстро подошёл и положил её руку вдоль тела. Зинка открыла глаза.

— Ты чё, дя Вань? — она узнала его сразу, хотя никогда не общались близко.

Иван, воровато отведя глаза от полураскрытых грудей, отошёл от дивана.

— Задавишь, побоялся. Он же ещё, смотри, куклёнок совсем...

Хозяйка резко поднялась, одёрнула на груди халат и села на диван, собирая волосы в пучок.

— А ты кто? Какая инспекция малолетняя? Или, может, по своему вопросу зашёл?

Иван сел напротив, скинул с плеч рюкзак и поставил его между ног. Кашлянул легонько из-за пересохшего враз горла, прикрыв рот рукой, потом начал:

— Ты, Зина, ничего не подумай. Без злого умысла я, то есть не ругаться, а даже наоборот. Вот принёс продуктов молочных пикунёнку твоему, пускай рубает и растёт, — он, торопясь, развязал рюкзак и стал выкладывать прямо на пол баночки и пакет с творогом. — Как съест, Зина, ещё принесу, и поболее могу. Он же растёт, само собой, и никуда от этого не деться. — Иван радостно заулыбался своему пониманию происходящего.

Женщина тоже засмеялась, оперевшись о диван и закидывая в смехе голову.

— У тебя дети были, дядька?

— Были, и сейчас есть, взрослые!

— Да как неужели же не знаешь, что ему пока месяцев до шести-семи вообще ничего нельзя, кроме молока вот этого? — она вдруг приоткрыла халат, показав большую, упругую грудь с ярким, чуть длинным соском.

Мужик испуганно отвернулся. Она, засмеявшись, встала, рисуясь одёрнула одежду, плавно провела из-под грудей по талии руками:

— И пока он на отсутствие пищи не жалуется. А ты бы лучше пива принёс полторашечку, мне бы не помешало.

Ивану вдруг кольнула в сердце эта просьба. Он ничего не знал об этой молодой и ещё очень красивой женщине, но совершенно не хотел, чтобы она шла.

— Послушай, Зин, а как же пацан, ему-то вдруг чего не так будет, дело же серьёзное: дитя!

— А что ему будет... Спать только будет крепше и дольше, так мне опять же на руку. Немного собой займусь.

Иван, торопя себя, думал, не убирая банки с пола и пытаясь не смотреть на хозяйку.

— Знаешь, — он, наконец, хлопнул по коленям и, продолжая смущаться, глядел на диван с лежащим свёртком, — ты сама кушай это всё и корми пацана. Только не пей! Как он станет сам есть, тогда перейдём на нормальную пищу, а ты уж, если не в силах терпеть, выпивай немного, даже сам буду покупать алкоголь, если что...

Зинка хлопнула руками по бёдрам.

— Ох, вы посмотрите на него! — и, подойдя почти вплотную, встала ему под взгляд. — Ты кто такой? Припёрся неизвестно откуда, во второй раз его в жизни вижу, а он мне лицей преподаёт, как сына воспитывать... Что тебе до меня или до него?

Она протянула открытую руку к дивану.

Иван, уже не в силах отворачиваться от наседающей женщины, встал и примирительно продолжил:

— Я дурного не хочу. Помогу тебе ребёнка на ноги поставить — и всё. Просто так. Одной тебе сейчас трудно будет, вот я и решил.

Последние слова он произнёс с уверенностью, словно Зинка сама его об этом просила. Но распахнувшаяся женщина схватила Ивана за ворот и, дыша в лицо вчерашним перегаром, вполголоса кричала:

— Что тебе надо вдруг от меня и сына моего, дурак?

Иван спокойно отвёл её руки, немного толкнув, посадил на диван, дождался, пока перестанет биться и кричать. Она, подавшись его силе, сидела, возмущённо отдуваясь, и смотрела, как он натягивает чуни.

— В доме так больше не блажи: ребёнку напугаешь. Вообще, как договорились, так и делай. Я завтра приду, ещё поесть принесу и тебе чего куплю, — он встал в проёме, открывая дверь, повернулся и, взглянув прямо на молодую мать, произнёс:

— Родня он мне, оказывается! Слышишь? И потому я шефство над ним возьму, вернее, взял. Так что до завтра, Зина...

Дверь по-хозяйски негромко хлопнула и прижалась от тяжёлого плеча мужика. Чтобы не отошла!

Женщина, ничего не понимая, испуганно заплакала...

* * *

Назавтра хлопот накопилось — полный рот. Навалившиеся вдруг дела, связанные с отсутствием, враз изменили привычный порядок дома, а в хозяйстве и подавно. Чужие руки, конечно, могут заменить твои на время, но лишь поверхностно. Обычно так: печь протоплю, но дров приготовь; корову выдою и сена подтолкну, но ты его натаскай под крышку к яслям; яйца соберу и корма сышну, подчистить и соломки подстелить — сам. Вот и приходится потом полных полдня чистить, таскать, убирать... И корова вдруг вздрагивает от прикосновения, и куры замекрели от несвежей подстилки, да и дом враз потемнел без хозяина... Бедная же Весна так радовалась и выказывала своё восхищение, что пришлось её закрыть на время уборки в конуру. Когда же наладил всё по-своему и зашёл домой, полдня пролетело, и улица уже за окном сереет. Иван решил сначала добежать до Зинки, потом уж растопить печь и заняться домом. На этот раз сложил банку сливок и бутылку молока в целлофановый пакет, яйца — аккуратно — в другой. “Чтобы не таскаться с рюкзаком, как турист, принёс, оставил — и всё!” — размышлял Иван.

Надеясь, что ненадолго, и не закрывая на замок дом, вышел на холодную улицу с целью прийти к Зинке с одной стороны, а уйти с другой, словно проходом. Почему-то казалось, что такой путь не очень бросится в глаза непосвящённым...

Как назло, получилось по очереди встретиться с двумя знакомыми, пришлось обоим врать одинаково, мол, побежал до дочери: внук Петруха молока дедовой Бурёнки захотел. Мужики ему, наверное, верили и долго не задерживали, хотя дочь жила в другой стороне деревни. Сделав полукруг в другую улицу, он пошёл, словно бы уже в свою сторону, и через три дома заскочил в Зинкину ограду. Быстро пройдя по тонкой тропинке, шагнул в сени и, стукнув по входным дверям, вошёл.

В нос теперь шибануло не прошедшим, а происходящим праздником. Так и есть: спальня была, как и вчера, задёрнута простыней, зато в кухне у стола сидели сама хозяйка и мужик. Гость её был в зелёных спортивных штанах, отвисших на коленях, в полосатой футболке и без носков. Но больше всего задело Ивана то, что тот курил. Он поздоровался с замолчавшей Зинкой, сняв чуни, прошёл к столу и, подвинув на нём грязную посуду, поставил пакет, сам сел на третий покосившийся стул.

— Привет, дядь Вань! Каким ветром сюда занесло? Что-то прям как домой уже, без приглашения, не стесняясь... А вдруг мы того... в ложе любви чичас?

Пришедший пододвинулся ближе к столу, развернулся спиной к хозяйке и лицом к гостю. Это был Кошалёв, которого Иван, конечно же, знал с детства и только до какой-то поры, когда или Юрка исчез, или он сам, уединившись, никого уже старался не знать.

Сейчас перед ним сидел, развалившись, как пьяный барин, довольно здоровый, но с суетливо бегающими глазками парень.

— Здравствуй, Юра, — Иван, пытающийся понять, чего в нём больше сейчас, зла или здравого смысла, смотрел, не моргая, на оппонента. — Ты забыл, что я запретил здесь распивать спиртные напитки и курение? Насовсем!

Обескураженный Юрка подтянул ноги и взглянул на хозяйку.

— Когда это?

— Сейчас и... повторяю, насовсем, — он протянул к лицу парня консервную банку, заменяющую пепельницу.

Тот, гадко улыбаясь, раздавил окурок и, сев совсем в стул, пропел:

— А в гости можно приходить или тоже табу?

— В гости можно, если хозяйка не против тебя пьяного терпеть. Скажет “нет” — и в гости нельзя!

Юрка, понимая свой проигрыш, но не собираясь сдаваться, напрягся:

— Ты-то кто здесь, дядя Ваня? Или тепла молодого захотел на старости лет?

Зинка зло фыркнула и, заскочив за занавеску, укладываясь, заскрипела диваном. Иван протряпал взглядом парня и молчал, шевеля пальцами сложенных на коленях рук. Кошалёнок с притворной ленивцей встал, обошёл стол, подобрал брошенные у печки носки и направился к вешалке.

— Ну, оставайтесь, коли так, — он повысил голос, — счастья вам, хозяйшка... и этого... согласия.

Зинка что-то непонятное ответила, но Юрка, воткнув голые ноги в валенки и накинув вытертый полупушок, быстро вышел, громко хлопнув дверью.

В сенках простукало по полу, и всё затихло. Иван встал, собрал со стола грязь и, открыв печь, бросил в огонь. Поискав глазами, в чём она моет посуду, но ничего не найдя, сложил тарелки и стаканы в ободранную раковину. В комнате заскрипел ребёнок, и послышался тихий голос матери. Иван, прислушиваясь, постоял несколько секунд, улыбаясь и приоткрыв рот, потихоньку пошёл к спальне. Остановился, уткнувшись в занавеску.

— Зин!

Женщина молчала.

Он, вдохнув шумно, продолжил:

— Ты как пацана назвала?

Теперь она, нервно сбиваясь, заговорила:

— Никак! Это же надо в сельский совет попасть, а с ним кто? Меня “скорая” на пятый день домой привезла и уехала — вот всё! И ребёнок здоров, и я, слава Богу, но как эти двенадцать километров перескочить, не знаю. Просила Юрку с кем договориться, никто, говорит, не согласен. Или деньги большие просят. Вот и сидим пока без имени... — она слышимо переложила ребёнка с одной груди на другую, и тот снова зачмокал.

“Вот апшетит, — обрадованно думал Иван, — сразу видать — мужик! Прости, Господи...”

— Я помогу тебе, то есть вам. Вот завтра на смену, послезавтра приду, управлюсь и, думаю, часам к одиннадцати подъедем за вами, хорошо?

Было слышно, что в спальне рады. Иван, набравшись духу, попросил:

— Можно посмотрю?

— Сейчас, — Зина заправила грудь в халат и разрешила: — Заходи!

Ребёнок был, как куколка, заплетён в пелёнку по шею. И небольшая, с кулак Ивана, головка в синей шапочке, опять же с кукольным личиком: маленький носик, закрытые глазки, почти без бровей и ресничек, и чуть розовые губки — даже с улыбкой. Зато щёки выпадали из завязанной шапочки персиковыми дольками.

— Это ты глянь, а! — У Ивана от нежности захолонуло сердце, и он, не в силах сдержаться, спросил мать: — Зин, можно понюхаю немного, даже не дыхну на него... Пожалуйста!

Она чуть приподняла его с колен, и мужик, сам встав на колени перед ними, аккуратно склонившись, вдохнул от подбородка и ротика сладко-кисленький его запах, запах молока, груди матери и маленькой жизни, которая уже была осязаема. Молодая женщина смотрела на мокрые от слёз глаза Ивана и растерянно молчала.

— Я знаю, что вспоминает старый человек, проживший жизнь, перед смертью, — он встал и, смахнув слезинки, пошёл к выходу, — он вспоминает именно этот запах...

В кухне подложил в печь дров, погасил свет и, аккуратно придавив дверь, вышел.

Ночь брела по улице впереди Ивана. Он был счастлив...

* * *

На работу всегда добирался пешком. Эти недолгие четыре километра его бодрили и радовали. Ходил Иван по лесной ненабитой дороге, всегда удивляясь жизни, кипящей вокруг, и думал о своей. Сейчас, освещая малоснежную ещё тропу фонариком, вспоминал последние события: “Всего три дня назад совершенно не знал, что делать и как жить дальше... И вот как всё изменилось — словно по волшебству. А может, правда, там кто есть, и видит наши мытарства, и, может, помогает даже немного?”

Он почему-то отчётливо радовался знакомству с Зиной или даже больше с её сыном, моментально и бесповоротно ставшим ему родным, нужным.

— Вот имя оформим. И всё, всё начнётся!

Что начнётся, Иван не знал, но был уверен — только хорошее.

В нетерпении сутки тянулись долго. Пришедший сменщик, заваривая обязательный утренний чай, пытался разговорить Ивана. Но тот не поддавался и, нацепив уже давно собранный рюкзак, ушёл, словно растерялся в просыпающемся утреннем рассвете. В мыслях о предстоящих сегодня делах не заметил, как очутился дома. После управы пошёл к соседу Фёдору. Подойдя, с удивлением обнаружил на входной двери огромный замок и растерянно затаптался. Был вариант, что он попутал в сменах, так как Фёдор тоже работал посменно, но, посчитав, понял, что ошибается: “У него сутки после двух моих выходных, если не подменился, конечно”.

Иван покрутился и вспомнил про машину. Любимица Фёдора, приобретённая лет двадцать назад, отечественная малолитражка совершенно непонятного грязного цвета, стояла на месте.

“Что же номер телефона у неё не взял, — злился он, — наверное, ждёт сейчас, нервничает...”

Телефон же соседа был нем, будто потерял своего хозяина. Постояв в раздумьях, плюнул и, не оборачиваясь, быстро пошёл к Зинке. В сенках снова запах гулянки: вина или пива, курева и какой-то нечистоты. В доме холодно, на столе — вчерашний бардак, под столом — пустые смятые пластиковые бутылки. Сама хозяйка не спала и встретила Ивана в голос:

— Явился, не простудился, — она встала, запахивая халат, и зло продолжала: — а то думала, замерзать придётся, если припозднитесь немного... Вчера в гостях Юрка был, но дрова теперь рубить отказался: я, говорит, ещё вышить с тобой могу и... там немного ещё чего, — она скривила презрительно лицо, — а дрова пускай твой новый родственник рубит, нечего просто так тут рассиживаться...

Зинка задёрнула, как обычно, шторку и села к столу, положив нога на ногу.

— Чурки я кое-как осенью смогла привезти, в смысле, договорилась с мужиками, напилили. Но колоть никто не согласился, так хоть этот гад помогал, — она замолчала, затем с несдерживаемыми слезами продолжала, — за отдельный расчёт и тепло... А вчера пришёл пьяный, разорался, что не цену добра, и конечно, пожалею обязательно... Я-то его выгнала, — женщина жала рукой на груди халат, — а дальше что? Идти теперь обратно звать?

Она уже с отчаянием заплакала, закрывая рот ладошкой.

— Родственник... много вас таких... через одного да каждый...

Иван понял, что вошёл в судьбу этой женщины без её согласия, развалив привычный ход жизни, и именно это доставляет ей сейчас неудобство. Он посмотрел в светлое окно и усмехнулся:

— Предлагаешь идти дрова колоть? Людской молвы не боишься? Что на это скажут-перескажут?

— А мне стыдиться поздно, мой стыд вон, сопит лежит, ему теперь и тепло нужно, и кушать... и вообще! Я тридцать лет стыдилась да пряталась, сейчас пускай другим будет стыдно, у кого нет такого счастья...

В комнате запищал ребёнок, и мать, вскочив, шмыгнула за занавеску. Через минуту паренёк замолчал.

— А где топор взять: есть, нет? Пойду немного разомнусь, часок до упоравы. — Иван обувался в дверях.

— Где-то в дровах. Он его всегда, где работает, там и бросает...

— Понял. Если что, за своим сбегаю.

— Конечно, сбегай. Только не долго беги. Света на дворе нет, в темноте неудобно топором махать... — она как-то презрительно и горько, коротко просмеялась.

Дрова были свалены в кучу около полуразвалившегося сарая, засыпав ненужный, скорее всего, туда вход. Но проход к летнему и, наверняка, к зимнему туалету был тоже завален, поэтому он сначала откидал чурки, освободив двери. Топор валялся тут же — не колун, но довольно неплохой. Иван, не откладывая, решил рубить не очень большие, тяжёлые оставив на потом: “Когда колун принесу...”

Он выбрал на подставу кусок дерева пониже и пошире, установил его плотно, снял куртку и, оставшись в свободном тёплом свитере, приступил. Дрова колоть он любил с детства и не считал эту работу серьёзной или тяжёлой.

Зина перепеленала ребёнка и, чувствуя прохладу, подвернув дорогой свёрток шалью, вышла в кухню, к окну. На улице, паря всем телом, мужик рубил дрова, отбрасывая колотые поленья в уже довольно большую кучу. Неожиданное тепло и почти незнакомая нежность заполнили растерянную душу женщины: “Господи, какой хороший. Хороший, только совсем непонятный... и ста... нет — взрослый! — она отвернулась и неприятное чувство, почти отчаяние, охватило её. — А ведь будущего нет... Ни работы, ни достатка, ни мужа, ни даже мало-мальски нормального мужика рядом. Неужели всё, что происходит в моей жизни, ждёт теперь и сына? Нет, только не это... Только не это! Я что-нибудь придумаю, милый мой”.

Она легла и чутко задремала.

Скоро зашёл Иван, растопил печь, натаскал дров и, заставив её закрыться на крючок, ушёл.

— Никому не открывай, если что, звони, телефон записан, бумажка на столе. Завтра к одиннадцати дня заезжаю, и едем ребёнка регистрировать.

Он перешагнул порог, как всегда плотно притворив дверь плечом, и, дождавшись звона упавшего крючка, вышел из сеней.

* * *

Оказывается, соседка жена вчера спрятала под замок. Сам, пьющий “редко, но метко”, он бы не остановился, и поэтому выпившего с вечера мужа утром женщина уговорила отдохнуть под замком, мотивируя это так:

— Лучше пускай сутки проваляешься, чем опохмеляться затеешь. Втянешься — не остановить, и работу потеряешь.

Фёдор, сам любящий такие “отгулы”, целые сутки проспал сурком, а утром подтвердил свою готовность съездить до сельского совета.

Иван, довольный ходом дела, всё равно предупредил:

— Телефон не оставляй пока нигде. Управлюсь, соберусь — и вперёд. Делов на час, по-хорошему.

Без пятнадцати одиннадцать самоназванный крёстный, одетый непривычно нарядно, чего почему-то стеснялся, подошёл к соседской ограде. Машина была готова, и мужики, молча усевшись и волнуясь оба, выехали. Уже у фроловского дома Иван заговорил:

— Я, Федя, выскочу у калитки, ты же доезжай до конца улицы, развернись и там стой. Мы выйдем, махну тебе, подскочишь, — и не дождавшись ответа, вышагнул из машины почти на ходу.

Зина была уже одета, а паренёк лежал развёрнутый и болтал ручками и ножками, смешно корча рожицы. Иван, восхищённо вытянувшись, не подходя близко, радостно заключил:

— Мужик! Гляди ты, всё по-правдешнему, сомневаться даже больше не надо! — Он улыбался и испытывал такую знакомую радость, ни с чем не сравнимую, о которой помнил много раньше.

Хозяйка, посмотрев сначала на сына, потом на Ивана, стала пеленать малыша.

Неожиданно он спросил, любуясь, как мать ловко укутывает дитя:

— Зина, а как пацана решила назвать, имя же надо подходящее...

Он совершенно не знал квалификацию имён: подходит — не подходит, скорее, признавал: нравится — не нравится.

— Валера, — вдруг тихо ответила мать.

Мужик испугался:

— Какой Валера? Что это за имя, и, по-моему, певица такая есть... Ещё не хватало...

— А тебе какое нравится? — она обернулась к нему, улыбаясь, и готовая слушать.

Иван отошёл к чисто прибранному столу и, сев на скрипнувший стул, нараспев, надеясь, что она услышит и почувствует красоту слова, произнес:

— Николай!

Зина разочарованно присвистнула:

— И где же тут красиво? Придумал, прости меня. Валера уж в любом случае красивее, не знаю, как другим, мне лично так...

— Да что тебе, — выбирал правильный путь разговора новоявленный крестный, — что красота? Николай — не просто имя, это такой спаситель был у русского народа! Он потом из мужика богом стал почти. И значит, великая сила в нём была и правда...

Зина хотела посмеяться, но, взглянув на Ивана, поняла, что он говорит очень важное и нужное для себя, верит в это беззаветно и хочет до других донести. Мать, подвязав свёрток синим бантом и взяв его на руки, с нетерпением спросила:

— Ну, что сидишь, едем?

Иван встал.

— Да, как же, Зина, а?.. Назовёшь Колей, я шефство над ним возьму, не брошу до последу своего, не сомневайся. И своим скажу, надо будет, что не чужой он им, а наоборот!

— Так давай и отчество твоё тогда дадим, что уж размениваться. Я, грешным делом, сообразить пока не могу, кто папка его, не уследила в суете. — Она замолчала.

Иван, подшагнув к ней, долго смотрел в лицо и вдруг улыбнулся:

— Давай!

* * *

Через сорок минут в сельском совете рука паспортистки Иры вывела в свидетельстве о рождении: Фролов Николай Иванович.

А поздним вечером Иван, чуть хмельной, сидя за кухонным столом напротив фотографии брата, говорил тому:

— Вот и ладно, братка, как и положено, до сорокового дня... Кольку-то прямо тем днём обозначили, как ты того... — Иван судорожно сглотнул спазм, сбил со щёк щекоктавшие слезинки и продолжал: — И не думай, всему научу, на ноги поставлю и тебя ему обозначаю. Токо что лицом, конечно, не получится совсем уж, но главное же душа! А она у него твоя, правильная душа будет!

Он положил фотографию в шкаф, неторопливо разделся, оглядев комнату, погасил свет и, на ощупь добравшись до постели, улёгся. Немного полежав с открытыми глазами, сжавшись и не вытирая бежавшие в уши слёзы, тихо заплакал, то ли от радости, то ли от горя, а может, и от того, и от другого вместе. Так бывает, когда душа есть у человека. Большая!

КОГДА ВЗОЙДЁТ СОЛНЦЕ

С Фёдорычем, невысоким крепким дедом, появившимся в их деревне год назад, Егор познакомился в лесу. Сам он плотно работал на заготовке дров для тех, кто не может или, чаще, не хочет заниматься этим серьёзным делом.

Местный лесник, которого мужики за глаза называли Лешим, отметил им деляны рядом, нашлапав своей печатью ярких меток на белые стволы берёз. Егор совершенно не обратил внимания на незнакомца, суетливо скачущего за важным лесником, грозно решающим какой ствол пойдёт на дрова, а какой “пускай ещё постоит, позреет”...

Тот же, боясь не найти после свои стволы, торопливо вязал на них цветные полоски, нарванные заранее из старой простыни. Егор про себя посмеялся над незнакомцем, вслух отметив его неожиданную практичность: — Здорово!

На следующий день Егор приехал уже на своём, купленном два года назад специально для этой работы двухколёсном, с небольшой прицепной телегой тракторёнке. Вчерашний дед, вежливо поздоровавшись кивком головы, завёл свою пилу и стал пилить, сильно газуя и часто вскидывая голову вверх.

Егор, отметив его полный непрофессионализм, потихоньку разгрузился, направив и ещё раз проверив пилы. Пила соседа выла, как самолёт. Определив по плотному звуку, что инструмент у того хороший, парень не понимал, почему дерево ещё стоит. Наконец, не выдержав, подошёл к работающему. Тронув того за плечо и встретив удивлённый взгляд, махнул рукой: “Стой!” Затем уверенно взял пилу, заглушил её и потрогав цепь, засмеялся.

— А я думаю, как так: гудит уверенно, по стволу вроде водишь, а опилок нет... — Он опять засмеялся. — Цепь у тебя дед, задом наперёд надеята... ха-ха... Это как дрова рубить обухом топора или воду решетом носить.

Парень ловко и быстро перевернул цепь, проверил на натяг и, ловко вскинув, с руки дёрнул кикстартёр. Пила уверенно загудела, он, наклонившись, по набитому резу прижав шину, длинно газанул. Затем так же — с другой стороны, и снова в первый запил, но уже на полный газ. Небольшое дерево, качнувшись, накренилось и, попытавшись устоять, шумно охнув, свалилось, взметнув из-под себя пыль и оторванные листья.

— Неплохо, пила достойная, — Егор обернулся к хозяину.

Тот, не скрывая радости, тянул руку.

— Думаю, что такое? Всё новое, а не идёт! Ну, первый блин комом, наверное, так... — крепко пожав протянутую неожиданным помощником руку, назвался: — Фёдор Фёдорович, пенсионер, уже год с лишним у вас проживающий!

Егор даванул деду ладонь, с удовлетворением чувствуя силу руки, назвал себя и, не затягивая паузы, пошёл на свою деляну.

И получилось так, что, подсобив раз, он помог ему также чурки до дома вывезти, попутно рассказав и показав, как складывать ветки, чтобы не получить нагоняй от лесника.

— Леший хоть и мужик свойский, порядок в своём деле любит! — говорил Егор, со знанием дела оттаскивая ветки на свободную от деревьев поляну. — Поздней осенью сжигать это будет, по первому снегу. Так надо, чтобы живые деревья не поглотить. — Фёдорыч согласно таскал сучья и аккуратно складывал кучи, стараясь не разваливать их большими ветками.

На следующий день вечером Егор даже не удивился, увидев Фёдорыча, идущего к его ограде, аккуратно придерживая раздутый магазинный пакет.

Так началась дружба двух, как оказалось, одиноких на тот момент мужиков.

* * *

Дом у Егора небольшой, простой, и именно этой простотой уютный. Фёдорыч осматривался, скромно заглядывая во все комнаты. Сам хозяин побегал обкупываться в баню.

— Можно, конечно, и под душем, но мне больше баня по душе! Тем более вчера топил, вода тёплая...

Гость обошёл комнаты, которых было две, из них одна — спальня, заглянул в ванную с душевой кабинкой и в туалет, благо двери были рядом. Затем сел за стол в небольшой светлой кухне и огляделся.

Стены внутри деревянного дома были просто строганы, затем отшлифованы тёркой. От этого дерево стало, как сплошная картина, с красивыми неправильными узорами из сучков и разводов годовых колец. Фёдорыч, не выдержав, погладил дерево, неожиданно вспомнив далёкое детство, и, довольный догадкой, проговорил:

— А олифой горячей пропитал, ишь какой цвет дала! К тому ж запах не закрыла, как магазинная краска! — Он вздохнул полной грудью и придвинулся к столу, сделанному также, наверное, руками хозяина, начал выставлять принесённую снедь. В сенцах затопал хозяин.

— Вот смотрю и гадаю, кто тебя надоумил такой домик соорудить? Или прикупил уже выстроенный, как я? — Гость, улыбаясь, разводил руками.

Егор, в спортивных трико, с перекинутым через плечо полотенцем сел за стол.

— Зачем покупать, сам сладил, как понимаю... А строить немного у бати научился, он у меня плотник был. Хороший! Я вот жалею, что не осознавал по молодости, какое это дело правильное. Поэтому многое упустил. Но суть понял, теперь, где непонятно, сам додумываю. Хотя так ещё интереснее. — Он достал кое-что из холодильника, и они, не сговариваясь, выпили по рюмочке.

— Вот спасибо тебе, Егор! Я бы сам, конечно, долго дровами занимался, начиная с цепи уже... — оба засмеялись, — не говоря о привозе и прочее. У тебя как-то всё быстро получается, ловко... Вижу, давно этим делом промышляешь?

— Уже годов, точнее, сезонов семь — восьмой идёт. Как из города вернулся сюда жить, а работы никакой. Хорошо, брат надоумил, он этим тоже живёт, в соседней деревне. Вот и втянул меня, спасибо ему на добром слове. Хотя мы с ним и за другие калымы берёмся, где что построить, крышу перекрыть, забор поставить...

Выпили ещё. Было видно, что Фёдорыч хочет что-то спросить, но молчал, боясь, наверное, какого-нибудь неудобства. Неловко налив ещё, он показал рукой: — Давай!

— Ты меня, дедусь, извини. Я не шибко пивун, быстро косею. А завтра в лес опять. Заказы есть, сидеть некогда. А работа, сам знаешь, не пофилонишь. К тому же, помощник мой, что ветки в кучи собирает, запил, уже вторую неделю разменял. Самому приходится, а это в два раза труднее и по времени дольше...

— Так давай я, а?! Всё равно дома сижу, уже соскучился по делу. Думаю, что уж кучи слаживать сумею, не велика проблема.

Егор внимательно посмотрел на неожиданного добровольца и, решившись, поднял рюмку:

— Давай!

Закусив, Фёдорыч поднялся и протянул руку хозяину. Тот, пожимая её, серьёзно подтвердил:

— Завтра заеду в девять часов, не проспай, ждать не буду.

— Хорошо. — Гость, слегка качнувшись, вышел.

* * *

С этого дня Фёдорыч на постоянно занял место подсобного работника, выполняющего нехитрую, но очень важную работу. Ветки нужно собирать и складывать в кучи обязательно подальше от деревьев. А осенью лесник по первому снегу с самым заготовителем проезжал по его делянам и всё это сжигал, избегая этим возможных весенних палов.

Производительность с таким помощником увеличивается почти вдвое. Фёдорыч быстро и с желанием освоил нехитрые премудрости работы, и уже

через несколько дней стал выкраивать время на заготовку веников, поиск грибов и даже сбор ягод. Оказалось, что по живости натуры он, как и Егор, находить без дела совсем не мог. И увидев именно эту черту в его характере, Егор всё больше и больше привязывался к деду...

Тот же, видя в Егоре человека более опытного в простой деревенской жизни, в отличие от себя, всю жизнь прожившего в городе, удивлялся его природной смекалке и практичности!

...Как-то они “промышляли” на отдыхе грибы. Фёдорыч метался по колку, как заяц, стараясь за короткое время осмотреть как можно больший периметр леса. Егор же спокойно шёл в метрах десяти от края, иногда наклонялся, чаще даже приседал, скрываясь в высокой траве. А когда, выбравшись из леса, сошлись, оказалось у молодого грибов вдвое больше. Фёдорыч, сам набравший немало, развёл руками, показывая удивление.

— Вот как так?

Парень улыбнулся:

— У нас нынче год не очень дождливый? А преимущество ветров в этой области — юго-запад... Следовательно, именно западная сторона леса — более влажная, и, по логике, грибов там должно быть немного больше, чем в глуби или на востоке колка! Так ведь, сам подумай?

Простота немного даже обидела Фёдорыча, ведь и он замечал, что глубже лес — суше, а простой вывод сделать не сумел...

— Тебе кто это рассказал, только честно?

— Да никто, как-то всё само пришло. Я и грибы собираю совсем не часто, когда груздянки захочу. Обычно в лето раза два-три, не больше. Солёные люблю, но их проще у бабок наших купить, те ерунду не подсунут, для себя солят!.. Время у них есть!

Всё чаще и чаще они затевали доверительные беседы, короткие, но ёмкие, выплёскивая какую-либо серьёзную мысль или тему за несколько минут перекура. Причём, что один, что другой никогда не задавали предварительных вопросов, всё вырывалось вдруг, по наитию или доверительному душевному порыву. И эти короткие выплески были понятны и словно сближали их в одном, нужном обоим совместном движении.

Постепенно каждый словно бы уже ожидал историй другого, узнавая ещё страницу жизни собеседника...

* * *

Середина августа выдалась солнечная и тёплая. В безветренном, душном лесу работать бензопилами было трудно. Надышавшись густым выхлопом, Фёдорыч часто отходил в сторону и протяжно кашлял, негромко ругаясь и продувая нос, поочерёдно кланаясь головой в разные стороны. Егор, чтобы совсем не загнать помощника, глушил пилу и садился рядом на поставленные, словно стульчики, чурки. Сейчас он повернулся спиной и сквозь зубы, согнувшись в нетерпеливом ожидании, просил Фёдорыча:

— Слышь, дед! Хлестани между лопаток, там меня, по ходу, комар поедом ест, только похлестче...

Фёдорыч, увидав уже полного крови комара, затаив дыхание, неловко и аккуратно бил, вскрикивая, как обычно:

— А вот я его!

Егор нервно и как-то безнадежно ругался.

— Ты не можешь, что ли, хлопнуть сильно? Так, чтобы кожу обожгло? Неожиданно обвинённый дед оправдывался:

— Я же убил его... Вишь, кровь на руке даже. Зачем же хлестать шибко, лёгкие тебе отобью... вдруг...

— “Лёгкие отобью...” А вот она как хлестала! — Егор от сладких воспоминаний закрыл глаза. — Ка—а—ак резнёт! Хлесть! И словно не ладошечка у неё, а маленький утюжок, обжигает до красного! Потом на этом месте до конца дня вообще ничего не чувствуешь, только шкура горит немного... Приятно!

Он посмотрел на молчащего деда и, решившись, продолжил:

— Жена моя то есть. Мы, когда до города в деревне жили два года, часто в лес ходили. То по грибы, то по ягоды, а то и просто... нравилось. Сама измажется мазиами всякими, а я не люблю, шкуру мне эта химия ест. Вот её иногда и просил... Да, главное, ручка-то махонькая, пальцы просвечивались, словно бумажные, и нокоточки, как ягодки, светятся... Но как она хлестала ловко, не передашь... Откуда что бралось!?

Егор заметно расстроено замолчал, и Фёдорыч, чтобы разбавить неуют, спросил:

— А как звать-то её, жену твою, забыл, что ли?

— Да нет, не забыл. Только зачем теперь имя, скажи? Ушла она. Точнее, я ушёл, убежал...

Он встал и завёл пилу, дав понять, что разговор окончен.

Фёдорыч, ещё раз сухо по очереди продув ноздри, поднялся за ним.

* * *

Дела шли. Егор никуда не торопился. Обычно в неделю было два-три заказа, то есть две-три машины дров. Такой расклад позволял обоим заниматься домашними делами, которые в деревенском доме обычно нескончаемы. Получалось, что в лесу они бывали три-четыре раза в неделю, обычно после росы и часов до двух-трёх.

У Фёдорыча был насажен, как он выражался, “неловкий огород”, о котором он помнил всегда и бежал туда в любую свободную минуту.

У Егора из овощей — лишь картошка, лук-батун и грядка огурцов. Свободное время тратил “куда придётся”, часто облагораживая небольшую ограду, ещё чаще — помогая вечным и вездесущим бабкам.

К деду он не ходил, или, точнее, тот не звал. Но сегодня, проходя мимо, крикнул, разглядев его спину среди картошки, где старый собирал “вражью напасть” — полосатых колорадских жуков:

— Фёдорыч, приходи вечером, дело есть. В баньку сходим, грамм по сто пятьдесят на душу примем. И поговорим...

Фёдорыч, не сумевший ничего сказать из-за пересохшего горла, нечленораздельно крикнул и для пущего понимания махнул рукой.

Вечером он прикатил наряженный в спортивный костюм и кроссовки, чем вызвал удивление Егора.

— Да я раньше спортом занимался, плотно... Вот с тех времён и осталось, — он, улыбаясь, снял обувь, прошёл к столу.

— Тебе идёт... Но вообще, давай раздевайся, баня готова! Эх, как я это всё люблю. Наверное, хороший был человек, кто баню придумал и парилку, конечно...

— Наверно, — согласился Фёдорыч, и они потопали через ограду в баню...

К концу сентября дни заметно корочеют, и сумерки опускаются быстро. Зато уже по темну чувствуется прохлада, и комар исчезает, давая возможность спокойно отдыхать во дворе, под уличными навесами.

— Послушай, Фёдорыч, — они сидели за круглым столом, соблюдая по-слепанное удовлетворённое действие, когда хочется просто расслабленно сидеть, — через неделю октябрь, осень! Там немного — и совсем прохлада. Надо бы костюмы купить, знаешь, такие, пятнистые, словно солдатские. Я сам-то город не знаю и не очень люблю, а ты человек ещё недавно городской, не отвыкший. Поехали вместе, автобус от райцентра в девять утра. Обратное можно в обед, а можно и ввечер, если задержимся. Вдвоём всё же сподручней, да и веселей как-то.

Фёдорыч неожиданно, с радостью скучающего по этому делу человека, уверил:

— Конечно, давай, я город знаю, как пять пальцев, не заблудимся.

Поездку они назначили на четверг на утро...

...В автобусе спать уже совсем не хотелось. Народу немного, и они сидели рядом, наблюдая скоро бегущую за окном жизнь.

— Фёдорыч, а ты чем в городе занимался, как жил?

Тот, словно ожидая этого вопроса, вздохнул и прикрыл глаза.

— На производстве работал, начальником небольшим. Скучно, но зато деньги хорошие платили. А в свободное время стихи пишу, хобби у меня такое — стихи слагать!

Егор, обескураженно замолчав, всматривался в дедов серьёзный анфас, пытаясь углядеть усмешку. Наконец, не выдержал:

— Шутишь?! Я по телеку ихнего брата видел. Не остановишь. Они все стоят и, рукой махая, горланят, словно бы после немоты проораться им надо обязательно, все до одного!

Он на секунду задумался и уже не очень уверенно продолжил:

— Хотя недавно показывали наоборот... Этот сидит, не моргая, и чешет, чешет... Слова непонятные, то да потому, то да потому... Концерт у него вроде, народ за деньги пришёл. Думаю, щас морду ему набыют, — нет, замолчал — хлопают! И цветы, само собой. Тоже, думаю, — лучше бы бабам своим отдали, проку больше. Не понять их нашему брату — культура! А ты то вроде нормальный, работать можешь. Зачем тебе это?

Фёдорыч как-то безобидно и озорно смеялся, закрыв глаза и поглаживая старую сумку, лежащую на коленях.

— Я тоже читал, иногда. Сейчас пока отдыхаю, с мыслями собираюсь. И нового не могу ничего сказать. Всё как-то больше обида выплывает, время-то уже много прошло, а сделано мало... А с обидой стихи скучные, некрасивые... Вот и жду, когда что свежее вынырнет...

Егор, помолчав, неожиданно выдал:

— Потом дашь почитать чего?

— Конечно, как домой вернёмся.

Дальше молчали оба, думая каждый о своём, и вообще...

По барахолке бродили долго, немного растерянные и взволнованные, пытаясь, словно в незнакомом лесу, в небольших строениях магазинчиков одежды или какой-нибудь скорой еды.

Фёдорыч, словно потерявший квалификацию гид, неуверенно забегал вперёд и тыркался в разные цветные двери, надеясь увидеть искомые костюмы.

Егор поначалу заходил за ним, потом возмутился.

— Так скакать я и без тебя бы мог. Давай, если не знаешь точно, хотя бы вывески читать сначала...

Действительно, этот метод, как оказалось, проще и практичнее. Теперь первым шёл Егор и, не подходя близко, через головы снующих вокруг людей читал негромко и внятно, не забывая комментировать.

— “Женские платья” — не нам... Обувь “Только кожа”, — опять не нам. “Джинсы” — не надо пока... “Женские хитрости” — мимо!

И вдруг остановился, заставив Фёдорыча ткнуться ему в спину.

— Вот! “Одежда для работы, отдыха, охоты”! Наверное, нам сюда.

Запыхавшийся Фёдорыч, по инерции обрулив нервного поводыря, первым вошёл в стеклянную дверь.

Действительно, это было то, что искали. Длинное помещение, сплошь заставленное рядами вешалок с висящими костюмами “для рыбалки и охоты”. Егор, как точно знающий, за чем пришёл, выбрав ряд с большими табличками с обозначением своего размера, углубился в поиск.

Фёдорыч же неожиданно затосковал, объясняя подошедшей девушке помощнице:

— У меня тело нестандартное, понимаете, барышня. Вот организм не много полноватый из-за живота, а ноги вроде худые... Это опять же относительно живота... А вообще, нормальные, думаю... Мне, чтобы скрыть всё это... если можно!?

Барышня красиво и терпеливо улыбалась, снимала специальной палочкой костюмы и провожала его в примерочную. Старый быстро переодевался, но, наоборот, долго и тщательно осматривал и ощупывал вещь, заставляя девушку подтверждать свои претензии...

— Вот здесь дует, смотрите, словно большая немного, а на вырост уже поздно брать... И, по-моему, штаны чуть узки, мне же приседать часто приходится, наклоняться. Давайте другой вариант рассмотрим, — и он задёргивал занавеску, переодеваясь в следующий комплект.

Так продолжалось бы очень долго, но Егор, уже выбравший себе костюм и наблюдавший за Фёдорычем, наконец, поставил точку:

— Вот, дед, вот этот в самый раз. Прямо уверяю, то, что надо. И не высоко, и не низко, и не узко. К тому же с карманами, всё, как положено, есть куда шиповник собирать, капюшон удобный! Тормози, лучше не найдёшь...

Сам удовлетворённый этим вариантом, Фёдорыч, после слов Егора, согласился:

— Выписывайте!

* * *

На автовокзале непонятно почему торопящиеся друзья удивились. Билеты взяты, но они не только не опоздали, а будут ждать до объявления посадки ещё три с половиной часа!

Растерянный Егор теперь с надеждой смотрел на “почти городского” друга. Фёдорыч с сомнением, словно не слишком желая согласия, предложил:

— Знаешь, пойдём посидим в кафе. Здесь недалеко, пять минут пешком. Тихое место, “Золотой Парнас” называется, там писатели обедают всё больше, поэты. Бомонд, одним словом, культура и прочее...

Егор, никогда эту прослойку населения не видевший, с радостью согласился, понимая, что другу самому будет приятно... Через несколько минут они уже сидели за блестящим, как осенняя лужа, столиком, с интересом изучая меню.

Подошла интересная, в красной одежде официантка и с милым усталым притворством поинтересовалась:

— Господа, определились?

Егор растерялся, Фёдорыч же, наоборот, словно натуральный господин, включился в действие...

— Нам, барышня, вот это и это, по порции того... — он называл заказы, словно какие-то заморские цветы, уверенно, на иностранный манер ломая язык, играя!

В самом же конце, смотря внимательно на длинные пальцы девушки, бегающие с ручкой по странице, добавил уверенно:

— И по двести коньяку в один графинчик, без лимона и без обмана!..

Барышня, не отрывая глаз от письма, удивлённо вскинула брови, но молча дописала и, улыбнувшись, наконец, произнесла:

— Заказ принят...

Она аккуратно растворилась, и друзья, в такт откинувшись на стульях, стали рассматривать зал. Немного затемнённое, сплошь стеклянное заведение было почти пусто, только в дальнем углу, у разрисованной красным коном с крыльями стены, сидело вокруг сдвинутого стола несколько человек, весело беседуя и часто в смехе вскрикивая.

Фёдорыч утвердительно моргнул Егору:

— Да, да... Поэты. Хвалятся рифмованными мыслями, сплетничают, спорят, против кого дружить!..

Напарник же увлечённо рассматривал заказ, выставяемый на стол “официанткой от культуры”.

* * *

Незнакомые для Егора и привычные для Фёдорыча кушанья действительно оказались вкусны! Старый аккуратно наполнил рюмочки, они, синхронно стукнувшись, выпили и, быстро закусив, выпили ещё. Волнение,

сопровождавшее целый день обоих, отпустило, и с возрастающим аппетитом пришло уютное чувство удовлетворения сделанным.

Первым не выдержал дед.

— И главное — по времени успели, правда ведь? И одежда неплохая!.. А сколько мы ещё по времени работать сможем?

Егор, выждав момент, дожевал котлетку, запил соком из высокого бокала, по неизвестно откуда взятой привычке аккуратно вытер губы салфеткой (знай наших!) и со знанием дела объяснил:

— Как погода. В принципе, спрос есть, можно до зимы в лесу сидеть. Нам ещё проще: ни комаров, ни всякого гнуса кусучего, да и листьев на деревьях не стало — это упрощает дело. К тому же прохлада, не душно в лесу — работай и радуйся! Думаю, до снега точно надо позаниматься, а там — зима, на отдых! Стихи писать! — Он засмеялся весело и непринуждённо...

— Давай за это по крайней. — Фёдорыч поднял рюмочку, снова заделались краешками и враз проглотили крепкую жидкость.

Всё, можно было идти в сторону автовокзала. Но тут их внимание привлёк громкий, высокий, с каким-то протестным вызовом голос у столика по-этов. Егор сидел к бомонду лицом, Фёдорыч же, увидев интерес друга, повернул туда стул.

Один из поэтов, высокий, с тёмным витым волосом, спадающим на узкие плечи, в красной рубашке с закатанными по локоть рукавами, перевитый по шее чёрным плюшевым шарфом, приподнимаясь над столом, громко, не стесняясь сторонних, надменно повествовал:

— ...Понимаете, а она мне: 'Люблю!..' На машине своей ждёт после всего, — он, понизив голос, объяснил как бы между прочим: — В институте на сборном концерте выступал, приглашали со стихами... Так вот, ждёт, пришлось садиться. К дому подвезла, расплакалась слёзно, тянется руками и губы... везде губы её, не отвернёшься...

Он вдохнул воздуха, векокольз огляделся и, увидев внимание почти всего кафе, возбуждённо продолжил:

— На всё согласна, говорит, и не стыдно ничего, любовь, любовь... Сиденья упали, я и опомниться не успел, минута жара и... Опять слёзы, просьба простить — еле вырвался. Ну, думаю, так красиво всё начиналось... Домой пришёл и прямо выпали из души слова, — он опустил голову, сначала неслышно для многих начав, закончил громко и пафосно:

...Всеми, чему они пророчили года.

— Любовь! — минутка.

Я — выпавший на сцену менестрель...

Вы... — проститутка?!

В кафе стихло. Один из парней за столом, неловко улыбаясь, подал голос:

— А она как отреагировала на это?

— Да что она! Я! Позволивший этому произойти — кто теперь... Перед собой — даже не знаю...Словно в болоте побывал, и...

Он не закончил...

— Да чмо ты, гад! — Егор искал не матерные слова, чтобы выкрикнуть их в сторону поэта. — И сволочь. Ты слизняк, и не поэт, и не мужик вообще...

Неожиданно для Фёдорыча Егор откинул стул и широко зашагал через зал. Остановившись около сразу потерявшего лоск страдальца-поэта, он возмущённо закончил:

— Какая бы ни была, она тебе доверилась, даже позволила что-то, может, правда влюбилась? А ты?! Всем! Всем сразу! Вот, мол, я какой, на что способен ради меня!

Он, покраснев, стоял со сжатыми кулаками и в упор смотрел на опшонента.

Тот, совсем растерянный, гадко улыбаясь, отводил глаза в сторону и, явно заикаясь, промямлил:

— А тебе что надо? Это моё дело, вот и молчи... — и неожиданно даже для себя выдал: — Быдло...

Егор легко махнул рукой, и поэта срубил, как бензопилой гнилой тополь.

Кто-то закричал про полицию, кто-то кинулся к Егору, но в драку не полезли. Скорее всего, этого стихоплёта тут не любили. Фёдорыч тоже подскочил и встал рядом с Егором, ликуя и радуясь произошедшему.

— А что же я-то не сориентировался? Я почему промолчал? Эх...

Он полусогнул руки в локтях и встал спиной к спине друга, словно надеясь на продолжение драки. Так их и забрал наряд полиции, прибывший по сигналу тревожной кнопки.

* * *

— Ты молодец, Егор. Именно так и надо с подлецами, именно так! Жаль, что многие это забыли или смирились с такой постановкой вопроса... А они, в смысле подлецы, цветут и пахнут. Их везде терпят, им сплошь дают слово, за них заступаются... Это теперь “плюрализм” называется... Тьфу совсем!..

Они сидели в КПЗ, на неудобных, узких деревянных лавках, прибитых так высоко, что ноги не доставали до цементного грязного пола, отчего сидеть было совершенно неудобно. И на стену, оштукатуренную острой “шубой”, не обопрёшься, и не ляжешь — лавка узка, и не постоишь — ноги стынут. Попал сюда — уже виноват, мучайся, раскаивайся, страдай... терпила. Под одну гребёнку всех: и убийцев, и злодеев безбожных... и не согласных по культурным вопросам — как больше? Закон суров — но он закон!

— А знаешь, Фёдорыч, и ты молодец. Я ведь в тебе совсем не уверен был, совсем... Живёшь рядом, вроде общаемся, говорим. Но не хватает чего-то, мелочи какой-то, пустяковины, чтобы не знакомцем, а другом тебя называть. Вроде как река между нами или забор высокий... И в дом ни разу не пригласил, и разговора по душам не начал. Видать, тыкали тебя в жизни в бока, теперь боишься. Думаешь, один сможешь, сам да сам, вроде как обузой не стать... А зря. В одинокое дерево все молнии бьют! И кривое оно обычно к старости!..

Фёдорыч хотел ответить, но не успел. В камеру, где была вмонтирована решётка, разделяющая жизнь на свободу и несвободу, вошёл высокий, не старый майор, немного грузный, с наградной планкой на левой стороне кителя.

— Ну, здравствуйте! — И он назвал Фёдорыча по имени-отчеству.

Дед соскочил с лавки, болезненно вскрикнув, и подошёл к решётке.

— Денис! Здравствуй, дорогой ученик! Ты откуда здесь?

— Да, вот, начальник теперь тут, как пошёл после армии, так не могу остановиться.

— А стихи, ты же писал очень хорошо, помнишь? Я тебя отмечал, двигать пытался, что с этим?

— С этим всё, слишком ответственность большая — стихи писать, не решился...

Майор обнял Фёдорыча и повёл обрадованного деда в комнату, отделённую от общей большим толстым стеклом...

* * *

Оставаться в полиции, даже в подсобном помещении, на ночь они не согласились. Ученик Фёдорыча, уладив много формальностей, отпустил их из-под стражи и даже вызвал такси.

— С шофёром я договорился, довезёт вас до просёлочной дороги, там до места меньше десяти километров, дойдёте.

Уже отъехав за город, Фёдорыч подал голос:

— Он один из очень немногих писал хорошо, конечно, по своему возрасту тогда, но хорошо. Надежды подавал. И вот, глянь, как судьба бросила!

— На нашу удачу, если не больше... А так заступил бы ты завтра на пятнадцать суток, а я — даже не знаю, на что. Если тот ротан заяву нарисует, может, и серьёзно всё обернуться, не знаю...

— Денис обещал, должен помочь.

Они замолчали и притихли в тёплой машине. Через час таксист высадил их на перекрёстке. До деревни, по которой скучали уже оба, было около десяти километров, если напрямую, через лес и поля, по отсыпанной же гравию дороге — чуть больше двенадцати.

— Ну, и как, двинем? — Егор смотрел на восток, где тяжёлые осенние тучи резало полосками серое небо. — Прямо или гравию ноги бить?

— Пошли прямо, если не заплутаешь... Я-то тут ещё не хаживал, на тебя надежда.

Парень перекинул через плечо сумку с их покупками и смело шагнул в поле. Фёдорыч, не сомневаясь, двинул следом...

* * *

Долго шли молча. Река, на которой стояла их деревня, чувствовалась в правой стороне. В любом случае, если забирать южнее, они выйдут к воде, и уже по берегу совершенно точно придут домой. Но опять пришлось бы немного попетлять вместе с изгибами русла, а это тоже лишние километры.

Нет, Егор шёл напрямую, ведомый шестым чувством, только обходя довольно большие берёзовые колки, не желая продираться по совсем тёмному лесу.

Тучи с востока всё же собрались в одну, совсем тёмную, закрыв все просветы на небе. Ветер посвежел, помокрел, усилился, стал заметно мешать идти, туго упираясь в грудь. Вдалеке замигали молнии, вместо грома бурча далёким медвежьим рыком. Вскоре капли дождя стали уже ощутимы...

— Сильного дождя не будет, стороной пройдёт. Но маленько зацепит. Где-то недалеко должна сторожка стоять, поля помидорные и огуречные раньше охраняли.

Егор уже подумал, что промазал, но нет, вышли почти на неё.

Не успели отдышаться, как по дырявой шиферной крыше плотно застучал дождь. Потом уже сверкнуло так, словно день вернулся на секунды... И сразу звенящий, резкий хлопок грома, качнувший землю.

Егор уверенно прошёл в дальний угол, в темноте пошуршал там, и уже через несколько минут в печке с вывернутой кем-то плитой горел радостный огонь. Нашли доски и на кирпичках наладили лавки. Подкинув в огонь дров, расселись.

Дождь ещё шелестел, но уже не сильно. Дым, скопившийся вверх, и блики огня рисовали мутные картины. Стало тепло и уютно!

Они очень долго молчали, по очереди вставая и подбрасывая в огонь разные палки и ломаные доски, в избытке валявшиеся кругом.

Первым заговорил Фёдорыч.

— Я такое с детства помню. С отцом мы так же где-то ночь пережидали. Раз было всего. Он у меня редко дома был, лётчиком служил. А дело после войны, то туда их, то сюда. Вроде только запах начнём его узнавать, вжик — опять куда-то полетел. Ладно — неделя, а то и на полгода пропал... Не спишь?

— Нет, слушаю.

Фёдорыч удовлетворённо вздохнул и продолжил.

— Потом прилетел на месяц летом! И меня на аэродром привёл. Я просто одурел от счастья. Поле, зелёное, огромное, взгляда не хватает... Друзья его кожаными куртками скрипят вокруг, смеются с нами. И самолёты!словно птицы блестящие, даже глаза стеклянные сверкают, и носы чёрные, острые! Я у отца спрашиваю: как же они взлетают? Ведь вон какие огромные! А он мне отвечает, мол, надо разбежаться по сильнее, и взлетит даже человек. Только сил у него мало, а у машины хватает...

Я потом лет до пятнадцати взлететь пытался. И так тренировался, и этак. Бегать пристрастился, равных не знал, но не смог природу обмануть, не взлетел... — Он грустно вздохнул и стал распаковывать сумку.

— Новую одежду наденем, сухая всё же, и выдвигаемся. Дождь затих, да и поздно уж совсем, или рано, не понять...

Егор встал и, снимая парадно-выходную, действительно влажную одежду, спросил:

— А что дальше-то? Что отец, как?

— Да никак. Улетел однажды и не прилетел совсем.

— Погиб, что ли? — Егор удивился спокойствию Фёдорыча. — Или потерялся? Так же не бывает, дед.

Тот, аккуратно застегнув куртку, ответил, не выдав никакого волнения:

— Была же у тебя жена без имени, вот, значит, и такое бывает. Всяко бывает, Егор!

И он первым вышел из избушки.

* * *

Ночь откатывала. Тучи, словно осенние мухи, засидев небо, уползли, освободив горизонт над землёй. Голый березняк, местами вперемеж с, наоборот, лохматыми, поэтому чернеющими в колках соснами, стыдливо молчал. Где-то настороженно вдруг вскрикивала птичка, боясь полным голосом вспугнуть рассвет.

Они вышли от крайних колков, и впереди, у блестящей чернильной реки, засветилась скромными огнями их деревня.

Удивительное чувство свободы и вечности поразило обоих, враз наполнив души любовью и покоем, и благодарностью к Кому-то главному, от Кого всё это есть!

Егор, не в силах понять восторга и желая привлечь к этому чувству друга, спросил:

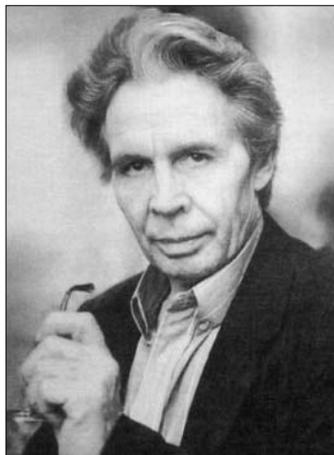
— Ну, скажи мне, Фёдорыч, когда люди поймут, что не надо совсем искать правду; она давно найдена. Она найдена, лишь понять её надо, — понять и принять. Да и жить, как всегда жили люди, в любви и вере! Когда-то будет такое?

Парень не знал, о чём спрашивает, и не знал этого старый его товарищ...

Но он повернулся лицом на встающее солнце и, подняв руку, ответил:

— Скоро уже, Егор, скоро! Вот только взойдёт солнце!..

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

В СВЕТЛОЙ ГОРЕНКЕ РУССКИХ СКАЗАНИЙ...

* * *

Под жемчужную музыку рос,
Поклоняясь саням и телегам,
Я в деревне родился и рос,
Чтобы стать на земле человеком.

Не умел я соврать и украсть,
Не чурался косы и орала...
Но со мною державная власть
В догонялки и жмурки играла.

Я ей — хлеб. Я ей — пряники! Рад! —
Молоко, и медок, и повидло...
А она меня — электорат,
Что не краше давнишнего “быдло”.

Мне привиделась эта напасть,
Как бывало — колёса и оси:
Да, Отечество — вовсе не власть,
Та, что власть, — не Отечество вовсе.

БАЛАЧАН Владимир Фёдорович родился в 1939 году в с. Старо-Ярково Барабинского района Новосибирской области. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Лауреат конкурса “Мой Пушкин”, член Союза писателей России, автор шестнадцати поэтических сборников, живёт в г. Омске.

Мне не надо чинов и наград,
Крупных денег и лёгкой работы...
Я во славу Отечества рад
Принимать и дела, и заботы.

И тянуть государственный воз,
Умываясь дождём или снегом...
Я в деревне родился и рос,
Чтобы стать на земле человеком.

* * *

Бывают чудные часы
Июльской тихой рани,
Когда густой посев росы
Стушёвывает грани.

И былъ земная, веселя
Тебя, уходит в небыль.
И ты не знаешь: где земля
Кончается, где — небо.

И телеграфные столбы
Сгибаются, как в пляске.
Ты только вышел из избы
И оказался в сказке.

И если в этой тишине
Проходишь по деревне —
В любом распахнутом окне
Увидишь по царевне.

И тут себе за просто так
В тот дивный час рассвета
Скажи: “Земля на трёх китах”, —
И ты поверишь в это.

В БЕЛОМ ХРАМЕ БЕРЁЗ

Льву Степановичу Черепанову

В светлой горенке русских сказаний,
В белом храме российских берёз
Вся душа обольётся слезами,
Очистительной святостью слёз.

Посветлеет в душе и во взоре,
Оглядишь времена и года,
И покажется: горе — не горе;
И помстится: беда — не беда.

И почувствуешь крепость и силу,
И не смогут, отныне и впредь,
Никакая беда — до могилы! —
Никакая напасть одолеть.

Чёткость мысли и образа точность.
Обострённые зренье и слух.
И работать на полную мощность
Станет твой человеческий дух.

* * *

Всю жизнь давил в себе раба,
Как в школе праведно учили.
Мой край родимый — Бараба,
А я деру гортань за Чили...

Хожу в колхозе, как в ярме,
Но я ору, из кожи лезу,
Что где-то там сидит в тюрьме
Партийный грек Манолис Глезос.

Я спину гнул за трудодни —
Отчизна денег не платила,
Но я изыскивал рубли
На Асуанскую плотину.

Я на любую стройку шёл,
Я забывал порой о маме,
Чтоб люди жили хорошо
В Корее или во Вьетнаме.

Теперь я стар. Я инвалид...
В благотворительной опеке
Никто мне даже не сулит
И ни рубля, и ни копейки.

Беда на нашем берегу!
Но коль несчастный есть под небом,
Я и теперь отдать могу
Последнюю краюшку хлеба.

НАСЛЕДСТВО

По какому, не знаю, закону,
Или это всевышняя милость:
Мне в наследство досталась икона,
На которую мама молилась.

Причитала и кланялась много,
Как земле на родном огороде,
И просила у Господа Бога,
Чтоб отца не убило на фронте.

Будто чем-то она виновата,
Вопрошала негромко и тонко
И за каждого в битве солдата,
И за каждого в доме ребёнка.

Одолеть чтобы горе и беды,
Напрягала и мысли, и жилы...
И отец возвратился с победой,
Да и мы, слава Богу, все живы.

И сегодня молитвой и песней,
Что бы ни было в жизни со мною,
Я молю ей о царстве небесном,
Как она нам молила — земное...

ЭДУАРД ПОЛЯКОВ

ЖЕЛАННАЯ

РАССКАЗ

Нет бы её забыть...

И не выходит. Мчатся годы. Сменяется век, обновляя целое тысячелетие.

И в этом другом тысячелетии в памяти вдруг оживёт образ девочки-подростка из далёкого города Омска.

Пушкин в стихотворении “Осень” заметил: “Жива ещё сегодня — завтра нет”. И вот уже Риты нет на свете, а я закрываю глаза и вижу её жгучие карие глаза, густые чёрные волосы, заплетённые в тугую косу с резиночкой от велосипедной камеры в хвостике и влажные тонкие губы, которые поцеловал когда-то, обжёгши первым в её жизни поцелуем.

Почему-то так бывает. Живёт человек своей жизнью. Встречаются ему люди. Нахлынут события. Радуетя человек и грустит. Жизнь его идёт. И всегда остаётся он с нею один на один. И продолжается она на земле почему-то независимо от того, кто и что в ней существует.

Сегодня существует одно поколение. Завтра другое. И дальше пойдёт она, когда по её непреложным законам нас уже не будет на свете.

Познакомились мы с Ритой в Одессе. Выдали мне как студенту автотранспортного техникума и активисту мужской агитбригады “Оптимист” через студенческий профсоюз путёвку в одесский санаторий “Юность”.

Ездили краснорубашечники-агитбригадчики по соседним с Московской областям. Агитировали, чтобы советские школьники, выучившись до восьмого

ПОЛЯКОВ Эдуард Николаевич родился в 1969 году в посёлке Тучково Московской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Кандидат филологических наук. Работает в музее-заповеднике “Коломенское”. Живёт в Москве. В журнале “Наш современник” печатается не впервые.

или десятого класса, приходили учиться в наш автотехникум. Читали стихи на сцене. Вспоминали здесь и героические события Великой Отечественной. Словом, были достойной молодой гвардией советских автомобилистов. Агитировали хорошо. В техникум поступать молодёжи приходило много. За это и поощрили одного третьекурсника.

Отправился я поездом из Москвы в Одессу в 1986 году. Давно это было. Теперь уже нет никакого санатория “Юность”. Одесса другая. Заграница теперь. Чужая страна. Новые люди.

Но кусочек жизни в этом удивительном, солнечном и тёплом городе навсегда останется на маленькой планете — в моём сердце.

Московский поезд пришёл вечером. Смеркалось. Я вышел на улицу у Московского вокзала с чемоданчиком в руке и спросил у бабули, засыпающей из стеклянного гранёного стаканчика семечки своим покупателям в газетные кульки, как мне найти свой санаторий.

Бабуля продала мне сначала кулёк семечек за 15 копеек, а потом махнула рукой в сторону трамвайных путей и сказала, что мне ходить “тудой”.

И тут я увидел её.

Она стояла на ступеньках поодаль от меня с небольшим коричневым чемоданом в руках. Смотрела на меня и застенчиво улыбалась в свете зажигающихся уличных фонарей. Я исподлобья поглядел на неё. Точно не из Москвы. А приехала, видать, тем же поездом. Худенькая. В тоненьком летнем платьице. Босоножки. Ну, и чемоданище!..

Я уже было двинулся в путь, когда она шагнула вниз со ступенек и окликнула меня:

— Мальчик, стой!

Потом уже я догадался, почему она меня назвала мальчиком. Был я невысокого роста. Коротко острижен. В футболке и шортах. И совершенно не подходил под обращение “молодой человек”.

Пришлось остановиться. После своего: “Постой, а?” — она с радостной улыбкой заспешила ко мне.

— Ты, случайно, не в санаторий “Юность”? Пойдём вместе! Мне тоже туда. Ладно?

Ладно так ладно. Мы пошли искать дорогу вместе. “Чемоданчик” её перекочевал, естественно, ко мне. И она всё время забегала вперёд и спрашивала, не тяжело ли мне его нести!..

Мы сели на кругу в подошедший трамвай. Она представилась. Маргарита. Из Омска. Также по путёвке из медицинского училища. Учителя на фельдшера. Мы ехали до какой-то станции. Люди подсказывали, где нам выходить.

За невысоким прозрачным забором с металлической калиткой на входе, прячущийся в тени деревьев и кустарников, показались двухэтажные корпуса молодёжного санатория. Столовая. Клуб. Стадиончик с лавочками вместо трибун. Аллейки. Скамеечки.

Оформлялись в первом корпусе. Дежурная медсестра посмотрела наши путёвки. Записала что-то в толстый журнал.

— Ну, гагарочки мои, с приездом! Сейчас вас разведу по палатам. Девочки у нас во втором корпусе. Мальчишки в третьем. Получите бельё постельное. Кроватки заправляйте. И поспите. А потом придёт главврач Вебер и оформит вас как положено. Выдаст санаторные книжки. Будете процедуры проходить. Санаторий у нас хороший-хороший! Всех выльчим! Ребяток много. Со всех концов Советского Союза. Море тёплое. Солнце жгучее. Накупаетесь. Назагораются. Отдохнёте. И по домам! Учитесь! Грызть кавун науки! Добре, хлопцы, добре!

Я проводил Риту до её корпуса и пошёл в свой. В двухместной комнате было пусто. Разложил вещи. Умылся. Медсестра принесла чистое постельное бельё. Заправив кровать, я плюхнулся на пружины, заложив руки за голову. Сквозь окно пробивался свет ночного уличного фонаря. Над ухом нудел залетевший через открытую форточку комар. Так начиналось моё первое знакомство с Одессой. Какая ты, Одесса? Увижу ли всю твою красоту? Что ты за чудо? Почувствовать бы!..

Наутро после подъёма все пошли на завтрак. Сонные ребята выползали из своих палат. Но улыбались. Утро было солнечное. Яркие лучи южного горячего солнца слепили, пробиваясь сквозь густую листву деревьев. Значит, сегодня погода будет что надо — самая курортная.

Она подседа ко мне за столик с бутербродом и стаканом какао на подносе.

— Ты тоже кашу есть не стал? Ой, обожглась! Горячий очень! Подожду...

— А ты возьми блюдечко...

Она махнула рукой.

— Не-е. Не люблю я из блюдечка. Да ещё какао. Его надо из стакана пить.

Я уже пошел чая. Хотел встать и идти к главврачу.

— Подожди. Давай, когда оформимся, по городу с тобой погуляем?

— Как это погуляем? А процедуры? Я прочитал тут перед входом в столовку объявление, что здесь санаторный режим и его надо соблюдать.

— Ну и что? А мы, как у нас в медучилище, получим свои книжки-зачётки и будем проходить процедуры. Вроде бы. А сами — в город. Я так хочу мороженого! Пломбир с сиропом. Знаешь, как вкусно? Мне девочки сказали — здесь рядышком кафе. Главное, чтобы нам зачёт... Ой, галочку поставили, что процедура пройдена. Я постараюсь договориться. Девочки говорят — можно.

Так мы и бегали по Одессе...

Ели в ближайшем кафе вкусняшные белые шарики пломбира в железных шпалах с разноцветными фруктовыми сиропами, запивая мороженое горячим чёрным кофе. Спускались и поднимались по бесконечно длинной Потёмкинской лестнице. Отметились своим визитом на знаменитой Дерибасовской улице. Обошли кругом знаменитый Оперный театр. Любовались скульптурой Лаокоона, борющегося со змеями.

Город поражал своей зеленью, тенистыми аллеями, многолюдными пляжами, усыпанными отдыхающими. Лето. Дети. Солнце. Море. Юность.

Мы с Риткой подружились. Мне в ней понравилось то, что она совсем была непохожа на моих младших сестёр. С моими предложениями по прогулкам соглашалась сразу и добавляла немного к моей очередной затее от себя. Я с радостью взял на себя роль лидера. Однако с большой радостью принимал и многие её задумки. Нам было очень хорошо вместе.

В санатории дни побежали за днями. В клубе силами ребят организовали молодёжный концерт. Мне как агитбригадчику не составило большого труда выучить по ролям стихи и одну песню под гитару. Рита взялась выступать со мной в дуэте. Почему её выбор пал именно на такой номер, исполнять который я сразу согласился, сейчас уже не узнать. Но тогда у нас хорошо получилось. Мы даже стали победителями импровизированного конкурса номеров.

Начиналась наша музыкально-поэтическая композиция со стихов. Мы с Марго выходили на середину сцены. У меня в руках гитара. Твёрдым голосом я начинал декламировать:

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетаясь ветвями, —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся чистыми слезами,
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся пламенной смолой.

Она складывала руки за спиной и, высоко поднимая голову к потолку, беллаахмадулинским голосом из шукшинского фильма “Живёт такой парень”, который недавно крутили в клубе, произносила свою часть:

— *Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы, —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоём.
Ты понесёшь с собой, любимый,
Ты понесёшь со собой повсюду,
Ты понесёшь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.*

Мы продолжали наш стихотворный диалог. В финале её голос был высоко взволнованным. Она взяла за руку меня своей дрожащей рукой. Я крепко сжимал её руку, тоже волнуясь, и мы почти выкрикивали по очереди:

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, —*

И завершали вместе:

*И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

Мы специально так построили номер, чтобы уйти тихо, а не под аплодисменты. Поэтому, сразу после стихов, начали исполнять дуэтом песню “Мой костёр в тумане светит”.

Успокоив свои эмоции и эмоции зрителей, мы плавно ушли со сцены под слова куплета:

— *Мой костёр в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.*

И вот на опустевшей сцене уже гремели аплодисменты и ребячьи крики “Браво!” Мы вышли поклониться. И улыбались. Как двое глупеньких и счастливых дурачков...

Однажды вечером после ужина, когда я гонял с ребятами на стадиончике в футбол, Рита подозвала меня и предложила:

— Давай убежим сегодня к морю?

— Как это?

Ребята из нашей команды уже толкали меня — чтоб я играл. Нам только что забили гол.

— Убежим ночью. Будем смотреть на звёзды и слушать море.

Ребята стали толкать ещё сильнее. Я быстро согласился. И побежал отыгрываться.

После отбоя, когда совсем стемнело, мы выбрались через окошки на улицу и, очутившись на воле, побежали в условленное место.

Встретились на трамвайной остановке. Мне пришлось её немного подождать. В девичьем корпусе медсестра принимала новенькую из Тюмени. Ритка дожидалась, пока та уйдёт.

Поймали такси с зелёным огоньком. И, спустя какие-то полчаса, очутились на берегу сонного моря.

Тихая волна ласкала песчаный берег. В небе мерцали бесконечные и далёкие звёзды. Рассыпался наискосок туманный Млечный Путь.

Я принялся разводить костерок, а она сняла босоножки и зашла в воду.

— Ой, смотри, Лёшка, какая прелесть!

Я подбежал к ней. И увидел, как у её ног, которыми она взбаламучивала воду у берега, то и дело зажигались светящиеся ярко-зелёные огоньки.

— Что это? — спросил я.

— Морские светлячки. Чудо, правда? Видишь, море какое разное. Днём одно. Ночью совсем другое. Это такая тайна... В нём столько всего интересного. Я читала.

Пошли к костру. В его волнующем свете появился вдруг на песке путешествующий по берегу огромный богомол. Важно посучил своими дирижёрскими лапками и отправился дальше.

Мы читали стихи. Пели с ней хорошие пионерские песни. Смеялись. А потом я поцеловал её. В тонкие влажные губы. И обнял. Она вдруг задрожала. Прижалась ко мне крепче.

— Чего ты? Плохо это?

— Не знаю. Трясёт чего-то.

— Замёрзла?

— Да нет... Волнуюсь... От этого...

— Я больше не буду.

— Нет. Давай я сама.

И она прильнула с закрытыми глазами к моим губам и сжатыми от волнения губами неуклюже сама поцеловала меня. Какое-то время сидели молча. Обдумывали происшедшее. Костерок погас. Только тлело в золе несколько слабых угольков.

— Я так счастлива, что мы с тобой в эту ночь здесь, у моря. Спасибо тебе за это.

Я смутился.

— Да ладно. В палате всё равно скучно. А тут — столько приключений! Нам ведь ещё возвращаться надо.

— Давай немного пройдемся вдоль берега пешком. И встретим рассвет. Только можно, я возьму тебя под ручку?

Шли вдоль прибоя. Время от времени нам навстречу попадались влюблённые пары, которые с понимающим видом улыбались, глядя на двух глупых влюблённых подростков.

Потом поднялись по одной из лестниц на бульвар и пошли по благоухающей зелению Одессе к своему санаторию. Рассветало. Мы были самые счастливые люди на свете.

* * *

В день её отъезда в палату ко мне забежал новенький — сосед по комнате Игорёк из Ворошиловграда.

— Ритка-то книжку санаторную уже сдала и уехала по-тихому в аэропорт.

Я опешил.

— Как уехала?

— Сам видел! А у тебя на завтра билет?

Я так был смущён и удивлён, что не ответил.

— Как же так? Не простилась даже...

— А чего прощаться? Ты ей кто? Я ей кто? Пацаны случайные. Хотя красивая...

Меня это не убедило.

— Гарик, в аэропорт поедешь со мной?

— Поехали!

Мы сели в рейсовый красный “Икарус” и поехали в аэропорт искать Ритку. Было не по себе. Тоскливо. Тревожно. Обидно. Даже адреса не оставила. А вдруг не успеем? И она улетит. И я больше никогда её не увижу.

Мне так хотелось ещё хотя бы раз увидеть эти озорные добрые глаза и сказать ей несколько прощальных слов.

В зале ожидания я сразу увидел её. Она сидела с опущенной головой на скамейке в зале ожидания рядом со своим чемоданом. Растерянная. Заплаканная. Я окликнул её:

— Ритка!

Она подняла на мой голос заплаканные глаза.

— Мальчики!!!

Бросилась мне на шею, обняла крепко, прижавшись всем телом ко мне. Я гладил её дрожащее плечико и, сжимая крепко зубы, рывками вдыхал удрушительный воздух зала ожидания. Гарик молча стоял рядом и гладел на нас.

Прошло какое-то время, пока мы пришли в себя. Потом я спросил:

— Чего ж ты не сказала, что уезжаешь?

— Да вот, подумала — чего навязываться опять? Приехали вместе. Уеду сама. Без помощника.

— Эх, ты! А ещё друг называется! Даже адреса не оставила...

— Простите, ребята...

Её рейс задерживался. Мы пили кофе с булочками в буфете. Ритка смеялась. Осчастливили мы её. Отдала свёрнутый квадратиками в несколько слоёв листочек с записанным на нём ещё в санатории адресом.

Перед уходом на регистрацию, пожав руку Гарика, посмотрела на меня. Положила обе руки мне на шею и шёпотом попросила:

— Лёшенька, Лёличек мой родной, поцелуй меня. На прощанье. В щёчку.

Я поцеловал.

Она подняла свой чемодан. Махнула рукой. И ушла, не оборачиваясь.

На следующий день улетал из Одессы и я.

Потом мы писали друг другу письма. Пять писем Маргарите Желанной в Омск написал я. И пять писем пришло в Москву на мой адрес из Омска. Четыре от Риты. А одно, короткое, от её мамы.

Она просила больше не писать Риточке, потому что Риты больше нет. Она ушла. Лежала в больнице. Врачи пытались сделать всё возможное. Ах, как бы я был счастлив, если бы её мама меня обманула, и Рита оказалась жива.

Но она ушла. Нет бы мне её забыть... А не получается. Спустя тридцать лет смотрю на старую чёрно-белую фотографию, на которой ребята из санатория "Юность" расположились фотографироваться после посещения знаменитых одесских катакомб. Единственная наша совместная с Ритой фотография. Я сижу на корточках, а она стоит рядом, положив мне руку на плечо.

Глажу загорбевшими пальцами её милое личико и тихо шепчу:

— До свиданья, Ритка, желанный мой друг.

БОРИС БУРМИСТРОВ

ПРОСИЯЮТ СВЯТЫЕ

ПАСХА 2017

Сколько нежности в русском народе,
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и в природе,
И разъяснилось небо вдали...

Боже! Милость какая нисходит
На Тебя, на меня с высоты.
В одночасье в душе распогодит,
И любовью наполнишься ты.

И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли —
В эти дни просияют святые
Над безоблачным ликом Земли.

* * *

Пошли мне ангела, Господь!
Оберегать от мысли чёрной.
Моя безудержная плоть
Нуждается в защите оной.

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич родился в 1946 году в городе Кемерово. Член Союза писателей России, председатель Правления Союза писателей Кузбасса, секретарь Правления Союза писателей России, автор поэтических книг "Не разлюби", "Душа", "Поклонись земле русской", "Лирика", "Песочные часы", "Живу, и радуюсь, и плачу", "День зимнего солнцестояния", "О чём не сказано ещё", "Сквозь сумерки времён". Живёт в Кемерово.

Пошли мне ангела теперь,
Когда весь мир от зла в смятенье.
Как много выпало потерь,
Как мало в жизни обретений.

Непредсказуемая грусть
Дождём холодным сыплет с неба.
Пошли мне ангела, он пусть
Оберегает нас от гнева.

Пошли мне ангела с небес
Сейчас, теперь, вот в эту пору,
Чтоб мог нести земной свой крест
Всё дальше, дальше, выше в гору...

* * *

Спасибо, Господи! За всё:
За эти дали голубые,
За дни спасибо и ещё
За ночи светлые, земные.

“Спасибо” редко говорим,
Всё больше просим мы у Бога.
Дорожки лёгкие одним,
Другим — нелёгкая дорога.

Спасибо, Господи, Тебе
За путь, начертанный Тобою,
За всё, что в нынешней судьбе,
За то, что будет впредь со мною.

Спасибо, Господи! За всё...
Я послужу Тебе ещё.

ИСХОД

Боюсь назвать тот страшный год,
Боюсь пророчества отныне.
Я вижу, как бредёт народ
С сумой по выжженной равнине.

Покинув Родину свою,
Бредёт, бредёт живой стеною.
Я эти лица узнаю —
В них много схожего со мною.

Народ мой, стой, остановись.
Нельзя без Родины, как птицам.
Вся наша будущая жизнь
Лишь на земле родной продлится...

ВЛАДИМИР КАЗМИН

НЕГР ИЗ АТО

РАССКАЗ

Заскрипели-зашумели вековые дубы, склонили ветви над землёй, они, словно переговариваясь между собой, сурово смотрели в хмурое небо, где в черноте бездны свинцовой дали зарождалась гроза. Густой чёрной мешковиной грузного баула вздулись наполненные холодной влагой тучи, нависли над байрачной дубовой рощей и степью. Непогода загоняла зверушек и птиц под лохматые кудри спасительной чащи деревьев.

Гроза пришла внезапно. Степь вздохнула тишиной, тишиной короткой, переводя дух после неимоверного перенапряжения, придавленная чёрным низким небом; степь впитала эту тишину всем своим пространством. Кривые замысловатые линии всполохов молнии пронзили небо в нескольких местах. Раздалась разрезающая воздух раскаты грома. После секундного затишья сильные порывы ветра превратились в настоящий ураган. С треском рухнул огромный тополь, он, вздохнув отжившей гнилой сердцевиной, распластался на земле и перекрыл степную дорогу своим сухим мощным стволом...

Густые ветви могучих дубов с новой силой, словно крыльями гигантских, прикованных к земле птиц, взмахнули, издав при этом листвою шипящее неистовое шуршанье. Казалось, что деревья хотят вырваться из объятий земли и улететь подальше от навалившегося на их плечи мощного ветра. Вся округа наполнилась грохотом нарастающей бури — небо всё чаще расчерчивалось

КАЗМИН Владимир (Прокopenко Владимир Афанасьевич) родился в поселке Михайловка, на Луганщине. Работал в шахте. Воевал в Афганистане. Окончил Луганский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Член Союза писателей России. Председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого и ряда других премий.

причудливыми зигзагами молний, они сплетались в единое свечение. Гром нарастал, превращался в сплошной гул канонады. С невероятной силой крупные капли дождя, словно пули, атаковали пыльную дорогу, они со свистом впивались в сухую степь, через мгновение плотной стеной на землю обрушился ливень, в одну минуту превращая всё вокруг в хаос потопа.

Ураган бушевал и не хотел успокаиваться ещё долго, и в этом грандиозном природном действе были слышны еле уловимые отзвуки дальнего боя.

Окоп превратился в болото. Николай Кобзев, промокший до нитки, стоял по колено в грязной жиже, всматриваясь в ночную мглу. На трассе Ростов—Харьков, которая проходила неподалёку от позиций ополченцев, несмотря на грозу, продолжали гудеть машины ВСУ. Летняя буря умолкала, унося свои отчаянные вздохи в сторону его родного шахтёрского посёлка. Бой, что не утихал уже несколько дней, громыхал где-то у границы, переплетался с раскатами грома. Жарко было там — на Должанском, бандерлоги рвались к кордону. Тревожные мысли не отпускали Николая всё это время. Выдержат ли они, донбасские работяги, многие из которых впервые взяли в руки оружие, или их сомнут бронёй, сметут снарядами, минами и бомбами?

Николай Кобзев, в прошлом спецназовец Асадабадской бригады, был одним из немногих ополченцев, имеющих боевой опыт. В далёких восьмидесятых ему пришлось побегать по горам у границы с Пакистаном. На всю жизнь ему запомнился бой в ущелье укрепрайона “Карера”, когда окружённые со всех сторон врагами десантники, словно львы, сражались с превосходящими силами противника, среди которых были и “чёрные аисты” — пакистанские спецназовцы. Николай никогда не забудет друга Сашку, снайпера — он героически погиб, перед этим уничтожив из своей СВД около десятка врагов. Его тело долго лежало на передовом рубеже, раздосадованные “духи”, не имея возможности подойти ближе, в бессильной ярости всадили в него более двух десятков пуль, а потом долго расстреливали Сашкину винтовку, которая лежала рядом с ним.

И сейчас Николай, стоя в окопе и вспоминая тот страшный бой, ощущал, как отголоски давней ярости вспыхивали в его сознании, переплетались с ощущениями вновь разразившейся войны, которая пришла на его родную землю, на его Донбасс, на эти с детства до боли знакомые отроги Донецкого края, в эту дивную дубовую рощицу...

Николай всю свою жизнь прожил на Донбассе. Вернувшись из Афганистана, пошёл работать на шахту. Он до боли в сердце переживал развал великой страны — Советского Союза, когда Донбасс и вся Украина была нагло по живому оторвана от единого русского пространства. Нарыв от сердечной душевной занозы и обиды, что у тебя отобрали будущее, от яда украинского национализма, зрел четверть века, и этот нарыв рано или поздно должен был лопнуть. Время пришло. И теперь он с оружием в руках, как и сотни труженников Донбасса, отстаивал своё право на жизнь и свободу, защищал право говорить на родном русском языке и жить по своим законам, почитать своих героев, помнить свою культуру и традиции. Это было его право. За это они отдают свои жизни, сражаясь за будущее своих детей и внуков.

Николай с душевным упоением смотрел на приближающийся июльский рассвет. Воздух просто звенел после дождя чистотой утренней прохлады. Он видел это небесное таинство сотни раз, но каждую такую минуту нельзя переоценить, она всегда неповторима в своей красоте и тайне. Бескрайние степные просторы, холмы и кручи, украшенные буйными травами, сияли в радужных переливах звенящей росы, искрились и уносили Николая в воспоминания такого далёкого и такого близкого детства. На вспоминал, как по этой трассе Ростов—Харьков они с друзьями ехали на велосипедах на рыбалку на Благовский пруд, весело крутили педали. Как потом, раскинув удочки в тиши камышовой заводи, ловили плотву и зеркальных карпов, как в костре пекли картошку и как после рыбалки, изнемогая от жажды и летнего зноя, по-детски проклиная крутые подъёмы Донецкого края, брели со своими велосипедами в руках обратно домой. Они шли уставшие, но с хорошим уловом. И когда повалились от усталости на траву у степного родника и утолили жажду, в тот час для детской души не было счастливей минуты под этим жарким степным солнышком...

— Колька, ты чего там, уснул?

— Нет, что-то взгрустнулось. Детство вспомнил.

— Детство, детство, в одном месте у тебя детство играет. Вот ливень так ливень прошёл, смотри, весь окоп залило. Говорил, что рыть нужно было не на опушке, а чуть правее, под горкой. Правда, там скалистый грунт, но зато сухо было бы. Нет, всё-таки правильно, что мы здесь оборудовали позицию, здесь с фланга от дороги нас не обойдут, а там мы бы как на ладони были, — сам с собой разговаривал Цыган, хотя ему казалось, что Николай внимательно слушает его рассуждения.

Виктор Мамонов, чернявый парнишка с горящими угольками карих глаз и мощным не по годам богатырским торсом — потомственный донской казак. За свою смуглую внешность Виктора прозвали Цыганом, это прозвище с самого детства прилипло к нему. Он так привык к нему, что когда знакомился с кем либо, протягивая растопыренную огромную граблю руки, всегда представлялся: “Цыган”...

Его далёкие предки донские казаки давно обосновались в живописном месте на берегу степной речушки в урочище Боко-Платово. Здесь жил его прадед, дед, отец, здесь родился и живёт и сам Витька Мамонов, и за эту землю он готов сложить голову.

— Я вот думаю, Коля, чего бандерлогам от нас надо? Жили — не тужили, и на тебе — война. Мне батя частенько говорил, от этих рёхнутых на всю голову бандеровцев хорошего ничего не будет. Батину пластуновскую казачью дивизию бросили выкуривать фашистских недобитков из схронов на Западной Украине. Какие зверства чинили эти уроды с мирными жителями на своей собственной земле! Нет, Коля, они эту желчь и злобу пронесли сквозь десятилетия и своим отпрыскам передали, вот мы с тобой теперь и расхлёбываем эту заразу...

После того, как блокпост луганских ополченцев на трассе у Дьяковского перекрёстка мощью бронетанковой армады и украинской авиации был почти уничтожен, горстка бойцов отошла в сторону села Благовка и, заняв господствующие высоты, здесь готовилась принять бой с превосходящими силами карателей и националистов. Ещё днем, до грозы, длинная вереница бронетехники и машин обеспечения 24-й, 79-й и части 72-й бригады ВСУ прошла по трассе в сторону Зеленополя и Новоборовиц. С такой армией вступить в открытый бой было бессмысленно, это понимали бойцы ополчения и готовились к засадным действиям. Колонна шла мимо скрытых позиций разведчиков, но атаковать не было команды. Поэтому Николай и его товарищи вели наблюдение, передавая данные о противнике по мобильной связи основным силам ополченцев.

Асфальт дрожал от многотонных грузовиков, танков и самоходок.

— Да сколько же их? — прошептал Цыган.

Николай смотрел на безусых украинских юнцов. Их пригнали на Донбасс по преступному приказу командиров и майданного киевского правительства, они ещё не знали, что найдут в этих девственных донских степях свою смерть. Затуманенные украинской пропагандой солдатикой этих бригад верили, что идут защищать свою землю от российской агрессии. Николай, хоронясь со своими товарищами в зарослях густого кустарника на краю дубовой рощи, смотрел на проходящую колонну техники ВСУ. На броне сидели срочники. Простые хлопцы, сиротливо прижимаясь к холодной спине БТРов и со страхом озираясь вокруг, ехали в неизвестность. Он смотрел на этих ребятишек через прицел своего автомата. В отличие от нацистских добровольческих батальонов и западных наёмников, как и ополченцы, эти солдатикой были жертвами и заложниками братоубийственной войны.

Колонны украинских бригад встали лагерем в открытой степи недалеко от хутора донских казаков Зеленополье и были готовы к решающему броску к границе с Россией. Карательные войска не побеспокоились о скрытности своей дислокации, уверенные в своей безнаказанности.

Светало. Из-за дальних бугров вот-вот должно было появиться солнце. Цыган продолжал черпать мутную жижу со дна окопа.

— Вот ты, Коля, скажи, как боевой десантник скажи, одолеем мы эту заразу, аль нет? Я думаю так: одолеть мы её одолеем, выстоим, сама земля нам в помощь, однако не только нам, но и нашим внукам ещё долго придётся расхлёбывать эту вражду...

По грунтовой размытой дождём дороге со стороны Ровенек к позиции разведчиков подъехали две “Нивы”, машины остановились у поваленного бурей тополя. Николай вышел из укрытия навстречу прибывшим бойцам.

— Кобзев, привет! Еле к вам добрались, дороги в кашу разнесло после ливня! — сказал старший группы.

Он, пританцовывая в испачканном грязью камуфляже, сбивал глину с ботинок.

— Привет, дружище! Как вы здесь, вымокли, небось?

— Есть чуток, — Николай протянул руку товарищу.

— Это тебе не в “избушке” сидеть.

— Не говори, Костя, это точно, ливень — просто ужас, со вчерашнего вечера полночи хлестал.

“Избушкой” ополченцы прозвали здание СБУ в Луганске, которое они захватили ещё в апреле. Тогда активисты “Русской весны” на Донбассе взяли арсенал и, вооружившись, встали на защиту Донбасса. Николай подружился с Костей Пермяком, им уже доводилось бывать в переделках. Они вместе с другими ополченцами в начале июня брали погранотряд в Луганске, отбивались от “нациков” батальона “Айдар” под Металлистом, и вот теперь снова их свела судьба здесь, под Зеленопольем.

— Коля, нас прислали для усиления твоей разведгруппы, так что повоюем.

— Это хорошо, только не совсем понятна задача. В сторону Должанки за последних два дня прошло минимум три бригады “укропов”. По связи конкретных приказов не поступало, да и что мы можем сделать с этой машиной? Пощипать, да и только...

Бойцы группы Пермяка из “Нивы” выгрузили крупнокалиберный пулемёт “Утёс” и боеприпасы к нему. Помимо стрелкового оружия, практически у каждого были гранатомёты РПГ.

— Всё будет, Коля! Я думаю, что весело будет сегодня, Коленька. Показывай лучше, где установим “бандуру”.

Николай давно присмотрел на возвышенности между двумя лощинками хорошую позицию. Из старого, поросшего ковыльной травой окопчика времён Великой Отечественной войны в обе стороны на километр просматривалась трасса. Там и оборудовали пулемётное гнездо.

Костя Пермяк и Николай уселись под дубом, закурили.

— Наша задача, Коленька, не выпустить их из мешка.

— Что ты называешь “мешком”? Без артиллерии никакого мешка нам не видать.

— Всё будет, дорогой Коленька, всё будет! Из Луганска в Ровеньки пришло две батареи БМ-21 “Град” и ещё кое-что. Россия нас не бросит!

— Как там в Луганске?

— Тяжело, брат, люди сидят по подвалам без еды, воды и света. “Укропы” бьют по городу со всех сторон. Автовокзал размолотили, и по центру целят гады, бьют по жилым кварталам. Народ сплотился, как никогда сплотился, в часы затишья во дворах на кострах готовят еду, все: и мал, и стар, бабы и мужики — одной семьёй живут под огнём. Народ наш несгибаемый, Коленька! Я вот давеча со своей группой на квартале Мирном попал под миномётный обстрел. Влетаем в подвал одной девятиэтажки, а там десятка два людей прячутся, дети хныкают, бабы плачут, жуть. Мужики, старые шахтёры, подвальчик оборудовали капитально, тут и диванчик, и топчаны, и столик приспособили, как увидели нас тамошние постояльцы, запричитали: “Вы нас, ребятки, не бросайте, защитите, не будет нам житья под “укропами!””. До слёз, Коленька, картинка! Обстрел продолжался, дом подпрыгивал от взрывных волн, но паники я не увидел на их лицах. Один старый седой шахтёр из-под стола вынул бутылку водки и, как бы оправдываясь, сказал: “Это я водочки ящичек на свадьбу дочурке своей припас, теперь пригодился.

Ну-ка, бабы, соберите на стол, выпьем за победу и здоровье бойцов!” Тут где-то рядом ударил тяжёлый снаряд, дом подпрыгнул, да так, что свечи в подвале погасли, а старый шахтёр — как ни в чём не бывало: “Сват, ну-ка, стоняй во двор, о цэ, думаю, абрикоса обсыпалась, тащи, бо закусить нечем!..” Все, кто был в этом подвале, да и мы тоже, покатались со смеху. Вот какие наши люди, Коленька!

Рассветную утреннюю тишину прорезали шипящие звуки, над позицией ополченцев пролетели десятки ракет. Николай невольно пригнул голову, но потом, понимая, что это неистовое шипение несётся в гневном своём порыве на врага, крикнул:

— Цыган, пляши! Наши бьют!

— Ой, да-да, ой-да, ой, да-да-да, ой-да, — запел казак. Цыган выпрыгнул из окопа и, приплясывая, подхватил лихую казачью песенку.

*Как за Доном за рекой, под широким дубом
Раставалася казачка с парнем черночубым.*

Смертоносный шквал огня систем залпового огня снова пролетел над головами разведчиков в сторону Зеленополя. Сплошной гул разрывов всколыхнул землю донской степи, клубы дыма и пыли, перемешанные с огнём, поднялись над горизонтом. Около часа громыхало в степи, а потом наступила тишина, только чёрный дым ещё долго висел в голубом небе и стелился над землёй.

К полудню со стороны Зеленополя по трассе стали выходить остатки разгромленных порошковских бригад. Николай Кобзев и Костя Пермяк со своими бойцами встретили их плотным огнём. Несколько машин загорелось на дороге, разрозненные остатки украинских солдат, отстреливаясь, ушли по балкам в степь, в сторону российской границы

— Надо бы их добить, Коленька! — сказал Пермяк.

— Нет, пусть уходят, урок им уже преподали, на всю жизнь пусть запомнят и детям своим расскажут, как воевать с братьями...

— Урок-то урок... Да только ни хрена они этих уроков не учат!

Прошло горячее лето 2014 года. После Зеленополя были Изваринский котёл, ожесточённые бои на Саур-Могилах, в Хрещеватом и Новосветловке под Луганском, и, конечно же, Иловайский котёл, после которого деморализованная украинская армия была отброшена от Донецка и Луганска. Первые Минские соглашения принесли на Донбасс относительное затишье, зимой 2015 года боевые действия возобновились с новой силой под Дебальцево. Совместными действиями луганских и донецких ополченцев в феврале захлопнулся очередной Дебальцевский котёл. И снова украинские вояки получили передышку, в Минске были приняты новые соглашения по урегулированию военного конфликта на Донбассе. Во время зимних боёв в районе Дебальцево под Санжаровкой геройски погиб Костя Пермяк. Николай Кобзев получил тяжёлое ранение. После лечения он вернулся в родной шахтёрский посёлок.

И вот однажды Николай с друзьями сидел в школьном саду за столиком под пышной яблоней, они пили пиво и вспоминали прошлогодние летние бои у Зеленополя.

— Коля, скажи, где было страшнее, в Афгане или на этой войне? — спросил молодой парнишка.

Бывалый воин хмуро улыбнулся и посмотрел на мальчишку.

— Страшно, Васька, то, что мы сейчас говорим о войне, а не о девках...

Из зарослей старого фруктового сада выбежали две малолетние девочки и наперебой защебетали:

— Дед Паша! Дядя Коля! Там в саду, в кустах...

— Да что там, говорите вятно, дурёхи, — привстал из-за столика Пальч.

— Дядя Коля, там в кустах негр спит...

— Какой ещё негр?

— Чёрный такой, лохматый. Мы его увидели, испугались и убежали...

Мужики пошли в сторону зарослей вишняка, куда указали девчонки. Подойдя к кустам, Николай шепнул Пальчу:

— Вы с Васькой обойдите кусты и с той стороны перекройте ему дорогу, вдруг ломанётся бежать, а я его постараюсь сам взять.

Когда Палыч с Васькой занял свою позицию, Николай в два прыжка вломился в заросли и оседлал спящее чёрное существо. Обмякшее от испуга тело, от которого пахло, словно из помойки, взвизгнуло:

— Хлопцы, не вбывайтэ, не вбывайте, Христом Богом молю, не вбывайтэ! Николай громко рассмеялся:

— Палыч, иди посмотри, какого негра мы поймали!

Николай схватил за шиворот лохматого, грязного парня и вытащил его из вишняка на свет Божий. Перед ними стояло чёрное от грязи и копоти жалкое подобие человека в заплатанном, с чужого плеча пиджаке и рваных штанах, моргая красными, воспалёнными глазами и дрожа всем телом от страха. Его смрадное, немывтое долгие дни тело издавало такую вонь, что было невозможно без отвращения стоять с ним рядом.

— Ты откуда взялось, чудовище? — спросил подошедший к пленнику Пал Палыч.

— Я из Зеленопилья йду...

— Откуда? — переспросил Палыч.

— Из Зелино-но-пилья, — заикаясь, повторил он.

— Это надо же! И куда ты идёшь?

— Не знаю, до дому хочу... Нашу бригаду ещё в прошлом роци размолотили под Зеленопильем, вот я и йду...

— Это интересно! Ну-ка, пошли солдатик, пошли, — сказал Николай и подтолкнул пленника в спину.

— Хлопцы, не вбывайтэ, не вбывайте, — опять взмолился чёрный лохмач.

— Не скули, никто тебя трогать не собирается.

Они вышли из глубины сада на поляну к столику, где стояли недопитые бокалы с пивом. Любопытная детвора стайкой кружила вокруг этой необычной процессии. Пал Палыч цыкнул на ребятешек, а их уже собралось целая гурьба: “А ну, марш по домам!”

Но отогнать мальчишек и девчонок было непростым делом. Палыч смирился с этой голопузой публикой, слил в пластиковый стакан пиво и дал пленнику, тот жадными глотками опорожнил стакан и потихоньку стал успокаиваться, поглядывая вокруг из-под лба. Николай усадил его на землю у старой груши.

— Васька, гони к Михайловне в киоск, пивка набери, пусть на меня запишет, видать, у нас разговор будет интересный с этим пугалом.

— Рассказывай, вояка, свою историю. Где ты скитался целый год? Как тебя зовут, бедолага, не забыл ли человеческое имя своё, откуда родом? В какой части служил?

— Степан я... Петруха... Служив в 72-й бригаде, призвали в АТО по повестке, ещё в першую мобилизацию четырнадцатого года, казали, коли не пийду в армию, посадят, ось я и пишов. Родом из Барышевки — це в Киевской области...

— Так ты Степан или Петруха? — переспросил Палыч.

— Петруха цэ призывце такэ.

— Призывце... Фамилия такая — Петруха? Чудно. И где же ты всё это время скитался, Петруха?

11 июля Петрухину бригаду и хлопцев из других бригад 76-й и 24-й накрыло мощным огнём “Градов”. Петруху контузило, валялся без памяти, когда очухался, второй раз накрыло ракетами, получил вторую контузию, присыпало землёй, очнулся ночью, выполз из воронки и пошёл куда глаза глядят. Местности не знал, в голове шумело так, что, теряя сознание, падал в отключке на землю и подолгу лежал без чувств. Примерно через сутки вышел на окраину какого-то небольшого села. Забрался в огород, от голода стал жевать капусту и морковку прямо с землёй, потом снова потерял сознание. Его нашла старенькая бабушка, выходила, козым молоком поила...

Васька притащил три полторухи пива, Николай налил бедолаге в пластиковый стакан, пиво совсем развязало ему язык.

Всё началось ещё 10-го числа. Хлопцы из 72-й бригады к тому времени уже пять суток сопровождали военные колонны с пищей, водой, бензином, боеприпасами. Прикрывали зенитками и пулемётами, проводили колонны по точкам Луганской и Донецкой областей. Сделав круг, уже должны были возвращаться на место дислокации, но начальник приказал выйти из колонны и проводить 79-ю бригаду, которая шла в сторону границы.

В пути заночевали на базе 24-й бригады, которая стояла под селом Зеленополье. Когда приехали туда, велено было ложиться отдыхать прямо посреди поля. Но Петруха, в отличие от остальных, загнал свой бортовой “Урал” с зенитной установкой в посадку, это его и спасло. Весь вечер и половину ночи лил такой дождь, что света белого не было видно, гроза полыхала во всей округе. Ночью 11 июля в 24-ю бригаду пришла ещё одна колонна с боеприпасами. Машины выстроили квадратом тоже посреди поля, а рано утром всех накрыло “Градом”.

Интересно, что когда их разбомбили, то рядом не оказалось ни одного офицера. Петруха очнулся контуженный в посадке, “Урал” горел. Он выскочил из зарослей и увидел страшную картину: море огня, дыма, искорёженная техника и трупы, трупы, трупы... Раненые стонали, просили о помощи. У места дислокации 24-й бригады стоял заброшенный ангар. Те, кто ещё держался на ногах, стали заносить туда раненых. Оторванные руки, ноги. У кого живот, развороченный осколками, у кого глаз нет, кто-то обгоревший. Десятки, а то и сотни людей валялись на этом страшном поле. Убитые и раненые — все вперемешку.

Вскоре всех накрыло ракетами повторно, Петрухе снова повезло, присыпало землёй, потерял сознание. Ночью, когда очнулся, понял, что кто остался живым — ушли, а он один среди кусков человеческих тел и груды обгоревшего металла.

— Ой, як же страшно, хлопцы, який жах!

— Слушай, ты, не дави на слезу! — вспыхнул Николай. — Ты хоть теперь понял, что здесь вас не ждали с хлебом-солью? Ты говоришь, что тебя бабушка выходила, а ты и такие уроды, как ты, пришли её убивать...

— Николай Иванович, не заводись. — Пал Палыч не на шутку испугался, что Николай бросится на этого оборванца.

— Не переживай, Палыч, не трону я это чучело, просто злость берёт, что лето четырнадцатого их так ни чему и не научило, зимой снова полезли под Дебальцевом. Вот такие же уроды в Санжаровке раненого Костю Пермяка ножами добили, а когда возьмёшь их за одно место, все норвят на слезу надавить, все становятся такими кроткими и пушистыми, что аж тошно...

Степан опустил голову и, чуть всхлипывая, плакал.

— Что нюни распустил, рассказывай, как ты зиму пережил, воин?

— Мэне бабуля схороньла, сусидам казала, шо онук прихав бабку доглядать, — снова заканючил Степан. — Не вбывайтэ, хлопцы!

— Эх ты, негр из АТО... Я сказал, что не тронем тебя, отправим куда надо, может твою паршивую шкуру обменяют на нормального человека. Ты хоть знаешь, сколько невинных людей сидит в застенках СБУ или не знаешь?

— Знаю... Богато...

— Богато... Давай, рассказывай дальше.

Всю зиму он прожил у бабы Кати, помогал ей по хозяйству, она кормила. Боясь попасть к ополченцам, документы свои он выбросил, да и домой как возвратиться, не знал. Баба Катя недели две назад сильно заболела и через три дня умерла, он испугался, что во время похорон его вычислят. Сообщил о смерти бабы Кати соседям, собрал харчей и тихонько ушёл из села. Решил идти домой, на Украину, но не знал, куда идти, вот и забрёл сюда...

— Ладно, всё с этим типом понятно. Васька, иди к Серёге Коротку, пусть заводит машину, повезём этого вояку в Ровеньки, сдадим в военную прокуратуру, пусть там с ним разбираются, — сказал Николай.

— Ты-то теперь, Степан Петруха, понимаешь своей башкой, что и здесь твоя душонка показала свою сущность. Ты же предал, и после смерти предал старушку. Она тебя спасла, пригрела, а ты, как паршивый пёс, прижав хвост, сбежал. Хотя ты не пёс, даже псы так не поступают! Эх! — махнул рукой Николай и отвернулся от этого жалкого существа.

Негр из АТО сидел у старой груши и плакал:

— Не вбывайтэ, хлопцы, не вбывайтэ...

АННА РЕВЯКИНА

Я ЛЯГУ ЗДЕСЬ — СТИХАМИ И КОСТЬМИ...

* * *

О, как непоправимо хорошо:
московский май, и улица Тверская
течёт рекой, и кажется, что края
ей нет. Вот серый вход в метро,
вот ветер, что терзает триколор,
твоё лицо и отпечаток речи.
Я всё это приму и засекречу.
И эту лестницу, и этот светлый двор,
и парапет, и стены, и тебя —
московского, престранного, чужого.
Любовь, она почти что как изжога,
такое же сокрытие огня
под кожей, под одеждой, под строкой.
Залить вином, но это полумера.
О, то ли дело дуло револьвера...
О, как же хорошо гулять Тверской
и говорить, и говорить, и ждать
ответа ли, отъезда ли, прощанья.
Любовь. Она — всё то же обнищанье,

РЕВЯКИНА Анна Николаевна — поэт, член Союза писателей России, автор шести поэтических сборников: “Сердце”, “Untitled”, “Хроники Города До. Безвременье”, “Зубная фея”, “Хроники Города До. Dominus”, “Шахтёрская дочь”, соавтор сборника гражданской поэзии Донбасса “Час мужества”. Соавтор сборника “Я — израненная земля” под общей редакцией Захара Прилепина. Родилась и живёт в Донецке.

её мне выкупать и выкупать
из рук старьёвщика, из лап дельца,
у строгого банкира, у торговков,
у продавцов газетных заголовков
на пяточке Бульварного кольца.

* * *

Не просто город, а мегаполис,
кипучий улей, металл по пояс,
сплошные спуски и переходы.
Привет, прохожий, я из народа.
Какие флаги, какие лица,
двуглавы птицы твоей столицы,
двулики люди моих окраин,
налево — Авель, направо — Каин.
Раскрой объятия, подуи на веки,
мы все железные дровосеки,
нам всем бы масла — спасти суставы.
Столица, птицы твои двуглавы,
а эти звёзды подобны солнцу,
и этот парень, что на червонце,
лежит безмолвно почти столетье
в костюме, туфельках и жилете.
И караульный такой же сонный
зевает в руку — смешно и скромно.
И Кремль красный, кирпичный, ржавый —
остов истории и державы —
кольцует город кремлёвским кругом,
кольцом, надетым на перст супруга.
Здесь всё воздвигнуто и воспето —
сезоны, линии, сны, предметы.
И даже пальчики чужеземки,
что робко держат жетон подземки.

* * *

Твой превысокий град семи холмов,
и небо в благородной серой дымке.
Как чуден звон его колоколов
для слуха кареглазой украинки.
Как невесом и полон волшебства
хрустальный воздух православных буден.
Под сенью золотистого креста
на царство мы помазанными будем.
На царство совести — спаси и сохрани
Замоскворечья хрупкие пределы.
Во мне так много песен о любви,
во мне так много песен наболело.
Твой град студён, как первый снег в горсти,
такой же белый, светится, искрится.
Я лягу здесь стихами и костями
в московскую священную землю.
Я прорасту цветами и травой
под серым небом, под неярким светом.
Ко мне придёт какой-нибудь живой,
как я к тебе, с приветом и ответом.

* * *

Всё изнаночно и разъято
в этот вечер московской осени.
Мы идём с тобой по Арбату:
я — с глазами преданно пёсьими,
ты — с глазами, в которых небушко —
бирюза старорусской были.
И луна, что краюха хлебушка, —
всё поэтское изобилие, —
над Арбатом висит лупатая.
Сочини эту книгу, просится,
не всю жизнь же прожить разъятыми,
как два стёклышка — переносицей.

* * *

И кажется, это не роща вдали, а подводная лодка
плывёт в степи под Ростовом. Поджав к подбородку
колени, гляжу, как она своим атомным торсом
плывёт по полям, и посевы озимые ворсом
щекочут ей нежную шею и гладкое брюхо.
И шепчут озимые вслед ей: “Мы — хлеба краюха...”
У атомной лодки есть имя — “Святая Елена”,
она сквозь взрыхлённую землю и пресную вену
плывёт на восход, где не всходят ни солнце, ни травы,
где реки четвёртую длинную зиму кровавы.
“Святая Елена”, всмотришь в меня, слева по борту
я еду домой из ближайшего аэропорта,
дорога в две сотни намоленных километров,
но я не хочу говорить с тобой, словно я жертва.
“Святая Елена”, сопроводи меня до границы,
мне было, когда началось это, первые тридцать,
сейчас мне почти тридцать пять, и это не больно.
Граница, где надо стоять, чтобы после в игольное
ушко просочиться, достав истрёпанный паспорт.
“Святая Елена”, как жаль, ты не рейсовый транспорт,
а то мы могли бы с тобою, минуя таможду
по снежному полю, по вечному бездорожью
бескрайней земли бороздить плодородную плоть,
слушая шёпот озимых: “Мы — хлеба ломоть...”

* * *

Прямая речь, как рейс Ростов — Москва,
застрянет горлом чёрная треска
на Краснопресненской в каком-то кабаке...
Свези меня по замершей реке
пить красное усталое вино,
смотреть, как в омут, в жёлтое окно,
ходить по белым мраморным полам,
по минным заколдованным полям.
Ходить на кожаном коротком поводке,
держи меня в ежовом кулаке,
в грудном кармане или за щекой,
как рыбий жир, как символ запятой,
которой места в тексте не нашлось.

Держи меня — как шар земной — за ось,
держи — как мать Ахилла — за пятау
на кружевном заснеженном мосту.
Держи меня, держи, не отпускай,
мой брат, мой мальчик, мой красивый Кай
из края абсолютного нуля.
Держи меня, как держат журавля.

РЕКВИЕМ

Как уходят герои? Молча.
Растеряв все рефлексy волчьи.
Вместо слёз для них — море горечи,
вместо роз для них — залп тройной

холостыми, и серый в штатском
что-то скажет нам о солдатской,
о судьбе двух народов братских,
пофлиртует с седой вдовой.

А над кладбищем, там, где дымка,
реют ангелы-невидимки,
их не видно на фотоснимках,
но ты слышишь шуршанье крыл.

Это ветер в густых берёзах
прячет наши с тобою слёзы.
Наша жизнь — череда наркозов
да пролитых на лист чернил.

Развяжи мои губы словом,
я парю над изрытым полем,
я привык, что тобою болен,
я привык уже умирать.

Я лечу, и мне светят звёзды,
и рябины алеют гроздьи,
и вся жизнь теперь то, что поздно,
то, что вряд ли воротишь вспять.

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
предать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.

Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.

Ни слова про поджилки и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.

Одни лишь пальцы, стёртые к утру,
и если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых — круг Луны
и облака донецкие видны.

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

НЕГАСИМОЕ

РАССКАЗ

...И вот я вновь у небольшого дома из красного кирпича, где немало было прожито и пережито. Теперь здесь непривычно пусто. Ни бабушки моей — Натальи Егоровны, ни деда — Михал Иваныча, ни соседа — Кольки Ворона. Сдвинули брови одряхлевшие избы, сады заглохли, вкривь потянулась пьяная изгородь, и только рябина у дома улыбалась и звала под своё зелёное крыло.

Я оглядывал всё это родное и знакомое, почти не изменившееся и лишь слегка припудренное старостью. Казалось, сама душа моя искала здесь что-то и никак не могла найти. Потому и цеплялся взгляд за каждый сучок бревенчатого сарая, за немую собачью будку, за обнажившиеся рёбра курятника. И странное чувство овладевало мной, словно не я, а эти подслеповатые окна, это крыльцо с прищуром ступенек, этот продувной сеновал разглядывали и пытались вспомнить меня. Нет, родной дом не стал чужим, он просто постарел за годы нашей разлуки, немного ссутулился и притих без добрых хлопот и уверенной руки хозяина. Все вещи живы настолько, насколько часто к ним прикасается человек. А нет человека — и всё порастает тягучей дрёмой, коростой забвения. Ветра стирают прежний лик, а воды уносят память. И лишь в глубине любого предмета, пока его не рассыпало время, теплятся токи минувшего. Подойдёт человек, прикоснётся рукой, душою, любовью своей, и, словно спящие царевны, оживают ступени, дрёмные двери,

ЮШИН Евгений Юрьевич родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Школу и историко-филологический факультет пединститута окончил в Улан-Удэ. С 1986 года работал в журнале "Молодая гвардия", которым руководил с 2000 по 2015 год. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского "России верные сыны", Большой литературной премии России.

тепло и осмысленно смотрят в мир окна, отступает угрюмый страж запустения — крапива — и прилетают птахи, в счастливых хлопотах своих рассыпая весёлый щебет и приветствуя жизнь.

Несколько дней я провёл в трудах: поправлял крыльцо, выкашивал около дома сорную траву, подвязывал изгородь... И когда уже понял, что самое необходимое сделано, решил пойти на рыбалку. Утро было зябкое, и, вспомнив, что в сенах, в сундуке, всегда хранились тёплые вещи, я решил покопаться в нём и найти себе что-либо подходящее.

Сверху лежало старое лоскутное одеяло, под ним — какая-то грубая сумка с невероятно огромными пряжками, калоши, платья, старый китель. Я поднял его за тяжёлые плечи, встряхнул и надел. Китель пришёлся впору. В карманах нашупал горсть дедовской махорки и аккуратно сложенную для самокруток пожелтевшую от времени газету. Сразу стало тепло, необыкновенно уютно в этом кителе, и протекла по душе волна чувств, словно озарило минувшим.

Я увидел, как отец с мамой приехали за мной в деревню, чтобы забрать после летнего приволья с собой в город. В доме, конечно, радость встречи: растопили печь, бабушка пышек напекла, пирогов, мама городскую еду на стол нарезала, отец с дедом беседовали у окна, а я разглядывал на диване только что привезённые мне книжки.

Радость нашу заметил сосед — Колька Ворон, стал прохаживаться у калитки и поглядывать в окна.

— Ишь ты, — кивнул дед отцу, — гляди-кось, то неделями его не видать, то тут как тут. Вот нюх-то на рюмку!

— Ворон, что ли? — спросила бабушка.

— А то кто? Колька!

Странное дело, в селе все друг друга звали по имени-отчеству, а Ворона, несмотря на преклонный возраст, даже ребятишки всегда окликали Колькой.

— Ворон — прозвище, что ли? — спросил отец.

— А хрен бы знал, — махнул жилистой рукой дед. — Всегда так звали. Вишь, ходит в сером пинжаке, в брюках таких же, в кепке чёрной. И нос вон — как у ворона. Птица та ещё... Он родом не наш, откуда-то с Сибири. Жена его, Маня, — эта наша. А он издаля залетел. Лет за пять до войны, должно. Ага. Или шесть. Перед самой войной в Москву уехал, и там, говорят, ножом кого-то убил. Насмерть, нет ли — не знаю. Но в тюрьму попал и всю войну там... В сорок восьмом возвратился и с тех пор пьёт и пьёт — всегда капля на носу. А другие люди говорят, что никого он не зарезал, а в окружение попал и в полициях ходил. За то, мол, и сидел.

— Будет тебе болтать-то! — рассердилась бабушка.

— А я что? Говорят... — дед пожал плечами.

— Ты, зятёк, его не слушай. На вот лучше пышечку горячую, угостись... А Вороном зовут — у них фамилия такая — Вороновы.

— Фамилия само собой, — подтвердил дед. — Однако вон тоже фамилия — Бычковы, а Васью Бычком не кличут, потому как худосочный и, стал быть, не соответствует. А наш Ворон, он и есть что птица ворон. Ишь, зыркает! Учуйл добычу.

— Может, пригласить его? — спросила у бабушки мама.

— На кой он тут? Напивается скоро. На медовый спас зашёл, выпили с дедом по лампадке. Гляжу, наш-то как ни в чём не бывало, а этот зашатался весь, пошёл на крыльцо курить да уснул там. Едва растолкали.

— Полбеда, — многозначительно заметил дед. — Годами не умывается. Как вернулся — ни разу его никто в бане не видал. Вечно из ушей солома торчит. Какая жара была — в речку не окунулся. Маня его говорит, последний год вовсе с ума сходит: спит в одежде.

— Что же случилось? — удивилась мама. — Помню, раньше опрятным был.

— Раньше, — отреагировал дед. — Раньше на ёлках груши росли, а теперь только шишки. Когда было-то?..

— Видимо, у него гидрофобия, — вступил в разговор отец. — Это болезнь такая, когда человек воды боится.

— Как говоришь? — сощурился дед.

— Гидрофобия. То же самое, что и бешенство.

— Бывает, — кивнул дед, — бывает ужас какой бешеный. Маньку свою избивает до синяков зелёных. Эта, как ты говоришь, самая настоящая гидра он и есть.

— Опять ты! — ткнула его в плечо бабушка и, повернувшись к отцу, добавила: — Страху в нём много. Может, и воды боится.

Колька Ворон тем временем прямо напротив наших окон начал колоть дрова.

— Мать, — позвал бабушку дед, — посмотри там у себя за печкой: земля с оси не скovyрнулась? Ворон дрова колет. Где б записать.

— Ты его не зовёшь, он и обращает на себя внимание.

— Жарко что-то стало, — заметил отец.

— А ты сними китель, — посоветовала мама.

— Да-а, — протянул дед, ласково оглядев китель. — Сукно хорошее. Настоящее.

— Примерь!

— Что я, барышня что ли? У двери повесь.

— Примерь, Михал Иваныч. Впору будет — подарю.

Дед засиял, засмутился, словно испугался даже, руками замахал.

— Да ты что? Куда мне его носить? У нас тут парады не устраивают.

— Да примерь, говорю. Он тёплый. Пороху понюхал.

Дед как бы нехотя влез в рукава, а бабушка, счастливо улыбаясь, сложила руки на переднике.

— Как молодой сделался дед-то!

— Не боишься? Девки теперь за мной — рысью.

— Вот и забирай, носи на здоровье, — улыбнулся отец.

Дед поёжился, у зеркала постоял — так, сяк, боком — даже глаза задымилась слезой.

— Эх, зятёк, такую ты мне радость!.. Впору, впору. А? Шур, — он подтолкнул плечом маму, — мужа ты правильно выбрала, — и, пританцовывая, пошёл обнимать отца.

Сели за стол. Дед китель снимать не стал, всё плечами водил, одёргивался.

— Юр, — обратился он к отцу, — ты говоришь, пороху он понюхал? — и приложился носом к рукаву. — А вроде ещё не выветрилось. А? Сколь годов, а не выветрилось.

— Было, Михал Иваныч, было, — ответил отец, поглаживая раненую ногу.

— А никогда ты не рассказывал, — сиял дед, — как воевал, какую местность освобождал. Кто у тебя командиром был?

— Что рассказывать? Вы ж никого их не знаете.

— Ты расскажи, и узнаем.

— Ляшенко был у меня командиром. Хохол. Мужик мощный!

— Что-то я такого не слышал, — насторожился дед. — Постарше-то его кто был командир?

— Много было постарше.

— А самый главный?

— У нас — Жуков.

— О! — обрадовался дед. — То — мужик!

Колька Ворон тем часом метался за окном. И под стожок рукой лазил, и граблями под ним ширял, и вилами елозил, словно искал чего.

— Всё крутится Колька, — в голосе деда проснулось участие. — Нешто поднести ему лафитничек? — И запел:

*Ты не ве-ейся, чёрный во-орон,
Над мое-ю голово-о-ой...*

— Цыц! — остановила его бабушка. — Услышит — разобидится на-смерть.

— А что я ему? Из песни слова не выкинешь.

— Вот и замолчи! На тебе колбаски городской. Закуси.

— Не-е, — потянул дед. — Я её не уважаю. Ты, Шур, хошь обижайся, хошь нет, а зря её везла. Ни мясом не пахнет, ни фигом каким. Жуёшь, как верёвку. Я люблю всё натуральное. Вот щи из петуха вчера мать варила. Это — да. — И вновь повернулся к отцу. — Значит, боевой китель? Это хорошо. Сукно, сукно какое! У-у-у!

— Куда?!! — неожиданно по-петушиному пронзительно заорал за окном Колька Ворон. — Сознавайся! Куда?!!

Из окна было видно, что Колька с кулаками бросился на свою жену. Дед сразу вышел из дому и уже с крыльца уговаривал Николая успокоиться.

— Я под стожок её положил, — объяснял Ворон, — думал, схороню от этой, а видать-таки углядела. Как теперь опохмелиться мне? Нечем! Не понимает, дура!

— Ладно, ладно, — успокаивал дед, — опохмелим тебя, утомонись.

Дед сбегал в дом и вынес лафитник. Колька крикнул и подобрел.

— Зять, гляжу, с дочкой к тебе приехали.

— Да, — заулыбался дед. — С подарками. Вишь, китель фронтовой с плеча подарил. Он ведь с Жуковым воевал-то. Да! Не то, что кто-то там где-нибудь.

— Китель? — заморгал Колька. — Китель хороший. Чтобы носился — обмыть надо.

— Так и быть, поднесу ещё.

Дед ещё раз сбегал домой, а Колька ещё раз крикнул и наслаждался. Курили, обсуждали текущие дела, и вдруг дед с наскоку в упор спросил:

— Говорят, Коль, ты в Москве человека зарезал. Трепятся, что ли?

Ворон съёжился.

— Зарезал? — выдохнул Колька.

Он уже изрядно опьянел, сощурился и — грим себя кулаком в грудь.

— Злюсь! На себя злюсь!.. Всего тебе не скажу — совестно... Однако, Миш, не зарезал, но через меня... человек повесился. — И, словно испугавшись своих слов, замахал руками. — Что?.. А? Поверил? Шучу я, шучу.

— Понятное дело, шутишь, — кивнул дед. — Садись. Ещё выпить хочешь?

Колька горько улыбнулся. Беззащитно обнажился щербатый рот. Руки успокоились, не тряслись.

— А чего ты, говорят, будто не моешься? — допытывался дед.

— А сколько ни мойся, всё одно вины с души не отмыть. И, знаешь, — глаза Кольки забегали, засуетились, в них появилось что-то рабское, паническое, — мне цыганка одна гадала, что смерть ко мне от воды придёт.

— Боишься, что ли?

— А кто не боится? Дурак только.

— Ты и есть дурак, раз цыганке поверил.

— Глупый ты, Михаил, человек. Вот не знаешь, а всё, что она мне сказала, сбылось.

— Тогда и последнее сбудется. Берегись, не берегись — сбудется. Кто на что записался — тому и быть.

...А потом мы уехали, и зимой умер дед. А ещё через год не стало и Кольки Ворона. Рассказывали, что пошёл он к реке — лошадь там у него паслась, а тем часом двое соседских мальчишек играли на крутом берегу. Один возьми да оступись. Колька увидел — плюх за ним! — вытолкнул мальчика из воды, а у самого сердце, видно, зашлось, погрузился под воду, и разыскали его мужики только на следующий день.

...Дом вздрогнул, как от взрыва, — это реактивный преодолел звуковой барьер. Я очнулся от воспоминаний и, собрав удочки, пошёл на реку. Облака текли низко и быстро, но мороси не было.

Я почему-то пошёл не сразу к месту рыбалки, а кругом, хотела душа насладиться и полем, и колочими, серыми, словно шинели, стогами, выстроившимися до самого леса. Так я шёл и вспоминал себя. Так перетекало моё

настроение от берёзы к калитке, от калитки к рябине, от неё — к размазанной заоколичной дороге. А вот и крайняя изба. Какая же это прелесть — русская избушка! Хоть и ветхая какая встретится, хоть и горбенькая, а всё в радость. Солнцем жжёная, дождём тёртая, ветром скоблёная — звон один до сини. И кажется, что стоит она недвижимо, ан нет! Всё вокруг себя вычистит, выскребет, обиходит, глазу даль покажет. И скрипит себе, скрипит потихоньку, пережёвывает ступеньками дни да ночи, луны считает, от солнца щурится — вольно ей и радостно на родной земле. Хоть и подточены горестями сучки-зазубринки, хоть и погрызли мыши углы, а есть в избе свет и внутри — от икон намоленных, и снаружи — от доброго людского труда и неба ясного. Кинет она туда, в синь поднебесную, дымок пуповиной из трубы и слушает небо. Долго, долго, долго... И всё понимает, всё знает, всё скажет тому, кто слышать может.

Я устроился на берегу под ветлой и, закинув удочки, долго вглядывался в набегающую чешую волн. Потом, согнув руку в локте, засмотрелся на складки подвыцветшего кителя, которые легли морщинами, словно смотришь на холмы и овраги откуда-то с большой высоты. Соринка в одной из складок привиделась мне человеческой фигуркой. Вот она тронулась с места, поползла, а над ней лёгким дымом струились сумерки. Человек был ранен, поэтому передвигался урывками, ползком. Туго перевязав ногу у голенища, чтоб не хлестала кровь, воин полз к реке. “Теперь век жить буду!” — уговаривал себя боец. По краю оврага щетинилась крапива, а внизу валялись обгорелые жестяные бочки, тлеющее тряпье и раскуроченный грузовик.

Навстречу раненому, тоже ползком, двигался другой солдат — немец. Из-за бугра между ними они не видели друг друга. Один полз к своим, другой — к своим.

Почти одновременно вскарабкавшись на холм, они на мгновение замерли метрах в пяти друг от друга. Забыв о своём ранении, русский поднялся в полный рост и без малейшего признака боли, уверенно переступая со здоровой ноги на кровоточащую, с упрямой ненавистью наступал на немца. “А кто тебя, гад, сюда звал!” — хрипел раненый. Немец хотел броситься бежать, но ноги отказали ему. Схватившись, оба покатались под склон. Уже внизу, вырвавшись на мгновение, немец вскочил и бросился в сторону, но дикая, шальная пуля опрокинула его навсегда в чужую траву.

Порыв ветра, сдунувший соринку со складки рукава моего кителя, вернул меня из пригрезившегося. Поплавки мерно колыхались на волнах. Вода текла и текла. Она двигалась тяжело и весомо, сохраняя в себе, как в генах, все, исключительно все события Мира. Вода текла, считывая каждое мгновенье, запоминая каждую секунду. Подобно крови, которая насыщает жилы жизнью, родительница-вода в любой, даже самой лёгкой своей капле плескала к моим ногам память веков. И огромное облако, широко распластав крылья подобно сказочному Ворону, несло мне живую и мёртвую воду. Пошёл дождь. Земные и небесные воды омывали меня. За чередой частых капель размывались дома и сады, размывались леса и стога, проявлялись незнакомые силуэты, вырастали новые дали. В этом кружении, в этом желанном потоке прорезалось тугими лучами молодое солнце, и влажно затеплилась радуга.

ВИКТОР ПАСТУХОВ

ГОЛГОФА

1

Душевный лад безверьем исковеркав
и расточив по мелочи добро,
в бреду узнал я брошенную церковь
и кое-как до паперти добрёл.

Был двор пустым, но, кажется, недавно
подновлены кресты и купола.
А через окна против ожидания
лучился свет в квадратиках стекла.

Войдя в притвор с поникшими плечами,
я поднял изумляющийся взгляд
на фрески, оживлённые свечами,
на лики в озарении лампад.

Как на суде, объятый страхом смертным,
стоял я на скрещении веков,
как будто стало плоское трёхмерным
и приоткрылся прошлого покров.

И тут в его глубины я сорвался,
вертась в потоках мутных, словно червь.
Пульсировали время и пространство,
пока не обрели привычных черт...

ПАСТУХОВ Виктор Степанович родился в Приморье. Окончил электротехнический институт. Преподает автоматизацию энергосистем. Публиковался в журнале "Наш современник" и в альманахе "Литературный Владивосток". Автор трёх стихотворных книг. Живёт и работает во Владивостоке.

Во мне росло предчувствие злодейства:
толпа, гора, тяжёлые кресты,
Приговорённый, снятая одежда...
Но почему смятённым духом здесь я?
И кто раздвинул времени пласты?

Толпа плюёт и корчится от злости:
— Он богохульник! Так его! Распни!
Взмывают молотки, дробятся кости,
и разрывают кованые гвозди
Его ладони и его ступни.

День потемнел, уподобляясь ночи.
И за верёвки несколько солдат
подняли крест.
Любви и муки взгляд
Он к небу обратил:
— Прости их, Отче,
ибо не знают, что они творят.

Из древа древнего,
что выращено Лотом
(так искупал он скорбный свой инцест),
морёный вознесённый к небу крест
омылся кровью праведной и потом
Спасителя по промыслу небес.

Так все грехи людские от Адама
Он искупал, приемля злую казнь.
И затекали капли крови прямо
на череп праотца, что был как раз
в самой Голгофе погребён глубоко,
где встало основание креста...
О, Господа провидческое око!
О, гибельная наша слепота!

За правду и добро, за эту жертву,
за жизнь, обещанную вне земли,
мы губку на копье, напитанную желчью
и уксусом, Страдальцу поднесли.
Мы все, кто жил во лжи —
тогда и позже,
кто клеветал, невинного виня,
и праздновал, над праведным чиня
расправу.
Мы, которые, ничтоже
сумняешься, до нынешнего дня
бросаем грязь и камни, слыша:
“Боже!

За что, зачем оставил Ты Меня?”

Мы сами — судьи.
Что нам чьи-то муки?
И совершилось —
вдох последний в руки
Отца распятый Сын предал.
И солнца свет померк в округе.
И космос мрачно звёздами взирал
на нашу подлость и неверность.

И почва сотряслась.
И камни скал
Расселись, и гробы отверзлись.
И надвое разодралась
завеса в храме, открывая
святилище для недостойных глаз,
как открывалась истина сейчас,
когда минута роковая
засела в памяти у всех,
кто смутно сознавал свой грех,
на фарисейский суд кивая.

Но даже те, что били себя в грудь,
содеянному ужасались,
не разглядев сквозь ложь и зависть
Его Божественную суть.

Лишь римский сотник,
грубый, как горбыль,
невозмутимый управитель казней,
при стражниках сказал, как отрубил:
— Воистину Он Сыном Божиим был!
И с этим молча согласился каждый.
Чужие воины, за коими — империя,
где сила равнозначна правоте,
где веру замещали суеверия —
не диво ли? — по чёрствой простоте,
не заражённой гнилью лицемерия,
но опознали Агнца на кресте.

Но были там, среди хулы и гнева,
и те, кто в горе сжался и поник:
напротив Сына — Пресвятая Дева,
Мария Магдалина — слева.
Ещё любимый ученик
и многие другие. Только в них
Христовы страсти отзывались болью.
И вера их, скреплённая любовью,
Его Завет донныне сберегла,
и Церковь, обличительницу зла,
воздвигла на Земле во славу Божию.

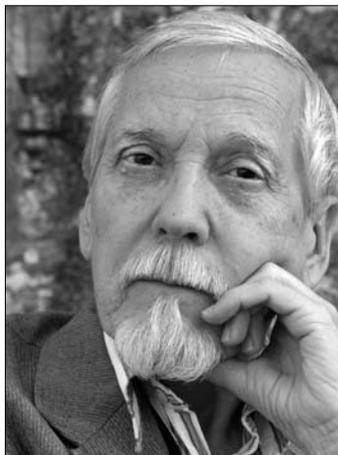
Святые же потом,
когда Христос воскрес,
вставали из гробов, являясь многим,
и называли Иисуса Богом,
который мир спасти сошёл с небес.

А вскорости апостолы в дорогу
пустились окормлять людей
и удалялись понемногу
от близких сердцу рубежей,
дивясь тому, что в темноте своей
язычник оказался ближе к Богу,
чем посвящённый иудей.
И слава о Христе во все края пошла,
питая мир плодами новой веры.
И камень, что строители отвергли,
навек стал главой священного угла.

Всё кончилось. Заря меж днём и ночью
прорезала багровую межу.
В своей постели, приподняв цепочку,
нательный крестик у лица держу.
Он почернел от окислов и пота,
но барельеф мерцает серебром.
И снова всё, навеянное сном,
увидел я, смыкая веки плотно.

Вся жизнь моя прошла передо мной:
бездумная, беспутная, пустая.
И замерев от ужаса у края,
признался я, терзаемый виной:
“Не мор, не катаклизмы во вселенной,
не лживый мир америк и европ —
в конечном счёте нам готовит гроб
безумный зов души растленной”.

НИКОЛАЙ КОКУХИН

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

1

Часовая мастерская находилась на первом этаже трехэтажного дореволюционного дома — между магазином галантереи и фотоателье. Я вошёл внутрь — над дверью мелодично прозвенел колокольчик. Помещение было разделено невысокой стойкой на две неравные части: приёмную и собственно мастерскую, занимавшую гораздо большую площадь. Навстречу мне поднялся плотный мужчина среднего роста с улыбчивым добродушным лицом, его лоб пересекали глубокие морщины; на вид ему было не меньше шестидесяти.

— Слушаю вас, — обратился он ко мне так, как будто только меня и дожидался.

Я поставил на стойку будильник:

— Перестал звенеть.

— Это очень нехорошо с его стороны. — Мастер взял в руки будильник. — Это примерно то же самое, как если бы трамвай утром не вышел на линию. Сейчас глянем.

Он сел за стол, уставленный часами разных марок, запчастями к ним, крышками из-под монпансье и баночками из-под консервов, заполненными винтиками, колесиками, пружинками и прочей мелочью, без которой часовому мастеру никак не обойтись; вскрыл будильник, внимательно осмотрел механизм.

— Ага, понятно, — сказал он, копаясь в будильнике. — Это называется: ерунда на постном масле.

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг на православные темы. Живет в Москве.

Через минуту он поднялся, завёл звонок, перевёл стрелки часов, и будильник зазвенел. Он держал его в руке и улыбался; он был доволен гораздо больше меня. Когда будильник умолк, мастер поставил его на стойку:

— Теперь вы никуда не опоздаете.

Я был очень рад, что мне повезло на мастера, что будильник снова в рабочем состоянии и что не нужно приходить в мастерскую второй раз. Я вытащил из кармана бумажник:

— Сколько с меня?

— Нисколько, — ответил мастер.

— Ну, как же так? Вы трудились, затратили время.

— Я затратил пару пустяков. Скажу вам по секрету: друзьям чинно бесплатно.

— Но я же не друг.

— Значит, будете им! — Он весело рассмеялся. Потирая руки, сказал: — Когда я сделаю людям что-то доброе, у меня весь день отличное настроение. И дела идут как по маслу.

Я от души поблагодарил мастера и попрощался.

Второй раз я встретился с Сергеем Михайловичем Лобовым (так звали моего нового знакомого) примерно через месяц — стали спешить ручные часы. Он отремонтировал их за считанные минуты и снова не взял денег, считая меня своим другом.

В мастерской никого не было. Лобов заварил две чашки чая, высыпал из пакета на тарелку полдюжины сушек-“челночков” — стойка служила нам столом. Мы вели себя, как давнишние друзья, — это случается тогда, когда собеседников объединяет взаимная симпатия. Поскольку разница в возрасте у нас была небольшая, то мы с взаимного согласия перешли на “ты”. Через несколько минут я перевёл разговор в нужное русло, сказав, что вчера был на престольном празднике в Бирюлёвском храме.

— А я живу рядом с этим храмом, — сказал мой собеседник, — окна аккуратно смотрят на церковный двор.

— Повезло, — сказал я.

— Да я там ни разу не был! Хотя уже больше тридцати лет живу в этом доме...

— Почему?

— Дак я ж некрещённый.

— Как так?

— А вот так! Родители боялись крестить, а я сам, когда подрос, даже и не задумывался об этом.

— А сейчас?

— Счас уже поздно.

— Креститься никогда не поздно. Бывают случаи, когда человек крестится в самую последнюю минуту своей жизни.

— Для чего?

— Чтобы спастись.

— Лично мне никто не угрожает: ни милиция, ни соседи, ни клиенты. И дом не горит, значит, спасаться не надо.

— Я говорю о спасении души.

— Это для меня пустой звук. Тело я вижу — вот оно, а душу не вижу, стало быть, её нет.

— А ум ты видишь?

— Ну, это совсем другое дело: его не надо видеть, чтобы знать о нём...

— У тебя очень хорошая душа, она радуется, когда ты совершаешь добрые дела. Жаль, если она погибнет для блаженной Вечности.

— Ты говоришь о загробной жизни?

— Да.

— А по-моему, никакой загробной жизни нет. Вот, например, я скоро умру, моё тело отнесут на кладбище, заруют в могилу, и на этом всё кончится.

— С этого момента всё только и начнётся.

— Ну, это уже сказка.

Религиозная безграмотность Лобова не явилась для меня какой-то неожиданностью. Всех своих новых знакомых, и молодых, и пожилых, я при первом же удобном случае спрашивал о крещении. И каждый третий или четвертый из них оказывался некрещёным. И если молодые люди, хотя и не все, соглашались рано или поздно принять Таинство Крещения, то пожилые, особенно мужчины, были твёрже камня: любое слово, если оно касалось Церкви, отскакивало от них быстрее, чем теннисный мяч.

Выйдя из мастерской, я горячо помолился о заблудшем Сергии, попросил Господа вразумить его, наставить на путь истинный и не дать погибнуть. Мне было очень жаль, что он всю жизнь прожил в полнейшей темноте, не зная Господа, не участвуя в церковных Таинствах. Я стал молиться о нём каждый день — утром, встав ото сна, в метро, пока ехал на работу, во время прогулок. “Человеколюбец Господь и не такие камни растоплял”, — думал я.

2

Через пару недель, возвращаясь с работы, я заглянул в часовую мастерскую. Там было несколько клиентов — одни сдавали часы в ремонт, другие получали отремонтированные. Я подождал, пока они ушли, поздоровался с Сергеем Михайловичем и продолжил прерванный в прошлый раз разговор. Прежде всего я сказал ему, что душа некрещёного человека без суда и следствия уходит в ад.

— Ну, и что особенного, везде жить можно, — легко и беззаботно сказал мой собеседник.

— Там не жизнь, — возразил я, — там жуткие муки.

— Ну, значит, это как раз для меня: я эти муки заслужил.

— Их можно легко избежать.

— Неужели? — Лобов сделал удивлённое лицо.

— Да.

— А как?

— Очень просто: окреститься.

— Дак я ж коммунист.

— Вот те раз! Компартии давно не существует, а он коммунист!

— Я коммунист настоящий, по убеждению, не как другие: партии не стало, и их не стало. А я свою шкуру не меняю каждую минуту, как хамелеон.

— Ты, небось, и партбилет носишь до сих пор в кармане?

— А как же! Какой я коммунист без партбилета? Вот он, могу показать. — Лобов полез во внутренний карман пиджака.

— Не надо, — остановил я его. — Над этими партбилетами куры смеются... Вот ты говоришь: коммунист. Я лично знал многих крещёных коммунистов. И среди членов правительства были такие.

— Это — хамелеоны. — Лобов пренебрежительно махнул рукой. — Они мне не пример.

— А кто пример?

Лобов встал, прошёлся взад-вперёд по мастерской, остановился.

— Ну, Сталин.

— Он, между прочим, учился в семинарии, — сказал я.

— Верно? — спросил Лобов, поняв, что попался в ловушку.

— Верней некуда.

Сергей Михайлович снова прошёлся по мастерской, соображая, как бы без больших потерь выбраться из ловушки. Он расстегнул пиджак, потом снова застегнул его, сказал простодушно:

— А я и не знал.

— Да и знать это необязательно, — сказал я, помогая старику побороть смущение. — У тебя скоро может быть другой пример для подражания. Без единого пятнышка.

— Это кто ж?

— Преподобный Сергей Радонежский.

— Я такого не знаю.

— Это великий святой Земли Русской. Если ты окрестишься, то он будет твоим небесным заступником и покровителем. Его мощи покоятся в Троице-Сергиевой лавре, совсем рядом. Туда можно часто ездить.

— Ты никак меня уже окрестил?

— Я молю Господа Бога, чтобы это случилось как можно быстрее!

— А зачем? Что за выгода для тебя?

— Выгода для тебя, а не для меня: ты окажешься не в аду, а в Раю.

3

Вскоре я уехал в командировку на Сахалин, где пробыл несколько месяцев. Вернувшись, долго работал над научным отчётом. Потом взял отпуск и уехал отдыхать. Прошло не меньше полугодя, прежде чем я снова навестил часового мастера. Я его не узнал — он сильно похудел, осунулся, лицо покрывала печать бледности, в глазах не было прежней живости; мне показалось, что он стал ниже ростом.

— Три месяца отвалился в больнице, — отвечая на мой немой вопрос, сказал Лобов. — Инфаркт. Чувствую себя не ахти.

— А что, если поехать в санаторий, набраться сил, а потом уж...

— Работа для меня — лучший санаторий. — Мастер улыбнулся, но улыбка получилась какая-то кислая. Он занимался старинными карманными часами, изредка поднимая голову и отвечая на мои краткие вопросы.

— Ну как, креститься будем? — спросил я, когда Лобов, ответив на телефонный звонок, о чём-то задумался.

— Работы накопилось невпроворот. — Он кивнул на полки, заставленные часами разного калибра так густо, что образовался “птичий базар”.

— Одно другому не мешает. А откладывать нельзя: никто из нас не знает, когда Господь возьмёт его душу: сегодня ночью или завтра утром.

— Ну, я-то ещё никуда не собираюсь...

— А там, — продолжал я, как бы не замечая внутреннего сопротивления собеседника, — там уже не крестятся — поздно!

— Я прожил всю жизнь некрещёным — и ничего, не жалею. А насчёт инфарктов, так они у всех бывают — и у крещёных, и у некрещёных...

— У тебя первый инфаркт?

— Второй... Наверно, ты плохо обо мне молился. — Лобов с хитринкой посмотрел на меня: ему было интересно, как я восприму его шутку.

— Да, плохо, — согласился я, восприняв его слова не как шутку, а как серьёзный упрёк. — Второй инфаркт — это как удар грома! Третий ты можешь не выдержать!

— Чему быть, того не миновать...

— И всё же лучше уйти в иной мир подготовленным. Крещение займёт всего один час, — сказал я, не оставляя надежды на то, что мастер, в конце концов, согласится. Мне всё казалось, что он отказывается от крещения потому, что я не нашёл самого веского довода. — Можно креститься в храме, а можно и дома. А если хочешь — прямо тут, в мастерской, — я договорюсь со священником.

Старый мастер поднял брови, обдумывая мои слова, и морщины на его лбу стали ещё глубже.

— Я не готов, — сказал он, опустив брови. — С бухты-баракты это не делается...

Мне нечего было возразить старику.

4

На следующий день, в воскресенье, я поехал в храм Всех святых на Соколе — там, у входа на церковный двор, всегда собирается много нищих. И на этот раз они были на месте — вот публика, которая никогда не подведёт! Я раздал им, никого не пропустив, щедрую милостыню — во спасение души часового мастера. В этом храме служил священником мой друг, я попросил его помолиться о заблудшем Сергии.

Так я поступал несколько раз: слава Богу, нищих в Москве изобилие. Заходить в часовую мастерскую я не торопился, так как в этом не было необходимости: что бы я ни говорил, какие бы доводы, самые веские и самые неотразимые, ни приводил, всё равно Лобов, как и раньше, остался бы при своём мнении.

И всё же я не вытерпел и зашёл к нему в последние дни масленицы. За рабочим столом, там, где обычно я видел Лобова, сидел худой вихрастый молодой человек.

— Можно увидеть Сергея Михайловича? — обратился я к нему.

Молодой человек поднял скуластое лицо, посмотрел на меня одну-две секунды:

— А его нет.

— Где же он, если не секрет?

— Нет, не секрет: он умер.

Я помедлил, переваривая сказанное.

— Давно?

— Да уж месяца полтора, наверно.

Я вышел из мастерской и медленно побрёл по улице. В том, что Лобов умер, ничего особенного не было — все рано или поздно умирают. Дело было в другом: в его загробной участи. Где его душа, в каких заочных палестинах? Страдает или радуется, терпит муки или нашла покой?

Прошёл Великий пост, наступили радостные Пасхальные дни, в моей душе не смолкали чудные Пасхальные песнопения — именно в это время я увидел сон. Мне приснился весенний луг, освещённый тёплыми сияющими лучами солнца. Он был покрыт изумрудной травой, но цветов на нём не было, — только два-три цветка едва виднелись из травы. И птиц не было.

Через несколько дней я снова увидел во сне этот же луг: цветов значительно прибавилось, они были выше и ярче; появились птицы, они порхали над лугом и весело щебетали.

Прошло ещё некоторое время, и я в третий раз увидел весенний луг. Он был буквально усыпан оранжевыми, жёлтыми, сиреневыми, голубыми цветами; от них исходил дивный аромат; птиц было очень много, их пение ласкало слух; посреди луга стояло красивое двухэтажное здание с колоннами, полное неземного сияния.

О чём были эти сны? Как их понять? Может быть, Господь образно показал мне загробную участь часового мастера — ведь молился о нём не только я, но и священник. Каждому человеку в последнюю секунду его земной жизни является Ангел Господень и спрашивает: “С кем ты? С Богом или нет?” И если человек не отречётся от Бога, то Ангел Господень относит его душу к вратам Рая... Вот и Сергей Михайлович, вполне возможно, не отрёкся от Бога; не мог же он забыть те немногие слова о загробной жизни, которые я говорил ему во время своих визитов в часовую мастерскую. Но суть, конечно, не в моих словах, а в безграничной милосердии Господа, Которому дорога каждая человеческая душа и Который хочет спасти самого последнего грешника.

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

ПО РАЗМЫТОЙ ВРЕМЕНЕМ РУСИ...

* * *

Родина, ведь это моя Родина —
С видом из окна на школьный двор,
С розовыми кистями смородины,
Что кивали мне через забор.

С домиком бревенчато-чахоточным,
Что стоял под снос, особняком,
С низенькой палаткой винно-водочной,
Торговавшей иногда тайком.

Словно из забытого и давнего,
По размытой временем Руси,
Вновь иду аллеями Остафьева,
Где в пруду водились караси.

Всё я помню. Память не утратила
Многолетних коммунальных драм,
Комнатного старенького радио,
Что будило гимном по утрам.

Помню, как осенней непогодиной
Моего отца под женский рёв

КАРПУНИН Геннадий Михайлович родился в 1958 году в посёлке Щербинка Московской области. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Автор четырёх сборников стихов, нескольких книг повестей и рассказов, романа "Часовых дел мастер". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Принимала на погосте Родина
Первыми побегам крестов;

Первыми предзимними морозами,
Солнцем в студенистой белизне,
Красными на крышке гроба розами,
Что легли на белой простыне.

* * *

Пыльная дорога,
Хвоя да песок,
Церковь недалёко,
Сена жёлтый стог.

Где-то в отдаленье,
Средь лесных озёр,
Хоровое пенье
Деревень и сёл.

Сколько их забыто
По всея Руси...
У куста ракиты
Ты о том спроси.

Да взглядишь в ладони
Древних стариков:
В них, как на иконе,
Глубина веков.

Вдумайся, откуда
Эта глубина:
Если жили худо,
Их ли в том вина?

И найдётся, верь мне,
В деревеньке дед,
Что под чай с вареньем
Даст такой ответ:

“Жили мы не худо,
И теперь всё есть,
Держимся покуда,
Ну, а там... Бог весть”.

КОЛЬКА ИЗ КАПОТНИ

Погибшим в Афгане...

Его любили — Кольку-гитариста —
Пройдоху, переростка из Капотни,
А он любил “Битлов” и лез в артисты,
Устраивал концерты в подворотнях.

Шпана — он блефовал на грани фола,
Не шестерил у фраеров и урок;
И если драка где — сбежит из школы,
На нож пойдёт... А что ему? Придурок!

Но обошла его тюрьма и зона —
Спасла повестка из военкомата.
Шутил дружок: “Не вышло фармазона,
Теперь пойдёт под дуло автомата”.

А Кольке наплевать на афоризмы,
Была б гитара, сигареты, спички,
Весёлые черкал родне он письма,
Хоть и служил у чёрта на куличках.

А как служил? Наверное, неплохо.
По слухам, вроде бы крутил баранку.
А что паясничал под скомороха,
Так то — по дурусти, на то она — гражданка.

Но прав был друг: в районе Кандагара,
В краю утёсов и ветров горячих,
Взорвались струны Колькиной гитары
И положили парня в тесный ящик.

И хоронила Кольку вся Капотня.
Ну, а когда из дома выносили,
То каждый пёс скулил из подворотни,
Как будто бы оплакивал Россию.

* * *

Камыш растёт, где был когда-то пруд.
Плотину почему-то разобрали.
Давно из-под земли ключи не бьют,
И жители дома позапирали.

А было время, раков здесь ловил,
Нырял на спор, с мальчишками повздорив,
До щиколоток погружаясь в ил,
Мечтал о синем и далёком море.

Не знал тогда, ещё не мог я знать,
Колени разбивая о ступеньки,
Что с тихой грустью буду вспоминать
О позабытой Богом деревеньке;

Тот пруд, который высох и зарос,
Плотину, избы, запахи и звуки,
Полёт шмеля, назойливость стрекоз,
Ободранные о корягу руки.

И даже бестолковый брёх собак —
Теперь я знаю — был не бестолковым,
И добрым — деревенский тот чудака,
Встречавший нас отнюдь не добрым словом.

Не высохнет, не порастёт травой,
Как пруд, живой родник воспоминаний,
Где мальчик с белобрысой головой
Сплетал венок из розовых мечтаний.

Из тех мечтаний он давно подрос.
А может, их намеренно украли...
Жаль, высох пруд и камышом зарос.
И жалко, что плотину разобрали.

* * *

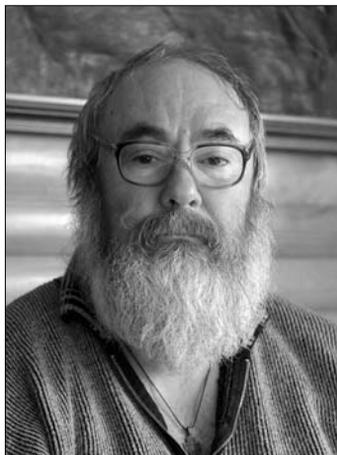
Выкатилось солнце на большак,
Полыхнуло алым над полями,
Повздыхал прохожий, снял рюкзак
И присел на придорожный камень.

Поглядел на тех, кто к солнцу шёл,
Как и он, без роздыху шагая,
И хотя на жизнь он не был зол,
А подумал: “Что за жизнь такая!..”

Вынул папиросу, закурил,
Усмехнулся над честным народом...
Не сказать, что выбился из сил,
Просто он забыл — откуда родом.

.....
Поздравляем нашего автора с юбилеем!

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ

РАССКАЗ

Жизнь любого человека — это рассказ или повесть, сюжет или сценарий, пьеса или роман. Брат однажды мне так и сказал: “Вот взять хотя бы нашего соседа Андрея Петровича, так о нём же целый роман написать можно!”

Меня это тогда почему-то очень удивило, но теперь, по прошествии годов моей жизни, в которой Петровича нет уже более двадцати лет, я понимаю, что да, написать можно, но только не роман, а рассказ, и то лишь в связи с последней нашей встречей. А тогда, в добрые старые времена (которые на самом-то деле, по глубокому моему убеждению, всегда одни и те же) мы жили в коммунальной квартире, и первое моё воспоминание об Андрее Петровиче было то, что он называл меня почему-то всегда по отчеству: Иваныч. Так он звал меня всегда, и только так, и мудрость такого его решения мне становится ясна лишь теперь. У него самого детей не было, а мы жили без отца: мама, мой брат и я; а у папы была другая семья, и там росла сестрёнка. “Иваныч, ты куда пошёл? — В туалет. — А, ну ступай, ступай!”

Андрей Петрович жил в соседней комнате с женой и матерью, дряхлой старухой, лежавшей почти без движения у стены, покрытой ковром, потом она умерла. Андрей Петрович был столяр, ходил в кирзовых сапогах, курил “Беломор”, с утра долго прокашливался, а вечером каждый раз приходил пьяным или сильно пьяным, а иногда и просто “в стельку”. Но всегда как-то добирался сам, не помню случая, чтобы его приносили. Пахло скипидаром

ВАСИЛЬЕВ Антон Сергеевич родился в 1953 году в Москве. В 1975 году окончил ВГИК. Российский режиссёр, сценарист, поэт, публицист. Автор кинофильмов “Блажной”, “Красиво жить не запретишь”, “По траве босиком” и многих других. Всего на счету А. С. Васильева более десятка документальных и публицистических фильмов, затрагивающих насущные проблемы экологии. С 1998 года преподаёт режиссуру художественного кино во ВГИКе. Живёт в Москве.

и денатуратом, его он пил перед получкой, когда рубли и копейки кончались. Уходил он из дому раньше всех, а я — вторым, в школу, поэтому мы часто сталкивались с ним и общались в эти тёмные долгой зимой минуты. “Чи бачишь, Иваныч, — чи не бачишь?” — шутил он обыкновенно. “Бачу, — отвечал я привычно, — бачу”. Вместо портфеля в руке его был потёртый деревянный сундучок с инструментом, предмет моей тайной мальчишеской зависти. В сундучок он клал пакет или свёрток с обедом, который ещё с вечера собирала ему жена, Лизавета Николаевна, такая же добрая и толстая женщина, дебелая, косолапая, не рожавшая, и не работавшая, занимавшая половину общей кухоньки, немного важная, всегда спокойная. Однажды я увидел, как Андрей Петрович смачно хлопнул её ладонью по тому, что являлось её самой внушительной особенностью, в ответ он тут же получил не менее внушительную оплеуху.

Однажды они дрались в прихожей на полу у самых полуоткрытых дверей, в которые один из них не успел выйти. Дрались молча. Пыхтя и хватаясь за волосы. Молча, чтобы не выносить сор из избы, как говорят. Оба были в прошлом деревенские, из Подмосковья. Тогда ещё и в самой столице хватало по окраинам самых настоящих деревень. Петровичу Лизу сосватали, и эта самая сваха приехала к ним в гости, не то что по праздникам, а едва ли не каждое воскресенье. Потому что они её угощали по деревенскому обычаю. Такие же крепкие связи у них оставались с крёстными и кумовьями, по традиции, хотя ничего церковного или религиозного не наблюдалось в их быту, не считая покраски яиц на Пасху, что было общим явлением, и к вере отношения не имело. Так и звали друг дружку: крёстный, кума и т. д. Нам это было в диковинку: родители мои были оба атеисты, хоть и крёщённые когда-то ещё в революционные годы, будь они прокляты.

Из той жизни была и гармонь, с которой мой Петрович выходил по большим советским праздникам на улицу и играл, сидя на скамеечке у входа, на законных основаниях, от завтрака до обеда: чисто выбритый, слегка под хмельком, в начищенных до блеска сапогах, в белой рубашке, туго застёгнутой на верхнюю пуговку, красный, улыбчивый... И никто на него не сердчал за нестройные звуки, напоминавшие песни прошлых лет. Ну, как же: Первомай, Восьмое марта, Великий Октябрь, если ещё до снега придёт. Дома играл он редко; например, на свадьбе у брата, который женился рано. Так что свадьба у Серёньки была настоящая, с гармошкой, то есть. День Победы потом ещё прибавился. Тогда добавлялась медаль на лацкане: осень сорок первого; помнят моего соседа заросшие бурьяном рвы, помнят окопы молодого худого румяного и... счастливого подростка.

В столицу его перетянула стройка сталинских высоток, вобравшая в себя множество не только окрестных сёл и деревень. По столярному делу, значит, доставшемуся Петровичу от отца, от ещё дедовской любви ко всякому доброму дереву. В те годы, что делили мы крышу в коммуналке, он и работал-то рядом с одной из тех высоток, рядом с площадью Восстания, как она тогда называлась, на Пресне. И вот теперь он ходил туда и обратно в наш Зачатьевский переулочек, что между Остоженкой и Москвой-рекой, на работу пешком. В сапогах. Туда — пешком, обратно — ползком...

Однажды наблюдал я, как он держится за забор, обклеенный афишами гастролей. Подъехала милицейская коляска, с прицепом, сейчас таких нет. Наручителей в коляску сажали, чтоб не сваливались по дороге в участок или чтоб не сбегали. Тот, что за рулём, хотел Петровича взять, а второй, что сзади, отвечает ему: не надо, это наш. И уехали; всё просто очень. Наш, он и в Африке наш... Курил Петрович дома, легально, но только у себя в комнате, сидя на стуле за круглым столом, застеленным скатертью, на которой стояла большая пепельница из толстого стекла под хрусталь. На стене — картина Шишкина, где сосны во ржи растут. Или в пшенице. Мачтовые. Небо синее с белыми облачками. Газету выписывали “Советская Россия”. Её Петрович читал, сидя у окна в кресле, надев очки с довольно сильной диоптрией.

Долгое время телевизор у нас в квартире был почему-то только у них, у Махониных. Наш “Рекорд” появился позже. Но зато у них это был КВН, с линзой, заполненной вязкой жидкостью, и в ней, как в аквариуме, вешали

головы дикторов. Ещё жидкость была в трёхлитровой банке с чайным грибом, из которой Лиза наливала мне иногда сквозь марлю на горлышке кислородную полезную жидкость, особенно вкусно жарким летом, когда я прибывал в город на пересменку из лагеря. Петрович мог с похмелья её всю выпить, в зависимости от состояния. Не опохмелялся никогда, даже в выходной, который был один раз в неделю, тогда, в субботу работали по короткому графику. Холодильники все три стояли в коридоре, на Махонинском возвышался чёрный аппарат телефона, небьющийся, солидный, такой же, как и у вождей в Кремле, ничем не отличался. Так что все всё друг про друга знали, да и скрывать-то особенно было нечего.

Третьи соседи часто менялись почему-то: то были с грудным ребёнком, недолго, то одна сумасшедшая, постоянно твердившая всем и по всякому поводу “будьте любезны”, то старушка-божий одуванчик, бывшая химик, изобретшая стекло кремлёвских звёзд, из которых она могла смотреть на одну крайнюю в окно своей комнаты, выходявшее на Илью Обыденного.

Из холодильника Махонина, был случай, друзья брата, голодные студенты, позаимствовали дюжину яиц (их тогда на дюжины покупали, в кулёчек) и высосали содержимое из дырочек, проколотых иголкой. Лиза охала и ахала, дырочек не разглядела, так и почила, наверное, в Бозе в безвестности относительно такого мастерства. Но Петрович сумел приделать тогда к холодильнику замок. Вообще все бытовые работы по всей коммуналке были на его совести, что значительно облегчило мне моё, как видите, не такое уж суровое детство. Разве что помогал я ему иной раз чего-нибудь “подержать”.

Однако при таком образе жизни, как ни ругалась Лиза, что “ничего ему, паразиту, не делается, алкоголик он, пьянь коричневая”, однаво был случай, о котором не могу не упомянуть особо. Был зимний вечер, сижу я в своей каморке в три квадрата (до уплотнения тридцать седьмого в ней домработница обитала) и слышу стук, тихий такой, необычайно деликатный. Щёлку приоткрыл — там блестят в темноте коридора очки Андрей Петровича. “Иваныч, — зовёт, — иди, пожалуйста, потолковать нужно”. Я удивился такой конспирации, однако на зов откликнулся, вышел на кухню. Петрович стоит сам не свой, тихий такой, бледный, в руке потухшая папироса.

— Стреляли сейчас в меня, — сообщает доверительно, — чуть не угробили. А моя слушать не хочет, ругается. Разве я пьяный?

Смотрю — действительно, до удивительности трезвый стоит, как вот другой раз с утра бывает. Хмель, как говорится, весь вон вышел. Что оказалось: возвращался он домой как обычно, время было не сильно позднее, но темно уж, под Новый год это у нас произошло. И свернул он с Метростроевской, так тогда улица называлась; на ней в довоенные годы метро открытым способом строилось, как карьер, много тогда, говорят, людей погибло, кто сваливались в него; свернул не в наш переулок, а в соседний, где бензоколонка, у врат бывшего женского монастыря, там ещё Анна Ахматова у кого-то жила, ветхие такие строения, не деревянные, но по ветхости своей обшитые досками были. И вот из окна второго этажа, мезонина, фактически, высывается на мирно ковыляющего, болтающегося из стороны в сторону — это я так себе представляю картинку — моего соседа по квартире № 6, дом 13 по улице Дмитриевского (так тогда переулок назывался), первый подъезд, ствол какого-то, значит, ружья. И крик оттудова же раздаётся: “Стой, генерал, я тебя убью!”

“Ничего себе, — комментирует мне Петрович. — Какой же я генерал? Я столяр!” Он столяр, видишь ли ты, а никакой не генерал. А тут ему снова невидимый этот из окошка, грозный такой, стой, кричит. Не уйдёшь, мол, от правосудия. “Иваныч! — визави мой руки к груди прижимает, вот совсем как в кино показывают, — ну, какой же я генерал?” Действительно. Разве что сапоги вот, и галифе. “Я, — дополняет, — к нему ближе подожу и объясняю: не генерал я, я столяр! И тут он — р-раз! — и стрельнул! Ты представляешь?!”

Нет, не представляю я, чтоб даже такой сильно нетрезвый, как наш Петрович, человек, каким он завсегда на обратном пути своём с работы домой бывает, вместо того, чтоб дать дёру, ещё ближе подходил, к окошку-то этому

в мезонине. К стволу этому сумасшедшему. Однако Петрович подошёл и встал. Вот где его война нагнала! Это тебе не ров копать противотанковый... Смотрит теперь на меня круглыми глазами, моргает, и очки снял за ненадобностью: “А она меня слушать не хочет, на лестницу вот выгнала. А мне ведь, Иваныч, страшно стало. Чи бачишь, чи не бачишь... Он же, дурак, меня убить мог! Я, говорит, тебя, генерал, всё равно убью!”

Ну, видать, они оба хороши были, и стрелок этот, которого вскорости и забрали оттуда. Андрей Петрович через проходной двор и подворотню до отделения добрёл-таки и обстановку на пяточке между бензоколонкой и надвратной церковью Зачатьевского монастыря доложил. “Я же ведь не генерал, — доложил, — я стюард!” А Лиза его слушать не хочет, обзывается. “Алкоголик, — кричит, — пьянь коричневая”. Это потому что денатурат этот, он коричневого оттенка такой, как и сама вязкая масса, из-под которой его выщевивают. Выкурил я с ним тоже папироску одну за компанию, прямо на кухне нашей, в нарушение общественного режима. Ну, уж по такому особому случаю, чтоб успокоилось. И смех, и грех, хоть стой, хоть падай...

Но главное, чем мне запомнился на всю жизнь Петрович, всё-таки был наш старинный полированный, круглой формы столик, на котором я и сейчас пишу. Происхождение его спорное. Брат утверждает, что купил его папа в комиссионке после войны, когда выпуск отечественной мебели ещё не наладили, а обжиться надо было: в 45-м годе родители родили Тёмку и переехали из гостиницы “Центральная” в новый домик, из тех, что строили пленные немцы в районе Беговой. Мама же утверждает, что столик, иногда именованный журнальным, был наследством почившей в начале 50-х годов тётки Мани. Как бы то ни было, им всегда в семье дорожили, чего не скажешь о многочисленных приятелях брата, среди которых было всякой твари по паре, и даже, говорят, однажды забрёл и Юрий Визбор с гитарой.

Я его не помню. И так, родители дважды в год склонны были уезжать на свою историческую родину, и столик этот подвергался всякой раз жестокому испытанию в виде самого необузданного пиршества этих самых неизвестных уже теперь личностей. За два дня до возвращения предков все окна, несмотря на сезон, распахивались настежь для проветривания. А Петрович приступал к своему ставшему, наконец, традиционным священнодействию над столом. Его круглая столешница отмывалась скипидаром, скоблилась, чистилась, шкурилась и покрывалась новым слоем самой дорогой полировки, в результате чего всё-таки она с каждым разом становилась всё тоньше и тоньше, и даже до того, что стала немного прогибаться под тяжестью бутылок. Умели же раньше делать на совесть: до сих пор служит! Петрович же получал свою заслуженную мзду: трояк, то есть пол-литра за 2,87 и нарезной батон за тринадцать копеек. Ну, или пачку сигарет без фильтра. И все были довольны, и ещё космонавты в космос летали.

Так прошло время, и настал срок расставаться. Явились потомки первых хозяев квартиры, репрессированных во время оно, и выкупили у нас эту квартиру, а нас расселили по разным концам столицы. Тоже от слова “стол”, кстати... А потом и Лиза умерла; она к старости сильно болела ногами, которые у неё распухли, как тумбочки у постели. На фотографии с её похорон мы с Петровичем рядом стоим, и оба почему-то с улыбкой. Нервное, наверно. На Ваганьковском. И вот однажды я собрался его навестить. В первый и, как выяснилось, в последний раз.

Добрался я по его адресу от метро “Преображенская площадь” на трамвае. Строение оказалось тоже стили конструктивизм, только коридоры на этажах, как в общежитии. Открывал Петрович долго, но открыл. Тоже ногами болел, но от другого. Раньше говаривал, бывало, что, мол, “пил, пью и буду пить”, но, в конце концов, ему врачи запретили это дело строго-настрого, а не то, пригрозили, будешь пластом лежать. Он и испугался. Бросил. И не курил даже, только смотрел и глазами хлопал. В очках, причём, отчего они были у него круглые и крупные, как у людей на рисунках Ильи Глазунова. Осмотрел я его холостяцкое жильё и обратил внимание, что на иконе, которую я подарил Махониным при расставанье, а она была под серебряным окладом, на месте Лика Богоматери и ладошек Её — белое всё.

Снимать я со стены не стал, высоко было и неудобно, но разглядел, что что-то там неладно. “А я и смотрю — понять не могу, — говорит мне старик, — что это с ней приключилось? Только в глазах моих смутно как-то. Не разбираю. Белёное вроде как-то...” Я не стал расстраивать, сказал, что, мол, от времени поблекло. Выцарапал кто-то... Безбожники проклятые!

Сижку перед ним, говорить не о чем. Попросил сыграть на гармошке. Он сперва отказался, потом говорит: “Давай!” Ну. Я достал её из кофра, расчехлил, платочком протёр, подаю прямо в руки. Он давай настраивать, и десять минут и пятнадцать... Оказалось, это он так играет. И раньше-то был не Ойстрах, а теперь и подавно... И вдруг объявляет:

— Дочь звонила!

Я чуть с табурета не упал:

— Как, — говорю, — у тебя дети есть?

— А как же, — отвечает Петрович не без гордости, — от первой жены, дочь, Елена.

— Так ты ж не говорил никогда...

— Да ведь никто меня и не спрашивал, — махнул рукой. — И потом, я не знал, жива ли она? Где она...

Выяснилась печальная картина. С матерью этой самой Елены, которая умудрилась найти отца после многих долгих лет злой разлуки, Андрей Петрович развёлся сразу, как попались ему случайно в руки её фотографические карточки, сделанные любителем особого рода. Даже не хочется далее объяснять. Надеюсь, вы догадаетесь. И в фас, и в профиль. Другими словами — во всех видах. И как ни прикрыта была полненькая простушка вуалями да шляпками, муж узнал свою возлюбленную супругу. Узнал и... запил. А потом и прочил. И срок получил, и отсидел, и вышел, и к жене своей уж не вернулся. Я сидел обескураженный и смущённый. Что тут скажешь?..

— Телефон свой оставила. Захочешь, сказала, встретиться, позвонишь. Ты как думаешь, Иваныч, звонить мне ей теперь или нет?

— Звони обязательно, — ответил я.

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

*член Совета Федерации, Председатель Совета
по Арктике и Антарктике Совета Федерации*

АРКТИКА. ВЕЛИЧИЕ ПРОЕКТА

Русская цивилизация в её арктическом исполнении

Почти полтора столетия назад исследователи обнаружили удивительное совпадение представлений о географии, центре мира и месте происхождения человека в мифологии и эпосе самых ранних цивилизаций. Философские концепции древних египтян и иудеев, аккадцев и вавилонян, индийцев и иранцев, греков и финикийцев, германцев и финно-угров примерно одинаково описывали положение небесного зенита и ход движения планет на небосводе, годовой цикл дня и ночи, особенности водных потоков на прародине человека, относя её к району Северного полюса. Именно там, по их мнению, находился первоначальный рай земной, ныне покрытый толщами вод и льдов океана и ставший прибежищем богов. Конечно, с точки зрения науки климатологии во время появления на планете человека современного вида рай этот был довольно суровым. Но археологические находки и блестящие научные исследования конца прошлого века российских археологов С. Федосеевой и Ю. Мочанова подтверждают неоднократно ранее высказывавшуюся выдающимися учёными М. Вагнером, И. Мюллером, А. Анучиным, В. Вернадским и другими точку зрения о внетропической прародине человечества. Такой прародине, в которой экстремальные внешние условия заставили наших человекоподобных предков овладеть огнём, освободиться от животного состояния и стать людьми. Возможно, заложенная в генах человека тяга к родине и ведёт извечно романтиков и сильных духом к мистическим кругам полярных областей. Туда, где сходятся силовые линии магнитного поля Земли и во взаимодействии с космическими частицами зажигаются грандиозные северные сияния, где заканчиваются океанические течения и рождаются ветры, куда каждый год летят миллионы и миллионы птиц. Арктика давно стала классической обителью мужества, страсти к постижению неведомого и сути бытия.

Зачем Сингапuru Арктика?

Мир современности стал далёк, к сожалению, от романтической метафизики и руководствуется чисто прагматическими соображениями. Вот и нарастающий всеобщий интерес к скованным льдами северным широтам объясняется осознанием новых возможностей их утилитарного использования в геополитических, военных и экономических целях.

Ещё два десятилетия назад всё происходящее в северных полярных пустынях и тундрах считалось делом арктических государств, то есть тех стран, часть территории которых находится за Северным полярным кругом. К их чис-

лу относятся Россия, США, Канада, Дания (через Гренландию), Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия. В 1996 году они учредили Арктический совет в качестве форума высокого уровня для регулярного межправительственного рассмотрения вопросов экологии, рационального использования природных ресурсов, взаимодействия в обеспечении безопасности в воздушном и морских пространствах, устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера. В соответствии с учредительными документами Арктического совета список его членов-государств является закрытым, но за последние годы двенадцать других стран получили в нём статус наблюдателя. Причём многие из них географически расположены весьма и весьма далеко от северных широт. Например, Сингапур и Индия, Япония и Южная Корея, Испания и Польша. Претендентом на получение статуса наблюдателя является и Евросоюз. Помимо участия в работе Арктического совета, целым рядом стран развёрнута интенсивная практическая деятельность в Арктике: организуются целевые научные экспедиции; создаются полярные станции – дрейфующие и на островах; проводятся многогранные исследования атмосферы, льдов и вод; проектируются и строятся специальные типы судов и морское технологическое оборудование ледового класса для геологоразведки и добычи полезных ископаемых. Особую активность проявляет Китайская Народная Республика, где создан специализированный научный институт, построен и успешно эксплуатируется для исследовательских целей мощный ледокол “Снежный дракон”, осуществлены проводки коммерческих судов по нашему Северному морскому пути, организована научная база на Шпицбергене. Беспрецедентную программу по изучению Арктики, в том числе в районах полярных владений России, с масштабным использованием атомных подводных лодок, оснащённых новейшими системами для картографирования морского дна и донных отложений, проводили Соединённые Штаты Америки. Заметна интенсификация разнообразной деятельности в высоких широтах Норвегии, Индии, Германии, Южной Кореи.

Прямой и непосредственной причиной всплеска интереса к Арктике и последовательного наращивания усилий разных стран по её изучению и освоению послужил, безусловно, начавшийся в конце прошлого столетия процесс глобального потепления. Его наиболее ощутимым результатом стало повышение температур воздуха в высоких широтах северного полушария и, как следствие, подтаивание материковых ледников и уменьшение площади льдов в Северном Ледовитом океане. Экстраполяция наблюдаемых климатических изменений в будущее даёт основания некоторым авторитетным специалистам считать, что с большой долей вероятности океан полностью освободится от ледового покрова в течение нескольких ближайших десятилетий. Даже если считать эти прогнозы слишком радикальными, уже сегодняшнее положение дел заметно улучшило условия для судоходства и работ по освоению шельфа и прибрежных зон в арктических морях. Это открывает совершенно новые возможности для мировой экономики.

В первую очередь, речь идёт об ископаемых природных ресурсах. По мнению геологов, Арктический регион планеты представляет собой крупнейший в мире циркумполярный минерагенический пояс, насыщенный нефтегазовыми и рудными месторождениями. Уже сегодня здесь добывается значимая часть углеводородов, а потенциал месторождений нефти и газа оценивается в почти четверть от мировых прогнозных ресурсов. И на шельфе, и на побережье арктических морей прогнозируются или уже открыты планетарного масштаба запасы угля, никеля, меди, кобальта, платиноидов, алмазов, фосфора, серебра, золота, полиметаллов, урана, олова, железной руды, хрома, марганца, титана, редкоземельных металлов и элементов, причём значительная их часть сосредоточена в уникальных гигантских месторождениях.

Экономическая целесообразность добычи природных ресурсов в Арктике становится обоснованной в связи с повышением эффективности логистики их разработки из-за улучшения условий судоходства в северных морях в ходе глобального потепления. Не меньшее значение для мировой экономики имеют и появившиеся перспективы превращения существующих морских путей в Северном Ледовитом океане – Северо-Западного прохода вдоль берегов Канады и США и Северного морского пути России – в постоянно действующие трансконтинентальные магистрали. Тогда значительно сократятся расстояния, время и стоимость перевозок грузов из Юго-Восточной Азии в Европу.

Революционные изменения в мирохозяйственных связях дадут северные кроссполярные маршруты, организация которых всё более осуществима.

Есть ещё одно важное последствие глобального потепления в Арктике, уменьшения площади ледовых покровов, изменения структуры и толщины льдов. Оно заключается в том, что отдельные страны или военные блоки союзных государств, имеющие в составе своих вооружённых сил мощные ударные военно-морские группировки, получают дополнительные возможности для их эффективного использования. В свободных ото льда прибрежных зонах они могут разместить свой флот для боевого дежурства непосредственно у границ территориальных морей вероятного противника. А границы эти, как известно, отстоят всего на двенадцать миль от исходных береговых линий. В этой связи прибрежные государства вынуждены будут затрачивать немалые средства для укрепления безопасности своей территории от ударов с моря.

* * *

Интерес и внимание мирового сообщества к открывающимся в Арктике новым ресурсным, логистическим, военным возможностям закономерно привели к активизации международных контактов разного уровня. В целом это позитивный процесс, идущий в русле тенденций демократизации и многополюсности принятия глобальных решений, которым привержена Российская Федерация. В то же время всё более явными становятся и противоречия между отдельными странами или их группами по ряду важных вопросов.

Прежде всего, это противоречия между арктическими и неарктическими государствами. Первые в рамках Арктического совета и своих двухсторонних отношений активно развивают региональный правовой режим, в основание которого заложены обычные нормы международного права, считают его достаточным и обеспечивающим неарктическим государствам равные возможности. Вторые оспаривают такой подход, считая, что на Арктику должны быть распространены стандартные положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, хотя известно, что она разрабатывалась, главным образом, для Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Такую позицию заняли Евросоюз, НАТО и открыто или неявно целый ряд неарктических государств. Её модификацией является высказанное Евросоюзом предложение о необходимости заключения международного договора по Арктике по аналогии с действующим договором по Антарктиде. Понятно, что и в том, и в другом случае целью является максимальная интернационализация Арктики, объявление всех или хотя бы части её пространств международным достоянием, чтобы получить беспрепятственный доступ к новым природным ресурсам и логистическим возможностям.

Противоречия же арктических государств между собой в основном сфокусированы на взаимных территориальных притязаниях. Неурегулированность вопросов пространственных владений в Арктике имеет исторический характер. Общего ограничительного документа нет, двусторонние договоры заключались в разные исторические эпохи, содержат неопределённости, имеют формулировки и трактовки понятий, соответствующие своему времени, а не современным правовым нормам. В этих обстоятельствах арктические страны, прежде всего, пятёрка прибрежных к Северному Ледовитому океану, развернули масштабные и дорогостоящие географические, исторические, геологические, океанографические, гляциологические исследования с целью обоснования своих существующих территориальных прав или претензий к соседям. Помимо этой чисто практической работы все арктические государства приняли национальные доктринальные документы, в которых сформулировали свою стратегию действий в регионе. В них также в ряде случаев содержатся положения, прямо затрагивающие интересы других стран. К примеру, документы стратегического планирования Соединённых Штатов Америки предусматривают требования об интернационализации проливов Северо-Западного прохода и Северного морского пути. Это противоречит позициям Канады и России, рассматривающих эти проливы как находящиеся в их юрисдикции исторические воды.

Наличие противоречий и взаимных претензий у арктических государств приводит к пристальному и недоверчивому вниманию к действиям друг друга.

Так, прямо скажем, нервную реакцию официальных властей наших соседей вызвала в своё время установка экспедицией под руководством А. Чилингарова флага Российской Федерации на дне Северного Ледовитого океана на Северном полюсе. И хотя в целом обстановка в Арктике остаётся мирной, под влиянием всеобщего интереса к возможностям региона и нерешённости территориальных проблем градус напряжённости в международных отношениях по поводу Арктики постепенно и постоянно повышается. Об этом красноречиво говорят названия книг и заголовки статей в периодических изданиях, отечественных и зарубежных: “Битва за Арктику”, “Третий передел Арктики”, “Сражение за Арктику”, “Начат раздел Арктики”, “Наше право на Арктику неоспоримо”, “Россия теряет Арктику?” и тому подобные. А по мнению некоторых аналитиков, ситуация в студёных приполярных просторах напоминает старинную борьбу европейских стран за жаркие африканские колонии.

Кто владеет Арктикой, тот управляет миром

Коль скоро сверхактивность в Арктике всех заинтересованных стран обусловлена новыми экономическими и геополитическими возможностями, открывающимися в результате глобального потепления, то не может не возникнуть вопрос, а будут ли оправданы прилагаемые сейчас усилия, если оно носит циклический характер и сменится глобальным похолоданием? Этот вопрос тем более имеет право быть заданным, что, по практически единодушному мнению учёных-глобалистов, мы живём в начавшуюся несколько миллионов лет назад Великую Ледниковую эпоху, когда климат стал значительно более холодным, чем на протяжении большей части истории нашей планеты. Конкретно сейчас уже порядка двенадцати тысяч лет длится слегка тёплый быстротечный интервал между двумя глобальными оледенениями планеты – мгновение в геологической летописи Земли. Через следующие десять-двенадцать тысяч лет надо ожидать очередного похолодания, в ходе которого с высокой долей вероятности ледяной панцирь километровой толщины покроет места нахождения европейских и североамериканских столиц, где сегодня кипят страсти по Арктике. Причины, обуславлившие начало Великой Ледниковой эпохи и могущие привести когда-нибудь к её завершению, носят глобальный характер: изменение положения материков в ходе перемещения литосферных плит; связанные с этим перемены в направлениях океанических течений и господствующих ветров; цикличность интенсивности солнечного излучения; резонанс периодических изменений движения оси и орбиты вращения Земли. Они не зависят от деятельности человека.

Инструментально же фиксируемое нынешнее потепление отличается лишь незначительным повышением температур относительно средних за почти полтора-два тысячелетия период задокументированных метеонаблюдений. Может быть, оно носит циклический характер. По косвенным признакам и историческим свидетельствам, такое неоднократно было в наш короткий межледниковый период. Достаточно вспомнить описанные Л. Гумилёвым циклические колебания климата в Северном полушарии, приводившие к образованию сменявших друг друга империй гуннов, тюрков и монголов. Или климатический оптимум в конце первого тысячелетия нашей эры, позволивший викингам основать свои поселения в Гренландии и Северной Америке. Или “малый ледниковый период” в середине века, прямым следствием которого стали зарождение капитализма в Европе и Смута в России.

Но даже если нынешний наблюдаемый период глобального потепления имеет циклический характер и скоротечен, это не означает, что активность разноплановой деятельности заинтересованных государств в Арктике снизится. Во-первых, в мире увеличивается дефицит всех видов природных ресурсов, растёт их цена, ранее неэффективные по природно-климатическим и экономико-географическим условиям добычи месторождения становятся вполне рентабельными. Это общемировая тенденция, она касается и Арктики. Во-вторых, совершенно новые организационные и технологические возможности для успешной деятельности в экстремальных условиях высоких широт даёт развитие в рамках нарождающегося шестого технологического уклада производства материалов с заранее заданными свойствами, робототехники, систем связи, автоматизированного и дистанционного управления. Это именно то, что необходимо для Крайнего Севера. Нет никаких сомнений, что развитые

в технологическом отношении страны используют все возможные новшества для продвижения своих интересов в Арктике. Поэтому не только не снимается, но актуализируется при любых возможных климатических переменах провозглашённый в далёкие 1930-е годы в стенах американского Конгресса тезис: “Кто владеет Арктикой, тот управляет миром”.

Российская Федерация, имеющая самую протяжённую береговую линию Северного Ледовитого океана, пока ещё владеющая самым большим по площади сектором полярных территорий в Арктике, создавшая мощнейшую в мире в высоких широтах многоотраслевую промышленность и крупнейшие на планете города за Северным полярным кругом, в наибольшей степени заинтересована в укреплении и приумножении своих геополитических и экономических позиций в арктическом регионе. В этой связи Президентом и Правительством страны принят целый ряд документов стратегического характера, чётко обозначающих наши интересы, устанавливающих приоритеты и цели государственной политики в Арктике, определяющих механизмы их достижения. Среди них основополагающие: “Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу” (2008), “Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года” (2013), Государственная программа Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года” (2014; далее по тексту – Госпрограмма). Для координации деятельности участников выполнения сформулированных этими документами задач создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики.

Разработка и практическая реализация арктической стратегии и тактики позволили в последние годы упорядочить, поставить на системную основу и несколько активизировать решение текущих и некоторых перспективных проблем огромного макрорегиона страны, включившего, в соответствии со специальным Указом Президента Российской Федерации, полярные владения России и территории выходящих на побережье морей Северного Ледовитого океана муниципальных районов девяти субъектов Федерации, от Чукотки до Мурманской области. Но срок действия принятых документов стратегического планирования подходит к завершению, и становится совершенно очевидным, что многое из намеченного уже не будет выполнено. Учитывая это, в 2017 году была принята новая редакция Госпрограммы развития Арктики, на пять лет продлён срок её реализации. Однако в условиях ресурсных ограничений резко сужен круг программных мероприятий. Это означает, что целый ряд стратегических целей достигнут не будет. В то же время новые геополитические реалии и социально-экономическая обстановка в стране требуют уточнения приоритетов и в самой нашей арктической политике. Вот почему пришло время разработки и принятия новых стратегических решений по развитию арктической зоны Российской Федерации. Одновременно необходимо продолжать упорно выполнять усечённую Госпрограмму, но по мере принятия новых документов стратегического планирования расширять и сферу, и временной горизонт её действия.

Круг главных задач, которые необходимо решать в Арктике, остаётся для нашей страны широким и разноплановым.

* * *

Среди других первоочередной задачей является работа по закреплению границ Российской Федерации в Арктике. На первый взгляд, это давно решённый вопрос. Ведь каждый из нас ещё со школьных уроков географии помнит пунктирные линии на картах, идущие от крайних северо-западной и северо-восточной точек нашей территории по меридианам к Северному полюсу. Они очерчивают полярные владения России – сектор морского и открытого льдами пространства Северного Ледовитого океана с расположенными в нём землями, архипелагами и отдельными островами, на которые распространяется суверенитет государства Российского. Секторальный принцип раздела Арктики сложился исторически в ходе заключения двусторонних договоров прибрежных арктических государств, был закреплён их национальными законодательствами и совместным заявлением по итогам Парижской конференции 1924 года, никем не оспаривался. Казалось бы, в условиях глобального

потепления, когда новые экономические и логистические возможности Арктики стали объектом внимания многих государств, в том числе неарктических, в интересах Российской Федерации было бы организовать работу по закреплению секторального подхода специальным актом международного права с целью сохранения контроля за своим исторически сложившимся сектором.

Однако события пошли по другому руслу. Подписав в 1997 году Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, Российская Федерация первой из прибрежных арктических государств приняла решение о применении статьи 76 этой Конвенции к Северному Ледовитому океану и в 2001 году подала соответствующую заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа. Этим наша страна, по сути дела, отказалась добровольно от части своих полярных владений в районе Северного полюса площадью 1,7 миллиона квадратных километров. Этот покрытый льдами участок приобретает статус открытого моря, то есть становится ничейным пространством. Иными словами, сделано то, чего добивались Евросоюз и целый ряд неарктических государств. Теперь нам предстоит ещё доказать главное: что именно России принадлежит потенциально богатый углеводородами шельф на дне этого вновь образованного открытого моря. Для этого необходимо завершить масштабные и дорогостоящие океанографические и геологические исследования, которые позволили бы представить подводные поднятия дна Северного Ледовитого океана продолжением наших материковых геологических структур. Направляя материалы в Комиссию ООН, придётся ещё и раскрыть секретную картографическую информацию, полученную в ходе сотен сложнейших походов советских и уже российских подводников.

Ситуация осложняется и тем, что в ответ на действия России Канада и Дания проводят собственные исследования по доказательству того, что подводные океанические поднятия являются продолжением геологических структур Гренландии и канадского Севера, а не принадлежащих России территорий. При этом возникают взаимоперекрывающие правопритязания с неопределённым исходом.

Надо отметить, что многие специалисты считают начатую Россией в 2001 году «гонку доказательств» по статье 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года нашим ошибочным решением, продолжением горбачёвско-шеварнадзиевской и ельцинско-kozyревской внешнеполитической линии пренебрежения долгосрочными интересами страны ради каких-то пропагандистских сиюминутных выгод.

Как бы то ни было, нам необходимо решительно действовать по двум направлениям.

Прежде всего, раз уж начали, завершить уже работу по всестороннему и полному обоснованию заявки на участки шельфа дна Северного Ледовитого океана, поданной в Комиссию ООН, и продолжить там упорное доказательство своих притязаний. Одновременно, на основании статьи 83 всё той же Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, дающей возможность разграничения морских пространств и шельфа в рамках отношений прилегающих и противоположащих прибрежных стран, начать двусторонние и многосторонние переговоры с США, Канадой, Данией, Норвегией. Учитывая, что у всех у них есть не только трения с Россией, но и взаимные претензии, возможно, следует выступить с инициативой о созыве специальной конференции прибрежных арктических стран. Иными словами, перенести принятие решения по вопросам разграничения в плоскость международно-правовых отношений пятёрки морских арктических государств, а не всего мирового сообщества. Тем более, что такой опыт есть: в 2008 году эти страны уже выступали совместно с Илулиссатской декларацией по правовым вопросам Арктики.

Оптимальным вариантом для России была бы договорённость о возврате к секторальному делению Арктики и закреплению за морями Лаптевых, Карским, Восточно-Сибирским и частью Чукотского (от острова Врангеля до Берингова пролива) статуса наших исторических вод.

Не милитаризация, а восстановление утраченного

Такой же важнейшей задачей является продолжение работы по укреплению обороноспособности наших северных рубежей. Усилия, которые прилагаются в этом направлении Российской Федерацией в последние годы, зачастую

воспринимаются зарубежными, а иногда и отечественными аналитиками как “милитаризация” Арктики. На самом деле это не так.

Ещё в годы “холодной войны” с появлением стратегических ядерных сил и Советский Союз, и Соединённые Штаты Америки рассматривали северные полярные пространства как наиболее вероятное направление удара наиболее вероятного противника. Это обусловлено тем, что именно через Северный полюс проходит самый короткий путь из Северной Америки к Евразии и обратно. В этой связи обе стороны развернули в Арктике мощные системы раннего обнаружения межконтинентальных ракет и самолётов противника и обеспечения контроля за движением своих носителей ядерного оружия, создали сеть аэродромов для размещения или обслуживания стратегических ядерных бомбардировщиков и истребителей-перехватчиков, организовали постоянное боевое патрулирование подводных лодок в Северном Ледовитом океане. После окончания “холодной войны” Соединённые Штаты продолжали развивать и совершенствовать свои наступательные и оборонительные силы и средства в то время, как в ходе реформ в России происходил упадок и системный развал армии и флота. Он не мог не коснуться, прежде всего, арктических группировок вооружённых сил, для содержания которых требовались особые организационные усилия и значительные денежные средства. Поэтому нынешние шаги по усилению нашего военного присутствия в Арктике являются только восстановлением утраченного, но никак не её “милитаризацией”.

А между тем складывающаяся в настоящее время военно-политическая обстановка настоятельно требует уже не только восстановления, но и существенного повышения арктического оборонного потенциала России. Это связано с тем, что открывающиеся с глобальным потеплением потенциальные экономические и логистические возможности Арктики обусловили значительное повышение разноплановой активности в регионе заинтересованных стран и в сфере военной. Так, стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов Америки определяет арктический регион как зону жизненно важных национальных интересов этой страны, а соответствующие директивы прямо указывают, что интересы эти должны отстаиваться любыми, в том числе, односторонними действиями. В соответствии с ними на Аляске создаётся новая военно-морская база, укрепляются силы береговой и глобальной противоракетной обороны. Новые военные базы на островах Северного Ледовитого океана создаются Канадой. Соответствующими нормативными документами расширена операционная зона действий НАТО в Атлантике с включением в неё Арктики. Обсуждается вопрос о создании военного блока североευропейских стран.

Современные военные доктрины Соединённых Штатов Америки и НАТО особую роль отводят военно-морским силам. Раньше перед ними ставились задачи по обеспечению береговой обороны, взаимодействию с сухопутными войсками в ходе прибрежных наступательных и оборонительных операций и контролю над морскими коммуникациями. Условием успеха в выполнении этих задач считалось достижение превосходства над флотом противника, то есть предполагалось, что борьба на море будет вестись по принципу “флот против флота”. С развитием ракетно-ядерного оружия и палубной авиации военно-морские силы получили в дополнение к прежним новую, более важную задачу: “флот против берега”. Выполняя эти доктринальные установки, Соединённые Штаты Америки осуществили ряд беспрецедентных по масштабам программ по строительству атомных подводных лодок стратегического назначения и ударных авианосцев. Они оснащены самым современным оружием для уничтожения любых оборонительных или промышленных объектов вероятного противника, расположенных как на море, так и на берегу, в глубине его территории. Кроме того, созданы высокоэффективные противоракетные системы морского базирования. По своему потенциалу военно-морские силы Соединённых Штатов Америки сегодня многократно превосходят любого вероятного противника, особенно на фоне развала и разграбления нашего флота в первое постсоветское десятилетие. Возможности эффективного использования этого потенциала значительно повышаются по мере освобождения акватории арктических морей от ледового покрова в ходе глобального потепления. Это несёт новые угрозы безопасности России, особенно в связи с принятием в 2004 году Соединёнными Штатами Америки авантюрной концепции “быстрого глобального удара”. Эта концепция предполагает уничтожение ядерного

потенциала вероятного противника (читай – России) превентивным массированным ударом с разных направлений высокоточным оружием сухопутного и морского базирования. Очевидно, что реализуемость такого сценария теоретически резко повышается в случае максимально равномерного размещения оружия вдоль границ объекта нападения. И если ещё некоторое время назад ударные группировки военно-морских сил с высокоточным оружием на борту могли быть размещены в Норвежском, Северном, Баренцевом, Беринговом и Японском морях, то по мере таяния льдов они могут быть введены и в моря Лаптевых, Карское, Восточно-Сибирское и Чукотское. В этом случае возрастает опасность не только из-за повышения степени уязвимости нашей территории, но и за счёт появления у противника дополнительных иллюзий относительно эффективности своего превентивного глобального удара и новых соблазнов нанести его.

Самым эффективным ответом на нарастающие угрозы является последовательное наращивание морской мощи России, как военной, так и гражданской её составляющих. В военной части приоритетом, безусловно, должно остаться выполнение программ строительства атомных подводных лодок стратегического назначения и обеспечивающих их боевую службу многоцелевых, поскольку только опасность получить ответный удар может остановить нашего вероятного противника от агрессивных авантюр. В то же время с военно-морских сил не снимаются и их традиционные задачи по береговой охране, поддержке действий сухопутных войск, охране государственных границ и морских коммуникаций. Это требует сбалансированности флота и по его родам, и по размещению. В этой связи актуальной становится задача по созданию новых крупных военно-морских баз в Арктической зоне России.

В необходимости этого убеждает и наш собственный опыт Великой Отечественной войны. Широко известны героическая оборона от немецко-фашистских захватчиков Кольского полуострова, морские сражения в Баренцевом море, Арктические конвои союзников. Но в те же годы не менее драматические и героические события происходили в Карском море. Немецкому командованию удалось создать на островах Франца-Иосифа, Визе, Подкова, Новая Земля базы для своих подводных лодок и системно проводить минирование устьев рек Обь и Енисей, проливов, соединяющих моря Карское, Баренцево и Лаптевых, регулярно атаковать конвои судов на трассе Северного морского пути. Автономность авиации и подводного флота, надёжность систем связи в те времена были несопоставимы с нынешними, но урон нашей экономике, военному и гражданскому флоту был нанесён огромный.

Сегодня значение этого района Арктики для всей нашей страны многократно возросло. Именно здесь, на Ямале, Гыдане и Таймыре, расположены крупнейшие предприятия горнодобывающей и нефтегазовой промышленности, энергетики. Поэтому в районе Енисейского залива необходима новая военно-морская база, обеспечивающая, с одной стороны, защиту созданных огромными усилиями промышленных комплексов, а с другой – выход стратегических ракетносцев в Северный Ледовитый океан. Вторая база должна быть размещена в Восточном секторе Арктики. Обе они не потеряют своего значения и в случае, если глобальное потепление сменится похолоданием, поскольку ледовые покровы будут только способствовать скрытности действий подводного флота России.

Развитие через опорные зоны

Нет лучше способа подкрепить и дипломатическую, и оборонную составляющие защиты национальных интересов России в Арктике, чем усиление экономической активности, наше постоянное деловое, не праздное присутствие в регионе.

Надо сказать, что на протяжении всей истории Российского государства при мощном покровительстве и протекционизме властей шло непрерывное освоение и заселение северных окраин страны. Особенно быстрое развитие Арктическая зона получила в годы Советской власти, когда здесь были созданы не имеющие аналогов на планете крупнейшие предприятия горнодобывающей и нефтегазовой, лесной и деревообрабатывающей, рыбной и пищевой промышленности, судостроения и судоремонта, энергетики, транспортно-логистические комплексы. И сегодня она вносит существенный вклад в экономику

страны, обеспечивая четыре пятых добычи газа, треть улова рыбы, большую часть производства цветных и благородных металлов, лесопродукции, сырья для чёрной металлургии и химической промышленности. По показателям валового внутреннего продукта, добавленной стоимости и экспортной продукции, произведённых на душу населения, макрорегион занимает верхние строки в Российской Федерации.

В то же время многие арктические районы субъектов Федерации до сих пор находятся в крайне депрессивном состоянии после рыночных реформ. Оно и понятно, ведь ранее системообразующие для них предприятия создавались не по критериям их рыночной эффективности, а исходя из необходимости самообеспечения страны всеми видами ресурсов в условиях всевозможных санкций и ограничений, наложенных на Советский Союз геополитическими противниками с самого начала его существования. Брошенные на произвол рыночной стихии, они, где быстрее, где в затянувшейся агонии, были разорены и обанкротились, породив вокруг себя множество социальных проблем. Относительно устойчиво работает только небольшое число крупных предприятий, специализирующихся на добыче и первичной переработке таких видов природных ресурсов, мировые рынки которых исторически сложились как олигопольные с небольшим числом товаропроизводителей. Отдельными оазисами благополучия они расположены в некоторых районах Арктической зоны.

Груз накопленных за четверть века народнохозяйственных проблем велик. Они требуют незамедлительного решения, особенно с учётом новых возможностей в Арктике, с одной стороны, и геополитических угроз – с другой.

Именно поэтому Арктическая зона и является одним из немногих макрорегионов Российской Федерации, развитие которых определяется специально разработанными документами стратегического планирования. Сформулированные в них национальные интересы, приоритеты, цели и индикаторы их достижения определяют будущий облик российской Арктики. В качестве механизма реализации стратегических задач утверждена Государственная программа “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации”. В своей последней редакции она включает в себя три подпрограммы, посвящённые формированию опорных зон развития в арктических субъектах Федерации; обеспечению функционирования Северного морского пути; созданию новых подотраслей машиностроения для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктики. Кроме того, в четырнадцати других государственных и восьми федеральных целевых программах, направленных на решение общегосударственных или отраслевых проблем, содержатся значимые мероприятия, которые будут реализовываться в Арктической зоне.

Надо отметить, что и срок действия Госпрограммы развития российской Арктики – до 2025 года, и выделяемые на её реализацию средства федерального бюджета – порядка 200 млрд рублей, невелики. Но важно то, что впервые в постсоветской России Арктическая зона стала предметом особого внимания, выделена в качестве самостоятельного объекта управления и статистического учёта. Выполнение Госпрограммы в полном объёме станет небольшим, но плацдармом для дальнейшего, более масштабного развития макрорегиона.

В этой связи особого внимания заслуживает программное решение о создании специальных опорных зон развития в арктических субъектах Федерации. В отсутствии финансовых возможностей для сплошного комплексного социально-экономического развития всего макрорегиона именно они выступят в роли центров организации транспортного обслуживания и социальной жизни на огромных северных пространствах, образуют каркас фундамента поддержки новых инвестиционных проектов в высоких широтах. Каждая опорная зона будет представлять собой самостоятельный объект планирования – комплексный долгосрочный проект, включающий в себя отдельные промышленные, сельскохозяйственные, логистические и социальные проекты. Конкретный набор намечаемых к реализации проектов в разных опорных зонах индивидуален в зависимости от складывающейся в том или ином субъекте Федерации ситуации, набора потребностей и возможностей. Так, в Воркутинской опорной зоне планируется ввод новых мощностей в угледобыче взамен выбывающих, усиление геологоразведочных работ на металлургические и неметаллические полезные ископаемые с целью отраслевой диверсификации экономики, развитие функций транспортно-логистического центра для Северного Урала и Тимано-Печорской нефтегазовой провинции, реконструкция систем

жизнеобеспечения. Чукотская опорная зона сориентирована на реализацию проектов в области развития морского, авиационного и автомобильного транспорта, горнодобывающей промышленности, традиционных отраслей сельского хозяйства.

Надо особо отметить, что создание опорных зон развития в новейшей управленческой практике дело новое. Само это понятие имеет собственное содержание, не совпадающее со смыслом ставших уже традиционными “территорий опережающего развития” или “особых экономических зон”. Опорные зоны развития, выступая в качестве комплексных проектов, при необходимости будут включать в себя и те, и другие, равно как и иные инструменты, повышающие привлекательность инвестиционных проектов. Новизна дела требует незамедлительного принятия специального федерального закона. Его проект подготовлен, но, как водится в последние годы, погребён в недрах правительственного аппарата.

С точки зрения отраслевой Госпрограмма предусматривает модернизацию и ускоренное развитие в Арктической зоне рыбодобывающей, рыбоперерабатывающей промышленности и аквакультуры; судостроения и судоремонта; деревообработки; арктического туризма; традиционных для Севера отраслей сельского хозяйства; здравоохранения и образования с использованием технологий телемедицины и дистанционных систем обучения. Но почти две трети всех запланированных к реализации проектов приходится на геологоразведку, добычу и первичную переработку полезных ископаемых.

Авангардную роль будет играть нефтегазовый комплекс: главные в стране центры добычи углеводородов последовательно смещаются за Полярный круг. В рамках Ямало-Ненецкой опорной зоны продолжится освоение месторождений на Ямале, на очереди – Гыданский полуостров. Предстоит увеличение объёмов геологоразведочных и добычных работ в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в Ненецкой и Воркутинской опорных зонах, на севере Красноярского края в Таймыро-Туруханской опорной зоне. Принципиально новый этап в развитии отечественной нефтяной и газовой промышленности с точки зрения техники, технологии, организации производства начался с освоением месторождений арктического шельфа. Эта работа будет продолжаться во всё более расширяющемся масштабе. Уже сегодня ПАО “Газпром” и ПАО “НК Роснефть” получили лицензии на право пользования десятками нефтегазоносных участков на побережье всех омывающих берега России морей Северного Ледовитого океана от Баренцева на западе до Чукотского на востоке. Получены и первые хорошие результаты развёрнутых геологоразведочных работ, например, на участках Хатангский и Хара-Тумус шельфа моря Лаптевых.

Что касается добычи твёрдых полезных ископаемых, то Госпрограммой предусмотрена реализация ряда проектов по модернизации действующих производств и наращиванию минерально-сырьевой базы для них в Кольской, Воркутинской, Таймыро-Туруханской, Северо-Якутской и Чукотской опорных зонах развития. Планируется и организация новых предприятий по добыче угля, цветных, благородных и редкоземельных металлов.

Главным проблемным вопросом для развития природно-ресурсного комплекса Арктической зоны России остаётся недостаточная геологическая изученность этого громадного и до сих пор труднодоступного макрорегиона страны, особенно его восточной части от Енисея до Берингова пролива. Решение этого вопроса возможно через возврат к трёхстадийной схеме планирования и проведения геологоразведочных работ. В этой схеме первая стадия – региональные работы, целью которых является не открытие конкретных месторождений, а общегеологическое изучение территории и выявление перспективных на те или иные полезные ископаемые площадей или провинций, – должна осуществляться за счёт средств государства. Проведение же следующих стадий работ – поиска месторождений на выявленных перспективных площадях и их разведку – целесообразно возложить на недропользователей за счёт их собственных средств или, в особо сложных условиях, на принципах государственно-частного партнёрства. Естественно, платежи за недропользование и условия выдачи лицензий на стадию поиска должны быть значительно более льготными, чем на стадию разведки уже опосредованных месторождений. Такая ранее существовавшая и хорошо себя зарекомендовавшая схема позволила бы стимулировать интерес частных компаний, в том числе, малого

и среднего бизнеса к вложению средств в геологоразведку. Источником средств для финансирования государственной доли работ послужить отчисления части природоресурсных налогов и платежей в специальный Фонд геологического изучения территории страны. Здесь можно провести прямую аналогию с дорожными фондами. В своё время от них отказались, но деградация дорожного хозяйства почти до крайней черты заставила восстановить и федеральный, и региональные дорожные фонды. В геологии ситуация полностью идентична.

Есть все основания полагать, что при правильной постановке дела по изучению недр прибрежные районы и шельф арктических морей станут надёжной минерально-сырьевой базой для народного хозяйства России в XXI веке. В то же время необходимо отчётливо понимать, что все виды природных ресурсов на планете конечны и их использование должно быть крайне рачительным. В этой связи настало время законодательными решениями полностью прекратить вывоз из страны тех видов сырья, использование которых будет определять научно-технический прогресс уже в ближайшее время, например, редкоземельных металлов и элементов, некоторых цветных металлов. В случае, если такое сырьё не находит пока спроса на внутреннем рынке, его месторождения должны быть просто зачислены в государственный резерв. К сожалению, в силу сложившегося в последние века механизма вхождения России в систему мирохозяйственных связей, сегодня рано ставить вопрос о количественных ограничениях экспорта традиционных продуктов отечественной добывающей промышленности. Но необходимо прекратить хотя бы стимулирование его наращивания. Речь идёт, к примеру, о льготных режимах налогообложения на территориях опережающего развития, создаваемых сейчас на Дальнем Востоке специально для добычи предназначенных для экспорта поставок угля, руд цветных и чёрных металлов, других полезных ископаемых. Их организация бессмысленна и там, и даже в более сложной для освоения Арктической зоне Российской Федерации. Ведь при практически нулевых доходах государства от принадлежащих всему народу природных ресурсов в финале мы получим только снижение цен на них за счёт усиления конкуренции со своими же производителями из других регионов страны на мировых рынках и лунные пейзажи отработанных карьеров. Стоит ли лишать будущие поколения россиян ресурсов ради галочек в отчётах об увеличении физических объёмов валового национального продукта? Нет, конечно. Вот почему минерально-сырьевой потенциал российской Арктики должен использоваться по мере государственной необходимости или созревания такой мировой рыночной конъюнктуры, когда эксплуатация месторождений частным капиталом обеспечивает выплату в бюджет всех положенных рентных платежей. Как известно, в настоящее время они имеют форму налога на добычу полезных ископаемых. Надо взять за правило, что никто и никогда не может быть освобождён от этого налога без крайней государственной нужды. В этом смысл общенародной собственности на недра.

Севморпуть: от петливой дороги во льдах к широкой магистрали

В сознании большинства россиян слова “Арктика” и “Северный морской путь” уже давно стали почти синонимами. Это вполне объяснимо, ведь героическое освоение морских просторов высоких широт для крайне необходимой транспортной связи запада и востока страны стало одним из значимых достижений Русской цивилизации. Но до самого последнего времени Северный морской путь был, по сути дела, каботажной трассой с очень сложной в организационном отношении схемой караванной проводки судов в своём восточном секторе. Использование его в таком виде в качестве международной транзитной транспортной магистрали было, прямо скажем, маловероятной фантазией. Грузоотправителям требуется надёжный, постоянно действующий путь, а не сезонный с зависящими от ледовой обстановки сроками навигации.

Ситуация коренным образом изменилась с активным освоением нефтегазовых месторождений Ямала и строительством в Обской губе двух новых морских портов для отгрузки сжиженного газа и сырой нефти – Сабетта и Новый Порт. Создаваемая газопроводами и нефтяниками грузовая база уже сегодня требует ежесуточной отправки судов из этих портов по Северному морскому пути. Причём движение должно быть организовано как на запад, так и на восток.

Если к этому добавить увеличивающийся в связи с геологическим изучением шельфа и созданием опорных зон развития в Арктике поток традиционных грузов, то становится ясно, что Северный морской путь должен приобрести новое качество. Образно говоря, он должен превратиться в подвижный, но постоянно действующий канал в морских льдах. Именно в этом качестве наша арктическая морская магистраль одновременно с удовлетворением потребностей отечественного народного хозяйства может стать привлекательной для европейских и азиатских грузоотправителей.

Такая задача — дело инновационное, по степени сложности не имеющее аналогов в мировой практике. В рамках Госпрограммы развития Арктической зоны Российской Федерации начато создание материальной базы для её решения. Строятся три мощных атомных ледокола, проектируется их новая, ещё более технически совершенная и энерговооружённая серия. Проводятся мероприятия по повышению надёжности и степени освещённости арктических морей гидрометеорологическими данными. Планируется ввод в эксплуатацию модернизированной ледово-информационной системы “Север” и ледостойкой самодвижущейся платформы “Северный полюс” с размещённым на ней современным исследовательским комплексом. Готовятся к запуску спутники для обеспечения надёжной связи в самых северных широтах. По заказам работающих в Арктике российских компаний ведётся строительство дизель-электрических ледоколов для обслуживания подходов к морским портам и устьям судоходных рек, серий морских судов ледового класса дедвейтом от 40 до 120 тысяч тонн для перевозки контейнеров, негабаритных грузов, нефти, сжиженного газа, начата их эксплуатация. Реализуется и целый ряд других важных программных мероприятий. В совокупности они и дадут Северному морскому пути новое качество транспортной магистрали мирового уровня.

Но для полноценного его функционирования необходимо не только обустроить собственно морской путь, но и самым существенным образом укрепить береговую инфраструктуру. Прежде всего, речь идёт о портовом хозяйстве. Программными документами по Арктике предусмотрена реконструкция морских портов Диксон, Тикси, Певек и Провидения. С ростом объёмов перевозок по Северному морскому пути новые возможности для развития получат наши главные океанские центры Мурманск и Петропавловск-Камчатский. В них предполагается организовать логистические хабы для перегрузки контейнеров и наливных грузов с судов ледового класса на обычные и наоборот. Такой комбинированный способ перевозок на разных участках межконтинентальных трасс разными типами кораблей экономически пока наиболее обоснован. Важнейшим шагом не столько макрорегионального, сколько общегосударственного значения станет создание в западной части российской Арктики новых морских портов с подводными железнодорожными линиями в Архангельске, Индиге, Усть-Каре и Беломорске. Необходимость их создания вытекает, в том числе, из складывающихся геополитических обстоятельств. Как известно, с распадом Советского Союза целый ряд крупных портов на Балтике, к которым с 1860-х годов на протяжении почти полувека строились железнодорожные линии из Центральной России для экспортно-импортных операций, оказались за рубежами нашего государства. Для компенсации потерянных логистических мощностей в последние два десятилетия значительное развитие получили морские порты восточной части Финского залива от Усть-Луги до Выборга. Но ни действующие, ни потенциальные возможности этой группы портов не в состоянии переработать весь нарастающий грузопоток, и его существенная часть направляется конечным потребителям через транспортные системы теперь уже иностранных и далеко не дружественных нам государств. Таким образом, российский Балтийский транспортный узел и по мощности недостаточен, и уязвим для всякого рода санкций и блокад. Вот почему есть настоятельная необходимость в новых портах в Европейской части страны с прямым выходом в океан. Их можно создать только на арктическом побережье. Здесь уместно провести прямую аналогию с событиями времён Первой мировой войны. Тогда блокада германским флотом проливов Балтийского моря отрезала Россию от союзников, и срочно было принято решение о строительстве в тяжелейших военных условиях морского порта в Кольском заливе и железной дороги Петрозаводск–Мурманск.

Наиболее масштабными проектами развития арктической морской портовой инфраструктуры являются строительство многофункциональных глубоко-

водных портов в районе Архангельска и в Индиге с двумя новыми подводными железнодорожными линиями. Первая из них – Белкомур, по маршруту Соликамск–Сыктывкар–Вендига–Карпогоры–Архангельск – обеспечит прямой доступ промышленной продукции предприятий Урала к океанскому побережью. Вторая линия – Индига–Сосногорск с дальнейшим выходом через Ивдель на планируемую к сооружению Северо-Сибирскую железнодорожную магистраль – создаст новый транспортный коридор для экспортно-импортных грузов Сибири. Обе линии имеют выходы на действующую Северную железную дорогу и будут использоваться для экспорта части угля и углеводородов, добываемых в Воркуте и на Ямале. Таким образом, грузовую базу для вновь создаваемых глубоководных морских портов составит промышленная и сельскохозяйственная продукция собственно арктических Архангельской, Ненецкой, частично Ямало-Ненецкой и Воркутинской опорных зон, а также Урала и Сибири. Её прогнозируемый объём превосходит планируемые мощности глубоководных портов Архангельска и Индиги и потребует переадресовки части грузов в Мурманск и российские порты на Балтике. Расчётная стоимость обоих проектов создания новых арктических портов и железнодорожных подводных к ним линий велика, составляет порядка триллиона рублей. Но сравнительно быстрая окупаемость делает их привлекательными для инвесторов, и уже прорабатываются вопросы финансирования строительства Белкомаура и Архангельского порта на условиях концессии. На очереди – Индига.

Железные дороги по берегу океана

Динамика развития геополитических событий, связанные с ней усилия по укреплению обороноспособности наших северных рубежей, планы по развитию Арктической зоны Российской Федерации настоятельно выдвигают в повестку дня вопрос о необходимости создания сквозной от Мурманска до Анадыря Трансарктической железнодорожной магистрали. На первый взгляд, на сегодняшний день такой проект кажется нереальным. Но более детальное рассмотрение показывает его осуществимость в ближайшие десять-двенадцать лет. В самом деле, связь Мурманска с Северной железной дорогой уже существует (Мурманск–Беломорск–Обозёрская–Коноша). Реконструкция с увеличением провозных возможностей Северной железной дороги от Коноши до Лабытнанги предусмотрена инвестиционными программами ОАО «Российские железные дороги». Строительство нового участка Лабытнанги–Коротчаево начинается в рамках одобренного специальной межведомственной рабочей группой Правительства России проекта «Северный широтный ход». Его финансирование будет осуществляться совместно Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа, ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Газпром» с использованием механизмов государственно-частного партнёрства в форме концессии. По такой же схеме с участием заинтересованных компаний нефтегазового сектора, горнодобывающей промышленности, энергетикой вполне реально построить и следующий участок – от Коротчаево до Игарки и Дудинки. Это уже половина пути. А дальше – на восток, к минерагеническим провинциям месторождений платины, меди, никеля и кобальта Восточного Таймыра, алмазов и редкоземельных элементов северо-западной Якутии, цветных и благородных металлов северо-востока Якутии и Чукотки.

Трансарктическая железнодорожная магистраль станет опорным хребтом для намечаемых к строительству линий Белкомур, Индига–Сосногорск, Воркута–Усть-Кара, Обская–Бованенково–Сабетта, значительно повысит эффективность использования меридиональных внутренних водных путей по рекам Обь, Енисей, Хатанга, Анабар, Лена, Яна, Индигирка, Колыма для обеспечения жизнедеятельности материковых районов Арктики и Крайнего Севера. Как показывает опыт создания Западно-Сибирского нефтегазодобывающего территориально-производственного комплекса, кратно снизятся затраты на освоение месторождений углеводородов и твёрдых полезных ископаемых шельфа и побережья морей Северного Ледовитого океана. Ещё большее, чем в экономическом плане, значение трансарктическая магистраль будет иметь для обеспечения обороны северных рубежей, связанности и политической целостности Российской Федерации.

Госпрограммой развития Арктической зоны России, кроме развития внутренней автодорожной сети в опорных зонах, предусматривается и строительство

межрегиональных дорог федерального значения. В качестве наиболее важных из них можно выделить Нарьян-Мар–Усинск и Колыма–Омсукчан–Омолон–Анадырь.

Необходимо особо отметить, что развитие в Арктике железнодорожного и автомобильного транспорта не является альтернативой морскому. Напротив, снимая с него небольшую часть нагрузки по логистическому обслуживанию внутренней жизни макрорегиона, они значительно усиливают экспортную и транзитную функции Северного морского пути, обеспечивая надёжность работы береговой инфраструктуры, способствуя созданию для него новой грузовой базы.

Разрежённость пространства с точки зрения размещения поселений предопределяет особое значение для Арктики воздушного транспорта. Однако малая авиация, обслуживающая небольшие населённые пункты, находится в крайне запущенном состоянии. Эксплуатируются использующие дорогостоящее топливо морально и физически устаревшие летательные аппараты, рейсы выполняются нерегулярно, цены на билеты за пределами с точки зрения платёжеспособности населения, ежегодно прекращают своё существование многие местные аэропорты и авиаплощадки. Зачастую транспортные связи северных посёлков с остальным миром восстанавливаются только с наступлением сильных холодов, когда открываются ледовые переправы через реки и автозимники.

Такое положение дальше становится нетерпимым. Вот почему, несмотря на то, что на последней редакции Госпрограммы развития Арктической зоны Российской Федерации ещё и чернила не высохли, необходимо уже сейчас дополнять её специальным разделом о полярной авиации. Она должна включить в себя и порядок отнесения воздушных линий к социально значимым субсидируемым; и план восстановления, и принципы финансирования содержания местных аэропортов и площадок; и программу разработки и выпуска новой авиационной техники.

Арктика как локомотив рывка

Развитие Арктической зоны окажет позитивное влияние на экономическое состояние других макрорегионов России, обеспечивая их предприятия углеродным и минеральным сырьём, создавая транспортные возможности для выхода на рынки произведённых ими товаров. Но реализация арктических проектов приведёт ещё к одному важному последствию: макрорегион сам становится крупнейшим потребителем продукции высоких технологий. Потребуются отвечающие особым условиям работы в экстремальном климате надёжные средства связи и автоматизации производственных процессов, экономичные автономные энергоисточники, подводные и подземные роботы, беспилотные транспортные средства и множество других новейших материалов, приборов, устройств, машин и механизмов. Всё это может быть создано только с использованием возможностей шестого технологического уклада. Таким образом, Арктика рождает спрос на продукцию производств нового уклада. Это важнейший стимул для активизации работы научных центров, реконструкции на новейшей технологической основе всего транссибирского промышленного пояса от Урала до Владивостока.

В этом контексте особенно важно развитие транспортного машиностроения. К сожалению, на сегодняшний момент все его подотрасли далеко не удовлетворяют потребности страны даже в стандартных моделях транспортных средств, не говоря уже о специальном арктическом исполнении.

Если атомные ледоколы для Северного морского пути строятся на отечественных судостроительных верфях, то почти все дизель-электрические, а также танкеры и сухогрузы ледового класса заказываются в Южной Корее, Германии или Финляндии. Закупки подвижного состава для высокоскоростных железных дорог ориентированы на немецкие образцы. Автомобильная техника высокой проходимости в северном исполнении выпускается не серийно, а мелкими партиями. Но в особенно тяжёлой ситуации находится авиапарк местных воздушных линий. Старые испытанные «рабочие лошади» внутрирегиональных авиаперевозок – самолёты АН-2 и АН-24 – доживают свой век. Последние экземпляры этих выдающихся по конструкции и исполнению машин вырабатывают остатки своего индивидуального ресурса. Им на смену приходит разношёрстная импортная рухлядь.

В качестве причин отсталости отечественного транспортного машиностроения обычно называют перегрузку производственных мощностей оборонными заказами, недостаток рабочих и инженерных кадров, отсутствие технологических компетенций. Но на самом деле, это не причины, а объяснения. Ведь если нет свободных мощностей – надо строить новые заводы, нет кадров – необходимо их готовить, нет технологий – их можно купить, одновременно создавая отечественные. Причиной же является отсутствие в стране системы стратегического планирования и промышленной политики, выделения в их рамках главных приоритетов.

Достройка общенационального каркаса транспортных магистралей, в том числе арктических, создание с опорой на возможности шестого технологического уклада современной индустрии транспортных средств, обеспечивающей основные потребности страны их собственным производством, не могут не быть одним из таких приоритетов. Для гигантской по территории России это такой же важности задачи с точки зрения обеспечения единства, целостности и безопасности государства, как постоянное поддержание боеспособности вооружённых сил. Наш собственный опыт показывает, что они вполне решаемы. Достаточно вспомнить, что в 1880-е годы царской Россией строилось по две тысячи километров железных дорог в год; что в 1930-е годы в стране буквально на пустом месте были созданы автомобильная и авиационная промышленность; что в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны были построены и успешно работали десятки новых авиазаводов, модели выпускаемых самолётов менялись каждые полгода и было достигнуто полное превосходство над противником не только по количеству, но и в отношении качества летательных аппаратов; что вплоть до начала 1970-х годов продукция советского автопрома была вполне конкурентоспособна на мировом рынке; что первый в мире атомный ледокол был построен отечественным судостроением; что вышедший на линию Москва – Ленинград ещё в 1974 году наш электропоезд ЭР-200 имел скоростные характеристики, вполне сопоставимые с современным импортным “Сапсаном”. Можно привести ещё множество примеров из истории промышленности и транспорта. Они все подтвердят общий вывод, что, при наличии политической воли и концентрации усилий, можно решить самые сложные задачи. А сегодня развитие транспорта и транспортного машиностроения выдвигаются в число самых первоочередных из них. Вот где должна быть истинная сфера применения всевозможных особых экономических зон, территорий опережающего развития и других механизмов стимулирования инвестиций, а не в добыче полезных ископаемых или отвёрточной сборке импортного ширпотреба.

Что касается специального транспорта в северном исполнении, то для России самой судьбой уготовлена необходимость стать лидером в производстве всех его видов в мировом разделении труда. Размещение же предприятий общего, специального и транспортного машиностроения в существующих, а при необходимости и вновь создаваемых промышленных центрах Урала, юга Сибири и Дальнего Востока дадут мощный стимул для желаемого сдвига экономической активности в восточные регионы страны.

Человек в Арктике

При всей важности других, ключевым всё-таки является вопрос о Человеке в Арктике: кто и почему продолжит дело её освоения в современной буржуазной России? Вопрос этот далеко не праздный, ведь начавшийся в первые же годы реформ процесс обезлюднения северов продолжается и донныне. Разорение и гибель предприятий, брошенных в реформенное время на произвол судьбы, привели к обнищанию людей, деградации социальной сферы, запустению городов и посёлков. Конечно, и во многих других районах страны есть аналогичные проблемы. Но на Севере они гораздо острее. Из-за крайней дороговизны жизни в экстремальных природно-климатических и экономико-географических условиях в значительно меньшей степени, чем в целом по России, доходы населения соотносятся с прожиточным минимумом. Возможности для развития малого бизнеса ограничены из-за повышенных издержек любого производства на севере и, как следствие, низкой конкурентоспособности большинства видов продукции перед привозной. Дороговизна и деградация транспорта обуславливает низкую динамику перемещения людей для поиска

новой работы, учёбы, повышения квалификации. Переезд к новому месту жительства зачастую просто невозможен из-за отсутствия средств на покупку жилья, когда продажа имеющегося не может служить их источником в условиях полного отсутствия спроса на дома и квартиры в арктических населённых пунктах. Образуется замкнутый круг безысходности. Не будет преувеличением сказать, что в ряде районов Крайнего Севера происходит одичание жизни, а главным источником существования людей становятся те или иные формы бюджетной поддержки или примитивная самозанятость: охота, рыбалка, сбор дикоросов, случайные заработки.

Есть в Арктической зоне и относительно благополучные, и даже передовые в социально-экономическом отношении районы и целые субъекты Федерации. К их числу относятся крупные города с многопрофильным хозяйством, моногорода с предприятиями военно-промышленного комплекса, зоны деятельности горнодобывающих и нефтегазовых компаний.

Но в целом острота социальных проблем в северных районах страны, куда, кроме Арктической зоны, относятся Крайний Север и приравненные к нему местности, не снижается с течением времени. Старая советская система материальных стимулов давно превратилась в архаику и продолжает существовать лишь в качестве политической демонстрации заботы государства о северянах. Нормативные положения о государственных гарантиях льгот и компенсаций в более или менее полном объёме применяются только в отраслях бюджетной сферы. Да и здесь это применение во многом формально. Так, районные коэффициенты к заработной плате уже давно утратили свою функцию полной компенсации удорожаний стоимости жизни, а абсолютная величина северных надбавок настолько мала, что никак не может служить стимулом к закреплению кадров. И те, и другие начисляются, чтобы хоть как-то прикрыть бедность бюджетников. Что касается бизнеса, то малые и средние предприятия из-за низкого уровня доходов в условиях жёсткой конкуренции с привозной продукцией и услугами не в состоянии взять на себя ещё и выполнение государственных по сути своей гарантий и льгот. Крупные же компании выстраивают собственные корпоративные системы оплаты труда, по своему усмотрению трактуя те или иные нормативные положения.

И на государственном уровне, и в общественном сознании уже давно существует понимание необходимости разработки и законодательного закрепления новой системы льгот и гарантий для северян, отвечающей рыночным реалиям. Но даже не череда политических событий или экономических кризисов, а сама сложность проблемы послужила препятствием для принятия уже явно перезревших решений. Ведь надо из множества несводимых к единому измерителю критериев отнесения тех или иных территорий к Арктике, Крайнему Северу и приравненным к нему районам выбрать один. С учётом разнообразных медико-биологических и иных факторов установить оптимальный и обоснованный набор льгот и преференций для северян, разработать методики измерения их стоимостного эквивалента. Разнести ответственность за соблюдение установленных норм между государством и бизнесом, организовать систему контроля за их соблюдением, найти источники финансирования новых бюджетных обязательств. Есть и много практических вопросов. Например, как компенсировать рост удорожаний стоимости жизни: через увеличение выплат или посредством особого контроля за ценами на потребительском рынке, в том числе путём организации государственного завоза жизненно важных товаров в районы с ограниченными сроками их доставки. Специальных решений требует и социальная проблематика коренных малочисленных народов Севера. Надо признать, наконец, что к их традиционным занятиям и промыслам не применим чисто рыночный подход. Здесь требуются особые системы заготовок и закупочных цен.

Конечно, Север есть Север, и здесь не бывает простых задач. Но при всей их сложности нельзя откладывать принятие решений. А сейчас ситуация другая: при подготовке Госпрограммы развития Арктики подспудно полагалось, что рост экономики сам по себе снимет остроту социальных проблем за счёт увеличения доходов населения. На практике выяснилось, что это не так. Бизнес не может развиваться без рабочей силы, а человек не может воспроизводить свою способность к труду без должного уровня доходов, который не обеспечивает бизнес. Круг замыкается. Надо вовремя рубить "гордиевы узлы" проблем.

До сих пор не стихают дискуссии по поводу того, целесообразно ли дальнейшее содержание небольших городов и посёлков, созданных в советский период освоения Арктической зоны и Крайнего Севера, не лучше ли их ликвидировать и в дальнейшем использовать исключительно вахтовый метод работы. Очевидно, что правильный ответ заключается в том, что судьбу каждого населённого пункта надо решать в зависимости от перспектив расположенных в них производств, особенно если их хозяйство моноотраслевое. Но при любых конъюнктурных обстоятельствах надо оберегать и поддерживать все существующие поселения, выполняющие административные и логистические функции. Они должны быть выдвинутыми вперёд аванпостами в Арктике, осуществлять роль организаторов экономического, социального и культурного пространства. Поэтому в новых документах стратегического планирования необходимы специальные программы поддержки таких больших и малых арктических центров с точки зрения ликвидации аварийного и ветхого жилья, развития коммунального хозяйства, создания в них объектов здравоохранения и образования, обслуживающих всю окружающую территорию на основе новых телекоммуникационных технологий.

Непосредственно же при реализации удалённых инвестиционных проектов лучше использовать вахтовый метод. Уже накопленный опыт показал, что наиболее эффективны и безопасны для здоровья людей вахты в пределах одного часового пояса. Это означает, что центры формирования коллективов вахтовиков должны быть в южных районах Урала, Сибири, Дальнего Востока. Таким образом, транссибирский промышленный пояс станет тыловой опорой российской Арктики не только с точки зрения обмена ресурсами, но и в человеческом измерении.

Конечно, вахтовый метод имеет множество недостатков. Но его использование оправдано не только с экономической точки зрения, но и как инструмент формирования ценных личностных качеств человека. Арктика требует высокого уровня профессиональной подготовки, умения работать в коллективе, развитого чувства долга и ответственности, собранности и дисциплинированности, доведённой до автоматизма взаимовыручки. Эти ценные качества, приобретённые человеком на Севере, остаются с ним на всю жизнь.

* * *

После распада Советского Союза Россия стала ещё более северной страной, чем когда-либо в своей истории. Наверное, лучше всех это понимают космонавты, наблюдая с огромных расстояний, как Держава наша приютилась на самой макушке Земли у Северного полюса. Разнообразная деятельность в Арктике уже стала сегодняшней нашей повседневностью, а не каким-то отдалённым эпическим явлением. По факту это давно так, достаточно посмотреть ресурсные и финансовые балансы страны. Постепенно приходит и осознание того, что не только настоящее, но и будущее государства напрямую зависит от состояния дел на российском Севере. Вот почему должна быть продолжена работа по выработке и, самое главное, практической реализации стратегических и тактических решений по его динамичному развитию. Это особенно важно в условиях нарастания претензий наших геополитических соперников на доминирование в Арктике.

Некоторые могут возразить, что сегодня Россия не имеет финансовых ресурсов для экономического, логистического и военного укрепления позиций в столь отдалённом, сложном и ресурсоёмком макрорегионе. На самом деле, об этом смешно и говорить, когда наша страна уже четверть века является финансовым донором всего мира, а львиная доля вывозимых из России средств рождается именно на отечественных северах. Надо развернуть обратно могучие эти финансовые потоки и их мелкие ручейки. Как это сделать, давно известно и из теоретических разработок многих наших экономистов, и из опыта других стран. Нужна только политическая воля к изменению действующего сейчас в России компрадорского хозяйственного механизма.

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

“УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЁ РАЗ УЧИТЬСЯ...”

По смыслу эти слова Ленина повторяют народную мудрость: “век живи – век учись”. Но “век живи – век учись” звучит как-то банально, а классик не может себе позволить говорить банальности. Банальной фразе нужно было придать новую, оригинальную форму, что Ленин и сделал. Народную мудрость он выразил другими словами. Он произносил их многократно и в разных аудиториях, адресуя их победившему революционному народу, прежде всего, молодёжи. И классик не был бы классиком, если бы он не вложил в эти слова особый смысл.

Продолжив цитату, мы узнаем, что Ленин призывал не просто “учиться, учиться и ещё раз учиться”, а учиться “строительству коммунизма настоящим образом”. Как учиться, чему учиться, у кого учиться, вождь нам не сказал. Классикам опускаться до деталей не требуется. Советские вожди, продекларировав построение коммунизма целью, решили последовать правилу Наполеона – “сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уж видно будет”. Ввязались в бой более чем серьёзный, строили, экспериментировали, делали ошибки, порой трагические, по ходу учились. В результате построили общество, до того человечеству неизвестное.

Было ли это общество коммунистическим? Вопрос риторический, ответа на него быть не может, поскольку не сформулированы критерии, которым коммунистическое общество должно удовлетворять, следовательно, нельзя проверить, достигнута поставленная цель или нет. Но дело не в определении. Важно то, что это общество было предметом внимания всего, как в те времена говорили, прогрессивного, а не прогрессивного особенно, человечества. Кому-то в том обществе не хватало колбасы, кому-то – свободы и демократии, кому-то – ещё чего-то, всем не угодишь. Я лично на то общество не в обиде, меня оно в целом устраивало, но так думали не все, это правда.

Не хотел бы эту тему развивать, приведу лишь одну цитату из книги “Русский эксперимент” нашего гениального современника А. А. Зиновьева, человека, в симпатиях к коммунизму уж точно не замеченного. “Советский социальный строй, политическая система, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и т. д. и т. п. были вершиной русской истории вообще. Это, повторяю и подчёркиваю, был оптимальный вариант “обустройства” России, вершина её исторического бытия”.

Так это или не так, прав Зиновьев или не прав, рассудит время. Бесспорно то, что в том обществе было много такого, что не мешало бы нам позаимствовать и сегодня, в том числе и то, как советская власть учила народ “строительству коммунизма настоящим образом”.

После двух революций и гражданской войны страна, которая досталась пришедшим к власти большевикам, была в катастрофическом положении. В год 100-летия российской революции эта тема активно обсуждалась как её сторонниками, так и противниками. Как событие мирового масштаба тема российской революции больше обсуждается за границей. У нас обсуждение свелось, в основном, к попыткам определить, кто виноват в том, что революция состоялась. А жаль, мы могли бы гордиться своей революцией, как французы гордятся своей, к слову, не менее кровавой, чем революция российская. Роль, которую российская революция сыграла в мировой истории, как минимум сопоставима с революцией французской.

Аналогии можно увидеть и в том, что результатом французской революции было явление миру императора Наполеона I, покоровшего Европу и пытавшегося завоевать Россию. Чем это закончилось, известно. Из почти 600-тысячной армии Наполеона, вторгшейся в Россию, во Францию вернулось 24 тысячи человек. Генофонд французской нации был подорван. Но не только этим вошёл в историю этот человек. О величии его дел говорит тот факт, что гроб с телом Наполеона установлен во дворце Инвалидов в центре Парижа и все желающие могут поклониться праху этого великого человека.

В результате российской революции появился император Иосиф Сталин. И хотя Сталин так себя не называл, и корону на свою голову, как это сделал Наполеон, не возлагал, но правил он огромной страной как император, и надо сказать, не без успеха. Что касается жертв, то здесь Сталин Наполеона превзошёл. Перед людьми за эти жертвы он ответить уже не может: мёртвые сраму не имут, а Бог спросит с него за всё, и за хорошее, и за плохое. На этом аналогии с Францией заканчиваются. Гроб с телом Сталина из Мавзолея выбросили его же соратники более чем 60 лет тому назад, да и сейчас находятся желающие плюнуть на его могилу. То, что Сталин сохранил Россию и сделал её великой державой, стараются не вспоминать. Действительно, Россия не Франция.

Но и Наполеон, и Сталин, как и французская, и российская революции – это уже история, которую надо знать, но ничего изменить в ней нам не дано. Поэтому спустя 100 лет искать правых и виноватых, по меньшей мере, не конструктивно, это как после драки махать кулаками. К пониманию причин революции это не приближает, поскольку в революциях правых и виноватых не бывает. Талейран говорил, что в революции виноваты все или никто.

Кто-то с ним согласится, кто-то не согласится. Сейчас это уже не важно. Важно то, что революция была, это исторический факт, и без причин прозойти это не могло. Одной из причин было недовольство народных масс своим положением. Нет оснований сомневаться в объективности оценок положения народных масс в царской России, которые дают Иван Солоневич и Сергей Витте. Эти оценки не очень вписываются в современный тренд идеализации царской России времён Николая II, но и не напомнить их было бы неправильно.

Экономическое состояние любого государства для его граждан во все времена определяется не количеством выплавляемого чугуна или стали, не количеством добываемого угля или нефти, и даже не количеством электроэнергии на душу населения. Экономическое состояние определяется уровнем и качеством жизни народа. Иван Солоневич, ярый монархист и не менее ярый антисоветчик, ситуацию в Российской империи перед революцией характеризовал следующим образом:

“Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял в США – 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский ещё до первой мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца”.

Премьер-министр России С. Ю. Витте, человек, надо полагать, компетентный и хорошо информированный, в 1899 году на совещании министров подчёркивал: “Если сравнить потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признаётся необходимым для обычного существования”. В Европе примерно такой уровень потребления был в средние века.

Сравнить уровни потребления в Европе и в России в настоящее время у меня не получилось, поскольку найти соответствующую статистику не удалось, хотя, казалось бы, сейчас в интернете можно найти всё. Как оказалось, не всё. Относительные величины приведены, а абсолютные — нет. Сделаем это косвенным способом. В современной России минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в 3 раза меньше, чем на Западе. Поскольку корреляция между МРОТ и уровнем потребления достаточно тесная, можно предположить, что уровень потребления у нас сейчас составляет примерно одну треть уровня потребления на Западе.

На память приходит анекдот советских времён. На Страшном суде встречаются Николай II и Брежнев. На вопрос Николая II, какой была жизнь в Советской России, Брежнев рассказывает, что проблемы, конечно, были, но водка в СССР стала 40-градусной. В царской России водка была 38 градусов. Николай задумывается, соглашается с тем, что проблемы были и в его время, и спрашивает Брежнева: “А стоило ли из-за 2 градусов устраивать всю эту кутерьму?”

Тогда, в 1917 году народ решил, что стоило. Что он решит сейчас, нам ещё предстоит увидеть. Пока народ делает свой выбор ногами, миллионы наших соотечественников с хорошим образованием, хорошими мозгами покидают страну в поисках лучшей доли, и они её находят. Средства массовой информации приводят данные, согласно которым постсоветскую Россию покинули от 6 до 12 миллионов российских граждан. А наш рынок труда заполняют выходцы из бывших советских республик с квалификацией “бери больше, кидай дальше”.

О том, “как упоительны в России вечера” и “про “хруст французской булки” мы слышали. Правда, на вкус эту булку пробовали тогда немногие. А вот в 60-е годы в Ленинграде на студенческую стипендию можно было купить 643 французские булочки с хрустящей корочкой. Сейчас на студенческую стипендию можно купить не более 100 штук. Но это к слову...

Русский народ взбунтовался тогда не случайно, а русский бунт, как известно, страшен, в чём все могли убедиться. И взбунтовался этот народ не от хорошей жизни и не с жиру. Не удивительно, что нашлись силы, которые этот бунт провоцировали и пытались им воспользоваться в своих интересах: слишком лакомый кусок представляла собой Россия, что привело и к революции, и к гражданской войне, не виданной по своей жестокости и количеству жертв. Волны взаимной ненависти “верхов” и “низов”, которая копилась веками, гражданской войной не закончились. Их удалось погасить, в основном, только репрессиями 37-го года, когда Сталин и физически, и морально уничтожил всех подряд: и “красных”, и “белых”.

Выбора у него не было, страна стояла на пороге большой войны, и раскола в обществе власть допустить не могла. Надо заметить, что Сталин был не совсем не прав. Противников советской власти в стране было немало. Более миллиона наших граждан — скрытых врагов советской власти, — когда началась война, воевали на стороне Гитлера. А ведь наверняка были и другие враги, которые открыто себя не проявили, но, если бы им удалось прийти к власти, они расправились бы с большевиками так же, как большевики расправлялись с ними. Факт наличия в стране оппозиции не афишировался, поскольку не соответствовал прокламируемой идее единства народа и власти.

Прав был Троцкий, называя Сталина контрреволюционером: бывших революционеров надо было привести в чувство, с революционными замашками надо было заканчивать. Во второй половине 30-х годов Сталин много сделал для примирения враждующих сторон. В каком-то смысле это можно назвать реставрацией. Реабилитация казачества, предоставление избирательных прав гражданам, которые этих прав были лишены по сословным признакам, возврат из ссылки жертв репрессий, связанных с убийством Кирова, отмена всех ограничений при поступлении в высшие учебные заведения, введение офицерских званий в армии, обращение к российской истории, достижениям культуры и науки, казалось бы, должны были примирить враждующие стороны. Но волны взаимной ненависти “низов” и “верхов” были настолько сильны, что даже сейчас, спустя 100 лет после трагических событий 1917 года, наше общество успокоиться не может.

Уже давно нет “белых” и нет “красных”, но попытки найти виноватых продолжают, требования покаяться в грехах, связанных со свержением монархии, звучат иногда на полном серьёзе. Правда, не очень понятно, кто должен

взять на себя этот грех. Давно успокоились англичане, начавшие революционную бузу одними из первых в современной истории, не отказываются от революционного лозунга “свобода, равенство, братство” французы, более того, они гордятся тем, что именно они дали миру этот лозунг, китайцы простили Мао 80 миллионов жертв и близки к тому, чтобы сделать Китай первой экономикой мира. И только мы в России уже 100 лет не можем никак уgomониться и требуем новых жертв. Почему? Кто бы ответил на этот вопрос... Но это уже совершенно другая тема. Вернёмся к тому, к чему призывал народ Ленин.

Чтобы показать историческую преемственность, отметим, что первым серьёзную попытку заставить народ учиться и реформировать Россию предпринял царь-реформатор Пётр I. Уже тогда Пётр хорошо понимал, что “кадры решают всё”. Прежде всего, он постоянно учился сам, учился на корабельных верфях, активно посещал предприятия во время своих заграничных визитов, чем немало удивлял коронованных особ, знакомился с иностранными специалистами, приглашал их в Россию, предлагая им условия, от которых те не могли отказаться.

Надо сказать, что в России во все времена – наше время не исключение – иностранцы имели режим наибольшего благоприятствования, и власти не препятствовали их карьерному росту, национальных образованных кадров тогда не хватало, как, впрочем, не хватает их и сейчас, приходилось их приглашать из заграницы. Уже в XV веке в России более 30% высших классов были выходцами с Запада. Пётр не отказывался от иностранных специалистов, но он активно готовил и национальные кадры, обучая их как в России, так и за границей. Что важно отметить, рекрутировал эти кадры он из представителей разных сословий.

Известно, например, что изобретателями паровоза в России были отец и сын Черепановы, крепостные уральского заводчика Демидова. Менее известно то, что крепостной Черепанов-сын 7 лет изучал паровозное дело в Англии, и английский паровоз, работающий на угле, он перевёл в России на дрова. Это роли Черепановых не умаляет, в России приоритет изобретения паровоза принадлежит им. Справедливости ради скажем, что не без помощи Демидова, который сначала отправил Черепанова-сына на учёбу за границу, а потом за заслуги перед Россией дал Черепановым вольную.

Кадровая политика Петра I была достаточно успешной, многими славными делами отметились в российской истории “птенцы гнезда Петрова”. Пётр не щадил ни себя, ни своё окружение, ни простой народ. Не давал Пётр расслабиться и своим “птенцам”. Объективности ради, отметим, что роль Петра I в российской истории историки оценивают неоднозначно, но фактом является то, что петровские реформы в короткий срок сделали Россию ведущей мировой державой. Импульса, который получила страна в результате этих реформ, хватило более чем на 100 лет.

Напором и волей Петра I его преемники не обладали. Держать в напряжении и заставлять работать и элиту, и простой народ так, как это удавалось Петру, они не могли. По поводу слабости той власти Ф. И. Тютчев в одном из писем писал следующее: “Почему имеет место такая нелепость? Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, и обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать?” Это письмо Тютчев написал во второй половине XIX века. Действительно, почему “имеет место такая нелепость”?

Было бы несправедливо не выделить в послепетровской истории России период, когда во главе государства российского стояла Екатерина II. Надо сказать, не самым демократичным путём получила она российский трон. Но для России это было время, когда “без позволения матушки Екатерины в Европе ни одна пушка не стреляла”. Екатерина умела работать с кадрами, иногда приёмами чисто женскими. “Птенцы” её гнезда – это граф Орлов-Чесменский и князь Потёмкин-Таврический, граф Румянцев-Задунайский и граф Суворов-Рымникский и многие другие. Умела Екатерина даже женские слабости обращать в силу, хотя главной её силой был высокий интеллект. Лучшие умы Европы считали за честь переписываться с ней. И хотя Екатерина II была чистокровной немкой, смыслом её жизни стала защита интересов России, и делала она это, прямо скажем, неплохо.

“Жалкие посредственности” во власти сделали своё дело. Позиции, завоеванные во времена Петра, Россия постепенно стала терять. Результатом было поражение России в Крымской войне, в войне с Японией, а затем с Германией, революция и гражданская война. В результате Российская империя приказала долго жить. Понятно, что это была лишь одна из причин развала империи, были и другие.

Почти через 200 лет после смерти Петра I в России появляется другой реформатор, который снова сумел вывести Россию на уровень мировых держав. Его имя Иосиф Сталин. Методы, с помощью которых страной управлял Сталин, во многом повторяли методы Петра I. Сам Сталин занимался самообразованием постоянно. Он не щадил себя и работал на износ, не щадил своих министров, не щадил он и простой народ. За порученное дело люди буквально отвечали тогда головой.

Из мемуаров и воспоминаний современников известно, что Сталин сам — спичрайтеров тогда не было — писал многочисленные статьи и научные труды, которые составили ни много ни мало 18 томов. От историков, допущенных к работе с книгами из личной библиотеки Сталина, слышал, что эти книги не были предметом интереса. Он делал заметки на полях, подчёркивал нужные места, он с книгами работал. Сталин лично знал руководителей многих предприятий и организаций, главных конструкторов и ведущих учёных, регулярно встречался с ними, лично контролировал состояние наиболее важных отраслей и предприятий, читал литературные новинки, был знаком с деятелями науки и культуры.

Как и Пётр I, Сталин привлекал к работе иностранных специалистов. Эти специалисты внесли большой вклад в развитие нашей страны, особенно в период индустриализации, но известно об этом несправедливо мало, как почти ничего не известно и о том, что многие советские специалисты, в том числе и крупные руководители, проходили тогда обучение за границей. В сталинское время, как и во времена Петра I, в стране появилось множество ярких личностей в разных областях жизни страны, выходцев из разных социальных слоёв.

Но чтобы эти личности появились, народ надо было учить и воспитывать. Для начала его надо было научить читать и писать, чтобы для него стали доступны знания, которые человечество накопило. Нужно было воспитать у народа чувство собственного достоинства, научить его жить по законам и правилам, которые в обществе сложились, дать ему возможность участвовать в общественной жизни. Несмотря на ленинский призыв учиться, научить всему этому наш народ большевикам не удалось. Но кое-что сделано было. О том, что и как делалось, мы и поговорим, тем более, что многие из нас были очевидцами и участниками тех событий.

После революции и гражданской войны, когда перед страной остро встали проблемы восстановления государственной власти и экономики, потребность в квалифицированных кадрах была колоссальная, но с кадрами и кадровым резервом были проблемы. Население царской России накануне революции на 85% состояло из крестьян, частично полуграмотных, умеющих лишь читать и писать, а в большинстве совсем неграмотных. Как показала перепись населения 1920 года, 60% жителей Советской России не умели читать. С учётом окраин бывшей Российской империи, картина всеобщей грамотности, правильнее сказать безграмотности, была ещё более грустной.

Качество нации определяют массы. Роль элиты, безусловно, важна. Но в сплаве массы и элиты доля последней в общей концентрации настолько мала, что на состав сплава она влияет слабо. Поэтому о качестве нации судят не по достижениям её лучших представителей, называемых элитой, а по народной массе. И сила государств определяется именно качеством народной массы. Большевики, похоже, это хорошо понимали и с этой массой активно работали.

Декрет советской власти “О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР” был принят в декабре 1919 года, хотя гражданская война была ещё в самом разгаре. Этим декретом предусматривалось ликвидировать неграмотность в стране к 10-й годовщине Октября. Надо признать, что эта в высшей степени амбициозная задача к указанной дате решена не была. Не была она решена и позднее. Недостаток ресурсов, прежде всего, материальных не позволял это сделать. Даже в 1935 году в СССР на душу населения производилось

менее 4 кг бумаги и 4 карандаша. В США, соответственно, 34 кг бумаги и 12 карандашей. Начинать борьбу с неграмотностью приходилось в столь тяжёлых условиях, что в методических указаниях для учителей существовал целый раздел “Как обойтись без бумаги, без перьев, без чернил, без карандашей”.

Но всё, что могла, власть для образования народа делала, и народ это ценил. А делала власть немало. Накануне войны в СССР число студентов вузов составляло 812 тысяч человек (в 8 раз больше, чем в 1913 году). Число учащихся средних специальных учебных заведений составляло 975 тысяч человек. Доступ к образованию и культуре, то, что народные массы не могли получить в царской России, был мощной компенсацией за те страшные бытовые трудности, которые миллионам людей приходилось переносить.

Мой земляк Иван Петрович Вертелко, генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны и войны в Афганистане, где он воевал в качестве заместителя командующего погранвойсками, родился в 1925 году в небольшой деревне на Брянщине. В 30-е годы в деревне была только школа-четырёхлетка. Пятый класс ему удалось закончить в школе, которая находилась в соседней деревне. Добираться до этой школы было непросто: 7 километров в один конец и столько же обратно.

Школа, в которой были шестой и седьмой классы, находилась за 40 километров от его родной деревни. Необходимо было преодолеть семь километров пешком до железнодорожной станции, тридцать – на поезде и ещё пять – пешком. Это ему приходилось проделывать каждую неделю. Потом была война, военное училище, вечерняя школа рабочей молодёжи, военная академия, академия генерального штаба и, как результат, блестящая военная карьера.

Судьба Ивана Петровича Вертелко показательна, но не уникальна. Дети простых рабочих и крестьян становились офицерами, генералами и даже маршалами, известными учёными, руководителями крупных предприятий. Необходимость получения образования сомнению не подвергалась. Люди видели, что образование является хорошим лифтом для подъёма по социальной лестнице, и старались его получать. Подъём по этой лестнице был нелёгким, не всем по силам было его преодолеть, но такую возможность имели все, за временным исключением для представителей привилегированных сословий.

В своём выступлении на Всесоюзной конференции в 1931 году Сталин сказал: “Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”. Наш народ сделал это. Чего ему это стоило – вопрос другой. Лучшим доказательством тому является то, что мы победили сильнейшую армию мира и сохранили свою страну, а заодно и много других стран. Понятно, что решить эту задачу без реформирования страны, без подготовленных кадров было бы невозможно. В чём-то в результате сталинских реформ мы к передовым странам приблизились, но надо быть большим оптимистом, чтобы утверждать, что это отставание мы преодолели.

Сталинский период нашей истории закончился в 1953 году со смертью Сталина. На 10 лет к власти в стране пришёл Хрущёв. Основным результатом его деятельности было отстранение от власти сталинских кадров и замена их преданными лично Хрущёву людьми. Но что характерно: удержаться во власти эти люди ему не помогли. Похоже, “дорогой Никита Сергеевич” достал всех. Как достижение надо отметить то, что отстранение Хрущёва от власти произошло достаточно демократично. Но для страны примерно 10 лет борьбы партийной элиты за власть бесследно не прошли. Сталинские темпы роста были потеряны, авторитет СССР как мирового лидера стран третьего мира был подорван. Нам пришлось уступить США в Карибском кризисе 1963 года, спровоцированном недалёковидной политикой Хрущёва. Этот кризис и стал началом поражения СССР в “холодной войне”.

После Хрущёва был малоого на 20 лет главой государства стал Брежнев. Есть все основания назвать этот период брежневским. Брежнев хорошо усвоил хрущёвские методы формирования команды из близких людей. Слабый руководитель, а Брежнев сильным руководителем не был никогда, не терпит рядом с собой ярких людей. Подбор кадров по принципу личной преданности в брежневские времена ничего хорошего стране не дал. Темпы роста экономики продолжали падать, появились проблемы в части внедрения в народное хозяйство передовых научно-технических достижений, экспорт высокотехнологичной продукции уменьшался, а экспорт сырья увеличивался.

Брежнев не был реформатором, но он был человеком, удобным для всех, и для наших противников в том числе, и этим заслужил почётные похороны. Оценки брежневского периода нашей истории носят полярный характер. Его называют и золотым, и застойным. Правы и те, и другие, смотря как этот период рассматривать. Если в сталинское время страна бежала, подгоняемая сталинским кнутом, в хрущёвское — двигалась по инерции и скорость теряла, то в брежневское время страна перешла на шаг. Не перегружали себя работой ни Брежнев, ни его окружение, расслабился и свободно вздохнул народ, против чего он, конечно же, не возражал. Действительно, сколько можно работать на пределе сил!

В стране наступила благодать. Много работать становилось дурным тоном. Сталинскому министру-долгожителю Д. Ф. Устинову, например, Брежнев в приказном порядке запретил появляться в кабинете в выходные дни. И Устинов эти дни стал использовать для посещения подведомственных предприятий. Наш военно-промышленный комплекс своими успехами во многом обязан лично Устинову, дяде Мите, как его называли подчинённые, и кадрам, которые он сумел тогда сохранить.

Такой стиль работы становился государственной политикой. К примеру, вместо определяемых контрольными цифрами и обязательных к выполнению народнохозяйственных планов Центральный комитет и Совет Министров СССР стали публиковать “Основные направления развития народного хозяйства”. По форме то же самое, а по сути количественные оценки подменили оценками качественными, выполнение которых проконтролировать было нельзя. Было бы неправильно говорить, что при Брежневе страна не работала. Созданная сверхусилиями нескольких поколений советская промышленность продолжала работать, запас прочности был огромный. Но просто работать тогда, когда научно-техническая революция охватила все индустриально развитые страны, было недостаточно. Надо было работать с полным напряжением сил.

А вот здесь были проблемы. Если за результаты работы предприятия, отрасли, области, республики в сталинское время люди в буквальном смысле отвечали головой, то в брежневское — максимум партийным билетом и карьерой. Крупных начальников, не справившихся с работой или ставших просто негодными власти, отправляли на периферию или послами в дальние страны. Леонид Ильич был добрым человеком, сам жил и другим давал жить. Но, как говорил Шекспир, “чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность”. Сталин был беспощадным, а Брежнев был добрым. И в наше непростое время простой народ вспоминает почему-то беспощадного Сталина.

Сталинскую школу Брежнев прошёл, поэтому понимание необходимости ответственности у него было. Но одно дело понимать, а другое — сделать ответственность нормой. А нормой становилось то, что даже решения Политбюро стали выполняться не всегда, что в сталинское время было немисливо. Не будет ошибкой сказать, что семена экономических проблем СССР, которые Горбачёв будет пытаться решить, начав так называемую перестройку, были посеяны в брежневское время. Ничего не изменилось и в наше время, проблема ответственности руководителей давно ждёт своего решения на законодательном уровне. Но, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет, и законодатели с руководителями ссориться не спешат.

Система общей безответственности привела к тому, что страна не столько работала, сколько имитировала труд. Кто-то из западных руководителей, посетив тогда ряд советских предприятий, сказал: “То, что у вас называется работой, у нас называется обеденный перерыв”. Сталинский кнут был брошен в пыльный угол, а без кнута, как оказалось, работать по-настоящему мы не могли. И то, что усилиями отдельных выдающихся личностей в стране делалось, картины в целом изменить не могло. Темпы роста падали, передовые позиции страна теряла.

Деятельность Андропова и Черненко, ставших руководителями страны после Брежнева, ввиду кратковременности их нахождения у власти рассматривать не будем. Правда, Андропов, будучи хорошо информированным о положении в стране, что-то поправить пытался. И начал он с самого большого места — с укрепления трудовой дисциплины, но век его на посту главы государства был недолог. Горбачёв стал руководителем страны в 1985 году. Объявленная им перестройка имела целью реформировать народное хозяйство и дать мощный импульс для его развития. Это стали называть ускорением.

Однако попытки Горбачёва решать системные проблемы страны методами косметического ремонта, а именно это предлагал Горбачёв, успеха не имели.

Было ли появление Горбачёва во главе государства событием случайным или закономерным? Скорее, всё-таки закономерным. Советский Союз, хоть и оставался второй в мире супердержавой, отставал от мирового лидера всё больше и больше. Признаки государственной слабости проявлялись всё сильнее и сильнее. Такое государство не могло родить сильного лидера. В результате появилась такая личность, как Горбачёв. Если в нашей истории искать параллели между историческими личностями, то много общего, как это ни странно, можно найти между Горбачёвым и Керенским.

Оба по образованию были юристами и могли работать, в основном, языком. Приказ № 1, принятый Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, влиятельным членом которого был Керенский, положил начало развалу российской армии. Аналогом этого приказа в каком-то смысле был горбачёвский закон о выборе директоров предприятий, в результате которого к руководству предприятиями вместо строгих и требовательных руководителей пришли демагоги, которые красиво говорили и обещали народу золотые горы, но реально делать дела не могли.

Итогом деятельности двух юристов, Керенского и Горбачёва, стал развал Российской империи и Советского Союза соответственно.

“Достойным” продолжателем дела Горбачёва был Ельцин. Всё происходило на наших глазах, и то, что представляла собой страна в конце 90-х годов, многие помнят. Кто забыл, пусть вспомнит ряды людей всех возрастов и профессий, торгующих у станций московского метро, и толпы “челноков” на стадионах. Может быть, у Ельцина заговорила совесть, а может, для этого были другие причины, мы этого не знаем и вряд ли узнаем, но в конце 1999 года Ельцин объявил о своей отставке.

Главой государства стал Путин. Надо отдать ему должное, он много сделал для собирания страны. Ему не откажешь и в желании реформировать страну, но нужного результата пока нет. Темпы роста, которые показывает наша экономика последние 15 лет, делать оптимистичные прогнозы, к сожалению, не позволяют. Причина в том, что команды, способной вывести страну на уровень передовых государств, у Путина нет. Наш век почти за 20 лет дал России лишь одну историческую личность, эту личность не надо даже называть по фамилии.

Что касается “птенцов” гнезда Путина, то прославились они не своим вкладом в историю России, а совсем другими историями, связанными с хранением шуб, обувными коробками в долларами, фантастическими зарплатами и самыми большими в мире яхтами. На ум приходит шутка Жванецкого: “Может, в консерватории что-то подправить?” Консерватория тут, правда ни при чём, подправлять надо в другом месте. Хотя Президенту, думаю, не до шуток. Рядом с Президентом сильных личностей нет, а один в поле, как известно, не воин.

Кадры, а тем более личности, не появляются вдруг, нужна система подготовки этих кадров, нужна преемственность, нужны школы, которые создаются десятилетиями. Хорошо помню, как эту школу проходило наше поколение. Нам, рождённым во время войны, и послевоенному поколению не пришлось преодолевать трудности, с которыми сталкивалось поколение 30-х годов. В школу пешком за семь километров мы, как правило, не ходили. У нас были свои трудности, которые расслаблять нас не позволяли. Мы учились в школе, учились в различных кружках, занимались в спортивных секциях, ходили в походы, мы всё время были заняты.

Студентом технического вуза я стал в 1963 году. Профессия инженера в то время у молодёжи была популярна, и большинство моих знакомых выпускников школ хотели быть инженерами. Не был исключением и я. Предметом постоянных насмешек был один наш приятель, который решил тогда пойти в институт советской торговли. Но, как известно, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Наш приятель был благородным человеком и не смеялся над нами, когда во времена, названные застоём, мы шли к нему за “дефицитом”. Было время, когда самыми уважаемыми людьми были работники торговли. Трудно было жить, не имея знакомого директора хотя бы плохонького магазина.

Учёба в институте в то время не была прогулкой. За деньги отметок не ставили. Лично был свидетелем того, как здоровые мужики во время экзамена

падали в обморок. В моём институте, например, до финиша доходило чуть больше половины первокурсников. Кроме учёбы в институте, были университет культуры, устные журналы, тематические вечера, спорт. Разгрузить вагон и пополнить бюджет было нормой, как и участие в стройотряде во время каникул. Всё было согласно поговорке: “Делу — время, потехе — час”. Студенческая жизнь есть студенческая жизнь. Но главное, чему мы учились, это умению трудиться. Представители поколения, о котором идёт речь, отошли уже от дел, а кто-то и ушёл из жизни. Жаль, что их профессиональный и жизненный опыт ушёл вместе с ними. Современным менеджерам было бы чему у них поучиться.

Созданная во времена сталинских пятилеток система подготовки кадров какое-то время продолжала функционировать, учебно-воспитательный процесс шёл непрерывно. Благодаря этим кадрам страна стала второй в мире супердержавой. Лучшей оценкой наших кадров того времени были слова Джона Кеннеди: “Не хотите учить физику, будете учить русский”. Звучит примерно как “не хотите кормить свою армию, будете кормить армию чужую”. Это было сказано на фоне выдающихся успехов советской науки и техники того времени. Американский президент опасность не преувеличивал, много чего мы сделали тогда первыми в мире.

В стране в то время был культ знаний, и эти знания трансформировались в технические и научные достижения мирового уровня. Привожу по памяти далеко не полный перечень научно-популярных журналов, которые тогда издавались: “Наука и жизнь”, “Знание — сила”, “Техника — молодёжи”, “Радио”, “Химия и жизнь” и множество других. Эти журналы издавались миллионными тиражами, но купить их было проблемой, настолько они были востребованы. Нашу страну называли тогда самой читающей в мире. Мощнейшее общество “Знание” имело свои филиалы практически во всех уголках огромной страны. Что мешает возродить это общество сейчас?

Учить физику мы перестали, приходится учить английский. В английском более или менее преуспели, а вот с физикой проблемы появились: желающих её учить у нас всё меньше и меньше. В 2006 году количество выпускников вузов составило 811 тысяч человек. Из них специалистов по экономике, управлению и гуманитарным наукам 611 тысяч (75%), по инженерным специальностям — 134 тысячи (12,5%). Несколько другую статистику приводит С. Г. Кара-Мурза. В 2009 году вузы России выпустили 25 тысяч специалистов по всем естественным и физико-математическим специальностям и 790 тысяч по гуманитарно-социальным специальностям, экономике и управлению.

Трудоустроить такую массу выпускников-гуманитариев по специальности невозможно, но это мог бы быть неплохой резерв для обучения востребованных обладателей университетских дипломов рабочим профессиям. Правда, для этого нужно поднять престиж рабочих профессий, дать их обладателям достойную зарплату и возродить школы, где эти профессии можно было бы получить. Но самая большая проблема — это создать на производстве новые рабочие места, требующие высокой квалификации. Не факт, что молодёжь захочет занять эти рабочие места. Мои наблюдения показывают, что современную молодёжь интересуют, прежде всего, лёгкие деньги, причём сразу и побольше.

Молодёжь предпочитает учиться там, где легче, и не желает себя утруждать ни получением инженерных специальностей, поскольку это требует серьёзного труда, да и хорошей школьной подготовки, ни последующей работой на производстве. Притом, что мировая технологическая революция — это уже реальность. Она требует от работников всех уровней, а от руководителей в первую очередь, и современных знаний, и компетенции. Что дадут стране реформы школьного и высшего образования, реорганизация науки, которые проводит сейчас российская власть, пока не ясно.

Состояние школьного и высшего образования у нас в стране я знаю лишь со слов друзей и знакомых, работающих в этой сфере, да по расходам бюджета на репетиторов для внука. Хорошего мало, система образования деградирует. И то, что более-менее состоятельные родители стараются учить своих детей за границей, является тому косвенным подтверждением. Университетские преподаватели основную проблему видят в слабой подготовке школьников. Приходилось мне слышать и о том, что зарплата у уборщицы в Газпроме больше, чем у университетского профессора. Следовательно, и уровень университетского образования будет падать по причине отсутствия у талантливой молодёжи стимулов к научной и преподавательской работе.

Что мы получим в результате реформ науки и образования, пока не понятно. Критерием истины, как известно, является практика. Если в результате реформ у нас появятся учёные с мировым именем и такого же уровня научно-технические достижения, если будет расти экономика, поднимется уровень и продолжительность жизни, значит, реформы были правильными. Если нет, придётся реформировать дальше. Ответит ли кто-то в этом случае за сегодняшние реформы, вот в чём вопрос.

Заканчивая тему обучения, отметим следующее. Занимались ли самообразованием руководители государства, пришедшие на смену Сталину, неизвестно. Научных трудов, в отличие от Сталина, они не оставили. Да и современные руководители, за небольшим исключением, в научном творчестве тоже не замечены. Может быть, это и хорошо: не надо изучать муру типа брежневской “Малой Земли”, если кто-то ещё это помнит. А плохо то, что окружение руководителей особого рвения к учёбе тогда не проявляло, как не проявляет и сейчас. К сожалению, времена Хрущёва, Брежнева, да и Путина тоже, ярких личностей уровня Туполева и Ильюшина, Курчатова и Королёва стране не дали.

Нашему Президенту, если бы он даже и захотел блеснуть интеллектом, а он у него, безусловно, есть, знаю это со слов лично знавшего Путина академика Д. С. Львова, человека умнейшего и глубоко порядочного, компетентно и поговорить-то не с кем. Команда, которая отвечает за имидж Путина, демонстрирует нам его блестящую физическую форму, что, конечно же, хорошо. А вот показать народу его интеллект государственного деятеля у команды своего интеллекта не хватает.

Если Сталин мог на равных вести дискуссии с такими представителями мировой элиты, как Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Леон Фейхтвангер, мог дискутировать со своими министрами по любым вопросам, то с министрами путинскими разговор, как правило, происходит в формате “надо делать хорошо и не надо плохо”. Какой уж тут интеллект! Обидно и за Президента, и за его собеседников. Да и за тех, кто всё это должен смотреть и слушать.

Как тут не вспомнить слова Петра I: “Господам сенаторам речь в присутствии держать не по-писаному, дабы дурь каждого всем видна была”. Можно считать, что революция Петровский указ отменила, так что нашим сенаторам держать речь по-писаному не возбраняется. Но это говорит об отсутствии у сенаторов желания и умения работать. Один из лучших в мировой истории ораторов Черчилль говорил, что одна минута речи требует у него часовой работы. И это при его феноменальной памяти и литературных способностях. Наши сенаторы на такие подвиги не способны.

Но это ещё полбеда, пусть бы читали по бумажке. Беда в том, что неспособность руководителя толково рассказать о проблемах, за решение которых он отвечает, говорит либо о его некомпетентности, либо о нежелании от этой некомпетентности избавляться, либо о том и другом. А компетентность руководителя определяет компетентность его команды, а следовательно, и эффективность управления как отдельными предприятиями, так и отраслями, и экономикой в целом.

И прежде чем уж совсем закончить с темой учёбы, хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В истории России было два периода реформ, в результате которых Россия по праву становилась мировой державой. Это время реформ Петра I и Сталина. Общим для них было то, что они учились сами и заставляли учиться своё окружение. Была ли альтернатива выбору пути, который выбрали Петр I и Сталин, обрекая тем самым народы России на многочисленные жертвы и лишения?

Есть мнение, что была в виде эволюционного пути развития. Но факты этого не подтверждают. Вот уже 25 лет экономика постсоветской России топчется на одном месте, всё больше отставая от передовых стран. Что-то с эволюцией у нас не очень получается. Без твёрдой руки и сильной политической воли мы можем эволюционировать до бесконечности, чего Россия, если она хочет сохраниться как суверенное государство, а не как колония, позволить себе не может.

Во все времена, и во время Петра I, и во время Сталина, и во время Путина в том числе, мировой капитал – в наше время это транснациональные корпорации (ТНК) – делал всё возможное для колонизации России. Сейчас ТНК особенно активизируются, природные богатства России при их мировом дефиците не дают им покоя. Примеры колониальных империй ещё свежи в памяти.

Исторический пример — Индия, страна с древнейшей историей и культурой, которая в течение нескольких столетий платила дань Британской империи, и какую дань! Другой пример — Китай, из которого в недалёком прошлом качали деньги все, кто только мог.

Претендентов на получение российской дани и сейчас сколько угодно, и та дань, которую мы им уже платим, ТНК считают недостаточной. Пётр I и Сталин были провидцами, которые лучше других такую опасность понимали и делали всё возможное и невозможное для сохранения Российского государства и российской цивилизации. В отличие от современной власти, которая пытается сохранить Россию, но прежде всего — как источник обогащения персон, власть имущих.

Согласно официальным источникам, покончить с неграмотностью в СССР удалось только к 1959 году. Наш народ стал поголовно грамотным, и у него вдруг появились претензии к власти. Так называемые “шестидесятники” появились не вдруг, они вышли из нашего народа, который усилиями советской власти, между прочим, стал грамотным и этих самых “шестидесятников” породил. А грамотные и учёные люди всегда чем-то недовольны. Особенностью советского времени было наличие лозунгов и политических анекдотов, которые эти лозунги высмеивали. Лозунги предлагал ЦК КПСС, анекдоты придумывал ставший грамотным народ. Пример безобидного анекдота тех времён: “Из писем на радио. Диктор: “В своём письме наш слушатель Абрамович из Жмеринки спрашивает, кто придумывает политические анекдоты? Этим же интересуется и Юрий Андропов из Москвы”. Для тех, кто не понял юмора, москвич Юрий Андропов — это председатель КГБ.

Были, правда, анекдоты и не столь безобидные, и свою роль в раскачивании государственной лодки они внесли. Что интересно: в наше время полной свободы и вседозволенности нет ни политических анекдотов, ни лозунгов. Объяснить это, на мой взгляд, можно лишь политической пассивностью наших граждан. “Народ безмолвствует”, и не потому, что он всем доволен. Чем это заканчивается для власти, известно из истории.

В моей памяти история многолетней давности. Во время одной из моих первых заграничных командировок, это была Франция, меня пригласил в ресторан французский журналист. Мы с ним мило общались, и я, как нас тогда учили, ему объяснял, какое у них бездуховное общество, члены которого озабочены исключительно материальными проблемами. Он меня послушал и предложил пари. Подходим к любым трём столикам и интересуемся, о чём говорят люди. Если не о политике, ты проиграл. Я проиграл. Прямо или косвенно, народ в ресторане обсуждал политические проблемы. Правда, в этом плане Франция страна специфическая, забастовки там — национальный вид спорта.

Политически пассивная масса — это то, что недалёковидной власти нужно, чтобы этой массой манипулировать. Но рассчитывать, что эта масса будет пассивной всегда, по меньшей мере, наивно. Понятно, что неграмотным народом управлять легче, но для построения индустриального государства наличие грамотного народа является условием необходимым. Необходимым, но недостаточным. Как говаривал Гёте, “суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет”. Знания, которые люди получили, — это всего лишь теория, с помощью которой *древо жизни* можно оживить. И задача власти состоит в том, чтобы создать среду, в которой люди хотели и могли бы свои знания приложить на пользу общества. Обратимся теперь к той части ленинской цитаты, которая призвала народ “учиться коммунизму настоящим образом”.

Люди старшего поколения помнят строки из песни “Марш энтузиастов”: “Труд наш есть дело чести, // есть дело доблести и подвиг славы”. Ключевым в этой фразе является слово “труд”. Уильям Петти назвал труд *отцом всех богатств*, и он, конечно же, был прав. Все богатства созданы трудом человека. Но в реальной жизни обычный человек предпочитает работать поменьше и расход собственной энергии минимизировать. Русский человек, за небольшим исключением, это правило подтверждает. Какой же русский не знает, например, что “работа не волк и в лес не убежит”, а также то, что “работа дураков любит”.

По поводу качества русских рабочих ещё В. И. Ленин писал: “Русский рабочий — плохой рабочий, по сравнению с передовыми нациями...” За такую оценку его называли русофобом, но, к сожалению, он был прав тогда, как был бы прав и сейчас. Интересно то, что идеологический противник Ленина

Пётр Струве с ленинской оценкой согласился. В одной из своих работ Струве писал: “Признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму”. Написано это было более 100 лет тому назад. С “нашей некультурностью” мы боремся по сей день и, похоже, бороться будем ещё долго.

Культура — это не урок, который можно выучить, сдать экзамен и получить справку о том, что предъявитель справки является культурным человеком. Культура — это образ и стиль жизни, который усваивается веками. Англичане по этому поводу говорят, что джентльменом надо быть даже наедине с самим собой. Результатом нашей “некультурности” является то, что машины, собранные в России, почему-то не в лучшую сторону отличаются от машин той же самой марки, но собранных за границей. Как шутил М. М. Жванецкий, “общим видом овладели, а подробности пропустили”. И вот из этого “плохого и некультурного рабочего” советская власть должна была сделать рабочего хорошего и культурного.

Рассказываю историю, которую слышал от одного рабочего, с которым мне довелось в своё время работать в Подлипках, сейчас это город Королёв. Не секрет, что после войны в нашей оборонной промышленности работало много пленных немцев, которые помогали нам создавать ракетно-ядерный щит, а Подлипки в то время были центром ракетостроения. Среди немцев, пленных и интернированных, были учёные, в том числе и с мировым именем, инженеры, были и просто высококвалифицированные рабочие. В истории, о которой идёт речь, пленный немец, токарь по профессии, точил какие-то детали, думаю, что непростые. За давностью, а с тех пор прошло уже почти 50 лет, я какие-то мелочи подзабыл, но дело не в мелочах. Дневная норма была, предположим, 20 деталей.

Пленный немец, спокойно работая, каждую смену выдавал эти 20 деталей. Наши рабочие, ударники и передовики, старались выдавать больше: как же, социалистическое соревнование, куда без него! И вот начинается репатриация пленных немцев, и наш пленный токарь работает последнюю смену. И в эту смену он выдаёт совершенно немыслимое количество деталей и комментирует это следующим образом: “Можно работать и так, но так работать не нужно, потому что есть порядок”. Знаменитый немецкий “ordnung”. Почему у немцев правилом считается порядок соблюдать, а у нас — порядок нарушать?

Факт, что через 15 лет после Второй мировой войны побеждённая страна вышла на первое место в Западной Европе по уровню экономического развития, во многом обогнав своих победителей, говорит о том, что немцы работать умеют. Правда, советские пропагандисты нам объясняли тогда, что причины “немецкого экономического чуда” связаны с наличием в ФРГ бундесвера и милитаризацией немецкой экономики. А вот “японское экономическое чудо” объяснялось как раз отсутствием в Японии военной промышленности. . .

Справедливости ради надо сказать, что мы, восстановив после войны нашу экономику за несколько лет, чудо тоже совершили. Следовательно, мы работать тоже умеем. Но у нас это было трудовым подвигом, а у немцев — нормой. Разница в том, что совершать подвиги каждый день нельзя, а нормально работать каждый день можно. Пример не совсем по теме, но показательный. Футбольные клубы немецкой бундес-лиги, если я и ошибаюсь, то не на много, играют через 2 дня на 3-й и, что интересно, не жалуются на такой плотный график. Для них это норма. Клубы российской премьер-лиги играют через 5-6 дней, но времени на восстановление, по их словам, им не хватает. У наших футболистов норма другая, как минимум, в половину меньшая. Не потому ли “в футбол играют все, а выигрывают немцы”?

Методы, с помощью которых советская власть старалась воспитать хороших рабочих, оригинальностью не отличались — кнут и пряник. Нарушителям трудовой дисциплины объявляли выговоры, их лишали премий, отодвигали в очереди на получение квартир. Было время, когда за неявку на работу и даже за опоздание предусматривалась ответственность вплоть до уголовной. Можно вспомнить и закон о борьбе с так называемыми тунеядцами, которых выслали на поселение в места не столь отдалённые и принудительно заставляли работать. Почему-то Правительство демократической России отменило этот закон одним из первых.

Хороших рабочих — передовиков производства — власть поощряла и материально, и материально. Старшее поколение это ещё помнит. Имена передовых

рабочих были известны всей стране, они становились уважаемыми людьми, получали звание Героев Социалистического Труда и различные ордена, их выбирали депутатами различных Советов. Система, стимулирующая добросовестную работу, была отработанной и достаточно эффективной. Причём, что интересно, моральные стимулы ценились выше благ материальных. Сейчас это выглядит, как минимум, странно.

Казалось бы, эта система должна была сформировать у людей устойчивую привычку работать хорошо, и было время, когда многие так и работали. Но привычкой это не стало. Ответ на вопрос *почему* мы находим у Гегеля. *“Русские люди добросовестно и безвозмездно трудятся, если в обществе есть нравственная идея, праведная цель”*. Сказано гениально, остаётся удивляться, что сказал это не русский, а немец, и сказал это примерно 200 лет тому назад. Поражает то, что за много лет наш менталитет не изменился, нам всё так же нужна *“идея и нравственная цель”*. Наши люди сами определяют, когда страна начинает терять эти идеи и цели, и желание хорошо работать у них пропадает. Сможет ли нынешняя российская власть предложить народу *“нравственную идею и праведную цель”*? Это нам ещё предстоит увидеть. А без идеи, это мы знаем и без Гегеля, не получится ничего.

Необходимо отметить, что обучение народа *“коммунизму настоящим образом”* не ограничивалось получением знаний и приобретением профессиональных навыков. Советский лозунг, призывающий к тому, что *“каждая кухарка должна научиться управлять государством”*, так, на всякий случай, вдруг появится вакансия, всерьёз принимать не стоит. Но задачу приобщения народа к делу государственного управления Советская власть ставила самым серьёзным образом.

В Верховном Совете СССР примерно две трети мест принадлежали рабочим и крестьянам. Что касается нынешней российской Думы, то такую статистику мне найти не удалось. Похоже, что последним рабочим в Думе был покойный депутат от КПРФ Василий Иванович Шандыбин. Не желая уступать своим учёным коллегам, он называл себя доктором рабочих наук. О других рабочих среди депутатов Думы мне слышать не приходилось.

Испанский философ Ортега-и-Гассет в работе *“Восстание масс”* отмечал, что массы претендуют на участие в управлении обществом, хотя и не способны на это в принципе. Но, согласно испанскому философу, против воли масс управлять нельзя, и власть должна находить приемлемую форму участия масс в управлении обществом. Ленин это понимал уже тогда и старался создать у масс пусть на тот момент иллюзию участия в управлении обществом.

Всякое управление начинается с выборов органов управления. Не является секретом то, что результаты выборов в СССР были predeterminedены, поскольку выборы были альтернативными. Тем не менее, советская власть уделяла выборам большое внимание, занималась выборами на полном серьёзе и делала выборы всенародным праздником. Сталин предпринимал попытку узаконить выборы на альтернативной основе и даже пытался внести эту норму в Конституцию, но поддержку партийной элиты он не получил. Не так уж и всевластен был тогда Сталин... Сейчас об этом предпочитают не вспоминать, вспоминают только о репрессиях.

Работой с избирателями при подготовке и проведении выборов занимались тогда так называемые агитаторы. Тем, кто забыл или не знает, кто такие агитаторы, объясняю, поскольку был знаком с этим лично. Агитаторы занимались выборами на общественных началах и в свободное от работы время. Они встречались с избирателями, следили, чтобы все избиратели были представлены в списках, информировали о месте и времени голосования, знакомили с кандидатами в депутаты, старались обеспечить максимальную явку избирателей в день голосования.

В основном, избиратели принимали всё это как должное и дружно голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, как тогда говорили. Кто-то из избирателей ставил определённые условия своего участия в выборах, которые агитаторы доводили до власти, и власти старались эти пожелания выполнить. Были и такие, их было немного, которые участвовать в выборах категорически отказывались и называли выборы спектаклем. По большому счёту, это спектаклем и было. Зачем власть этот спектакль устраивала, мне кажется, я понял только сейчас.

Любые выборы предполагают волеизлияние избирателя и тем самым вовлечение его в демократический процесс. Вовлекая народ в выборный процесс, власть давала народу уроки демократии, приучала его ходить на выборы, приобщала к участию в процессе управления государством. Пусть на том этапе развития нашего общества это было скорее формальностью, но с чего-то надо было начинать. Только таким путем народ мог приобщиться к демократии, к выборам парламента, способного выражать волю народа, принимать эффективные законы и контролировать исполнительную власть.

Насколько долгим может быть этот путь, вопрос другой, но альтернативы ему нет: либо диктатура, либо парламент. Тему возрождения в России монархии обсуждать, конечно, можно, но скорее теоретически. Даже в Китае, стране с тысячелетней историей монархии, никому в голову такое пока не пришло. Монархия – это помазанник Божий, монарх, которому власть дана Богом, и воцерковлённый народ, который эту власть считает священной. Это есть необходимое и достаточное условие существования монархии. Монарха, положим, народ может выбрать и даже объяснить это тем, что глас народа и есть глас Божий. Но где взять народ, который в это поверит? Для этого надо повернуть лицом к Церкви народ, которому почти 100 лет внушали, что “религия – опиум народа”?

Интересно, какой процент наших граждан согласился бы сейчас платить церковную десятину, другими словами, отдавать Церкви 10% своего дохода? А ведь это святая обязанность каждого истинно верующего человека. Думаю, что в данный момент у нас таких граждан ноль процентов, а немцы, к примеру, платят, хотя, может быть, и не все. Приятель моего сына, молодой и успешный немец, на вопрос, почему он добровольно платит церковный налог, ответил просто: “Я не хочу, чтобы мои дети выросли без Бога”.

К тому же, быть монархом в России просто небезопасно. Если генеральных секретарей и президентов у нас отправляли в отставку с приличной пенсией, то царей в России убивали, кого-то – явно, кого-то – тайно. А если вспомнить православную Византию, наследниками которой мы себя считаем, то окажется, что за 1000-летнюю историю Византии ею правили 109 императоров, и только 38 из них умерли своей смертью. С периодичностью в среднем 16 лет императора убивали. Интересная статистика, не так ли? Не уверен, что найдётся много желающих занять эту должность. Помечтать о монархии было бы можно, если бы в стране не было более важных дел.

Поэтому необходимо совершенствовать реально существующие, проверенные мировой практикой механизмы контроля исполнительной власти. Власть по определению не может быть хорошей, поскольку любая власть – это аппарат принуждения. Оптимизировать степень этого принуждения путём соответствующих законов должен парламент. За 25 лет постсоветской истории мы к решению задачи создания такого парламента разве что приблизились. Парламент у нас есть, необходимо добиться его влияния на власть, которое пока близко к нулю.

Но чтобы парламент избрать, народ должен сначала прийти на выборы и проголосовать. А просто так народ на выборы не придёт. Для этого его надо воспитывать. Не случайно в некоторых странах, их в мире не один десяток, участие граждан в выборах является обязательным. В третьей мировой авиационной державе – это, не удивляйтесь, наш партнёр по БРИКСу Бразилия – за неучастие в выборах могут лишиться паспорта. Для нашего народа такая норма была бы совсем не лишней.

Как проходили выборы в советское время, многие ещё хорошо помнят. Время и место голосования, имена кандидатов вывешивались тогда заранее в каждом подъезде. В наше демократическое время на своём доме, да и на соседних домах тоже табличек с указанием хотя бы места и даты голосования мне видеть не приходилось никогда. Власти, похоже, не сильно заинтересованы в том, чтобы народ шёл на выборы. Чем это можно объяснить, я точно не знаю, но догадываюсь. Так или иначе, выборы у нас проходят, выборные органы разного уровня в стране существуют, депутаты заседают, получают за это неплохие деньги, законы принимают.

Принятие законов является основной задачей выборных органов. По принятым ими законам живёт страна. На основании этих законов государство осуществляет правосудие. Блаженный Августин в IV веке н.э. говорил, что “государство, лишённое правосудия, есть не что иное, как шайка разбойников”.

По существу возразить нечего, блаженный Августин прав: без законов управлять государством нельзя, но если очень хочется, то можно. И власти хочется очень часто. А суд должен вершить судья, руководствуясь законами, которые принимает Парламент.

Можно много говорить об отношении к законам на Западе и в России, а можно обратиться к поговоркам, в которых сконцентрирована народная мудрость. На Западе это “закон суров, но это закон”. В России – “закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло”. Можно вспомнить и то, что по этому поводу сказал наш гениальный соотечественник Чаадаев: “Закон и право для русского народа бессмыслица”. Хочется верить, что так будет не всегда, и когда-нибудь мы придём к тому, о чём говорил блаженный Августин, и будем жить *по законам, а не по понятиям*.

Реально мы находимся внутри границ, определяемых этими поговорками, что ещё хуже. Для кого-то закон – это закон. А для кого-то закон, что дышло. Интересно то, что в советское время основной свод законов под названием “Конституция СССР” мы изучали в школе, а “День Конституции” был праздничным нерабочим днём. Возможно, что тем самым прививалось уважение к Конституции как основному закону государства, а её изучение в школе было первым шагом на пути к пониманию того, что “закон суров, но это закон”.

Не могу не отметить отношения советской власти к семье как к общественному институту. К возникновению семьи советская власть никакого отношения, конечно же, не имела, но она хорошо понимала, что крепкая семья – это крепкое общество, а следовательно, и крепкое государство, и семью старалась сохранять и поддерживать. Интересно, что церковь тоже стояла на страже семьи и запрещала разводы. Советская власть разводы не запрещала, но и не поощряла. И обиженные жены часто искали и иногда находили защиту в парторганизациях своих загулявших мужей. Развод в те времена мог стоить человеку карьеры.

Интересную мысль по поводу политики советской власти по обучению и воспитанию народа высказал русский философ Георгий Федотов. “Ленинизм фактически воспитывает в России работников капиталистического накопления. Огромный интерес к хозяйственным и техническим проблемам, которым обладает русская молодёжь, есть драгоценный залог хозяйственного возрождения России”. Было когда-то возрождение, да всё вышло. И непонятно, почему философ говорит о “капиталистическом накоплении”? Социализм в своё время накопил столько, что за счёт этих накоплений наша страна живёт уже не один десяток лет, да и другие республики бывшего СССР тоже.

Но ликвидация неграмотности, приобщение к общественно-полезному труду, уроки демократии, обучение правовой культуре, укрепление семьи были лишь частью, причём, с точки зрения власти, не самой главной, в системе обучения и воспитания советских граждан. Главное же место в обучении “коммунизму настоящим образом” занимала тотальная идеологическая обработка населения. Этой обработке советский человек подвергался всю сознательную жизнь, начиная с детского возраста.

Октябрёнок, пионер, комсомолец – практически для всех, член КПСС – для круга достаточно узкого, по этой цепочке прошли представители многих поколений советских людей. Формируя у граждан чувство коллективизма, что правильно, их лишали индивидуальности, что неправильно.

Надо признать, что многое из того, чему нас учили, по сути, было правильным. “Кто не работает, тот не ест”, “один за всех, все за одного” – взаимное уважение между людьми, воспитание подрастающего поколения и другие идеи, заложенные в так называемом Кодексе строителя коммунизма, носили общечеловеческий, нравственный характер и, казалось бы, не должны были вызывать у граждан отторжения.

Каждый из нас ощущал себя тогда членом коллектива как на местном, так и на государственном уровне. Проявлялось это в разной форме. На местном уровне были кассы взаимопомощи, которые помогали нам решать финансовые проблемы; мы ходили на демонстрации, проводили время в компаниях, в походах, много чего интересного было в нашей жизни. Мы были коллективом. Каждый член общества был уверен в завтрашнем дне, это принималось как должное и потому не ценилось.

С одной стороны, общество становилось более образованным, рос культурный уровень, улучшалось материальное благосостояние, свободного

времени и возможности подумать о своём месте в жизни у людей становилось больше. С другой стороны, идеологическая обработка носила тотальный характер, была безальтернативной и никакой свободы мысли и проявления индивидуальности не допускала. Но любому человеку, в большей или меньшей степени, свойственно чувство противоречия, и советские граждане, кто больше, кто меньше, этой обработке, как могли, сопротивлялись.

Кто-то ограничивался антисоветскими анекдотами, слушанием вражеских голосов, чтением сам- и тамиздата, кто-то участвовал в демонстрациях протеста, а кто-то эти демонстрации организовывал и возглавлял. Государственная власть и навязываемая идеология отождествлялись, и сопротивление идеологической обработке переносилось на государственную власть, что было не совсем неправильно. Государственной властью был не только идеологический отдел ЦК КПСС, но и Правительство, и отраслевые министерства, и ведомства, и администрация предприятий, которые, несмотря на идеологические догмы, навязываемые партийным аппаратом, развитие страны худо-бедно обеспечивали. Идеологическая диктатура, которая подавляла сознание граждан и лишала их индивидуальности, и привела, в конце концов, великую страну к гибели. Толчком к этому, как ни странно, оказалась горбачёвская гласность.

Эта гласность открыла шлюзы для протеста. Гласность народ понял почему-то только как возможность ругать власть и мазать всё чёрной краской. Горбачёв, играя роль доброго царя, это поощрял, наивно полагая, что, дистанцируясь от ошибок власти, он укрепляет свой авторитет. Народ, в конце концов, убедили в том, что дальше так жить нельзя, менять надо всё. Мы захлебнулись в гласности. В результате с государством случилось то, что случается, когда голодного человека перекармливают. Оказывается, всё хорошо в меру, в том числе и гласность. А вот с чувством меры у нас всегда были проблемы.

Есть такая поговорка: как русскому здорово, то немцу смерть. Не готов утверждать, что русскому смерть от того, что немцу здорово, но некоторые основания так думать имеются. Почему, к примеру, британцы революционное решение о выходе из Европейского Союза приняли путём обычного референдума? Воевать по этому поводу ни сторонникам выхода, ни его противникам и в голову не пришло. Но почему для смены власти в России и в СССР потребовалось дважды развалить великую страну, хотя на референдуме наши граждане высказались против развала СССР?

Было бы неправильно винить во всех наших бедах только Горбачёва или Ельцина, а заодно и всех других глав государства советского и российского. Они не пришли к нам с другой планеты, они вышли из нашего же народа. И в том, что случилось со страной в 91-м году, есть доля вины каждого из нас. С нашего молчаливого согласия и при нашем участии в стране была создана система, которая породила руководителей типа Горбачёва и Ельцина и позволила им бесконтрольно страной управлять.

Да, Сталин был диктатор, который правил железной рукой. Протестовать в то время было просто опасно для жизни. Но Сталин сохранил Россию, он сделал её супердержавой. И можно ли это было тогда сделать по-другому, большой вопрос. А что сделали Горбачёв и Ельцин? Они диктаторами не были, но мы не протестовали, мы молчали и терпели, мы готовы были молиться и на того, и на другого... Почему?

Почему, несмотря на мировое признание русских писателей, музыкантов, художников, учёных, Европа и европейцы не хотят признать нас равными себе и считают варварами? Почти два столетия тому назад Пушкин писал: "По отношению к России Европа всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна". Изменилось ли как-то отношение Европы к России за это время? Почему на протяжении всей истории Запад считал себя вправе и не раз пытался сделать Россию своей колонией?

Пытается Запад это сделать и сейчас. И призывы со стороны российского руководства, вроде "Ребята, давайте жить дружно!", говорят о нашей слабости и только усиливают давление на нашу страну. Нас убивают и политически, и экономически. По большому счёту, Западу нет дела ни до России, ни до народа, её населяющего. Запад не может согласиться с тем, что богатства России принадлежат не ему, и даже не народу российскому, а узкому кругу людей, прямым отношения к созданию этих богатств не имеющих, что служит западным политикам оправданием в глазах мирового сообщества политической и экономической агрессии против России.

Ярким примером тому является антидопинговая компания. Блистательную Олимпиаду в Сочи мир воспринял как личный успех Путина и, надо сказать, не без оснований. Чтобы унижить российского Президента и Россию в глазах мирового сообщества, надо было организовать кампанию по дискредитации сочинской Олимпиады. МОК, WADA, Родченков и другие – это не более чем рабочие инструменты. И с Родченковым почти наверняка западные спецслужбы поработали, не вдруг он разговорился.

Что-то подобное мы уже проходили, когда после блистательной Победы во Второй мировой войне Запад, поняв, что военной силой СССР не взять, начал кампанию по компрометации Сталина. Его объявили диктатором, организатором репрессий, обвинили в подавлении демократии и нарушении прав и свобод граждан. К слову, активным обличителем Сталина был американский экс-президент Герберт Гувер. Он осуждал сталинский режим за “самую кровавую тиранию и ужасы, когда-либо созданные в человеческой истории”. Начали со Сталина, закончили Советским Союзом. Сейчас наступила очередь Путина, что, вообще говоря, делает ему честь. Его “партнёры” признали его силу и стали его бояться. Проблема только в том, что цель кампании – не Путин, а Россия с её богатейшими ресурсами. И можно не сомневаться, что атаки на Путина будут продолжаться.

Запад не успокоится, пока российские богатства не получит. Помешать этому российской власти может только при условии, что её поддержит народ. А эту поддержку власть должна заслужить. Как это можно не понимать, выше моего разумения. И то, что элита работает на себя, а не на народ, аукнется этой элите самым серьёзным образом. Почему же Запад считает себя вправе, а там действительно так считают, претендовать на богатства России? И что нашему Президенту, Правительству и нам, гражданам, в этой ситуации делать? Как противостоять Западу? Ответ может быть очень простым. Надо стать сильной страной, сильной настолько, чтобы на любой выпад в нашу сторону мы могли снисходительно говорить: “Ай, Моська! Знать, она сильна, // Что лает на Слона”. А вот как стать Слоном, ответа у меня нет. Но есть некоторые соображения, естественно субъективные, которыми я готов поделиться.

Не будет большой ошибкой предполагать, что человек – существо разумное; насколько разумное – вопрос другой, и он старается свой образ жизни построить оптимальным, наилучшим для себя образом. Это значит, что он хотел бы жить в стабильной стране, которая его будет защищать от всяких потрясений и врагов, удовлетворять его жизненные потребности на уровне, который он сам себе определяет. Он хотел бы меньше работать и больше отдыхать. По своим предпочтениям представители одного этноса в массе не сильно отличаются друг от друга. Поэтому предпочтения одного человека можно считать и предпочтениями этноса, частью которого этот человек является.

Отдельные представители этноса, наделённые природой особыми качествами, так называемая элита, несмотря на их малочисленность, могут иметь своё понимание оптимального образа жизни, отличное от понимания масс. Эти представители могут влиять на образ жизни массы и общества в целом как положительно, так и отрицательно. История знает примеры такого влияния. Все революционные потрясения – это примеры конфликта элиты, контрэлиты и массы. В правильно организованном обществе революционных потрясений можно избежать либо результаты этих потрясений минимизировать.

Это хорошо понимала английская элита. В интервью Герберту Уэллсу Сталин говорил так: “Из всех господствующих классов господствующий класс Англии – и аристократы, и буржуазия – оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции я не мыслю себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ”.

Историю делают массы, непонимание этого чревато потрясениями для всех. Элита понимать этого не хочет – уроки истории впрок не идут – и держит эти массы за быдло, полагая, что народом можно безнаказанно манипулировать. Но это можно до поры. Как результат, раньше или позже, элиты получают революции, которые сметают старые элиты, порождают новые и реально меняют историю и общественный строй. Революции могут быть более кровавыми, как это было в Англии во времена Кромвеля, во Франции

во времена Людовика, в России во время Николая II, или бескровными, как это было в СССР в 1991 году. Но причиной всегда был конфликт правящей элиты и массы.

Чтобы понять это, английской элите потребовалось не одно столетие. Но дело здесь не только во времени. Конфликт правящей элиты и массы был и будет всегда, и связан он с разделом материальных благ и властных полномочий. И чтобы урегулировать конфликт по справедливости, нужен арбитр. Не знаю, открою ли я Америку, если выскажу предположение, что таким арбитром могла бы быть Церковь, единственный институт, который сохраняется уже более 2 тысяч лет. Значит, Церковь нужна, народ Церкви верит, а безбожники были и будут всегда.

Решать по справедливости – это особенно важно для России и русских. По причине молодости нашего народа мы реагируем на несправедливость более остро, чем реагируют на неё другие. Как, например, реагируют на несправедливость дети. Пусть каждый вспомнит что-то из своего детства в подтверждение этого. Я человек не злопамятный, но у меня хорошая память. Я помню, как примерно 70 лет тому назад меня несправедливо наказали. Потом меня драли не один раз, но по делу, и обиды у меня нет. А вот несправедливое наказание помню до сих пор.

В Англии влияние Церкви на правящую элиту и государственную политику достаточно сильное. Постоянные места в палате лордов имеют 24 старейших по возрасту епископа. И это делает самый старый в мире парламент особенно влиятельным. Возникает вопрос, почему бы в российской Думе не предусмотреть квоту для авторитетных иерархов, представителей различных конфессий, существующих в России?

В своё время деятели Церкви прямо или косвенно внесли большой вклад в государственное строительство. На протяжении столетий христианство формировало европейскую культуру, а средневековые монастыри были тогда центрами науки и культуры. Представители правящей элиты проходили обучение в монастырях, из числа служащих монастырей рекрутировались государственные чиновники. Ярким, но не единственным, примером государственного деятеля из религиозной среды является кардинал Ришелье. Были и другие деятели Церкви на государственной службе. Их роль в истории менее известна, поскольку у них не было своего Александра Дюма. Процветание, которого достиг Запад, имеет свои корни в протестантской этике труда, а реформация породила парламентаризм, европейскую демократию и права человека. Христианство родило Европу, оно же определило её место в истории.

Участие Церкви в государственном строительстве это, прежде всего, обучение и воспитание народа. Главным учебником, с помощью которого Церковь это делала и делает, являются 10 заповедей. Понадобилось не одно столетие, чтобы люди на Западе поняли и приняли эти заповеди. Далеко не всегда народ принимал их без сопротивления. Было время, когда за нарушение заповедей “не укради” виновнику отрубали руку, а бродяг, которые отказывались работать, – а лень, согласно христианским канонам, это смертный грех, – просто вешали. И было это в Европе не так уж и давно, всего каких-то 400–500 лет тому назад. В течение многих столетий словом и делом, с помощью инквизиции в том числе, Церковь внушала людям понимание необходимости чтить заповеди.

Эта наука давалась нелегко. К примеру, во время Реформации в Германии погибло 80% очевидно не самого законопослушного населения. Не потому ли сейчас самой законопослушной нацией в мире являются немцы? Иногда их законопослушание доходит до смешного, но это не мешает Германии, не имея практически никаких природных ресурсов, работая только головой и руками, быть первой экономикой Европы и третьей экономикой мира.

Правда, в истории Европы были религиозные войны, были и Галилей, и Коперник, и Джордано Бруно, и другие инакомыслящие. Можно их называть революционерами, с которыми Церковь вела борьбу. Результатом деятельности революционеров были революции, которые вели к разрушению государства, и те, кто расшатывал государственные устои, чаще всего первыми и гибли. Но это был их личный выбор, у народа выбора не было. Что стоили революции народам, из истории известно, так что, может быть, Церковь была не совсем не права, когда боролась с инакомыслием?

Надо отметить, что с точки зрения заповеди “не убий” невозможно объяснить две мировые войны и огромное количество войн локальных. Оправдать это можно лишь тем, что на все воля Божья. Но положительного влияния деятелей Церкви на процессы государственного строительства это не отменяет. Примером успешного государственного строительства, где влияние Церкви достаточно сильное, являются скандинавские страны, Швейцария, да и другие страны Западной Европы, которые обеспечивают своим гражданам высокий и стабильный уровень жизни, что не означает, естественно, отсутствия в этих странах недовольных своим положением. Было бы странно, если бы это было не так.

В современном западном обществе уже давно не отрубают руку за воровство и не вешают бродяг, не сжигают грешников на кострах, но безбожниками себя европейцы не считают, и в их генетической памяти хранится понимание об устройстве их общества на базе веры в Бога и 10 Божьих заповедей. Они этим горды, в своей правоте убеждены, кто-то этим заповедям следует и сейчас, и они не хотят признавать равными себе людей, которые могут думать иначе, то есть нас. Каждый народ называет варварством то, что не принято у него самого. А у нас есть много чего, что не принято на Западе. По этой причине Запад считает нас варварами и всякую агрессию против нас считает справедливой по определению. И мы в своей массе действительно другие. Вопрос – почему?

Моё объяснение следующее. Кому-то оно, может быть, покажется спорным, кому-то, может быть, даже обидным. Л. Н. Гумилёв, гениальный человек и великий учёный (это признаётся не всеми, но в своём отечестве, особенно в России, пророка нет), считает, что российский суперэтнос на 500 лет моложе суперэтноса западного. Период жизни этноса, по Гумилёву, составляет 1500 лет. Насколько корректны приводимые цифры, оставим на совести Гумилёва как учёного, но согласимся в главном: наш суперэтнос действительно моложе западного. Об этом говорил не только Гумилёв.

О том, что мы молодая нация, говорили и другие мыслители, в том числе и Пушкин. А дети живут не разумом, а эмоциями. И наш народ – по Гумилёву, подросток – не исключение. Мы часто живём эмоциями, а не умом. Недавно пригласил я к себе в гости одну свою знакомую, которая пришла со своим приятелем-англичанином. Компания была хорошая, выпили, закусили, поговорили, попили – всё, как у нас положено. На следующий день спрашиваю у своей знакомой, понравился ли вечер её англичанину? Вечер очень понравился, был ответ. Но больше всего его поразило то, что их пригласили в гости просто так, без всякой причины и потенциальной выгоды. И выше его сил было понять, почему их пригласили. А я, честно говоря, и сам не знаю, зачем я их пригласил. Просто для компании. Вот такие они – англичане, и такие мы – русские.

И если согласиться с Гумилёвым по поводу возраста нашего этноса, то наша страна должна сейчас находиться в состоянии, в котором находилась Западная Европа во времена эпохи Возрождения. Возрождения, правда, мы у себя пока не видим, а фора в 500 лет является скорее нашим преимуществом, чем недостатком. Состариться мы ещё успеем. По причине молодости нашего этноса Россия богата талантами, богата настолько, что не считает нужным их сберечь и развивать. Массовая утечка наших умов за рубеж является тому подтверждением.

Согласно данным 2017 года, которые приводит профильный вице-премьер России, свыше 1,5 миллиона наших высококлассных специалистов работают на Западе. В 2009 году называли цифру 200 тысяч. Рост более чем в 7 раз за 8 лет впечатляет и требует от власти принятия чрезвычайных мер. Зная, во что обходится подготовка одного специалиста, легко подсчитать, чего стоит бюджету утечка мозгов. Причём, надо заметить, уезжают лучшие, плохих там и своих достаточно. Отбор нашей талантливой молодёжи иностранными компаниями начинается уже со школьной скамьи.

Вот что писал о русских Шалапин, человек, который не из книжек знал жизнь как русского народа, так и жизнь на Западе: “Гляжу на европейцев и завидую им – какая свобода и непринуждённость жеста, какая лёгкость слова! Не всегда и не во всех эта свобода и лёгкость высокого стиля, но всё же чувствую я в них какое-то утверждение европейцем своей личности, своего неотъемлемого достоинства. Есть в этом и наследие большой пластической

культуры Запада. А вот русский человек, душа у него свободнее ветра, в мозгу у него — орлы, в сердце — соловьи поют, а в салоне непременно опрокинет стул, прольёт чай, споткнётся. Дать ему на каком-нибудь банкете слово — смутится, двух слов не свяжет и замолкнет, сконфуженный”.

Повысить нашу самооценку в собственных глазах и в глазах Запада в конце 40-х годов пытался Сталин, начав борьбу с так называемыми космополитами. Как утверждает В. В. Кожин, в одном из своих писем Сталину академик П. Л. Капица писал, что многие наши учёные и инженеры, имея достижения мирового уровня, продолжают считать себя учениками западных специалистов. В качестве доказательства Капица прислал Сталину книгу Гумилевского “Русские инженеры”, интереснейшая, между прочим, книга. В этой книге автор приводит примеры технических решений мирового уровня, полученных русскими инженерами. Попытка вернуть мировой науке и мировым техническим достижениям русские имена тогда была сделана, но Запад оставил эту попытку без внимания. Уверенности в себе, да и умения юридически грамотно защищать свои научные и технические достижения у нас пока не хватает.

Спустя почти 300 лет, после того как нам открыли *окно в Европу*, наш народ продолжает оставаться в роли ученика, несмотря на то, что этот народ дал миру Андрея Рублёва, Льва Толстого, Лобачевского, Чайковского, Королёва и многих других великих людей. Преодолеть комплекс неполноценности перед иностранцами нам пока не удаётся. Может быть, потому, что мы пока ещё молодой и скромный народ и нам не хватает элементарного нахальства, которое, как известно, второе счастье. Будем утешаться пока тем, что наши недостатки — это продолжение наших достоинств. Мы молодой этнос, наш народ талантлив, страна наша богата ресурсами, у нас колоссальный исторический опыт построения и империи, и супердержавы. Вопрос только в том, как эти преимущества реализовать в России сейчас, не повторив ошибок прошлого.

Строительство Российского государства имело свою специфику, но общим с Западом было то, что Православная Церковь всегда принимала в этом активное участие, как это делала и западная церковь. Церковь молилась за царя, воспитывала своих духовных чад в духе преданности престолу и покорности властям и, тем самым, укрепляла государственную власть. Но не менее важным было участие Церкви в культурном и нравственном воспитании народа. Основным учебником были те же самые 10 заповедей, по которым учился и Запад. Насколько успешно Церковь тогда это делала в России, вопрос другой, но она это делала.

Церковь во все времена была верной слугой государства, и то, что церковные иерархи поддерживали не царя, а Временное правительство, которое на тот момент представляло государственную власть, это подтверждает, хотя Временное правительство Церковь не поддерживало. Но поддержав Временное Правительство, иерархи Церкви ошиблись. Власть этого Правительства продлилась недолго, и к власти в России пришли большевики.

Поддержка Церковью царского Правительства закончилась с разрушением Российского государства и концом династии Романовых в 1917 году. В этот критический момент династию Романовых в лице Николая II в России не поддержали ни армия в лице генералитета, ни правящая элита, ни члены дома Романовых, ни интеллигенция, ни церковные иерархи, ни народ, который в основной своей массе встал на сторону противников самодержавия.

Могла ли Церковь поддержать советскую власть, как она поддержала Временное правительство? Для иерархов Церкви сохранение России как государства, а христианская религия предписывает повиноваться властям, было важнее идеологических догм и личных обид на власть. И Церковь, когда увидела в советской власти силу, способную сохранить Российское государство, когда эта власть проявила лояльность по отношению к Церкви, своё отношение к власти изменила. Если бы такой компромисс был возможен раньше, то многих трагедий нашему народу удалось бы избежать.

Вклад советской власти и лично Сталина в сохранение государства российского Церковь оценила. В подтверждение можно привести слова одного из самых уважаемых церковных иерархов, каким был святитель Лука (Войно-Ясенецкий), непосредственная жертва сталинского режима и лауреат Сталинской премии первой степени за учебник по гнойной хирургии. Его слова: “Сталин сохранил Россию. Он показал, что значит Россия для всего остального мира, и поэтому я как православный христианин и русский патриот низко

кланяюсь Сталину”. За то, что Сталин сохранил Россию, многие были готовы простить ему всё или почти всё.

Но мастер компромиссов Ленин и возглавляемая им советская власть объявили Церкви беспощадную войну. Это война продолжалась 20 лет и стоила народу большой крови. В итоге власть эту войну проиграла. Церковь есть, а советской власти нет. Исправлять ошибку Ленина пришлось Сталину. Постановлением Политбюро от 11 ноября 1939 года, которое подписал Сталин, предлагалось: “Указание товарища Ульянова (Ленина) от 21 мая 1919 года “О борьбе с попами и религией” отменить”.

Это было первым шагом власти в лице Сталина навстречу Церкви, и, что важно, он был сделан до войны. Вряд ли Сталин мог сделать это раньше, его авторитета и власти, похоже, было тогда недостаточно. Вторым шагом была встреча Сталина с тремя митрополитами Русской Православной Церкви в Кремле в 1943 году. Что следует отметить, это было уже после победы под Сталинградом и на Курской дуге. В это время власть Сталина была почти абсолютной, и, казалось бы, ни в какой поддержке Церкви он не нуждался. Результатом встречи в Кремле было избрание нового Патриарха, воссоздание духовных школ и амнистия осуждённых священнослужителей.

Планировал ли прагматик Сталин следующие шаги по привлечению Церкви на сторону Советской власти? Учитывая, что был создан Совет по делам религий при Совете министров Союза как постоянный орган для решения церковно-государственных проблем, то скорее да, чем нет. Просто так Сталин не делал ничего. Возможно, мы узнаем это, когда откроются архивы и закончится кампания по дискредитации Сталина, а она когда-нибудь обязательно закончится.

Кампания “учиться коммунизму настоящим образом” прекратилась с падением коммунистического режима. Если целью этой кампании было воспитание народа, способного построить государство со стабильным политическим режимом, высоким уровнем и качеством жизни населения, способное дать народу доступное образование, высококачественное здравоохранение и другие блага, которые существуют в цивилизованных странах, то кампания провалилась. Хотя в советское время определённых успехов в уровне жизни мы достигли, было бы неправильно это отрицать.

Согласно отчёту ООН, по уровню жизни СССР входил в первую десятку стран мира. С тех пор минуло почти 30 лет, и в мировом рейтинге по уровню жизни Россия занимает сейчас 61-ю позицию после Шри-Ланки, но впереди Вьетнама. Из бывших советских республик лучше нас живут Эстония – 36-я, Литва – 43-я, Казахстан – 47-й, Латвия – 48-я, Беларусь – 58-я в мировом рейтинге. Первая тройка успешных стран – Норвегия, Швейцария, Канада. Нам наш рейтинг, естественно, не нравится, как не нравится он и нашей власти. Поэтому информировать об этом народ она не спешит и скромно помалкивает.

Россия – страна с богатейшими природными ресурсами, хорошо образованным народом, с богатыми культурными традициями и большим историческим опытом, и такое позорное место в мировом рейтинге! Чем это можно объяснить? Объяснить это можно только одним: наш народ, и руководители, и исполнители, не работает так, как работают передовые нации. Не умеют или не хотят? Я задаю этот вопрос себе, и мой ответ – скорее не умеют, чем не хотят. Народ с этим не согласится, и будет прав. Он считает, что он работает хорошо, но он не видел и потому не знает, как работают на Западе. Про руководителей я даже не говорю, они вне критики и застрахованы от ошибок. Наш народ, начиная с рабочего у станка и крестьянина в поле и заканчивая Президентом страны, а правильнее сказать, начиная с Президента и заканчивая рабочим и крестьянином, должен учиться работать.

В своём выступлении на Всесоюзной конференции в 1931 году Сталин сказал о нашем отставании от передовых стран на 50–100 лет. Тогда речь шла о технологическом отставании. Машины мы купили, заводы построили, а недостатки качества труда компенсировали количеством. Но мастерство, к сожалению, купить нельзя, ему надо учиться. Надо учиться работать так, как работают в передовых странах. Насколько мы отстали в этом от передовых стран, сказать не берусь. Но это и не важно, вариантов у нас нет. Либо мы учимся работать, “либо нас сомнут”.

И задача эта посложнее той, которую страна решала в период индустриализации, поскольку речь идёт не столько о получении профессиональных

навыков, сколько об изменении отношения нашего человека к труду на ментальном уровне. Попытки советской власти учить народ коммунизму удалась лишь частично, в целом они провалились. Причин могло быть несколько: необучаемый в принципе народ, плохие учителя, неправильная методика обучения. Первая причина исключается. Во-первых, другого народа у нас нет, во-вторых, обучить можно всех, а в-третьих, наш народ действительно талантливый.

Советские методики и учителя из идеологического отдела ЦК КПСС оказались неспособны научить наш народ работать так, как работают на Западе. Отдельные успехи были, были комсомольцы-добровольцы, был Павка Корчагин, и не один. Но, как показало время, это не было системным решением проблемы. Как альтернативу 10 заповедям в деле нравственного воспитания КПСС предложила народу “Моральный кодекс строителя коммунизма”, который в чём-то перекликался с постулатами, изложенными в 10 заповедях, но воспитательный эффект этой кампании был нулевой. Авторитет коммунистической идеологии, имеющей 200-летнюю историю, и авторитет учителей из идеологического отдела ЦК КПСС, которые отвечали за воспитание советского народа, и авторитет Церкви с 2000-летней историей, которая воспитывала народы Запады, оказались не сопоставимы.

Сейчас у нас идеологии нет, что записано в Конституции России. Но народ в интересах государственного строительства воспитывать надо. Кто и как должен это делать? Не надо ничего изобретать, надо обратиться к западному опыту и привлечь к решению задачи нравственного воспитания нашего народа Церковь. Основой должны быть 10 заповедей, которые в той или иной форме близки всем религиям, что важно для нашей многоконфессиональной страны, тем более что предметом изучения должны быть не церковные догмы, а то, как народу правильно жить и сосуществовать.

В настоящее время сближение с Православной Церковью становится государственной политикой, что является заслугой Президента Путина и Патриарха Кирилла, который реально становится сильной политической фигурой. Если бы проводился социологический опрос, на вопрос, кто у нас в стране человек № 2, мой ответ был бы – Патриарх Кирилл, и многие мои знакомые, люди не самые глупые, со мной согласились бы. Что бы ни говорила при этом либеральная и демократическая общественность, это хорошо. Будет сильный Патриарх, будет сильная Церковь, которая будет учить народ жить по заповедям.

Захочет ли наш народ им следовать и способна ли Церковь его этому научить, покажет время. Понятно, что это не будет скоро. Но других воспитателей у нас просто нет. В Европе этот процесс занял не одно столетие. А страну нам надо поднимать сейчас. Светлое будущее – это хорошо, но народ хочет достойно жить уже сегодня, в крайнем случае, завтра. И власть должна такую жизнь народу дать. Пример Запады у нас перед глазами, мы хотели бы жить, как на Западе. Но мы не можем ждать 500 лет. Мы должны найти свой путь.

Система государственного управления в странах Запады давно сложилась и не требует вмешательства, если речь не идёт о событиях чрезвычайных. Запад уже накатал свою колею, он по ней катится, не сворачивая, поэтому наличие у власти сильного лидера там острой необходимостью не является. Многие французы, например, хотели бы иметь в качестве президента личность уровня генерала де Голля, но в результате соглашаются на Макрона.

Мы по сравнению с Западом нация молодая. У нас нет накатанной колеи, по которой страна могла бы спокойно катиться, и нас бросает из стороны в сторону. И управлять нашим не сильно законопослушным народом – это совсем не то, что управлять, к примеру, немцами. Поэтому нашему народу необходим лидер, который твёрдой рукой поведёт за собой народ, лидер, способный предвидеть возможные возмущения и их парировать. То есть лидер России должен быть заведомо сильнее лидера западного государства.

В народе говорят: “Каков поп, таков и приход”. Каким будет лидер, таким будет и народ, как будет работать лидер, так будет работать и народ. Речь не идёт о *закручивании гаек* – это мы уже проходили, и ничем хорошим это не закончилось. Речь идёт о справедливости, о том, что каждый человек должен жить пропорционально его вкладу в совокупный общественный продукт, что *сапоги* должен *тачать сапожник*, а *пирог* *печи пирожник*. Вот тогда, когда будет справедливость и нравственная цель, наш народ будет работать.

Нашим лидером, без всяких сомнений, является Президент Путин. Он много сделал и делает для России и имеет заслуженный авторитет как у нас

в стране, так и у мирового сообщества. По его собственным словам, он работает, как *раб на галерах*. Президенту можно только посочувствовать... Несмотря на его труды, 61-е место России по уровню жизни в мировом рейтинге не может удовлетворять ни Президента, ни нас, его народ. Одной из основных, а может быть, даже самой главной причиной такого позорного результата являются кадры, которые, как известно, могут *решать всё* или не решать ничего.

Приведу конкретный пример. Не вдаваясь особенно в детали, предлагаю рассмотреть одну из важнейших для страны отрасль, которой государство уделяет большое внимание и в которую вкладывает немалые деньги. Эта отрасль – авиастроение. Не потому, что она самая важная, просто мне эта тема была когда-то достаточно хорошо знакома. Ограничимся при этом самолётами для гражданской авиации. Для России с её территорией такие самолёты являются не роскошью, и даже не средством передвижения, правильно сказать, не только средством передвижения.

Мы никогда не стали бы, как это принято сейчас говорить, великой энергетической державой, если бы в СССР не было самолётов АН-2 и вертолётов Миля, и, естественно, лётчиков “Аэрофлота”. И живы ещё граждане России, которые помнят времена, когда самолёты “Аэрофлота” летали практически во все населённые пункты нашей огромной страны. Авиация, самолёты и лётчики – их называли тогда *сталинскими соколами* – пользовались особой любовью Сталина. Он понимал значение авиации для нашей огромной страны. Под его руководством была создана советская школа великих авиаконструкторов и организаторов производства, которые создали нашу авиационную промышленность. Сталин знал лично и этих людей, и проблемы отрасли. Не секрет, что в СССР приоритетным было производство военных самолётов, и здесь мы не только не уступали потенциальному противнику, но кое в чём даже его превосходили.

Гражданское авиастроение развивалось по остаточному принципу. Оно не было самым передовым в мире, по некоторым параметрам наши самолёты уступали западным, но нас и наших партнёров эти самолёты устраивали. Советская авиационная промышленность выпускала их сотнями в год. Конституционное право советских граждан на свободу передвижения эти самолёты тогда гарантированно обеспечивали.

В настоящее время граждане России, проживающие в удалённых районах нашей огромной страны, этого права лишены по причине отсутствия современных самолётов для местных воздушных линий (МВЛ). Поэтому производство таких самолётов в России является задачей не только технической, но и политической, поскольку речь идёт о соблюдении конституционных прав граждан на свободу перемещения, за что ответственность несёт Президент лично. Поэтому и решение этой задачи требует непосредственного контроля со стороны Президента, поскольку без этого у нас не делается ничего.

Объединённая авиационная корпорация (ОАК) существует уже почти 12 лет. Как высшее достижение современной авиационной технической мысли для решения проблемы самолётов для МВЛ руководство ОАК предлагает Правительству, нашим законодателям и Президенту модернизировать разработанные в советское время самолёты АН-2, Л-410 и ИЛ-114. Первый был создан 70, второй – 50, третий – 30 лет тому назад. При этом проект модернизации АН-2 разработали энтузиасты из СИБНИА им. Чаплыгина, а Л-410 нам, если называть вещи своими именами, впаривают российские владельцы завода в Чехии. Да и к модернизации ИЛ-114 ОАК имеет отношение весьма отдалённое. Что сделало за 12 лет руководство ОАК в части создания самолёта для МВЛ, большой вопрос.

Интересно, как бы Сталин оценил такую работу руководителей ОАК и куда бы он их отправил? Думаю, что он назвал бы это диверсией, в результате которой российские граждане были лишены конституционного права на свободу перемещения, а это уже не халатность, а политика. И отправил бы он руководителей ОАК туда, куда “можно самолётом только долететь”, и был бы не совсем не прав.

Как оценит работу руководителей ОАК Президент Путин, нам ещё предстоит увидеть, поскольку проблема создания современных самолётов для МВЛ требует решения, и она должна быть решена профессионально. Особенностью ума крупных государственных деятелей является умение быстро схватывать

суть новой проблемы. Президент Путин, по словам знающих его людей, таким свойством обладает.

И если бы он в самолётостроении разобрался сам, не полагаясь на своих советников, он попросил бы объяснить, почему наш SSJ-100, в который вбухали и продолжают вбухивать сумасшедшие деньги, производится десятками в год, а Бразилия, не самая передовая в техническом плане страна, самолёт такого же класса производит и продаёт по всему миру сотнями? И что делается для того, чтобы новый среднемагистральный самолёт MC-21, который планирует выпускать наша промышленность, не повторил судьбу SSJ-100?

Если бы Президент встретился с лётчиками и инженерами, но не для того, чтобы послушать комплименты в свой адрес, а поговорить по делу, что-то могло бы измениться и в авиапромышленности, и в гражданской авиации. Он узнал бы, какой реальный месячный налёт на списочный самолёт в авиакомпаниях имеет SSJ-100, какая у него стоимость лётного часа, и попросил бы руководителей ОАК сравнить эти данные с аналогичными самолётами иностранного производства, хотя вряд ли они бы ему ответили на эти элементарные вопросы.

Лётчики объяснили бы Президенту, почему наследники “сталинских соколов” идут работать в китайские авиакомпании и почему в авиакомпании главной фигурой является командир воздушного судна, в руках которого жизни пассажиров, а деятельность всех сотрудников авиакомпании, генерального директора в том числе, должна быть направлена на то, чтобы помочь лётчику обеспечить безопасность пассажиров. И почему выбор между безопасностью полётов и финансовым состоянием авиакомпании не на словах, а на деле всегда должен быть в пользу безопасности полётов, а прибыль и бонусы руководства – уж как получится.

На фоне самолётостроительной отрасли наше вертолётостроение выглядит пока вполне прилично. Одной из причин, и, возможно, самой главной, является то, что вертолётной отрасли удалось сохранить школу. Гениальные советские конструкторы вертолётов Н. И. Камов и М. Л. Миль сумели воспитать талантливых преемников в лице С. В. Михеева и М. Н. Тищенко, которые, в свою очередь, воспитали учеников, способных продолжить дело своих наставников. Правда, и в этой отрасли наступают непростые времена, власть там переходит к менеджерам, заточенным на то, чтобы делать деньги. Но об этом чуть ниже.

В самолётостроении такой преемственности не было. Ни А. Н. Туполев, ни С. В. Ильюшин, ни А. С. Яковлев, которые ногой открывали дверь в любой кабинет, преемников, способных продолжить их дело, не воспитали, хотя у каждого из них были мощные КБ, и выбор специалистов у них был. Но мало воспитать специалиста, нужно было воспитать ещё и сильную личность. По разным причинам они в своё время этого не сделали. Проблему подбора руководящих кадров в самолётной отрасли должны были решить руководители ОАК.

Но они этого тоже не сделали, да и не могли сделать. Главные руководители ОАК технического образования не имеют, производством и большими коллективами никогда не руководили, специфики самолётостроительной отрасли не знают, да и политического веса и авторитета не имеют. Из формулы Маркса “товар-деньги-товар” они понимают только одну составляющую – “деньги”.

Но без товара денег не бывает. Непонимание этого – не вина таких руководителей, это их беда. Беда, кстати, как авиационной, так и других отраслей, руководители которых считают, что задачей производства является не производить товары для удовлетворения общественных потребностей, а получение денег. В этом коренное отличие инженера от финансиста. Инженер думает, как товар произвести. Финансист тоже об этом думает, но для финансиста товаром являющийся деньги, тут они правы, такова специфика их профессии. Разобравшись в этих далеко не простых проблемах, Президент понял бы, что надо модернизировать не самолёты, а ОАК, да и в Росавиации тоже можно было бы кое-что поправить.

Конечно же, самолётостроение – лишь одна из многочисленных отраслей нашей экономики. И проблемы этой отрасли, может быть, и не самые важные для страны. Привёл я этот пример с единственной целью: показать, что в авиастроении Президенту пока реально опереться не на кого, до всего надо доходить самому. Впрочем, не только в авиастроении. Многие проблемы

требуют изучения и решения Президента, самолётостроение и гражданская авиация в том числе. Тяжела шапка Мономаха, но учиться надо всё равно. И Президент учится, обновляет команду, формирует кадровый резерв, кого-то карает, и карает сурово, кого-то милует. Это то, что мы видим. Можно и нужно ли этот процесс форсировать, знает только он сам, на то он и Президент.

Учится Президент – это значит, что будет учиться и премьер, будет учиться аппарат, будет учиться народ. Мы снова станем уважаемой и сильной страной, как это было во времена не столь уж и далёкие. Как вспоминал Черчилль, когда примерный ученик Иосиф Сталин входил в зал, все непроизвольно вставали и вытягивали руки по швам. Это было в Ялте в 1944 году, когда Красная армия одерживала свои блистательные победы.

Так что классик был прав, предлагая нам “учиться, учиться ещё раз учиться”. С коммунизмом он, похоже, ошибся, а может быть, ошиблись мы, поняли его неправильно и учились не тому и не так. Но в главном он прав: надо “учиться, учиться и ещё раз учиться”. Тот, кто с Лениным не согласен, пусть прислушается к тому, что говорит народ. А народ говорит: “Век живи – век учись”.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ОТДАЙТЕ РУЛЬ “КУХАРКЕ”

Много чего “прогрессивного” принесли нам годы строительства либерального капитализма: и скукоженную экономику, и дикое расслоение общества, и атомизацию его, и снижение общей культуры, и падение нравов. Но, пожалуй, самое чёрное приобретение – это проявления... социального расизма. Да-да, иначе не назовёшь выпады некоторых “говорящих голов”.

Казалось, давно остались позади издёвки над несчастной “кухаркой” и её детьми как олицетворением “совкового” прошлого... Ан, нет! Включаю как-то передачу Соловьёва по “зомбоящику” и слышу от придворного юриста Барщевского предостережение, что если, мол, на заседающих ныне в Думе “наезжать” за всякий грешок, вроде счёта или дворца за кордоном, то в ней не останется интеллигентов, а на их место снова придут “кухаркины дети”. Оч-чень характерная фраза для нынешнего бомонда, для “интеллектуалов”, чиновников и толстосумов, вдруг возомнивших себя “элитой”, белой костью, таким новым дворянством. Свысока взирают они на трудовое простонародье, на тягловое “быдло”, копошащееся где-то внизу. Что ж, логика известна: вместе с социальным дарвинизмом крепчает и социальный расизм. Однако удивляет другое.

Когда подобные слова цедят сквозь зубы барщевские да пивоваровы вслед за бывшим их кумиром, комиссарским отпрыском Окуджавой, остро жалевшим, что “кухарку приставили как-то к рулю”, это понятно. Но ведь они, слова эти, нет-нет, да и слетают с уст наших патриотов, вроде бы истых народолюбив. А однажды даже некий “промоскальский” украинец, объясняя корни трагических событий, после майдана накрывших его Неньку, заметил с видом мудреца: “А что ж вы хотели, если страной семьдесят лет управляли кухарки...” Во как глубоко проникла людоедская “либеральная” пропаганда! И мне, крестьянскому сыну, отнюдь не лишённому здорового классового чувства, невольно захотелось поразмышлять над этим досадным явлением.

... Слова о кухарке, которая “должна научиться управлять государством”, когда-то сказанные-де Ульяновым-Лениным и приведённые в статье Л. Троцкого, вот уже более двадцати лет в СМИ, да и с трибун не произносятся иначе, как с эдакой ядовитой иронией. Либеральные перестройщики-реформаторы, оседлавшие Россию и ведущие её незнамо куда, даже вдолбили обывателю мысль, что и все наши нынешние беды и провалы есть прямое следствие многолетнего “кухаркиного правления”. И хотя наконец-то пришли к рулю интеллектуалы, но им осчастливить народ мешает проклятое “совковое”, “кухаркинское” прошлое.

Но, дорогие “друзья народа”, во-первых, откуда вы взяли, что каждая кухарка непременно глупа, как курица, и не знает, не ведаёт, что почём, как

говорится? Я понимаю, речь в подобных репликах идёт не только о кухарке, “работнице питания, приставленной к борщам”, а вообще о рабоче-крестьянском люде, о том рядовом человеке труда, которого мы привычно называем “простым”. Но раз уж нажимают цитатчики именно на кухарку, то могу привести в пример многие десятки домохозяйек либо работниц “общепита” — от домооек до шеф-поваров, — с которыми мне, журналисту, довелось встречаться, беседовать и восхищаться их умом и талантом.

Жаль, подзабылись многие имена, но, поверьте, они хранятся в старых блокнотах, в газетах и журналах. Писал я, к примеру, когда-то о заведующей производством сельской столовой Зинаиде Ивановне Паниной из Курагино нашего Красноярского края, награждённой орденом Ленина за неизменно богатое меню, в котором значились не только обычные салаты, щи да котлеты, но и “дары природы”, и таёжная дичь, и малосольные хариусы. Рассказывал о мастерах из рабочих столовых Танзыбейского, Унгутского леспромхозов, которые, кроме обычных блюд, сами готовили печенье, зефир и прочие лакомства, редкие в глубинных селеньях. Был знаком со знаменитым шеф-поваром ресторана “Север” при гостинице Норильском-бината в Красноярске, Михаилом Андреевичем Можаровым, фронтовой ещё закалки мастером-кудесником, на которого местные гурманы шли, как ходят театралы на своих кумиров...

Все они, эти “кухарки”, не только изрядно владели своим мастерством, но и отличались ясным умом, народной смекалкой и были настоящими экономистами. Ведь им, равно как и, допустим, домохозяйке Наталье Борисовой из пригородного посёлка Сибиряк, вместе с мужем, рабочим Крастяжмаша Андреем растившей, кроме своих четверых, ещё одиннадцать (!) чужих ребятишек, взятых из детских приютов, надо было вести бюджет, составлять смету расходов, думать о кознях “рынка” и калькулировать каждый обед. Все знают, что изначально экономика (экономия) — это не что иное, как искусство домоводства, то есть умение рачительно вести хозяйство, хоть своего дома, хоть заводской столовой, хоть района, города или даже всей страны. Иначе говоря, **управлять** ими. Так не предпочтительнее ли поручить это тонкое и важное дело практичной кухарке, нежели “теоретическим” экономистам, выросшим на даровых хлебах вдали от забот трудового народа и прочитавшим некоторое число сомнительных книжек по “домоводству”, притом в основном — в переводах с иностранного? И не кажется ли вам, уважаемые, что нынешние беды-то наши не от кухарок вовсе, а как раз от этих дилетантов-книжников, сидящих в руководстве государством?

Это во-первых. А во-вторых, любезные, вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что умственный, духовно-нравственный мир среднего интеллигента, представителя “элиты”, богаче мира “простого” человека-работяги. Увы, сумма знаний не прибавляет ума и уж тем более — ресурсов души. О чём написано много. Но, может, особенно убедительно доказывал это наш мудрец Лев Толстой в знаменитой работе “Что такое искусство?” Мир человека из “высшего света”, говорил он, чаще всего сводится к заботе о карьере и чинах, о наживе и похоти телесной. Именно вокруг этих тем вращаются все светские беседы. Мир же “простого” крестьянина богаче в тысячу раз. Ибо ему каждый день приходится думать о хлебе насущном, заботиться о детях, ухаживать за животными, работать в поле, пестуя каждый корешок и колосок, общаться с природой... Его чувства и переживания при этих бесчисленных контактах с миром Божьим, мысли о Творце, о жизни, земной и небесной, куда глубже и многообразнее, чем у светского шалопаю. Или, добавим мы, иного нынешнего “интеллектуала”.

Наконец, обратимся к самой фразе, якобы ленинской, о пресловутой кухарке, способной “управлять государством”. Посмотрим, как она, фраза эта, звучала в первоисточнике, и существовала ли она в природе вообще. Поверьте, я не отношусь к безоглядным апологетам Ильича. У меня есть немало претензий и вопросов к этой сложной исторической фигуре. Например, почему, при всей своей прозорливости, вождь русской революции был столь недалёковиден в “подборе кадров”, окружавших его? Ведь антироссийская, антинародная сущность всех этих троцких, каменевых, бухариных совершенно очевидно любому рядовому пролетарию... Особенно — ныне. Но сегодня речь у нас не об этом и не о защите Владимира Ленина, в которой он едва ли нуждается. Речь о конкретной фразе, ему приписываемой и вот уже 20 лет

глумливо повторяемой средствами массовой информации, да и многими гражданами тоже. Речь об истине и ради истины.

А истина, братцы, такова, что Ленин, как к нему ни относишься, этой глупой фразы никогда... не произносил. Да-да. В действительности дело обстояло совершенно иначе. Накануне революции буржуазные политики много кричали о том, что большевики не смогут удержать власть, ибо среди своих сторонников не найдут людей, умеющих управлять государством. К примеру, газета "Новое время" не без сарказма писала:

"Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного Совета в промежутках между стиркой пелёнок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики – о дипломатии, столяры – о почте и телеграфе?... Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история".

В ответ на подобные обвинения осенью 1917 года, незадолго до свершения революции (или переворота, если угодно), Ленин написал статью "Удержат ли большевики государственную власть?" Там были такие слова: "Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту" (ПСС, т. 34. С. 315).

Как видим, Ленин говорил совсем не о том, чтобы немедленно посадить кухарку в Верховный Совет или назначить министром. Более того, он соглашался с оппонентами, что ни она, ни чернорабочий не готовы "сейчас же" к управлению государством. Но он ратовал за то, чтобы к обучению "делу государственного управления" привлекались и простые трудящиеся. И как мы знаем из дальнейшей истории нашей Родины, это не было утопией. У руководства страной, армией перебивало немало бывших рабочих и крестьян – от сына сапожника Сталина, крестьянина Жукова до рабочего Брежнева. Да и у нынешних президентов и министров происхождение зачастую пока не дворянское, а президент, если верить некоторым сообщениям прессы, вообще родился в семье повара, то есть в некотором роде – "кухаркин сын".

Ну, а расхожую фразу о "каждой кухарке", скорее всего, запустил в оборот Маяковский, щедрый на афоризмы. У него в поэме "Владимир Ильич Ленин", написанной в 1924 году, есть строфа с явным отзвуком ленинской работы:

*В очках манжеттики,
злой похаркав,
Полезли туда, где царства
да графства.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
Каждую
выучим
управлять государством.*

Поэма многие годы стояла в школьной программе. Её читала поголовно вся страна. И слова о "каждой кухарке", признаем, довольно броские, стали крылатыми. И даже вошли в широко известную книгу Николая и Марии Ашукиных "Крылатые слова", которую держат на ближайшей полке своей библиотеки многие образованные люди. Вошли в такой редакции: "Каждая кухарка должна научиться управлять государством". Кстати, в ней, в книге Ашукиных, вы найдёте и приведённую ленинскую цитату с некоторыми сокращениями.

Повторяю, у меня вовсе нет желания блеснуть эрудицией, я просто ради истины напоминаю, по сути, общеизвестное. И уж совершенно точно, что всё это знакомо большинству редакторов определённых изданий, когда-то

“закрепивших” школьные знания в цеховской Академии общественных наук, но ныне почему-то с особым сладострастием склоняющих бедную кухарку. За этой упорной подменой и глумлением проглядывает барское презрение к “простому” народу, недоброе желание унижить человека труда, подчеркнуть его “совковую” примитивность и оттолкнуть от участия в управлении государственными делами, которые, заметим, не исчерпываются креслами в парламентах или министерствах.

Каждый нормальный человек понимает, что “обучение кухарки делу государственного управления” — это приобщение её к участию в управлении своим предприятием, селом, городом, районом. Такое участие при настоящем народовластии (оно же демократия) — вполне нормальное явление. И мне, например, выходцу из крестьян, обидно оттирание трудяг-пахарей от влияния на государственные дела. Лично я к власти не стремлюсь, но разве все мы, вступая когда-то в перестройку под лозунгами “Больше социализма!” и “Вся власть Советам!”, не мечтали о том, что сможем, наконец, сами распоряжаться собственностью и делами своего завода, учреждения, края, будем реально влиять на местные и центральные власти? Разве не хотели мы стать хозяевами своей страны и своей судьбы?

Ну, а стали ли, бездумно отдав за бесценок всенародное богатство хищному частнику и изгнав последних “кухарок” из администраций, дум и министерств? Да ведь даже и с заводов, фабрик, из народных столовых. Не зря на самом “верху” с тревогой заговорили о нехватке умелых рабочих, о срочном возрождении системы профтехобразования. Так что не следует нам попугайски повторять либеральную демагогию о глупых “кухарках”. Это не по-божески, не по-человечески. Да и недемократично, по меньшей мере.

г. Красноярск

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

РУССКИЙ РИМ:
ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ
И НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

Воспоминания у фонтана Треви

Вступление

Магнит Рима для “русского сердца”

В мире не так много мест, куда в первую очередь рвётся любой человек, едва задумавшийся посмотреть дальние страны. И Рим в этом ряду занимает несомненный пьедестал, притягивая к себе, как всемогущий магнит, путешественников и любознательных. Мне тоже посчастливилось испытать на себе притяжение Вечного города, когда еще в 1999 году я впервые прикоснулся к его прохладным колоннам, написав эти стихи:

*Рим был и есть, иного не дано,
К нему приводят все дороги.
И мне однажды было суждено
Застыть в поклоне на его пороге.*

*Отсюда правили империей веков,
Раскинувшейся на полмира,
И нет на свете стран и языков,
Где бы не знали царственного Рима.*

Затем последовали мои новые посещения древнего города, погружение в его глубокую историю.

Этот город обладал и обладает восхитительным свойством дарить энергию и действительно окрылять любого, кто попробует проникнуть в его историю, понять его тайны и чудеса, подняться над суетой сиюминутности и увидеть отсюда приметы ушедших времён.

Обратившись после нескольких посещений Рима к теме “Вечный город в русской поэзии”, я поразился, какой заметный след оставил он в творчестве замечательных русских поэтов самых разных эпох: и Золотого, и Серебряного

* В журнале “Наш современник” публикуется отрывок из будущей книги кандидата исторических наук, поэта и издателя Сергея Дмитриева “Русские писатели в Италии”, которая готовится к печати в издательстве “Вече”.

века, и послереволюционного периода. Причём было совсем не важно, удавалось ли этим поэтам посещать Рим, или они переносились в него только на волнах своего воображения. Римское дыхание всё равно ощущалось в их стихотворных опытах. Юный А. С. Пушкин отдал дань такому увлечению ещё в Лицее, когда в стихотворении “Лицинию” нарисовал яркую картину падения Древнего Рима:

*Предвижу грозного величия конец:
Падёт, падёт во прах вселенный венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груди камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублён:
“Свободой Рим возрос, а рабством погублён”.*

Впоследствии римские и итальянские образы ещё не раз волновали воображение Пушкина, которому так и не удалось побывать на берегах Тибра. Не смог увидеть Рим и рано ушедший из жизни поэт Д. В. Веневитинов (1805–1827), который в стихотворении “Италия” объяснился в любви стране на Аппенинском полуострове:

*Италия, отчизна вдохновенья!
Придёт мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я люблю твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой на воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю
И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.*

А поэт Е. А. Баратынский (1800–1845), вырвавшийся в конце жизни в Европу, но скончавшийся в Неаполе, так и не увидев Рима, также оставил свой яркий гимн городу на Тибре:

*Небо Италии, небо Торквата,
Праха поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвётся душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!..*

Примерно такие же восторженные строки о Риме оставил русский поэт И. И. Козлов (1779–1840), которому тоже было не суждено встретиться с этим городом:

*Лети со мной к Италии прелестной,
Эфирный друг, фантазия моя!
Земля любви, гармонии чудесной,
Где радостей весёлая семья
Взлеяна улыбкою небесной,
Италия, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но как ты мной, прекрасная, любима!*

А вот что писал на ту же тему А. Н. Плещеев (1825–1893):

*Люблю стремиться я мечтою
В ту благодатную страну,
Где мирт, поникнув головою,
Лобзает светлую волну,
Где кипарисы величаво
К лазури неба вознеслись,
Где сладкозвучные октавы
Из уст Горкватовых лились...*

Рим, начиная с пушкинской поры, не случайно стал центром притяжения не только российских поэтов и писателей, но и художников, архитекторов, композиторов, музыкантов. Тому было несколько причин. Конечно, главное заключалось в том, что эта культурная столица Европы того времени, собравшая в себе за столетия несметные культурно-исторические богатства, могла дать и давала людям творческих профессий возможность обучения, незаменимый опыт, вдохновение и общение с творческими людьми со всей Европы. И так получилось, что рассвет русского присутствия в Риме пришелся на 20–40-е годы XIX века, когда в Вечном городе блистали русские салоны Зинаиды Волконской, где 180 лет назад, в 1837 году, появился великий Н. В. Гоголь, обретший в городе на Тибре искомый рай!

А местом, которое нагляднее всего напоминает в Риме о той великолепной эпохе, является фонтан Треви, самый восхитительный из ожерелья римских фонтанов, нанизанных на площади и улицы древнего города. Этот фонтан, питавшийся водой из старого акведука, до сих пор по утрам посещают римские старушки с особой посудой, считая воду в фонтане самой вкусной и полезной. А уникальная композиция фонтана, слившегося с резным фасадом Палаццо Поли, и сегодня напоминает величественную театральную декорацию из жизни морских богов, звучащую неповторимой музыкой журчащей воды, которую слушала в своем дворце Зинаида Волконская и которую она до сих пор может слышать в церкви кардинала Мазарини, напротив фонтана, там, где ей суждено было упокоиться навек...

Кроме фонтана Треви, самым впечатляющим местом, напоминающим сегодня о Русском Риме, является для меня старое кладбище Тестаччо, которое умудрилось как будто бы вклиниться между самыми разными эпохами городской истории: от Древнего, помпезного Рима и средневекового, тогда ещё скромного города на Тибре до нового и новейшего времени. Около 1000 россиян упокоилось на этом кладбище на протяжении примерно 200 последних лет, и их списки, благоговейно сохранённые энтузиастами исторических изысканий, поражают своей пестротой и величием. Подробно исследовав это кладбище в ноябре 2017 года, я не мог не написать о своих тогдашних впечатлениях эти печальные поэтические строки:

На кладбище Тестаччо

*На римском кладбище и тихо, и уютно,
Как в парке отдыха с летающей листвой.
Но думается здесь ежеминутно
О судьбах россиян, нашедших здесь покой.*

*Их даже не десятки, а, поверьте, сотни
Тех, кто не смог в утерянных годах
На Родине далёкой сбросить сходни,
Вернувшись на скитаний парусах.*

*И что за имена! Какие судьбы рядом!
Брюллов, Голицына, Романовы, Гурко,
Иванов, Вяземская... Листопадом
Забросило их слишком далеко.*

*И вот они молчат под ветра всхлипы,
Давно забыв приметы суеты,
А над могилками шумят по-русски липы,
И бродят рядом кошки и коты.*

Зинаида Волконская: на пути к Риму

В судьбе этой женщины, которую, без сомнения, можно причислить к числу самых незаурядных и удивительных женщин России XIX века, многое было символично и знаменательно. Начнём с того, что её рождением вдалеке от Родины и последующими годами жизни в европейских столицах определилась “скитальческая” судьба нашей героини, которая из прожитых ею более 70 лет в России провела всего лишь около 10 лет. Отсюда проистекала и необычная “включённость” её в мир европейской культуры, и знание ею 8 языков, в том числе древнегреческого и латыни, и стремление проявить себя в самых разных сферах искусства – от разнообразных музыкальных жанров до литературы и истории. Зинаида Александровна Волконская родилась 3 (14) декабря 1789 года в Дрездене, в семье князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, знатного аристократа, бывшего тогда посланником России при Саксонском дворе, и Варвары Яковлевны Татищевой, которая умерла, когда её дочери было только три года. В 1792 году отец состоял уже в должности российского посла при дворе Сардинского королевства в Турине, и ему выпало взять на себя дальнейшее воспитание не только Зинаиды, но и других дочерей – Марии Магдалины и Натальи.

Александра Михайловича, одного из самых образованных людей своего времени, не зря за красоту и любовь к искусству прозвали “московским Аполлоном”: он писал стихи на нескольких языках, был вхож в самые именитые дома Европы, слыл меценатом, водил дружбу с Моцартом и Вольтером. Именно от отца дочь унаследовала любовь к науке и искусствам, которую князь всячески поощрял. У Зинаиды было красивое контральто высокого профессионального уровня, она замечательно рисовала, сама писала музыку, и её смело можно назвать одной из первых женщин-композиторов России, кроме того, она была поэтессой, увлекалась и прозаическим жанром.

Князь Белосельский-Белозерский умер в 1809 году, когда его семья уже вернулась в Россию. И у Зинаиды начался новый этап жизни: она по настоянию родственников в 1810 году вышла замуж за представителя благородной дворянской семьи, егермейстера (флигель-адъютанта) императора Александра I, князя Никиту Григорьевича Волконского, который был старше неё на 11 лет, и вскоре родила сына Александра, хотя её отношения с мужем и не отличались любовной привязанностью. По долгу службы муж Зинаиды должен был сопровождать императора во время его заграничных походов после событий 1812 года, и за ним в Дрезден, Вену, Париж и Лондон последовали и жена с сыном. И именно в это время начинается роман Зинаиды и Александра I, доказательством которого выступает их сохранившаяся переписка. Многие в этих отношениях, которые не могли не повлиять сильнее всего образом на Волконскую, до сих пор остаётся неизвестным. Любопытно, что император знал Зинаиду ещё до её замужества, ведь в 1808 году она была фрейлиной при прусской королеве Луизе. Александр I обратил тогда внимание на обаятельную девушку, обладавшую музыкальным и литературным талантами.

“Только Вы умеете делать приятными всех, с кем Вы общаетесь, поскольку Вы сами одарены той любезностью, которая заставляет всех чувствовать себя рядом с Вами легко и непринужденно. Поэтому часы, проведенные рядом с Вами, доставляют истинную радость”, – признавался в 1813 году Александр I в письме к Зинаиде Волконской. “...Горю нетерпением, княгиня, пасть к стопам Вашим; вчера я уже жаждал этого счастья”, – и это писал молодой 24-летней красавице не кто-нибудь, а император всероссийский, который, кстати, не очень-то хотел, чтобы она занималась искусствами. Он писал ей позднее: “Искренняя моя привязанность к Вам, такая долголетняя, заставила меня сожалеть о времени, которое Вы теряете на занятия, по моему мнению, так мало достойные Вашего участия”.

Конечно, близость к императору только усиливала популярность и известность молодой певицы, которая начала выступать тогда на сценах частных

и государственных театров Европы, в том числе в Париже, Риме и Вероне, блистала на Венском и Веронском международных конгрессах. Благодаря княгине на сцене частного парижского театра была впервые поставлена опера Джоаккимо Россини “Итальянка в Алжире”, положившая начало его популярности как композитора. После этого Волконская содействовала тому, чтобы оперы Россини блистали на парижских сценах. Сам Россини не пропускал выступлений Волконской в салонах Европы, он сочинил для неё несколько романсов и издал их с посвящением “Мадам Волконской”, а русские темы, прозвучавшие в опере “Севильский цирюльник”, были напеты самой Зинаидой.

Увлекаясь музыкой, Волконская не забывала при этом о своих семейных обязанностях и благотворительности, которой она была привержена долгие годы. Примером этого стало усыновление Волконской в Лондоне мальчика-сироты, буквально подобранного на “тротуаре”, названного Владимиром Павей (от слова “pavement” – тротуар) и ставшего частью семьи княгини.

После окончания войны и возвращения императора в Петербург, где его ждали жена и фаворитка Мария Нарышкина, отношения Александра I с Волконской сошли на нет, хотя переписка между ними сохранялась долгое время, вплоть до смерти императора, которая потрясла княгиню, написавшую кантату памяти Александра, сочинившую на неё музыку и написавшую особую “Записку” о смерти императора. . .

В 1817 году княгиня с сыновьями возвращается из европейских странствий в Россию, чтобы дать им подобающее образование, прибегая при этом к услугам знаменитого пансиона иезуитов. Она пользуется шумным светским успехом, но её тянет в ставшую почти родной Италию, и осенью 1819 года она уезжает на несколько месяцев в Варшаву, а весной 1820-го прибывает в Рим, где остаётся до 1822 года. Вращаясь в высших кругах, она начинает собирать вокруг себя своеобразный “русский кружок”, приглашая к себе приезжих из России писателей, музыкантов и особенно художников и скульпторов, которых в тот период в силу реализации особой программы обучения за границей российских мастеров кисти было в Риме действительно немало. Достаточно назвать имена художников О. А. Кипренского, К. П. Брюллова, Ф. А. Бруни, С. Ф. Щедрина, В. К. Сазонова, скульптора С. И. Гальберга, архитектора К. А. Тона.

С. И. Гальберг, направленный в Италию Академией художеств и потому считавшийся, как и другие художники и скульпторы, “пенсионером”, в письме из Рима от 19 декабря 1820 года рассказывал, что княгиня – “женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина-автор, музыкант, актёр, женщина с глазами очаровательными, наконец, та самая, которая известна в Петербурге под именем Зинаиды Волконской; она здесь живёт около 8 месяцев. Она привезла с собою сюда живописца Ф. А. Бруни, который и живёт у неё в доме”. А 30 мая 1821 года он сообщал уже подробности вечеров у Волконской: “Когда мы, русские пенсионеры, стали с нею познакомиться, она начала приглашать нас на свои музыкальные вечера, что здесь, в Риме, называется приглашать в Академию. Мало-помалу эти музыкальные вечера превратились в оперу, и мало-помалу мы из зрителей превратились в актёров”.

Известно, что Волконская в тот период не только сама написала либретто и музыку к драме “Жанна д’Арк” по “Орлеанской девице” Шиллера, но и явилась на сцене своего домашнего театра в роли французской героини. Сразу же после этой постановки Волконская поставила также в своём театре оперу Россини “Танкред” по трагедии Вольтера. И её известный портрет в образе Танкреда написал тогда приехавший с ней из России художник Ф. А. Бруни.

Театральные постановки и встречи в доме Волконской посещали и многие итальянские деятели искусств, такие вечера фактически предвосхитили знаменитые Русские салоны Зинаиды Волконской, которые на постоянной основе начали проводиться с конца 1820-х годов. До сих пор точно не установлено, в каком месте Рима Волконская собирала своих друзей в 1820–1822 годах, но это точно происходило не в палаццо Поли – дворец, который до 1830 годов находился в аварийном состоянии и который Волконская занимала на постоянной основе лишь с осени 1834-го по 1845 год. Заслуги княгини в сфере поощрения искусств были оценены тогда в Риме её приёмом в члены знаменитой Академии Аркадии, куда входил ранее и её отец. Причём Зинаида была принята в Академию под псевдонимом Каритеи Чидонии.

В 1822 году Зинаида Волконская возвращается в Петербург, чтобы заниматься дальнейшим образованием сыновей, а осенью 1824 года переезжает

в Москву, вступив в период, когда по всей стране гремела слава её салона на Тверской улице, — в дом, который впоследствии станет известен как “Елисейский магазин”. “Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской”, — вспоминал А. Н. Муравьёв. А вот как современница описывала апартаменты княгини: “Её столовая зелёно-горчичного цвета с акварельными пейзажами и кавказским диваном, подобным таганрогскому. Её салон — цвета мальвы с картинами в золотых рамах, мебель обита густо-зелёным бархатом... Её кабинет увешан готическими картинами, с маленькими бюстками наших царей на консолях... Пол её салона покрашен в белые и чёрные цвета, что превосходно имитирует мозаику. Я не могу передать, насколько всё это красиво и в хорошем вкусе”.

Именно в эти годы стараниями Волконской в России складывался особый тип светского салона, в котором гости, как правило, не играли в карты и не танцевали, а посвящали всё время общению и искусствам, прежде всего, музыке и литературе, превращая такие встречи в эстетические вечера с музицированием, литературными чтениями, домашними спектаклями, дискуссиями и ознакомлением с новинками художественной жизни. К Волконской стремились попасть не только аристократы и знать, а все, кто причислял себя к людям творческих профессий: писатели, учёные, историки, композиторы, художники, скульпторы, архитекторы. Притяжение салонов усиливалось тем, что их хозяйка была в дружбе с А. Пушкиным, П. Вяземским, Е. Баратынским, А. Дельвигом, Д. Веневитиновым, П. Чаадаевым, Д. Давыдовым, В. Одоевским, М. Загоскиным, М. Погодиным, А. Хомяковым, братьями Киреевскими и многими другими выдающимися людьми своего времени. На вечерах у княгини появлялись и выступали А. Мицкевич, польская пианистка М. Шимановская, итальянские музыканты Паини и Перуккини. Одно из самых ярких высказываний о салоне Волконской оставил Вяземский, писавший о “волшебном замке музыкальной феи”, где “мысли, чувства, разговор, движения — всё было пение”. “В доме Волконской, — по его свидетельству, — соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Всё в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли... Помнится и слышится ещё, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его, положенную на музыку Геништоу:

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шумы, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства...” Эта памятная встреча, описанная Вяземским, состоялась осенью 1826 года. А в начале ноября Пушкин уехал в Михайловское, и накануне отъезда, 29 октября, Волконская послала ему свой портрет и написала тёплое письмо, в котором высоко оценила талант Пушкина как русского гения: “Возвращайтесь к нам. В московском воздухе легче дышится. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, а творец “Бориса Годунова” принадлежит городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человека, чей гений есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь нам то дикарем, то европейцем, то Шекспиром или Байроном, то Ариостом или Анакреоном, но всегда Русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, любовных, простых, порою суровых, романтических или извительных к величественному и простодушному тону строгой истории”.

Именно в доме Волконской в конце декабря 1826 года состоялась встреча Пушкина с уезжавшей в Сибирь к декабристу Сергею Волконскому — брату мужа Зинаиды — Марией Николаевной Волконской-Раевской. Зинаида окружила тогда Марию особой заботой, помогая и другим женам декабристов, в том числе Екатерине Трубецкой, что не могло не усилить в глазах властей её неблагонадёжность. М. Н. Волконская вспоминала о заботе Зинаиды: “Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве... Прекрасное итальянское пение привело меня

в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня ещё прекраснее. . .”

Пушкин был очарован Зинаидой Волконской, ценя её приверженность высоким музам. В мае 1827 года он послал ей свою поэму “Цыганы” и посвящённое ей стихотворение:

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьётся, и пылает гений.
Певца, пленённого тобой,
Не отвергай смиренной дани...*

“Царица муз и красоты” на всю жизнь сохранила трепетное отношение к Пушкину, которого ей не суждено было больше увидеть после отъезда в Италию в конце февраля 1829 года. И не случайно, пожалуй, первый в мире памятник Пушкину был установлен именно Зинаидой Волконской на Аллее памяти её римской виллы.

Возвращаясь к московским салонам, следует отметить, что Волконская была великолепным режиссёром этих встреч, выступая на них певицей, музыкантом, поэтессой и даже прозаиком, читая отрывки из своих исторических произведений. Напомним, что после возвращения в Россию в 1822 году княгиня принялась за самое интенсивное изучение русской литературы и родного языка, который до того мало знала, страстно увлеклась российской историей: её интересовали песни, обычаи, народные легенды, она стала первой женщиной среди членов Общества любителей древностей российских при Московском университете, а её историческое сочинение “Славянская картина V века” выдержало три издания в Париже, Москве и Варшаве. Кроме этого, Волконская была автором исторической поэмы “Ольга” (она гордилась своим происхождением от Рюрика, то есть от княгини Ольги), сочиняла и печатала в журналах и альманахах стихи на русском, французском и итальянском языках, а на французском языке ею были написаны и опубликованы 4 повести.

Волконская очень ценила импровизации, и серьёзная музыка и литература не случайно соседствовали на её салонах с шарадами, шутками и эпиграммами. Самое удивительное, что в Волконской сочетались ясное понимание и даже чутьё на всё талантливое в русской литературе, музыке и культуре, стремление помогать носителям этих талантов всеми возможными способами и в то же время готовность удалиться от России далеко-далеко, в ставшую, по сути, её второй родиной Италию. Кстати, именно итальянские певцы и композиторы постоянно блистали на московских салонах Волконской, связывая две страны в одну художественную цепь.

Однако неправильно было бы думать, что всё на московских салонах Волконской было идиллическим и бесконфликтным, иногда там не могло не проявляться и лицемерие, и притворство, и чрезмерное увлечение театральностью, и выпячивание кого-то в противовес другим. Пушкин, человек открытый и резкий, иногда просто уставал от театральных постановок с участием Волконской и отвергал настойчивость в уговорах обязательно что-то прочитать для публики.

Однажды, когда Пушкина долго упрашивали выступить, он в досаде и с вызовом прочёл своё спорное стихотворение “Чернь”, сказав: “В другой раз не станут просить”. “Я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды (дай ей Бог ни дна, ни покрышки, то есть ни Италии, ни графа Риччи!)”, – написал Пушкин в январе 1829 года в письме к П. А. Вяземскому, высказавшись нелицеприятно об итальянском графе и певце, красавце Миниато Риччи (1789–1877), новом кавалере Волконской, из-за которой тот развёлся со своей женой Екатериной Петровной Луниной, представительницей богатого дворянского рода, тоже имевшей прекрасные музыкальные способности

и обучавшейся в Филармонической академии в Болонье. Дело в том, что поведение жгучего брюнета с чарующим голосом, уроженца Флоренции, родо-витаго, но не очень богатого Риччи, оставившего Лунину, многими в Москве было воспринято с осуждением, в их числе, как видим, был и Пушкин. При этом любопытно, что Риччи сам был поэтом, знал русский язык, он первым начал переводить произведения Пушкина, а также Жуковского, Державина и Веневитинова на итальянский язык и даже готовился издать в Италии Антологию русской поэзии.

Увлечение Волконской итальянским певцом стало её настоящей любовью, которую она пронесла потом через всю жизнь. И этот союз, который для многих в Москве, а потом и в Риме не был секретом, оказался счастливым, несмотря на то, что Волконская так и не развелась со своим мужем вплоть до его смерти в 1844 году (этого не хотел, в первую очередь, сам муж княгини, слишком сильно любивший свою супругу). А Риччи и Волконскую ждало потом ещё много испытаний, в частности, в 1850 году граф, постепенно терявший зрение, окончательно ослеп, но княгиня старалась быть рядом с ним, всё более прибегая к благотворительности. Несмотря на слепоту, Риччи надолго пережил Волконскую и делал всё для сохранения памяти о ней.

Вероятно, одной из главных причин отъезда Волконской в Италию в 1829 году и явилась любовь к Риччи и желание её замать скандал, а также интерес княгини к католицизму, который поначалу не афишировался, но потом, в Италии, в 1833 году привёл к перемене Волконской веры и её переходу в католичество. Этот факт не должен казаться каким-либо вопиющим, ведь Зинаида выросла в Италии, была поглощена европейской культурой, постоянно общалась с иезуитами и, как мы покажем ниже, увязывала этот шаг с помощью обездоленным и нуждающимся.

Кроме того, на отъезд княгини из России повлияло изменение после декабрьского восстания и воцарения Николая I общественной атмосферы в стране. Поддержка Волконской жён декабристов привела к тому, что над ней был установлен тайный надзор полиции. Как говорилось в одном из жандармских докладов, “между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство – княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг”.

Сопровождали Волконскую в годы пребывания в Москве и различные светские толки и пересуды, связанные с тем, что в неё постоянно кто-то влюблялся, а княгиня имела свойство “играть” со своими воздыхателями. Известно, что в неё были влюблены итальянский художник и скульптор М. Барбиери, расписывавший интерьеры её дома, поэт К. Батюшков, посвящавший ей стихи, художник Ф. Бруни, создавший несколько её портретов, а также знаменитый А. Мицкевич, который влюблённостью в Волконскую разрушил свою помолвку с Каролиной Яниш. Славу “роковой женщины” подкрепляли слухи, что княгиня приносит несчастье всем, кто в неё влюбляется. Особенно потрясла многих история с поэтом Дмитрием Веневитиновым, который был моложе княгини на 15 лет, страстно в неё влюбился, в течение трёх лет сгорал от этой любви и посвятил своей Музе несколько стихотворений. Волконская не отвечала ему взаимностью, но и не прогоняла прочь, даря свою дружбу. Она преподнесла ему перстень, найденный при раскопках Помпеи и Геркуланума, а поэт заявил, что наденет его перед свадьбой или смертью, и оказался прав, скончавшись вскоре от простуды и унеся заветный перстень в могилу. Волконскую потом долго терзали укоры совести, она даже сблизилась на почве общего горя с матерью поэта! И как напоминание об этой истории остались стихи Веневитинова, обращённые к княгине:

*Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?*

Хочется особо подчеркнуть, что сила душевного и художественного “магнита”, которым обладала Волконская, многие годы притягивала к ней самые яркие таланты русской культуры. И не случайным представляется, что ей принадлежат, пожалуй, два несомненных рекорда пушкинского времени: никто

не может сравниться с ней ни по количеству её портретов – более 20, – сделанных различными мастерами кисти, ни по количеству посвящённых ей стихов, которые были написаны также не менее чем 20 российскими и иностранными поэтами. В этом очаровании княгиней немаловажную роль играла и её необычная красота: золотые волосы и глаза “цвета цейлонского сапфира” – именно такое сочетание поразило поэта И. И. Козлова, который писал в 1826 году, незадолго до того, как ослеп:

*Волшебным голосом плененный,
Я только помню, что видал
Певицы образ незабвенный.
О! Помню я, каким огнём
Сияли очи голубые,
Как на челе её младом
Вилися кудри золотые.
И помню звук её речей,
Как помнят чувство дорогое;
Он слышится в душе моей,
В нём было что-то неземное.*

На эти признания сама Волконская ответила Козлову стихами под названием “Другу-страдальцу”, а поэт долгие годы после утраты зрения продолжал воспевать княгиню, потеряв возможность ходить из-за паралича и храня её драгоценный подарок – чашечку, сделанную из лавы Везувия. Не миновали чары княгини и великого поэта Николая Некрасова, который в своём произведении “Русские женщины” также указал на её увлечённость искусством, назвав её “царицей московского света”, Северной Коринной, которая “цвет южного неба в очах принесла”:

*...Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюблённый в неё безнадежно...*

Отъезд Зинаиды Волконской в Италию в 1829 году вызвал у многих друзей княгини печальные чувства. Лучше всех их выразил Е. А. Баратынский в послании “К З. А. Волконской”, в котором он писал, что из России:

*Где жизнь — какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон
Одушевлённый, сладострастный,
Где в кущах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы...
Где жизнь игрива и легка...
Там лучше ей, чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжимает сердце поневоле?..
И неутешно мы рыдаем.
Так, сердца нашего кумир,
Её печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.*

А вот молодой Степан Шевырѐв в том же 1829 году, когда Волконская решила покинуть Москву, написал, в отличие от Баратынского, совсем не печальное стихотворение: “К Риму древнему взывает // Златоглавая Москва // И любовью окрыляет // Хладом сжатые слова”. Дело в том, что княгиня взяла Шевырѐва с собой в Италию в качестве воспитателя её сыновей, и он долгое время жил рядом с Зинаидой, посвятив ей потом ещё одно яркое стихотворение с характерным названием “Русский соловей в Риме”:

*...Тибр и шумная дубрава
Сочетали дружный глас:
“Соловей, России слава!
Пой нам песни, радуй нас”...*

Антологию стихов, посвящённых княгине, можно было бы ещё долго продолжать. Приведѐм лишь стихотворение “Зинаида Волконская”, написанное в 1919 году, то есть почти через сто лет после описываемых событий, забытым уже поэтом Серебряного века Леонидом Гроссманом:

*Она вошла в московские салоны,
Чтоб в городе шатровых куполов
Пропеть под мерный гул колоколов
Палящие Петрарковы канцоны.*

*И полюбила тѐмные иконы,
Кириллицу, славянский Часослов,
Чтоб вспоминать о них среди балов
В толпе конгрессов Вены и Вероны.*

*Но снова Древний Рим пред ней возник,
И позабыла в дыме базилик
О бедных храмах с нищими в приделах,*

*Когда горящий пурпуром прелат
Пред нею пел в торжественных капеллах
Терцины католических кантат.*

Палаццо Поли, римская вилла и русские салоны Зинаиды Волконской

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что “у каждого свой Рим!” И я не единожды убеждался в правоте этого вывода, когда в разные годы и сезоны встречался с городом на Тибре. Первым делом я, конечно, не мог не сравнивать Рим и Москву, находя в этих городах много похожего и общего, прежде всего, их историческую глубину и культурный масштаб.

В Риме любого приезжего поражает сочетание и переплетение как будто бы трёх различных городов: древнего, античного, застывшего в развалинах и стенах Колизея, неживого и величественного в своём молчании; Рима эпохи Возрождения и расцвета барокко, витиеватого и резного по своей сути, броского и журчащего многочисленными фонтанами; а также современного города, который каким-то образом умудрился вжиться в первые два образа, переплестись с ними, внеся в них живую струю не затихающей вокруг жизни с толчѐй, суматохой и бесконечными наплывами туристов. И не мудрено, что лично мне с первых дней знакомства с Вечным городом ближе, понятнее и привлекательнее был и остаѐтся Рим в маске барокко, которую лучше всех олицетворяет своими творениями неповторимый Бернини. Отсюда вывод: Рим Бернини – это неповторимая песня улиц, площадей, дворцов, храмов, домов, фонтанов и парков, бегущих сквозь века римской истории к дням нынешним. И только стихи могут выразить такое восприятие Вечного города, которое всегда сопровождает меня во время прогулок по его просторам:

*Полѐт, масштаб, помпезный дух
Вдохнул умело в Рим Бернини*

*И завершил узором линий
Барокко несравненный круг.*

*Сравниться может он вполне
И с Микеланджело великим.
Рим не был бы столь разноликим
С Возрождением наедине.*

*Бернини внёс на полотно
Живые, трепетные краски,
Надев на Рим иные маски,
Как было Риму суждено.*

*Собор Петра, фонтанов ряд,
Мосты, скульптуры и поныне
В честь искромётного Бернини
Проводят праздничный парад.*

А площадь у фонтана Треви и палаццо Поли, которая является одним из самых посещаемых мест в мире, можно назвать квинтэссенцией римского великолепия эпохи барокко. И очень важно, что архитектор Николо Сальви создал этот фонтан именно по чертежам Бернини, а скульптуры для него создавали именитые скульпторы Пьетро Браччи и Филиппо Вале. Их общими усилиями была явлена миру жемчужина итальянского искусства в виде необыкновенной композиции скалистого острова, врезанного в палаццо Поли.

И как важно, что именно с этим местом связаны самые яркие приметы Русского Рима. Именно здесь блистали салоны Зинаиды Волконской, которая в феврале 1829 года рассталась с Москвой и направилась в Рим вместе с сыновьями и поэтом-филологом С. П. Шевырёвым, готовившим их к поступлению в университет. По дороге в Италию путники совершили вояж по Европе, специально заехав в Веймар, чтобы встретиться с Гёте. Княгиня во время этого вояжа вела дневник, который под названием «Отрывки из путевых воспоминаний» был опубликован вскоре в альманахе «Северные цветы» на 1830 год (СПб, 1829). Приведём лишь несколько цитат из этих воспоминаний, убедившись и в достоинствах яркого слога княгини, и в глубине её размышлений, и в её любви к Италии.

«Между Пёснеком и Шлейцом. 13-го мая. Как трудно ехать по каменистой неровной дороге! А тяжелее тому, который непрестанно смотрит на трудный путь свой, считает все камни, которые могут ранить его ногу. Взгляни он на синие горы вдаль, на гордые скалы, на извивающуюся крутую дорогу, по которой он спустился, и тогда запыхавшаяся его грудь вздохнёт от чувства и восторга: так поэт, смотря на прошедшие скорби души, на гонения, на клевету, на невозвратные утраты, находит в них краски поэзии и красоты, и в мучительном водовороте страдания пьёт вдохновение и славу...

Путешествие – какой изобильный источник для мыслящего! Там называют горами, что далее пригорки; что здесь дремучий лес – там редкая роща; то, что там пропасть, здесь долина; что для того восток, для другого север; для меня отечество, для тебя чужбина; но могут ли быть края совсем чужие для истинного филантропа? Отечество! Священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздаётся наш родной язык. Отечество! Ты наш родитель, а братья и друзья – всюду, где жизнь пылает и сердце бьётся. Славянин! Гордись родиной, дари её жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца, любящие бессмертную истину Создателя и красоту Его создания.

22 мая. Чем едешь далее, тем более природа теряет свою жестокость; реки текут в Италии свободнее, легче; наречие германское сливается с австрийским; растения горные срастаются с благоуханными растениями южными, цвет взоров превращается из небесного в чёрный, как уголь; и смуглость лиц, и богатство природы заменяют одно и то же – присутствие жаркого деятельного солнца. Сельские церкви, распятия на полях, образы Святых и Богоматери становятся изящнее, пестрота и нелепость произведений грубых изменяются в простые и приятные формы, и всё предвещает родину прекрасных

линий. Как непостоянно воображение человека! Огромные горы, которыми я долго восхищалась, мне теперь кажутся тюрьмой, и я скажу с нашим Пушкиным:

Мне душно здесь, я в лес хочу! —

но в лес лавровый... Вот скалы становятся ещё выше; камни, как черепа исполинские, остановились на покате крупных гор, глядят и скрежещут на смелого прохожего. “Тут горные духи их набросали”, — сказал нам тамошний житель и, сказавши, прошёл мимо их спокойно...

В тот же день вечером. Река течёт в долине, это Brenta... но я её ещё не узнала. Берега её пусты, народ скучен. Альпы над ней; но вот она: вот весёлые, белые селения; вот сады, из которых валяются, как из рога изобилия, сочные плоды и текут ручьями нежный шёлк и сладкие вина; вот густые гирлянды из виноградных листьев, оне своенравно сплетаются то с диким, то с плодовитым деревом. Кипарисы, как исполинские чернецы, подьются над плакучими ивами. Вокруг меня грация природы и звучный язык... Я в Италии! Повторяю с поэтом: “Италия, Италия, о ты, приявшая от жребия несчастный дар красоты с роковым венком бесконечных бедствий, которые, печальная, являешь на челе своём”!

Для чего же ты так прелестна, для чего не так же сильна? Тогда более страха и менее любви внушала бы ты тем, которые будто томятся пред красотой твоего взора, а вызывают тебя на смертный бой.

После Виченцы и Падуи. Природа и возделывание — всё в Италии согласно и прелестно для взора. Гирлянды тройные, многосложные, по обеим сторонам дороги висят на деревьях и составляют густые лиственные сени. Они обнимают нивы и межут соседние поля. Конечно, Шекспир здесь бы соединил хоровод своих духов игривых вокруг прихотливой волшебницы лугов, и прихоти её здесь бы умолкли...

Венеция, некогда гордая невеста Океана! Сколько раз взоры мои обнимали твои лагуны, острова и гармонические здания! Как часто я летала по твоим каналам и мечтала видеть в чёрных продолговатых гондолах то сны прошедшей твоей славы, то образ скоротечных часов живых ночей италийских! Волны морские могут залить тебя, твои дворцы, твои храмы, смыть радужные краски Тициана, но имя твоё, Венеция, звучит на золотой лире Байрона. Стихи великого Поэта есть неприступный, неразрушимый пантеон.

Флоренция. Первое желание души любящей — излить в дружескую душу все впечатления приятные и все чувства очаровательные, кои я пью с воздухом Италии. Хотела бы излить их в письме к другу, но друг мой в печали: так могу ли напомнить ей о блаженстве земли?..

Тоскана, Пиза. 12-го июля. Вся Тоскана есть улыбка, всё там отвечает взору нашему: мы довольны, мы счастливы. Берега Арно угощают жителей золотыми колосьями, чёрным виноградом и тучными оливами. Так на Горацевых пирах столы гнулись под богатыми дарами садов и душистые цветы венчали чаши пеннистого фалерна”.

Перед нами талантливая путевая проза женщины-путешественницы, стремящейся увидеть красоты дальних стран и в то же время думающей о своём Отечестве и славянских корнях: “Отечество! Священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздаётся наш родной язык”. Княгиня сформулировала даже в своих записках завет истинного патриота, который открыт миру: “Гордись родиной, дари её жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца”. Самое удивительное, что это написала женщина, которая вскоре после этих строк поселится в Риме почти на 33 года и лишь дважды за этот период (в 1836-м и 1840 годах) посетит Россию на краткое время. Выходит, что скитальческая судьба, предначертанная девочке, родившейся и долго жившей в Европе, разыграла особую пьесу с княгиней, которая любила Россию, ценила и знала её историю и всячески помогала гениям и талантам русской культуры. Видимо, высшим силам было угодно, чтобы она уехала в Вечный город и именно там создала “русский уголок”, в котором могли бы находить пристанище, творить и общаться с мастерами европейской культуры деятели искусств из России. Ведь не случайно же ещё в 1828 году Волконская писала об Италии князю Вяземскому: “Эта страна, где я прожила четыре года, стала моей второй родиной: здесь у меня есть

настоящие друзья, встретившие меня с радостью, которой мне никогда не оценить в достаточной мере. . . Всё мне любезно в Риме — искусства, памятники, воздух, воспоминания”.

Мы можем смело утверждать, что свои “русские встречи” Зинаида Волконская начала проводить уже в конце 1829 года, постепенно увеличивая круг тех, кто посещал её салоны, которые, без сомнения, получили наибольший взлёт, когда они проходили в палаццо Поли. Примером ранних салонов княгини стало пребывание в Риме, начиная с 18 ноября 1829 года, по приглашению княгини Адама Мицкевича и его друга А. Э. Одынца. В это время княгиня жила на парадном этаже дворца Ферруци на Монте Брианцо, 20, на берегу Тибра с видом на замок Святого Ангела (этот дворец не сохранился), и ради приехавших гостей в её доме происходил целый ряд встреч, в которых принимали участие двое её сыновей, её сестра Мария Магдалина Власова, Степан Шевырёв, Миниато Риччи, Карл Брюллов, Фёдор Бруни, Александр Тургенев, итальянские музыканты, художники, священники, кардиналы и т. д. Княгиня показывала гостям красоты Рима и его предместий, устроив им посещение бала у посла России в Ватикане князя Г. И. Гагарина в его дворце, который тоже был своеобразным “русским островком” Рима.

Важнейшее значение в дальнейшей судьбе русских салонов Волконской имело её решение в 1830 году построить виллу, адрес которой сохранился в современной топонимике Рима: Piazza di Villa Wolkonsky. Княгиня купила участок земли на Эсквилинском холме, в пригороде Рима, неподалёку от Латеранской базилики Иоанна Крестителя (San Giovanni in Laterano) и церкви Санта-Скала (“Святая лестница”). Там в то время ещё находились сельские угодья, а рядом сохранился древний акведук, сооружённый императором Клавдием в 52 году н. э. По распоряжению княгини акведук был отреставрирован, став украшением виллы и её прекрасного романтического парка с множеством роз, цветов, кустарников и деревьев, а также аллеями, дорожками, гротами и прудами. Парк украшали многочисленные статуи, античные вазы и амфоры. А само здание было построено по проекту итальянского архитектора Джованни Аззури, в нём хозяйкой было собрано внушительное собрание рукописей, картин и редких книг.

Построив виллу, Волконская в зависимости от сезонов, состава участников и поводов для встреч собирала свои салоны то в римских апартаментах, то на вилле. И как это уже было ранее в Риме, в 1820–1822 годах, а потом в Москве в 1824–1829 годах, её “русский кружок” стал притягивать к себе многих представителей итальянского искусства, живших или приезжавших в Вечный город на краткое время иностранных художников, музыкантов, писателей и архитекторов, в первую очередь российских. Перечислим здесь неполный список мастеров русской культуры, которые в разное время и с разной интенсивностью посещали салоны Волконской: Николай Гоголь и Василий Жуковский, Александр Тургенев и Пётр Вяземский, Степан Шевырёв и Михаил Погодин, Николай Языков и Иван Киреевский, Михаил Глинка и Василий Стасов, Карл и Александр Брюлловы, Александр Иванов и Самуил Гальберг, Фёдор Бруни и Сильвестр Щедрин, Орест Кипренский и Василий Сазонов, Петр Басин и Федор Матвеев, Фёдор Иордан и Пётр Орлов, Фёдор Буслаев и Константин Тон.

А вот имена зарубежных гостей салонов, которые могут украсить любые списки мастеров мировой культуры: Джакомо Россини и Газтано Доницетти, Бертель Торвальдсен и Антонио Канова, Джоаккино Белли и Виктор Гюго, Адам Мицкевич и Вальтер Скотт, Анри Стендаль и Фенимор Купер, а также, вероятнее всего, Александр Дюма, описавший палаццо Поли и фонтан Треви в романе “Граф Монте-Кристо”. Пожалуй, в Европе того времени вряд ли можно было найти более насыщенное “культурной энергией” место, чем салоны Волконской, на которых происходило взаимовлияние культурных традиций разных стран. Княгиня была проводником и популяризатором русской культуры в Европе, и в то же время она способствовала перенесению лучших достижений европейского искусства на русскую почву. Благодаря помощи княгини, русские художники получали заказы от итальянской и европейской аристократии, а музыканты и композиторы имели возможность становиться известными в городе на Тибре.

Но самое главное заключалось в том, что Волконская постоянно и бескорыстно помогала всеми возможными способами — от финансов и временного

приюта до душевного участия – россиянам, оказавшимся по той или иной причине в Риме и нуждавшимся в помощи. Наиболее наглядно это показывает пример её отношений с Н. В. Гоголем, о котором мы расскажем ниже. А здесь упомянем лишь о её поддержке князя П. А. Вяземского в то время, когда его девятнадцатилетняя дочь Прасковья скончалась во время путешествия Вяземских в Италию в марте 1835 года и была похоронена в Риме. Княгиня не только помогала и успокаивала князя, взяв на себя заботы о могиле его дочери, но и написала стихотворение “Князю П. А. Вяземскому на смерть его дочери”, прекрасно иллюстрирующее её душевные качества:

*В стенах святых она страдала,
Как мученица древних лет;
Страдать и жить она устала;
Уж всё утихло... девы нет!*

*И кипарис неперемнной
Стоит над девственной главой,
Свидетель тайны подземельной
И образ горести родной!*

*Ты едешь... но её могилу
Оставишь мне не сиротой:
Так солнца заменяет силу
Луч месяца в ночи святой!*

Волконская умела дружить и хранить память о тех, кто ей был близок и дорог. В 1837 году, когда весть о гибели А. С. Пушкина достигла Рима, княгиня распорядилась установить неподалёку от акведука небольшую стелу-обелиск в память о поэте на своей вилле. Это был, по сути, первый памятник Пушкину в мире, рядом с которым потом размещались стелы, обелиски и камни в честь других друзей и близких Волконской: Баратынского, Карамзина, Веневитинова, Жуковского, Каподистрии, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта, Мицкевича, а также родственников княгини и даже её прислуги. Там же был установлен и бюст императора Александра I на постаменте из куса гранита знаменитой Александровской колонны с Дворцовой площади северной столицы. Княгиня первоначально создавала у себя на вилле из этих стел и обелисков две Аллеи – Аллею друзей и Аллею воспоминаний (памяти об ушедших). Но с течением времени всё перепуталось: время брало своё, и всё больше друзей уходило туда, где оставалась только память...

Красочное описание виллы Волконской оставил историк М. П. Погодин: “Вилла княгини Волконской за Иоанном Латеранским прелестна – домик с башенкою, впрочем, довольно обширную, по комнате в ярусе, выстроен среди римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой – римская населённая часть города и Колизей, и Пётр. Всего более меня умилил её садик, посвящённый воспоминаниям. Там под сенью кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Дмитрии Веневитинове”.

Возвращаясь к салонам Волконской, укажем, что они действовали в Риме долгие годы, но начали сходить на нет примерно с 1844–1845 годов, когда после смерти мужа княгиня всё более погружалась в благотворительную деятельность, в том числе по помощи обездоленным и поддержке приютов. Этой деятельностью Волконская начала заниматься почти сразу по прибытии в Рим, что косвенно, вероятнее всего, повлияло на её решение принять католичество. Дело в том, что это обращение, согласно надписи на мраморной плите в часовне дворца семейства Риччи на виа Джулия (именно в этом дворце жил постоянно со своими родственниками друг и возлюбленный Зинаиды Миниато Риччи), состоялось 2 марта 1833 года в церкви Сан-Карло э-Бьяджо ай-Катинари, при которой в 1832 году был основан Институт “Дочек Божественного попечения”, занимавшийся помощью сиротам. Княгиня сотрудничала с этим приютом, как и граф Миниато Риччи, который в то время занимал пост руководителя районов Парионе и Святого Евстахия, к которому относилась упомянутая церковь.

На такое важное решение Волконской повлияло и то, что в 1832 году, собираясь в Россию, она тяжело заболела в городе Бальцано. Как писал сопровождавший княгиню Степан Шевырёв, “наш ангел был готов улететь на небо, но друзья удержали его за крылья, и Бог оставил его нам, так как здесь внизу тоже нужны хорошие люди...” Позднее княгиня признала, что “мне не удалось отправиться туда, куда меня звал мой долг, то есть в Россию... За мной ухаживали мои дорогие итальянцы, столь славные своим добрым нравом и характером. Они решили, что я должна вернуться в Рим”. Получается, что в Риме княгиня нашла истинных друзей, что многое объясняет в её поведении.

О последних годах жизни Волконской в Риме известно не так уж много. Бытует версия, что она умирала чуть ли не в нищете, потратив все свои деньги на благотворительность, в том числе при участии католических священников, пользовавшихся будто бы излишней добротой и щедростью княгини. На самом деле, Волконская по собственной инициативе брала на себя обязательства, участвовала в самых разных благотворительных мероприятиях, сотрудничая не только с кардиналами и епископами, но и с простыми священниками. Она в конце жизни всё чаще выбирала милосердие, а не служение музам. Из конкретных дел княгини можно упомянуть её участие в организации часовни для дома бедных девочек в районе Монти с преобразованием её затем в больницу для престарелых монахинь, в создании сельскохозяйственной колонии для детей от 5 до 18 лет, а также семейного приюта.

По свидетельству исследовательницы биографии княгини Ванды Гасперович, за несколько лет до смерти Волконская приняла решение стать монахиней ордена Святого Франциска в миру, и её можно было часто встретить в районе Треви в простом чёрном платье, помогающей обездоленным. Маркиз де Грегорио, хорошо знавший княгиню, вообще утверждал, что она носила тогда “убогое, потёртое” платье, выходя из дома, “как бедная женщина самого низкого общественного сословия... Она жила на виа дельи Авиньонези, в небольшой квартире... Она жила с незамужней сестрой, княжной Марией, также исключительно благочестивой женщиной. Я много раз видел их за едой. Стол был умерен и отображал характер сотрапезниц”.

Вот так скромно и кратко проводила свои последние годы женщина, блиставшая в аристократических кругах России и Европы так, как никакая другая. Скончалась Зинаида Волконская 24 января (5 февраля) 1862 года по причине простуды, которая была получена, согласно существующему преданию, после того, как княгиня отдала своё пальто на улице какой-то нищей женщине. Есть версия, что Зинаида Волконская завещала похоронить себя в знаменитом соборе Святого Петра в Ватикане. В этой просьбе ей было отказано, но княгине заранее удалось купить места для захоронений себя и своих родственников в стене одного из приделов церкви Святых Винченцо и Анастасио (Santi Vincenzo e Anastasio), известной также как храм Мазарини, прямо напротив палаццо Поли на площади фонтана Треви. На похороны княгини, которую в Риме считали и называли “блаженной”, пришла “огромная толпа простых людей”.

Но вот причуда судьбы! В 2003 году решением папы Иоанна Павла II церковь Святых Винченцо и Анастасио была передана в пользование Болгарской Православной Церкви, и получается, что княгиня, перешедшая в католичество, в какой-то степени вернулась в лоно Православия. В той же церкви покоится прах мужа княгини Н. Г. Волконского и её сестры Марии Александровны. Что касается её сыновей, то Александр Никитич Волконский (1811–1878) пошёл по стопам своего деда: он долгое время был на дипломатической службе, исполнял обязанности чрезвычайного посланника в Саксонии, в Неаполе и Испании, дослужившись до тайного советника. Увлекался при этом, как и его мать, искусством, был собирателем живописи и скульптуры, очень любил город на Тибре, написав книгу “Рим и Италия средних и новейших времён”, остался верен Православию и имел большой авторитет в ватиканских кругах. А приёмный сын Волконской Владимир Павей остался жить в Риме, где и умер в 1878 году. Он стал членом личной почётной папской гвардии, исполнял при папском дворе должность знаменосца, выступая иногда переводчиком с русского языка для кардиналов Ватикана.

Что касается виллы Зинаиды Волконской, то её ждали удивительные метаморфозы. В 1923 году наследники княгини – её внучка Надежда Ильина, приёмная дочь сына Александра, и её муж Владимир Кампанари – продали

виллу итальянскому правительству, которое накануне Второй мировой войны передало её под резиденцию посла Германии. В 1938 году именно на этой вилле останавливался Гитлер, позднее там бывал и Геринг. Некоторое время в ней располагалась даже штаб-квартира гестапо, где проводились и пытки, и расстрелы арестованных. С 1947 года вилла перешла в распоряжение Великобритании, и в ней до сих пор находится резиденция посла этой страны в Италии, в которой несколько раз останавливалась при посещении Рима английская королева Елизавета.

Жаль, но суровые ветры времени и нерадивость сменявшихся хозяев не сберегли на вилле Волконской подавляющую часть примет и памятных знаков Русского Рима: почти ничего не сохранилось на Аллее воспоминаний и на Аллее друзей, которые с таким трепетом создавала когда-то Волконская. Не дожидаясь наших дней в нетронутым виде и та самая памятная пушкинская стена. А вот бюст императора Александра I, которого хозяйка виллы ценила так высоко, всё-таки сохранился: он находится в глубине парка виллы.

У меня, как у поэта и историка, нынешняя недоступность виллы для простых россиян, которые хотели бы воочию увидеть признаки самого знаменательного и удивительного периода присутствия русских в Риме, вызывает печальные чувства: хорошо было бы иметь здесь музей русско-итальянских культурных связей, он бы, без сомнения, украсил город на Тибре!

Гоголь как квинтэссенция Русского Рима

У русской литературы есть одна удивительная особенность, ещё не осмысленная и не оценённая до конца, по крайней мере, она ещё не стала предметом особого исследования. Речь идёт о том, что многие и многие шедевры русской литературы рождались и создавались вдалеке от Родины, как будто именно оттуда, издали, из-за рубежа Россия видится лучше и чётче, как сквозь увеличительное стекло. И не важно, почему тот или иной писатель оказывался в далёких краях – по долгу службы, гражданской или военной, из-за страсти к путешествиям и познанию иных стран или по причине вынужденной эмиграции и разлуки со своим Отечеством.

Одним из первых эту эстафету открыл Александр Грибоедов, который в 1820 году, находясь в Тавризе на дипломатической службе, задумал написать свою бессмертную комедию “Горе от ума” и именно в Иране сделал первые её наброски. Фёдор Тютчев также по дипломатическим обязанностям провёл в Мюнхене и других местах Европы более 20 лет, и именно в эти годы он создал лучшие образцы своей лирики, наполненной думами о Родине. А далее последовали созданные в Европе тургеневские романы, в том числе роман “Дым”, написанный в Баден-Бадене, роман “Игрок” Достоевского, рождённый под звуки скачущего шарика рулетки, а ещё позже – творения Бунина, Куприна, Мережковского, Бальмонта, Игоря Северянина и многих других, познавших тяготы изгнания...

Однако самым ярким примером “удалённого от Родины” литературного творчества был и остаётся “римский эксперимент” Николая Васильевича Гоголя, который в общей сложности провёл за границей около 10 лет из почти 43 лет своей жизни. Впервые Рим открылся писателю 25 марта 1837 года, когда он приехал продолжать работу над “Мёртвыми душами”, начатыми в Швейцарии и в Париже, а в последний раз – уже почти проездом – писатель посетил Вечный город в октябре-ноябре 1847 года. И из этих насыщенных десяти лет Гоголь чуть более 3 лет и 8 с половиной месяцев отдал именно Риму. Казалось бы, не так уж и много! Но что это были за годы!

Беспокойный, скитальческий характер Гоголя привёл к тому, что в течение тех самых заграничных лет он посещал Рим, то живя в нём подолгу, то находясь там совсем недолго, 9 раз.

“Римская эпопея” писателя достойна самого подробного изучения, и не случайно её описанию посвящено несколько серьёзных исследований (назовём здесь лишь три книги: Риты Джулиани “Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай” (М., 2009), Валентины Виноградовой “По римским адресам Гоголя” (М., 2014) и Т. Л. Мусатовой “Новая книга о Гоголе в Риме” (Том 1. М., 2017)). В настоящем издании мы вынуждены остановиться только

на основных вехах “римской эпопеи” автора “Мёртвых душ”, в том числе связанных с русскими салонами Зинаиды Волконской.

В 1827 году молодой Гоголь, будучи учеником Нежинской гимназии и пробуя свои силы в поэзии, напроорочил себе в стихотворении “Италия” дальнейшую судьбу:

*Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонет, и тоскует.
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует.*

Далее следовали яркие описания автором итальянских красот, но главное заключалось в беспредельном стремлении писателя в Италию, в этот рай на Земле, как определил для себя это место Гоголь ещё в юношеские годы. Встречи с “роскошной страной” и Римом ему пришлось ждать ещё 10 лет. Причём Рим далеко не сразу приобрёл для Гоголя черты райского места, где он вожделенно хотел жить и творить. В первый свой приезд в город, продлившийся с конца марта по июнь 1837 года, писатель скорее присматривался к Вечному городу, тщательно обследуя все его уголки и обойдя его вдоль и поперёк. Он снял квартиру у домовладельца Джованни Мазуччи на Виа Изидоро (Via Isidoro), 17 около площади Барберини и церкви Святого Исидора, в районе, где уже долгие годы любили снимать для себя жильё русские художники, отправлявшиеся в Италию на стажировки. Именно на этой квартире Гоголь написал две первые главы “Мёртвых душ”. Интересно, что это место находится всего лишь в нескольких минутах ходьбы от дома № 126 по Виа Феличе (Via Felice, ныне Via Sistina), буквально — улицы Счастья, где на третьем этаже здания в квартире, арендованной у старика по фамилии Джузеппе Челли, Гоголю суждено будет вскоре обрести своё постоянное и самое любимое место пребывания в Вечном городе.

А пока Рим показался Гоголю каким-то обычным и не совсем уж великим городом. “Мне кажется, — писал он Александру Данилевскому, — что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр. Блюда все особенные, все на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений. Здесь всё остановилось на одном месте и далее нейдёт”. Но вот оказавшись в Женеве в сентябре 1837 года, писатель почувствовал вдруг неодолимое желание вернуться в Рим и, переждав карантин, вызванный эпидемией холеры, устремился в город на Тибре, признавшись Жуковскому в своём порыве: “Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — всё это мне снилось. Я проснулся опять на родине... Как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всём и впился в её роскошные красоты. Она заменила мне всё”.

Прибыв в Рим в конце октября 1837 года, Гоголь был просто ошеломлён его великолепием, обретя в душе свет, спокойствие и желание безостановочно творить. В апреле 1838 года в письме к своей ученице Марии Балабиной писатель признавался: “И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”.

В этих словах слышится что-то мистическое, метафизическое и совсем нереальное: писатель обрёл “родину своей души”, где она жила ещё до его рождения, — именно в Риме. Он понял при этом “душу Вечного города”, сроднился с ней своей душой и обрёл для себя тот самый “взыскуемый рай”, о котором другие могут только мечтать, да и то только в загробной жизни. Приведём колоритные выдержки из писем и записей писателя, свидетельствующие о его безграничной любви к Риму и о том, что в душе своей мастер прозы Гоголь был, конечно, чутким и выразительным поэтом:

“Что за небо, что за дни...”
 “Пью не напьюсь, гляжу не нагляжусь...”
 “Кроме Рима, нет Рима на свете...”
 “Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь...”
 “Что за земля Италия!.. Всё прекрасно под этим небом...”
 “Родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня...”
 “В душе небо и рай...”
 “Рим больше, чем счастье и радость...”
 “Рим увлѣк и околдовал меня...”
 “Всѣ, кажется, дышит и говорит под этим небом...”
 “Рим как святыня, как свидетель чудных явлений...”
 “Лето — не лето, весна — не весна...”
 “Тут всё живо, всё кипит...”
 “Вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить...”
 “В мою душеньку, в мою красавицу Италию...”
 “Вся земля пахнет и дышит художниками...”
 “Кто был на небе, тот не захочет на землю...”
 “В мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой...”
 “Мне нужен был душевный монастырь...”
 “Нет лучшей участи, как умереть в Риме...”
 “О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде...”

А вот и разгадка того симбиоза, который получился от союза Рима и Гоголя: писатель мог писать о России и видеть её “во всей громаде” только в Риме! Как писала Александра Смирнова-Россет, Гоголь в Риме “мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления”, а сам писатель признавался, что “если есть где на свете место, где страдания, горе, утраты и собственное бессилие могут позабыться, то это разве в одном только Риме”. Город-рай, город-небо и жизнь на улице с символическим названием Счастье сделали писателя более стойким, просветлённым и способным на литературный подвиг, который он совершил, создав “Мёртвые души”. Вот почему он так не хотел уезжать из Рима ни в Европу, ни в Россию, не желал “оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю”. И писатель оказался прав, когда, приехав в конце сентября 1839 года в Москву, вновь ощутил в самом себе “терзания адские, невыносимые” и уверял близких, что он не посмотрит “ни на какие препятствия, ни на время, и через полтора или два месяца я на дороге в Рим”.

При этом сам писатель следующим образом в письме к историку М. П. Погодину объяснил тот парадокс, что и под небесами Рима, вдали от Родины, он полностью поглощён Россией: “Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог я посвятить чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнажённые пространства предпочёл я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей Отчизны?”

Рим вообще издавна называли *sresulum mundi* — “зеркалом мира”, в которое смотрелись разные народы и видели в его тумане собственное лицо, своё предназначение и предписанный путь. В Вечном городе рождалось много произведений иностранцев, которые чётче и яснее видели оттуда очертания своих родных земель, и Гоголь доказал это уникальное свойство города на Тибре, как никто другой. Ведь какое произведение вообще можно назвать более русским, чем “Мёртвые души”? А родилось-то оно именно в Риме.

Отметим, что в Риме ещё в первый приезд Гоголя угнетали две вещи: осознание гибели Пушкина, о которой он узнал, находясь в Париже, и постоянное безденежье, которое подтолкнуло Гоголя просить Жуковского обратиться за помощью к императору Николаю I с очень показательными словами, показывающими, как жили в Риме русские художники: “Я должен продолжить мною начатый большой труд, который писать взял с меня слово Пушкин... а между тем я начинаю верить... что писатели в наше время могут умирать с голоду... Будь я живописец, хоть даже плохой, я был бы обеспечен.

Здесь в Риме около пятнадцати человек наших художников, из которых иные рисуют хуже моего: они все получают по три тысячи в год. Поди я в актёры — я был бы обеспечен: актёры получают по 10 000 и больше, а вы сами знаете, что я не был бы плохой актёр. Но я писатель — и потому должен умереть с голоду”. Николай I услышал призыв Гоголя и выделил ему 500 червонных (4860 рублей) “во внимание к крайне стеснённому положению находящегося в Риме русского сочинителя”, чем обеспечил ему более или менее стабильное положение на 1–1,5 года.

Тем не менее, Гоголь продолжал жить в Риме очень и очень скромно, когда он занимал две небольших комнаты в доме №126 по Виа Феличе, где в 1901 году усилиями русской колонии была установлена мемориальная доска. Гоголь платил за жильё 20–30 франков в месяц, и ему изредка и совсем не аккуратно прислуживала служанка сеньора Челли Нанна. В полуподвальном помещении дома, где жил писатель, находилось стойло для ослов, нередко мешавших ему своими криками. Литературный критик П. В. Анненков, живший рядом с Гоголем, вспоминал, что обстановку его комнаты составляли простая кровать, большой стол, соломенный диван, книжный шкаф, “письменное бюро в рост Гоголя, обыкновенно писавшего на нём свои произведения стоя”, стулья, мозаичный пол и... “ни малейшего украшения”.

Конечно, помогало Гоголю то, что в Риме в те годы не только время от времени появлялись путешествующие россияне, с которыми он мог встречаться и общаться, но там постоянно жили многие соотечественники Гоголя, прежде всего, русские художники, отправленные в Рим Императорской Академией художеств. С некоторыми из них, особенно с А. А. Ивановым, Ф. А. Моллером и Ф. И. Иорданом, ставшим потом ректором той самой Академии художеств, Гоголь сблизился особенно тесно. Иордан отмечал по этому поводу, что “в Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников... Мы все собирались всякий вечер на квартире у Гоголя... обыкновенно пили русский хороший чай и оставались тут часов до девяти... В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал”.

И совершенно естественно, что с первых дней пребывания в Риме, а именно с апреля 1837 года, Гоголь оказался в орбите салонов Зинаиды Волконской, выступавшей в роли метрессы и “доброго гения” Русского Рима. Княгиня разрешала писателю приезжать к ней, когда он только пожелает и на сколько пожелает. Гоголь часто посещал и апартаменты княгини в палаццо Поли и её виллу, где он участвовал в приёмах и литературных вечерах, постоянно общался с княгиней и её гражданским мужем Миниато Риччи, занимался с ними литературными делами, в частности, обсуждал вопросы переводов русских писателей и поэтов на итальянский язык. Как отмечала княгиня в своём письме от 8 июня 1837 года, “Гоголь здесь и часто приходит на мою виллу, он читает в моей библиотеке...”, а через несколько месяцев она сообщала: “Гоголь вернулся, пронизанный чувствами к Риму”; “Гоголь здесь и всякий день более воплощается с Римом”. Известно, что Гоголь читал для посетителей палаццо Поли и виллы Волконской главы “Мёртвых душ” и своего бессмертного “Ревизора”, вызывая этим огромный интерес к своему творчеству.

Волконская, оказавшая сильное воздействие на восприятие Гоголем Рима, его достопримечательностей, жителей и богатой истории, очень ценила писателя и даже устраивала в его честь, как это случилось 30 января 1839 года, особые праздники. В тот день Степан Шевырёв прочитал посвящённое Гоголю стихотворение и подарил ему рисунок с изображением театральной маски. И именно с этой маской в руках изобразил Гоголя на памятнике писателю на вилле Боргезе, установленном в 2003 году, Зураб Церетели.

Посещая салоны Волконской, Гоголь заводил знакомства со многими итальянскими и европейскими деятелями искусств. Однажды он впервые услышал там римского народного поэта Джузеппе Джоакино Белли, который исполнял острые памфлеты на злобу дня, делая своими героями обычных людей и передавая дух самого старого района Рима Трастевере. Гоголь предпринял немало усилий, чтобы имя этого поэта стало известно в Европе, выступив в качестве пропагандиста итальянской поэзии.

Волконская, вводя Гоголя в круг своих римских знакомых, открывала перед ним перспективы общения с самыми разными людьми, от кардинала Джузеппе Меццофанти и востоковеда Микеланджело Ланчи до многочисленных

членов Института археологической корреспонденции, активным участником деятельности которого княгиня стала еще в 1836 году. Она всегда интересовалась археологией, собирая свою коллекцию античных гемм и украшений. Известно, что Гоголь с апреля 1837 года участвовал в собраниях этого Института, проявляя постоянный интерес к древней истории.

При этом следует сделать очень важное замечание, что Гоголь начал изучать итальянский язык ещё до приезда в Рим и очень преуспел в этом, обучаясь языку ежедневно, постоянно смешиваясь с толпой, участвуя в римских карнавалах, беседуя с посетителями кафе и trattorias, а также с представителями итальянских искусств – от художников и архитекторов до музыкантов и писателей. Дело дошло до того, что Гоголь давал уроки итальянского своим друзьям, переводил итальянские тексты и пытался сам писать на этом языке, чем отличался от многих россиян, не спешивших изучать в Риме местный язык. И, конечно, знание итальянского раскрывало Гоголю широко перспективы познания и самой Италии, и её жителей, и её истории, и её культуры.

П. В. Анненков оставил такую картинку гоголевского поведения на вилле княгини Волконской, где писатель особенно любил грот, где он, находясь подолгу, обдумывал и сочинял “Мёртвые души”: “На даче княгини З. Волконской, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду богатых, как называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мёртвую и великолепную римскую Кампанию”. Сам Гоголь так описал подобный досуг на вилле в письме к матери: “Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у княгини Зинаиды Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный, проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и на радость розам и всему пестреющему около меня прозябанию. Освежительный холодок проник в мои члены, утомлённые утреннею, немного душною прогулкою...”

Сохранилось уникальные рисунки, сделанные В. А. Жуковским во время его совместных длительных прогулок по Риму с Гоголем, на которых можно видеть последнего и в городе, и запечатлённым на крыльце виллы Волконской на фоне возвышающейся вдали базилики Сан-Джованни-ин-Латерано (это было сделано 3 и 9 февраля 1839 года). “Мы с Жуковским на лету рисовали виды Рима, – сообщал писатель об этих художественных экспериментах своему другу Данилевскому, указав на явное превосходство поэта в умении рисовать, – Жуковский в одну минуту набрасывал по десятку рисунков, чрезвычайно верно и хорошо”.

Гоголь очень подружился с княгиней Волконской, и в её отсутствие в Риме он чувствовал себя одиноко, в чём сам признавался в письме к матери в 1838 году: “Кн. Зинаида Волконская, к которой я всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала моё время пребывания в Риме, уехала, и у меня теперь в городе немного таких знакомых, с которыми любила беседовать моя душа”.

В апреле-мае 1839 года на вилле Волконской долго болел и умер 22-летний друг Гоголя, историк Иосиф Михайлович Виельгорский, который был воспитанником и адъютантом великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Гоголь, чтобы помочь медленно умиравшему другу, переехал на виллу и не отходил от него ни днём, ни ночью. Волконская пыталась обратить умирающего Виельгорского в католичество, и это вызвало острые трения между ней и Гоголем, который вынужден был удалиться и впоследствии посвятил этой истории неоконченный рассказ “Ночи на вилле”. Эта история послужила некоторому охлаждению отношений Гоголя с Волконской, хотя он продолжал участвовать в салонах княгини вплоть до примерно 1845 года, когда они начали сходить на нет.

Следует подчеркнуть, что верность Православию была одной из неизменных черт писателя, несмотря на то, что он жил в Риме, находился в контакте с католическими священниками, пытавшимися повлиять на его духовный настрой, со многими перешедшими в католичество россиянами и испытывал к католичеству уважение и художественное любопытство, как ценитель архитектуры и изобразительного искусства.

А что касается любимых мест Гоголя в Риме, то в их числе следует назвать:

– Римский Форум и Колизей, которые входили в маршруты постоянных прогулок Гоголя по Риму в одиночестве или вместе с гостями из России, перед которыми он выступал в качестве искусного экскурсовода;

– собор святого Петра в Ватикане, куда писатель часто заходил, восхищаясь его красотой, масштабом и величием. Писатель испытывал особую любовь к мастерам итальянского искусства, прежде всего к Рафаэлю и Микеланджело;

– Испанская площадь как центр притяжения всех жителей и гостей Рима;

– в Риме Гоголь наслаждался садами и парками, которые он посещал почти ежедневно: вилла Боргезе, вилла Медичи, вилла Альбани, вилла Торлониа, сады Саллюстия и т. д.;

– кафе “Греко” (Antico Caffè Greco) на улице Кондотти, 86 – одно из самых древних кафе Рима, существующее с 1760 года, постоянное место встреч русских писателей и художников, в котором бывали также Гёте, Байрон, Стендаль, Мицкевич, Теккерей. И это кафе до сих пор хранит приметы посещения его великим Гоголем;

– кофейня Del Buon Gusto (“Хороший вкус”) на углу Испанской площади и Via Carozze, а также популярные trattorie Lepre (“Заяц”) на улице Кондотти, 11 и Falcon (“Сокол”) неподалёку от Пантеона, где Гоголь, отличавшийся изрядным аппетитом, любил попробовать римские блюда и десерты;

– Гоголь был частым гостем в мастерских итальянских художников и скульпторов, часть из которых располагалась в районе монастыря Святого Исидора. И, конечно, он постоянно общался с русскими художниками, набравшимися опыта в Вечном городе;

– писатель нередко посещал римские театры, он любил музыку и особенно оперу;

– пригороды Рима, в том числе местечко Тиволи, которые воодушевляли Гоголя своей ещё не тронутой природой. Однажды во время поездки по красивым окрестностям Альбано, в городке Аричча Гоголь, остановившись в самом обычном трактире, вдруг ощутил творческий порыв и под нескончаемый шум и грохот бильярдных шаров “забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места”.

Гоголю выпало несколько раз уезжать из Рима и страстно возвращаться в него, однако, выехав в начале лета 1840 года из России в Вечный город, писатель сильно заболел в Вене и чуть не умер, пережив и “желудочное расстройство”, и “болезненную тоску, которой нет описания”. И именно в это время в Гоголе что-то “сломалось”, в нём стало вызревать отчуждение от Рима, победившее в итоге в конце 40-х годов. Ещё летом 1840 года писатель признавался в письме к Погодину, что “ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу и не чувствую”. Тем не менее, 25 сентября 1840 года Гоголь вновь прибыл в город на Тибре и прожил там более года – до августа 1841 года, работая над “Мёртвыми душами”, увидевшими свет летом 1842 года.

Гоголь вновь приехал в Рим 4 октября 1842 года (оставшись там до начала мая 1843 года) вместе с поэтом Н. М. Языковым, который поселился на втором этаже того же дома на улице Феличе. В писателе, ослабевшем тогда здоровьем, начинало развиваться в этот период ностальгические чувства по отношению к России и слабеет очарование Римом. Так, в феврале 1843 года Гоголь признавался: “Для меня всё, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого, близко. Малина и попы интересней всяких коллизеев”. И добавлял: “Сказать правду, для меня давно уже мертво всё, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию, и нет меры любви к ней”.

Такова оказалась гоголевская метаморфоза: римский солнечный рай стала затмевать холодная и необустроенная Россия. В январе 1843 года в Рим по приглашению писателя приехала из Флоренции та самая Александра Осиповна Смирнова-Россет, которая была фрейлиной двух императриц, дружила с Пушкиным, познакомилась с Гоголем ещё в Царском Селе, ввела его в круг друзей Пушкина, а потом принимала его в Париже, Ницце и Баден-Бадене. Писатель признавался, что “с ней мы были издавна, как брат и сестра, и без неё, Бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни...”

Именно Смирновой-Россет Гоголь читал летом 1837 года в Баден-Бадене отрывки из ещё не дописанных “Мёртвых душ”. Как вспоминала подруга писателя, “Гоголь вынул из кармана тетрадку в четвёрку и начал первую главу своей бессмертной поэмы. Мы были в восторге... Никто так не читал, как Го-

голь, и свои, и чужие произведения. Мы смеялись неумолкаемо. В нём был залог великого актёра”.

Для нас важно отметить, что кроме Зинаиды Волконской в Риме появлялись и другие знаменитые женщины-аристократки, испытывавшие трепет к искусству и готовые помогать русским писателям и художникам, как это было с Гоголем. Смирнова сняла апартаменты в палаццо Валентини, неподалёку от Форума Траяна, куда на протяжении нескольких недель ежедневно приходил Гоголь, общавшийся с хозяйкой и её друзьями, готовивший им макароны, показывавший им красоты Рима и его окрестностей. По заверениям Смирновой, “никто не знал лучше Рима... Не было итальянского историка или хроникёра, которого бы он не прочёл...”

Пребывание в Вечном городе Смирновой скрасило будни Гоголя зимой 1843 года, а в мае того же года он уехал в Германию и начал буквально метаться по Европе, проводя время то в Ницце, то в Баден-Бадене, то во Франкфурте в доме у Жуковского. Он вновь несколько раз болел и возвратился в Рим только 24 октября 1845 года, снова оставшись в Вечном городе до мая следующего года. Писатель поселился на этот раз по другому адресу: Via della Croce, 81, на четвёртом этаже сохранившегося поныне здания, известного как палаццо Понятовского. Любопытно, что с 17 по 21 декабря 1845 года в Риме инognito, хотя все об этом хорошо знали, находился император Николай I, встречавшийся с папой Григорием XVI. Гоголь видел императора несколько раз мельком, “любовался им издали” – “лицо его было прекрасно”, – но так и не осмелился к нему подойти. Как объяснил сам писатель, “я не представлялся к нему потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего ещё доброго и достойного благоволения, напоминать о своём существовании...”

Во время этого пребывания в Риме Гоголь опять нашёл того, с кем ему удалось сблизиться и с кем он побеждал своё одиночество, – с графиней С. П. Апраксиной, также помогавшей писателю. Смирнова-Россет по этому поводу сообщала: “До меня дошло, что Гоголь поправился, бывает всякий день у Софьи Петровны Апраксиной, которая его очень любит, чему я очень рада. Ему всегда надо пригреться где-нибудь, тогда он и здоровее, и крепче духом. Совершенное одиночество для него пагубно”.

Следует особо подчеркнуть, что Рим был так благотворен для писателя во многом потому, что его почти постоянно окружали друзья и знакомые, причём некоторые из них нередко жили рядом с Гоголем или даже в одном с ним доме. Перечислим имена самых близких товарищей и знакомых писателя, которые приезжали в Рим и коротали с ним время, кто несколько дней, кто несколько месяцев, и, конечно, так или иначе принимали участие в салонах Зинаиды Волконской.

1837–1839 годы: кандидат камеральных наук И. Ф. Золотарёв, который провёл вместе с Гоголем в Риме несколько месяцев; историк, мыслитель, одноклассник и друг Гоголя А. С. Данилевский; А. Н. Карамзин, сын знаменитого историка; ученица Гоголя М. П. Балабина; литератор, критик, профессор Московского университета С. П. Шевырёв; историк и археолог А. Д. Чертков; поэт и ближайший друг Гоголя В. А. Жуковский; историк и писатель М. П. Погдин; граф И. М. Виельгорский.

1840–1841 годы: литератор и друг писателя В. А. Панов, с которым Гоголь приезжает в Рим и который помогает переписывать начисто “Мёртвые души”; студент-филолог, будущий академик Ф. И. Буслаев; писатель и критик П. В. Анненков, который останавливается у Гоголя на два с лишним месяца и также помогает ему переписывать “Мёртвые души”; журналист и критик Н. И. Надеждин.

1842–1843 годы: поэт Н. М. Языков прибывает в Рим вместе с Гоголем и поселяется в том же доме на улице Феличе на много месяцев, так же, как и профессор Петербургского университета Ф. В. Чижов; подруга писателя А. О. Смирнова-Россет, о которой упоминалось выше; великая княгиня Мария Павловна и её супруг Максимилиан Лейхтенбергский;

1845–1847 годы: писательница Е. П. Ростопчина; графиня С. П. Апраксина; литератор А. С. Стурдза; вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой.

Этот далеко не полный список, куда не вошли многие русские художники, жившие подолгу в Риме, с кем постоянно общался Гоголь, впечатляет именно потому, что он показывает, как много русских интеллигентов и деятелей

искусств приезжали в “римскую мекку” в те годы и насколько тесными были русско-итальянские культурные связи. При этом следует иметь в виду, что, кроме салонов Зинаиды Волконской, “центрами притяжения” русских приезжих в Риме являлись в то или иное время места проживания многих российских аристократов, например, князей Репниных, Толстых, Апраксиных, Вильгорских, Олсуфьевых, а также членов императорского дома, то и дело навещавших Рим. И, конечно, огромную роль в жизни Русского Рима играла дипломатическая миссия России при Святом Престоле в Ватикане, сотрудники которой постоянно проводили встречи и вечера, в частности, в палаццо Памфили на пьядца Навона, палаццо Пропаганда Фиде на пьядца ди Спанья или в палаццо Джустиниани.

Особую роль во вхождении Гоголя в круг русской и итальянской творческой интеллигенции Рима сыграл старший секретарь, позднее советник миссии России при Ватикане П. И. Кривцов, проработавший там около 20 лет, с 1826 по 1844 год, и женившийся на княжне Е. Н. Репниной. Он был инициатором многих культурных начинаний и являлся “начальником над русскими художниками в Риме”, то есть главой Императорской дирекции русских художников в Риме. Любопытно, что Гоголь пытался стать конференц-секретарём этой дирекции, чтобы обеспечить своё существование в Риме, но это ему не удалось, несмотря на содействие его влиятельных друзей, в том числе Жуковского. Салоны Кривцовых, имевшие также яркую художественную направленность, часто проходили в палаццо Фальконьери на Виа Джулия, 1 и на вилле Фальконьери во Фраскати на окраине Рима, арендованных Репниными. На них собирались русские деятели искусств, в том числе Гоголь и Жуковский. Важно отметить, что Зинаида Волконская состояла в родстве с Репниными и дружила с четой Кривцовых. Недавно вилла Фальконьери была открыта для посещений публики, что можно расценивать как важное культурное событие в жизни Рима.

Зима 1845–1846 годов была последней зимой, которую писатель провёл в Риме. Уехав из него в мае 1846 года в Париж, а потом в Германию, Гоголь выбрал местом своей “зимовки” Неаполь, заехав в Рим только на три дня в ноябре 1846 года. А затем, выехав в мае 1847 года снова в Германию, он ещё дважды посетил Рим: в мае и октябре этого года, но всего лишь на несколько дней, чтобы вновь проследовать в Неаполь: тяга к Вечному городу уже остыла в душе писателя. Он сам откровенно признавался в этой перемене своему другу Жуковскому: “Во время прежнего пребывания моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз, как на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нём меня не заняло... Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию...”

Душевный перелом, случившийся с Гоголем, заключался в том, что, потеряв свой рай в Риме, он стал искать свой рай, свой “душевный монастырь” на Родине, представляя потом её единым, “огромным монастырём”. “Монастырь Ваш – Россия”, – так сформулировал эту мысль Гоголь в письме к А. П. Толстому, и до конца своих дней он не останавливал душевных поисков “взыскуемогорая”. И нашёл ли он его там, за предельной чертой?..

Казалось бы, всё, приобретённое Гоголем в Риме, куда-то улетучилось, и последние годы писателя, мучительные и безрадостные, были лишены солнечного света, покоя и литературного взлёта, обрётённых в городе на Тибре. Но так только могло показаться. Прежде всего, Рим подарил писателю в итоге творческий взлёт: он не только завершил здесь первую часть “Мёртвых душ”, но и создал много произведений, вошедших в копилку русской литературы – “Шинель”, “Театральный разъезд после представления новой комедии”, “Ночи на вилле”, “Отрывок”, комедии “Игроки”, “Тяжба”, “Лакейская”. Кроме того, Гоголь переделал в Риме “Тараса Бульбу”, “Портрет”, “Ревизора”, “Женитьбу” и начал писать целый римский роман “Аннунциата”, который вылился постепенно в повесть “Рим” – единственное произведение писателя, действие которого происходит за границей.

Рим всё-таки остался в душе писателя именно как обрётённый рай, как вечное воспоминание о счастье, пережитом совсем недавно. Гоголь сам признался в этом парадоксальном, на первый взгляд, ощущении покинутого им Рима в письме к своему другу Данилевскому: “Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен”. Гоголь далее отметил, что, благодаря “римскому опыту”, он, “укреплённый

и мыслью, и духом”, изготовился идти “покойно, неторопливо, по пути, начертанному свыше...”

Это звучит как завещание человека, познавшего свою судьбу и готового идти по предписанному пути, каким бы он ни был, “взойти на ту лестницу”, которая определена небесной силой. “Дайте лестницу”, – таковы были одни из самых последних слов, сказанных Гоголем накануне смерти. Он вообще считал, что “незримая рука писала передо мною могущественным жезлом”, что “во мне поселился дух пророчества. Властью высшей облечено моё слово”. И в мировой истории трудно найти такой же пример слияния великого писателя одной культуры и страны с, казалось бы, чужим, иноземным городом, ставшим для него обретенным раем. Рим и Гоголь – это вечная тема соединения разных культур в единый сплав творчества и жизни, это пример той самой всемирной отзывчивости, которая свойственна гениям.

Пушкин, которому посвятил когда-то свои слова о всемирной отзывчивости Достоевский, так и не смог, в отличие от Гоголя, побывать в городе на Тибре. И вот парадокс истории: оба гения русской литературы мечтали умереть в Вечном городе. Гоголь прямо утверждал: “Нет лучшей участи, как умереть в Риме”, – а Пушкин выразил почти то же самое своими стихами:

*Но если гневный Бог досель неуловим,
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнюю мольбой смягчая рок ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!*

Однако умереть Пушкину и Гоголю было суждено в русских столицах... и встретиться потом в виде памятников, расположенных по соседству на аллее Viale Degli Artisti виллы Боргезе. Гении лишь через много лет после смерти смогли вернуться в Вечный город...

Уникальный опыт Гоголя, сумевшего не только познать и понять сам Рим, но и увидеть из него “громадину России”, долгие годы притягивал к себе внимание писателей и поэтов, пытавшихся хотя бы частично прочувствовать исполненное автором “Мёртвых душ”. Вот и мне не раз хотелось приблизиться к гоголевскому пониманию Вечного города, ещё и ещё раз открывая его заветные уголки и достопримечательности и снова прибегая к собственному поэтическому отражению увиденного:

К Гоголю в Рим

*Я Рим хочу постичь, как Гоголь,
Уйдя в его глубины с головой,
Чтобы приблизиться немного
К заветной истине простой,*

*Что Рим — не только город вечный,
Что он — искомый город-рай,
Своей идиллией безупречной
Влекущий в итальянский край.*

*Сплелась в нём так непостижимо
История с природой неземной,
Что нет на свете гармоничней Рима.
А есть лишь Рим — один такой!*

*И Гоголь Риму неспроста молился
В Париже, Питере, Москве...
И с ним на небесах он слился
В бездонной звёздной синеве.*

Гоголь нашёл в Вечном городе рай потому, что он искал его неистово и упорно, понимая, что без него ему не достичь поставленных перед самим собой высоких духовных и творческих целей. Однако и этот рай оказался “не вечным”, а только земным, лишь улыбнувшись приметам Счастья автору “Ревизора” и “Шинели”, вернувшемуся под холодное, но родное небо русских просторов...

БОРИС ТАРАСОВ

“ПЕРЕДОВЫЕ ЛЮДИ” О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Раскол в человеческой душе — это эпицентр раскола, который проявляется в общественной жизни.

А. Тойнби

1

В свое время Гоголь, недоумевавший, что так мало люди озабочены познанием собственной природы, когда это есть главное начало всему, дал своеобразное определение передового человека, который видит всё то, что видят другие, и, опершись на сумму всего, раскрывает и то, что другие словно и не замечают. Передовой человек способен, говоря словами первого комического актера из “Развязки “Ревизора”, разглядеть собственную “кривизну” и понимает просвещение не только как образование или научение, а как освобождение, используя известный стих Державина (“я царь, я раб, я червь, я бог”), от “рабских” и “червивых” свойств в себе, как просветление всего состава душевно-духовных сил и обретение “божественных” и “царских”. По словам автора “Выбранных мест из переписки с друзьями”, люди начали было думать, что образованием выгонят злобу из мира, а “злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир — дорогой ума”. В его представлении основная борьба в этом “новом мире” происходит не в социально-политическом

ТАРАСОВ Борис Николаевич родился во Владивостоке в 1947 г. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор книг “Паскаль” (1979, 1982, 2006), “Чаадаев” (1986, 1990), изданных в серии ЖЗЛ, “В мире человека” (1986), “Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский” (1999), “Мыслящий тростник” (Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей)” (2004, 2009), “Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте” (2006), “Феномены западной культуры Нового времени в контексте антропологических традиций Возрождения и христианской мысли” (2011), “Тайна человека и тайна истории” (2012), “Достоевский и современный мир” (2013), “Куда движется история?” (2002, 2013), четырехтомника избранных трудов (2017). Лауреат премии правительства РФ в области культуры (2013), Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2016) и ряда других. Живет в Москве.

плане (между правыми и левыми, капиталистами и социалистами, консерваторами и прогрессистами, монархистами и республиканцами и т. п.), а в религиозно-метафизическом – за человеческую душу, за образ человека, за охранение высшего в нем.

Подобные мысли не только Гоголя, но и целого ряда других отечественных и зарубежных писателей и мыслителей возникают в сознании при знакомстве с появившимся в октябре минувшего года в интернете совместным заявлением европейских интеллектуалов “А Europe we can believe in” (“Европа, в которую мы можем верить”), названным “Парижским”.

В нем авторы поднимают вопросы политического, социального и культурного кризиса в современной Европе, признавая необходимость осмысления путей его преодоления. В заявлении противопоставляются “истинная Европа”, соединявшая христианские корни и классическую традицию с поступательным развитием истории, “страна святых чудес”, как ее представляли славнофилы и Достоевский, Европа вдохновенного труда, научных открытий, высокого искусства, демократии, свободолюбия, прав человека и т. п., и “лже-Европа”, в которой эти чудеса, святости и достижения испытывают как бы неожиданные метаморфозы, угрожающие “родному дому” европейской цивилизации под гнетом псевдорелигии технократического прогресса.

О каких же угрозах заходит речь? Мы теряем, пишут авторы письма, христианское наследие, сохраняющее через передачу традиций последующим поколениям живую связь с пониманием и одействованием (как сказал бы Герцен) подлинных достоинств человека, различие высшего и низшего в нем, добра и зла, настоящей и ложной свободы. Главенствует бессмысленный материализм, “мягкая”, но реальная тирания технократической идеологии, при которой искажается иерархия ценностей в гражданской и культурной жизни и преобладает управляемый рынком культ бесконечного потребительства и пустых развлечений. Распад семьи, индивидуализм, гедонизм и распутство, чувство тоски и бессмысленности существования овладевают людьми в сформированном материальным прогрессом мире.

Авторы письма призывают отказаться от суррогатов религии и суеверий прогресса, от подмены мудрости техническим знанием (о чем еще в 30-е годы минувшего века предупреждал Т. С. Элиот: мудрость мы поменяли на знание, а знание на информацию). По их мнению, здоровая демократия требует социальной и культурной иерархии, которая может дать отпор жажде материального обогащения и индустрии вульгарных развлечений, убедить, что экономический рост необходим, но не является высшим благом. Следует отказаться от торгового фундаментализма и рыночного абсолютизма (признавая при этом функциональные достоинства и эффективность рыночных механизмов) в “империи денег”, от превращения искусства в орудие массовой культуры. Своеобразная духовная революция, считают они, должна возродить на христианской основе чувство нравственного величия личности, ее стремление к высокому и прекрасному, к честной и добродетельной жизни, к служению общему благу. И без такого оздоровления человеческой деятельности, без привнесения в нее веры, надежды, любви, милосердия, сострадания, справедливости, чести, достоинства и т. п. невозможно предотвратить сползание вниз.

Надо заметить, что чрезвычайно важные для выживания европейской цивилизации и затронутые в письме вопросы, связанные с оборотными сторонами ее курса и целей не только не становятся предметом активного обсуждения, но маргинализируются и уходят на периферию общественного внимания.

Хотя уже давно целый ряд западных мыслителей самых разных политических взглядов, правых и левых, стали размышлять, подобно Т. Адорно или А. Тойнби, Г. Маркузе или Х. Ортега-и-Гассету, о примитивной стандартизации межличностных отношений в “индустриальном обществе”, о снижении и нивелировке вкусов “одномерного человека”, предпочитающего подлинной духовной жизни обладание материальными вещами, променяющего “быть” на “иметь”.

Современный человек, отмечал Э. Фромм, отчуждается от самого себя, ближнего и природы, превращая собственные знания и умения, всю личность целиком в товар и капитал, благодаря которому он должен получить максимальную прибыль с учетом положения в обществе и рыночной конъюнктуры: в жизни нет никаких целей, кроме удовлетворения в потреблении.

Как бы дополняя Фромма, О. Шпенглер указывал на то, что опошлилось само время, стали привычными и даже привлекательными дурные манеры

парламентов, нечистоплотные сделки для легкой наживы, примитивные вкусы в культуре: “само строение общества должно быть выровнено до уровня черни. И да воцарится всеобщее равенство: всему надлежит быть одинаково пошлым. Одинаково делать деньги и транжирить их на одинаковые удовольствия... большего и не надо, большее и не лезет в голову”.

Когда большее не лезет в голову, весьма трудно уяснить и сделать практические выводы из проникновенного анализа К. Ясперса, ход мысли которого по-своему типологически сближается с историософской логикой Достоевского. Немецкий философ был глубоко озабочен тотальным кризисом двадцатого столетия, проявляющимся не только в диктаторских режимах, но и в повседневном контрасте между очевидными научно-техническими достижениями и подспудным оскудением внутреннего содержания жизни, ее смысловой выхолощенности, что в дальнейшем способно привести к необратимым энтропийным последствиям, к стати, к тем же самым режимам и войнам. Он является блестящим аналитиком той стадии современной сциентистской и атеистической цивилизации, когда выделение привычных мировоззренческих противопоставлений (капитализма и социализма, либерализма и консерватизма, прогрессивного и консервативного, революционного и реакционного) неадекватно глубинному смыслу переживаемых онтологических трудностей, а сущности человека стал угрожать созданный им мир техники, материалистических установок, потребительских ценностей, у которых он оказался в плену. Материальные интересы, подобно таинственному гигантскому насосу, невидимо перекачивают духовную энергию, а “аппарат обеспечения существования” превращается в “универсальный порядок существования”, демонически подчиняющий все проявления бытия, автоматически исключаяющий высшие ценности и абсолютные смыслы, поскольку они не служат улучшению методов труда и техники, удовлетворению разбухающих и утончающихся материальных потребностей, и растворяющий в себе духовные цели.

Человек, подчеркивает Ясперс, надеялся найти в научно-технической и материально-потребительской деятельности подлинный смысл, а оказался перед им же созданной пустотой. Он убедительно показывает, как рационалистические утопии разрушали нравственные и культурные традиции, провоцировали “игру на понижение”, предрешали бескрылую жизненную настроенность и плоский выбор главных жизненных задач. Подобные задачи, в свою очередь, лишь усиливали одномерную искаженность человека, образуя замкнутый порочный круг и оставляя словесную шелуху от прекраснодушных призывов к духовности и нравственности, к миру и совершенствованию.

Следовательно, коренная задача современности, от которой зависит, быть или не быть человечеству, заключается, считает Ясперс, в том, чтобы разорвать этот порочный круг, изменить устоявшиеся принципы и цели, возродить уважение к многомерности и таинству жизни, восстановить полный и правильный образ человека, вернуть изначальный смысл понятиям истины, свободы, любви, несомestimым ни с обывательским спокойствием в рамках принятых условностей, ни с постоянным страхом в условиях насильственной диктатуры. А возвратиться к самому себе и собственным истокам, вновь обрести духовную сущность и историческую основу способен лишь действительно свободный человек, из глубины экзистенциального переживания своей самобытности, неповторимости и целостности выбирающий путь нравственного восхождения к Богу, к пониманию иерархической структуры бытия.

По убеждению Ясперса, в условиях “последнего похода против благородства” только при таком выборе может установиться спасительная и более сильная, нежели государственная, партийная или профессиональная, не зафиксированная ни в каких договорах человеческая связь, основанная на совести, честности, справедливости, долге и ответственности. “Подобная близость обладающих самобытием людей – лучшее, что может быть нам даровано сегодня. Эти люди служат друг другу гарантией того, что бытие есть... Они не встречаются среди того, что открыто публичности и значимости, и тем не менее именно они определяют правильное движение вещей”.

Катастрофические последствия такого мировоззрения, когда “большее не лезет в голову”, волновали и папу римского Иоанна Павла II, говорившего в одной из последних речей о тоталитаризме потребления, наживы и прибыли. А американский политолог З. Бжезинский, прилагавший немалые усилия для борьбы с коммунизмом, был обеспокоен и собственными проблемами

западного мира, от решения которых зависит самовывживание “цивилизованного общества”. “Вне контроля. Глобальная смута на пороге XXI века” — так называется одна из его книг, в которой он затрагивал отдельные проблемы либеральной демократии, отождествление в ней свободы с гедонизмом, простым увеличением материального уровня потребления без ответственности перед теми, кто оказался менее удачлив. Такое понимание свободы ведет к идеологии вседоступного рога изобилия, где любое желание в значительной мере теряет свое духовное содержание и становится материальным и чувственным. Согласно выводам политолога, в условиях пробуждающегося мира как единого целого, унификации разных культур, повышения завистливых накопительских ожиданий во всех группах и слоях при одновременном росте населения и нищеты, невозможности источников энергии, экологических и многих других катастрофических проблем приманки рога изобилия, снижение духовного уровня личностных устремлений, сплошная материализация и гедонизация человеческой воли ведут не к стабильности, а к дестабилизации, являющейся дорогой не к миру, а к конфликтам, вызывают не душевный покой, а усиление неудовлетворенности. Идеалы личности как тотального потребителя, поставившего свои материальные желания в центр Вселенной, составляют, по Бжезинскому, суть морального и жизненного кризиса на Западе, провоцируют процессы саморазрушения культуры и разложения общества: “Западный человек сверхозабочен собственным материальным и чувственным удовлетворением и становится все более неспособным к моральному самоограничению. Но если мы на деле окажемся неспособными к самоограничению на основе четких нравственных критериев, под вопрос будет поставлено само наше выживание”.

По заключению Бжезинского, чисто экономические и социальные вопросы по своей важности отступают на задний план перед культурно-этическими проблемами, которые вместе с тем оказываются самыми неуловимыми и трудноразрешимыми. Действительно, где тот архимедов рычаг, с помощью которого можно было бы ослабить своекорыстную доминанту человеческой деятельности и изменить акцентированное Достоевским и все более господствующее восприятие жизни: “после меня хоть потоп”? Какое постановление или учреждение, “новое мышление” или “новый порядок” способны вывести личность из-под “тиранства вещей и привычек” и направить по пути “высшей свободы”, провозглашаемой в “Братьях Карамазовых” старцем Зосимой: “отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю... и достигаю тем, с помощью Божьей, свободы духа, а с нею и веселье духовного!”

Вся господствующая атмосфера современной жизни говорят о заведомой бесплодности каких-либо решений о подчинении экономических интересов нравственной политике, о самостеснении и материальных жертвах, хотя такой ход событий оказался бы предусмотрительно спасительным для самой экономики и благосостояния людей. В системе ценностных координат “цивилизованного общества”, в рамках юридического реализма, воинствующего эгоизма, сциентизма и денежного абсолютизма, по-своему обрабатывающих и формирующих духовно-психологический мир человека, провозглашаемая Бжезинским и другими западными интеллектуалами этика самоограничения всегда будет оставаться сугубо риторикой. Приобрести действенный характер она способна лишь в свободном выборе личности, смутно или внятно осознающей свою связь с Богом, как отмечено выше К. Ясперсом. По Достоевскому, забвение своей “высшей половины”, образа Божия есть болезнь (люди больны своим здоровьем, т. е. утилитарной рассудочностью, иррационально обращающейся духовными и историческими провалами), без лечения которой в конце концов неизбежно торжествуют “скотство” и “языческие фантазии”.

Эти “невидимые” цивилизационные аспекты и возникающие при этом вопросы с особой эмоциональностью освещены Патриком Дж. Бьюкененом, советником президентов Никсона и Рейгана, кандидатом от республиканской партии на выборах 1992-го и 1996 годов. В книге с характерным названием “Смерть Запада” он задается вопросом: не идет ли западная цивилизация вслед за “ленинской империей” к концу, задыхаясь в хватке “культуры смерти”? Автор рассуждает о развитии современной глобалистской экономики, свободном рынке, монетаристской финансовой политике, развитии цифровых технологий, биологического знания и т. п., которое сопровождается затеянной с помощью телевидения и искусства “рискованной игрой” по дехристианизации

культуры. По его убеждению, удаление от христианских ценностей и соответствующих духовно-психологических свойств личности приводит к воинствующему мирскому индивидуализму, сфокусированному на собственных материальных интересах и удовольствиях, обесценивающих и перевертывающих иерархию высшего и низшего в человеке, меняющему в ней их места. Тем самым, заключает Бьюкенен, после многих столетий к нам возвращается язычество, и “боги рынка”, деньги, власть, слава, комфорт, секс заменяют Бога Библии, спасение души, духовное совершенствование, жертвенную любовь. И всё, что еще недавно считалось постыдным (прелюбодеяния, аборты, эвтаназия, наркотики, однополые браки, самоубийства и т. п.), сегодня выставляются как достижения прогрессивного человечества, а прежние добродетели становятся грехами.

Известный богослов и протопресвитер Православной Церкви в Америке А. Шмеман в своих “Дневниках” также акцентировал “нарастающий крах” современного мира как в его “правых” и “левых”, капиталистических и социалистических вариантах при полном отсутствии христианства как видения, как *term of reference*, как возможного выхода из этих тупиков правого и левого, капитализма и социализма. Подобно Бьюкенену он констатирует разложение и перевертывание ценностных взаимосвязей между людьми: современный “свободный” мир, как и “тоталитарный”, больше всего ненавидит всякую иерархию, потому что ненавидит всякую “вертикаль”, самоощущение высшего и низшего. Мир возлюбил “низшее”, но совсем не за “страдания”, не из-за справедливости, а из-за полусознательной или сознательной ненависти к “высшему” – всякому без исключения высшему.

В такой атмосфере демократии разваливают, в сущности, не идеологии, а экономика непрерывного роста и соответственно перерождения общества. Первородный грех демократии, заключает А. Шмеман, состоит в связи с капитализмом, изнутри ее “предающего”, лишая ее идеальных и нравственных измерений, превращая драгоценный дар свободы в попустительство безоглядной наживе и удушливой тоске потребления. В такой системе координат “рабочие” и “революционеры” хотят того же, что и “эксплуататоры” и сторонники “закона и порядка”, образуя порочный круг пониженной “шкалы ценностей”. Отсюда утопическая фразеология и утомительная демагогическая ложь о “равенстве” и “свободе”, инфляция слов и понятий, переживаний, отношения к жизни. Инфляция как духовное и психологическое состояние, как форма сознания.

Где и когда, задается вопросом А. Шмеман, началось это падение и “умирание Запада”, и ищет его истоке в эпохе Возрождения, которая в своем антропоцентрическом своеволии стала на глубине восстанием против христианства, а на еще большей глубине – восстанием против измены христианства самому себе. Тогда в “прогрессе” стал создаваться “единый мир”, в котором личность лишалась мировой бессмертной перспективы и через ряд мутаций постепенно превращалась в элемент “стада”.

Подобный ход вещей, беспокоящий западных интеллектуалов, но не получающий полноты общественной и рациональной рефлексии, был распознан еще в зародыше в русской литературе и философской мысли, которые могут стать принципиальными собеседниками в диалоге на путях такой рефлексии. Христианское человековедение в традициях русской культуры, литературы и философии дает своеобразный ключ к пониманию взаимных перспектив развития современной цивилизации, исходя из глубинного исследования тесной пульсирующей взаимосвязи между “психологией” и “историей”. В “Герое нашего времени” Лермонтов замечал, что “история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа”. “Живой человек, – писал Белинский, – носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастьем”.

Отражая и фокусируя в своем сознании общественные процессы, “живой человек” вместе с тем сам активно творит их, накладывая на них неизгладимый отпечаток своего внутреннего мира и господствующей в нем иерархии ценностей. Можно сказать, что во временной перспективе социальной действительности воплощается качественная динамика этого внутреннего мира, что было отмечено Марксом: “...история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представленной перед нами человеческой психологией...”. Такой же раскрытой книгой человеческих сущностных сил, представшей

перед нами психологией, воплощением тех или иных ценностных представлений и целепологаний оказывается история и предметное бытие разных революций и реформ, общественных формаций и государственных учреждений, научных методов, форм искусства и т. д. “Человек, — писал Маркс, — не абстрактное где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество”.

Глубинное исследование человеческих сущностных сил, ткущих материю исторического существования, мира человека, взаимодействия между законами человеческого духа и законами общественного организма позволяло передовым в гоголевском смысле писателям и мыслителям предвосхищать объективную, независимую от индивидуального произвола и субъективных представлений всякого рода идеологических позитивистов и материалистических реформаторов логику развития жизни, предвидеть за многие десятилетия возможные результаты определенных общественно-исторических процессов. “Ясно, — заключал, например, Достоевский, — что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится. Этот забор есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его”.

Говоря об искусстве Пушкина, Л. Н. Толстой писал: “Область поэзии бесконечна, как жизнь, но все предметы поэзии распределены по известной иерархии и смешение низших с высшими, или принятие низшего за высшее есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства”.

Сказанное о художественном творчестве может быть методологически распространено и на бесконечную жизнь, в которой иерархия высшего и низшего и гармоническая правильность внутри нее играют первостепенную роль, предопределяя направление, содержание и характер политической или социальной, творческой или научной деятельности, духовные цели и задачи использования тех или иных внешних достижений. Следовательно, от того, какой “высший” или “низший” человек проявляется в этих достижениях, от “внутренних установок” сознания, своеобразия нравственных принципов и мотивов поведения, влияющих на духовный рост личности или, напротив, на его угасание, зависит “восходящее” или “нисходящее” движение истории — вперед-вверх или вперед-вниз.

Сейчас, когда высшее не только смешивается с низшим, но первое агрессивно подавляется вторым, было бы небесполезным задуматься над передовыми мыслями наших предшественников. Например, над тем, что понимал Пушкин под “неумолимым эгоизмом” и “нестерпимым тиранством” демократии, угнетающим “страстию к довольству” возвышенные и благородные порывы души, И. В. Киреевский — под “полускотским равнодушием” ко всему, что превышает корыстные заботы и торговые расчеты, Гоголь — под “пустым призраком” цивилизации, скрывающим беспросветную пошлость и вселенскую скуку, Чаадаев — под “плачевной золотой посредственностью” мещанства, изничтожающего духовные дары личности, Розанов — под понижением психического уровня человека, принимающего совершенствование материальных условий своей жизни (технического корабля без компаса по В. Гейзенбергу, аппарата обеспечения существования по К. Ясперсу) за ее смысл. Все еще не входят в эпицентр нашего внимания размышления К. Н. Леонтьева о “среднем европейце” как “орудии всемирного разрушения” и о “либерально-эгалитарном прогрессе”, приводящем самобытные культуры ко всеобщему примитивному однообразию. Он подчеркивает, что гигантские социальные, научные и технические усилия оказываются на поверку лишь исполинской толчеей, всех и вся толкущей в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести все и всех к одному знаменателю. Приемы прогресса нежны, цели грубы, просты по мысли, по идеалу, по влиянию и т. п. — это среднестатистическая посредственность среди миллионов таких же посредственностей с плоскими материальными интересами и потребностями...

Еще в XIX веке был поставлен вопрос, не получивший должного и последовательного обсуждения. Так, Шеллинг заключал, что без внятно определенных целей и задач прогресс есть “самая пустая и дикая мысль” (тогда получается, как у Гегеля, что высшими проявлениями развития мирового духа

оказывается современное ему прусское государство или фигура Наполеона). В том же русле находится и вывод А. С. Хомякова: “Нужно задавать себе вопрос, чей прогресс, прогресс чего именно? Иначе выйдет, что вся жизнь Римской империи до последнего дня была прогрессом; может усовершенствоваться наука, а нравы упадать и страна гибнуть. Может скрепляться случайный центр, а все члены слабеть и страна опять-таки гибнуть. Где же тут прогресс страны? Прогресс есть слово требующее субъекта. Без этого субъекта прогресс есть отвлеченность или, лучше сказать, чистая бессмыслица”.

2

В таком контексте одним из принципиальных совопросников века сего остается Достоевский, который занимает неповторимое место в мировом историко-культурном процессе, претворив в своем творчестве фундаментальные и универсальные проблемы и коренные противоречия человеческого бытия и истории.

Он обладал непревзойденной художественной способностью, изображая конкретные индивидуальные события обыденной жизни, “перерывать” в своих романах весь сложный комплекс идеологических, социальных и нравственных вопросов текущего времени и одновременно увидеть в них вечное содержание, сформулировать прошлое, настоящее и будущее.

Основополагающую сторону художественных открытий Достоевского подчеркнул М. М. Бахтин: “Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетического созерцания... Он продвинул эстетическое видение вглубь, в новые глубинные пласты, но не вглубь бес-сознательного, а в глубь-высоту сознания”. Именно сосредоточенность на “последней смысловой позиции” личности и глубинно-высотных пластах сознания, зачастую сокращенных в читательском и исследовательском восприятии, превращает Достоевского в своеобразного мыслителя, рассматривавшего любую жизненную конкретику в контексте основополагающих проектов развития мира “с Богом” и “без Бога”, в сопряжении главных признаков величия и ничтожества в драматической мистерии человеческого существования. Причем сама методология его мышления, тесно связанная с проникновенным эмпирическим исследованием парадоксов человеческой природы с христианской точки зрения и их неоднозначным преломлением в тех или иных тенденциях, явлениях, поступках, общественном новаторстве, давала ему возможность не только предсказывать трагические катаклизмы XX века с его войнами, революциями и, говоря словами А. И. Герцена, “Чингисханами с телеграфами”, но и сегодня служить своеобразным пробным камнем для проверки всяких модных рассудочных утопий и односторонних идеологий.

Способность раскрыть подлинную и объективную иерархию действительно главных и второстепенных для личности проблем и разглядеть сокровенную связь скрытых движений души и корневых побуждений воли человека с результатами его внешней деятельности, умение распознавать иллюзии относительных ценностей и социальных условностей, миражи всевозможных репутаций и социальной пропаганды, границы и тупики сциентизма, тонкий яд рационализма и нигилизм здравого смысла позволяют писателю и впредь оставаться авторитетнейшим участником в диалоге идей современного мира, в котором он обнажал единые и глубокие антропологические корни капитализма и социализма, тоталитаризма и индивидуализма, демократии и фашизма, рационализма и оккультизма и т. д. Например, благодаря христианской антропологии и гносеологии автору “Бесов” удалось уяснить невидимые для многих точки соприкосновения и пути перехода между, казалось бы, противоположными идеями и состояниями сознания, между “чистыми” западниками и “нечистыми” нигилистами, истинными социалистами и революционными карьеристами, между вековыми мечтами о равенстве и братстве и их противоположным циничным воплощением. В современных же научных, философских, публицистических трудах подобные связи зачастую не только не рассматриваются, но, напротив, размежевываются, а их носители неоправданно резко противопоставляются. И в этом отношении либеральные позитивисты внешне парадоксально, а по сути закономерно сближаются с противниками из числа ревнителей классового или любого иного мифологизированного подхода. Тем самым они напоминают отца и сына Верховенских, которые,

споря друг с другом, оказываются внутри одной генетической, исторической и типологической общности.

Достоевского изначально впечатляла неискоренимая мерцательная двойственность (“текучесть” по Л. Толстому) человеческой природы, соединяющей в себе, если воспользоваться упомянутыми выше строками Г. Р. Державина (“я царь, я раб, я червь, я бог”) царские и рабские, божественные и природные начала. Опять-таки еще в юности он отметил неизбывное срастание элементов величия и ничтожества человеческого существования, когда во всегда двоящихся картинах мира добро и зло многообразными переплетениями событий и поступков слиты в тесный неразрушаемый узел. “Атмосфера души человека состоит из слияния неба с землею, какое противозаконное дитя человек: закон духовной природы нарушен, мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. Мне кажется, что мир принял значение отрицательное, и из высокой изящной духовности вышел сатира”.

С точки зрения Достоевского, эту фундаментальную двойственность и противозаконность можно характеризовать и как потенциальную переходность: “Мы, очевидно, существа переходные... люди становятся бесами или ангелами”. По его убеждению, предотвращение падения вниз “к бесам” и движение вверх “к ангелам” невозможно без полного и глубокого сознания этой двойственности и противозаконности и радикального преобразования рабской заносчивости в лоне “темной основы нашей природы”, что особо подчеркнул в статье о нем Вл. Соловьев: “Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, – пока эта темная основа у нас налицо – не обращена – и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления... Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют”.

В высшей логике Достоевского никакие научные теории, революции, общественные преобразования, добрые намерения или благие пожелания не способны исцелить человека от “противозаконности”, если не преобразена и исцелена темная основа нашей природы, а ее “рабские” силы исключительного эгоизма одолевают “положительные силы добра и света”, присваивают и перерабатывают на свой лад любые гуманистические начинания. Потому-то вопрос “что делать?”, задававшийся не только Чернышевским, Л. Н. Толстым или Лениным, получал в реальной действительности тупиковые разрешения, что вопрошатели не учитывали ведущих сил непреобразенной “темной основы нашей природы”. Именно “темная основа” есть то, что Герцен называл демоническим началом истории, которое вносит расхождения между идейными теориями, революционными преобразованиями или проповедями свободы, равенства и братства и их практическим осуществлением. Он говорит о том, как все упования теоретических умов были осмеяны, как демоническое начало истории нахоталось над их наукой и теорией, как оно из республики сделало Наполеона, а из революции 1830 года – биржевой оборот. “Под шумным вращением общественных колес, – заключал И. В. Киреевский, – таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит всё”.

Вместо того чтобы распутывать “клубок” изначальной двусоставности бытия, исследовать и преодолеть “незавершенность” (Гр. Нисский), “недосиженность” и “недоделанность” человека, научная и социальная мысль с эпохи Возрождения и Просвещения капитулировала перед этими проблемами, удалила их из центра на периферию сознания, отказалась от осмысления бесовско-ангельских следствий в коренной двойственности человеческой природы.

Для понимания обозначенной онтологической проблематики, концов и начал Желания и Свободы в представлении Достоевского, их самораскрытия и перехода вверх или вниз, к ангелам или бесам, чрезвычайно важна записка, сделанная им непосредственно после кончины первой жены.

“Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, – это как бы уничтожить это Я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма... человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное... <...>.”

Итак, человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не принесил любовью в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом”.

Углублённое исследование самих корней подобных фундаментальных парадоксов, приобретающих на поверхности душевной жизни отдельной личности и общественных отношений в целом различные выражения, становится главной писательской задачей Достоевского. Его художественно-философскую методологию “христианского реализма” можно характеризовать как пневматологию, в которой истинное значение психологических, политических, идеологических, экономических, эстетических и иных проблем раскрывается в сопоставлении с тем или иным основополагающим образом человека, с его коренными представлениями о своей природе, о подлинной сущности, об истоках, цели и смысле бытия. Сам писатель называл ее “реализмом в высшем смысле”: “меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой”. И еще одно самоопределение: “При полном реализме найти человека в человеке. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле, я конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного), – хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему”.

Формула “найти человека в человеке” включает в себя, по крайней мере, три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это сердечно-волевое ядро личности, в котором зарождаются доминантные качества ее желания и свободы, предопределяющие ее движение к закону “я” или “закону любви”. Во-вторых, найти человека в человеке значит разглядеть в его падшести “лик человеческий”. Наконец, в-третьих, это “угадывание” фазиса его будущего состояния, ибо человек не “исчерпывается одним настоящим” на основе проникновения в борения его доброй и злой воли, господства “царской” или “рабской” доминанты в его двусоставной духовной природе.

Углубленное, укрупненное и заостренное исследование самых корней в подобной сокрытой фундаментальной динамике, приобретающей на поверхности душевной жизни личности (в психологии) и общественной жизни в целом, в характерах и действиях его персонажей самые разные и нередко парадоксальные выражения, становится принципиальной писательской задачей Достоевского, в основе которой и лежит мучивший его вопрос “существования Божия” и “последней смысловой позиции”.

По Достоевскому, в глубинно-высотных пластах человеческого духа спит, дремлет или бодрствует самый главный вопрос “кто есть человек” – продукт стихийной игры слепых сил природы, “свинья естественная”, как утверждает, например, Ракитин в “Братьях Карамазовых” и подобные ему персонажи в других романах, или образ и подобие Божие? Если человек со всеми своими духовными устремлениями и нравственными страданиями принимает себя, опираясь на материалистическую гипотезу, лишь замышляя, пусть и “усиленно сознающую мышшь” (так выражается герой “Записок из подполья”), тогда нелогично надеяться на какое-то братство и любовь среди людей. (Человек произошёл от обезьяны, следовательно люди должны любить друг друга – так вслед за Достоевским иронизировал Вл. Соловьёв над абсурдным силлогизмом, неправомерно сочетавшим моральный редукционизм материалистического мировоззрения с эвдемоническим человеколюбием.)

И, напротив, если человек воспринимает себя как образ и подобие Божие, тогда он удовлетворяет глубинную, более или менее осознанную потребность в не теряемом со смертью смысле своего существования, а все специфически человеческие свойства, слитые с действенной памятью о Первообразе и его заповедях, становятся, по Достоевскому, не внешней условностью, а внутренней силой, способной преодолевать природный плен биологического отбора, превозмогать иго натуральных страстей, гедонистических склонностей, властных притязаний, господствующей конъюнктуры, своекорыстных расчётов, словом, тех “рабских” свойств, которые в разной степени, форме и пропорции господствуют в миропредставлении и жизненной ориентации “усиленно сознающей мыши” и вносят катастрофические элементы энтропии, дисгармонии и разлада во взаимоотношения людей. По его неизменному убеждению, от смутно ощущаемого или явно сознаваемого ответа на главный вопрос о собственной сущности, с разной степенью отчётливости и вменяемости дающий о себе знать, зависит вольное или невольное предпочтение определённых ценностей, направление воли и желаний, та психологическая доминанта, которая в конечном итоге предустанавливает и активизирует идейный выбор или конкретный рисунок жизни, судьбу отдельной личности, целого народа, всего человечества.

“Роковой и вековечный вопрос о необходимости понятия бессмертия души для прогресса”, — заключает писатель в результате раздумий о “тайне человека”, как бы соединяя проблемы религии и высокой метафизики с ходом эмпирической истории и конкретной деятельностью людей. “Представьте себе, — обращается он в одном из писем, — что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог — это всё одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне надо жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то всё дело в том, чтоб достигнуть мой срок, и там всё хоть гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать или почему мне если уж не резать, так прямо не жить за счёт других, в одну свою утробу!”.

Опыт, однако, показывал Достоевскому, что коноводы разворачивающихся в его время капиталистических и социалистических проектов, уповающие на разум или науку, здравый смысл или прагматизм, склонны были игнорировать этот вопрос, не замечать его значения для сохранения не только их же собственных гуманистических “идеалов”, но и вообще жизни на земле.

Для Достоевского “роковой и вековечный вопрос” стал самым главным и решающим. В письме Н. А. Любимову, говоря не только о социалистах, но и о всяких иных реформаторах, строителях всевозможных модификаций Вавилонской башни, опирающихся (по логике Великого инквизитора) на “низкое происхождение” человека, на “раба”, а не “царя” в нём, не на исцеление его духовной немощи и соответственно принижение всего высшего, “низведение человека до стадного скота”, он подчёркивал: “Вопрос ставится у стены: “Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?” И все это будто бы у них во имя любви к человечеству: “Тяжёл, дескать, закон Христов и отвлечён, для слабых людей невыносим” — и вместо закона свободы и Просвещения несут им закон цепей и порабощения хлебом”.

Достоевский неоднократно утверждает, что “высшая идея на земле лишь одна” и все остальные, занимающие ум и сердце человека “высшие идеи жизни... лишь из неё одной вытекают”. Более того, вера в бессмертие души есть “единственный источник живой жизни на земле — жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений”, ибо только в этом единственном случае человек постигает всю разумную цель свою на земле, а надежда на вечную жизнь ещё крепче и дружелюбнее связывает его с землей и другими людьми.

Таким образом, если человек есть образ и подобие Божие, если душа бессмертна, а его жизнь освещается абсолютным идеалом, тогда человек удовлетворяет свою глубинную потребность (“последнюю смысловую позицию”) в не теряемом со смертью смысле своего существования, обретает свободу от “закона Я”, ту полноту сознания, успокоенность сердца и направленность воли, то психическое здоровье, которое позволяет ему выйти из-под ига ненасытных устремлений и мучительных колебаний “темной основы нашей природы”, соразмерно-пропорционально относиться к земным делам, не преувеличивать ближайшие жизненные цели и не превращать их в источ-

ник явного или неявного соперничества с другими людьми, а использовать для согласия и любви. Только в этом случае, не перестаёт подчёркивать Достоевский, человек стремится к освобождению от “рабских” свойств “закона Я”, к преобразению и исключению из оснований своей деятельности (разумеется, в разной степени и с неодинаковым успехом) разрушительного фермента корыстолюбивых побуждений и капитальных страстей. Благодаря чему, собственно говоря, ещё сохраняются люди, не участвующие в соперничестве самолюбий, властолюбий и сластолюбий в “шуме” и “ярости” разнообразных и сменяющихся форм общественного процесса и как бы удерживающие текущую действительность от окончательного падения.

Если же душа смертна, тогда, полагает Достоевский, происходит самая главная и роковая подмена, когда место абсолютного идеала как гаранта Цели и Смысла занимают его суррогаты и идолы (“случайные центры” в терминологии А. С. Хомякова). По его убеждению, одна из основных тайн человеческой природы заключается в преклонении перед авторитетом – если не перед Богом, то перед идолом. Или – или, третьего не дано. “Невозможно и быть человеку, чтобы не преклониться, не снесет себя такой человек, да и никакой человек, – выражает мысль автора Макар Иванович Долгорукый в “Подростке”, – и Бога отвергнет, так идолу поклонится – деревянному, али златому, аль мысленному”. Например, Алексей Карамзов если бы “порешил, что Бога и бессмертия нет, то сейчас бы и пошёл в атеисты и социалисты”, т. е. подчинился бы одной из тех обманчивых и суррогатных вер во временные и относительные ценности, которые управляют поведением людей в границах “тёмной основы нашей природы” – будь то вера в науку, деньги, свои собственные силы, государство, нацию, гражданское общество, цивилизацию, прогресс, самозарождающуюся Вселенную, инопланетян, в построение очередной Вавилонской башни, социального муравейника, превращающегося в курятник, хрустального дворца, оборачивающегося “парикмахерским развитием” из-за обманчивости “случайного центра”.

В историческом процессе вообще и на каждом его этапе в частности Достоевский обнаруживает тот же самый фундаментальный парадокс, что и в душе отдельного человека: сознательное, бессознательное, или даже воинственное, насильственное забвение идеального измерения бытия и божественного происхождения человека при одновременно автоматически необходимой опоре на так называемые “реалистические” основания, здравый смысл или разумный эгоизм, экономическую выгоду или утилитарную мораль умаляют высшие смысловые связи людей и предполагают снижающие, вульгаризирующие модификации их проектов. По Достоевскому, забвение своей “высшей половины”, образа Божия есть болезнь (люди больны своим здоровьем, то есть утилитарной рассудочностью, иррационально оборачивающейся духовными и историческими провалами), без лечения которой в конце концов неизбежно торжествует “скотство” и “языческие фантазии”. В логике писателя любой “естественный”, изобретённый эмансипированным разумом идеал, “случайный центр”, всегда оказывается поверхностным и грубым, не только не просветляет “тёмную основу нашей природы”, но зачастую маскирует, утончает и усиливает её разрушительные свойства, а потому попытки его реализации не только не прерывают, а нередко и разветвляют цепочки господствующего в мире зла и безумия.

И в бытовых, служебных, любовных взаимоотношениях людей и во всеохватных принципах и идеях непохожих друг на друга “учредителей и законодателей человечества” естественные “рабские” свойства человеческой природы, если их “натуральность” добровольно и сознательно не пресечена и не подчинена подлинному абсолютному идеалу, ведут в той или иной степени и форме к самопревозношению личности, её напряженно-настороженному соперничеству с другими людьми, исканию и преумножению “своего права”, утончению разнообразных эгоцентрических желаний, предпочтению, говоря словами героя “Записок из подполья”, собственного “чая” благополучию всего остального мира. Такие закономерности писатель отмечает как среди индивидов, так и в определённых общественных классах, исторических эпохах, духовно-географических регионах, познавательных методах, чьи “тёмные” Я становятся единственной твёрдой опорой и призмой, сквозь которую они смотрят на окружающий мир словно сквозь тусклое стекло и увлекают его, не замечая, как слепые поводыри, к апокалиптическому финалу. Достоевский, как

отмечалось выше, заключал, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнётся и остановится из-за своего нравственного состояния.

Органически воспринятая христианская традиция, сосредоточенность на “глубинных пластах сознания” и “последней смысловой позиции”, на сопоставлении “закона Я” и “закона любви” позволяли ему твердо оценивать любые социальные проекты или политические реформы, исторические тенденции или идеологические построения, философские методы или эстетические системы, исходя из глубокого проникновения во внутренний мир человека и благодаря “различению духов” в нем. Другими словами, он прекрасно понимал (и провидчески раскрывал), что всевозможные метаморфозы и конечные результаты всяких “идей” обусловлены состоянием умов и сердец культивирующих их “людей”.

В конечном итоге именно духовное начало играет в истории первостепенную роль, определяя направление, содержание и характер творческой, художественной или научной деятельности, цели и задачи использования тех или иных “внешних” достижений. Следовательно, “восходящее” или “нисходящее” развитие истории зависит не столько от изобретаемых общечеловеческих ценностей (при уже существующих христианских!) или изменяющихся социальных учреждений, научных открытий или промышленных революций, сколько от “внутренних” установок сознания, своеобразия нравственных принципов и мотивов поведения, влияющих по ходу жизни на рост высших “царских” свойств личности или, напротив, на их угасание.

3

В свете “главных вопросов” и “последней смысловой позиции”, с точки зрения своего передового художественно-философского подхода Достоевский рассматривал зарождение и развитие на Западе и в России процессов монетаризации сознания, ведущих в Новое время к денежному абсолютизму и рыночному фундаментализму, к подмене Бога новым “златым идолом”. Тема денег раскрывается им в контексте связи их функционирования с антропологическими основами и духовно-психологическими механизмами, их “невидимого” влияния на укрепление “темной основы нашей природы” и угнетение “царских” и “рабских” начал в ней, на энтропию и нигилизацию монетаристского сознания.

Он прекрасно понимал значение денег как регулятора социально-экономических аспектов жизни, как универсального эквивалента вложенной энергии и затраченного труда в процессе производства, товарообмена и предоставленных услуг, как универсального инструмента материального взаимодействия. Становясь источником вещественного благополучия и комфорта, способствуя удовлетворению утилитарных и прагматических потребностей, деньги вместе с тем как бы незаметно выходят за эти пределы, оказываются неразрывно связанными с социально-психологическими и духовно-нравственными сторонами бытия, превращаясь в новое время и во всеобщий эквивалент человеческой свободы, в некую самоцель для достижения престижных привилегий, господства и власти с претензией их обладателей, говоря словами Достоевского, на статус “лучших людей”, на ведущую роль в развитии цивилизации и создании картины мира, в истолковании смысла истории и назначения человека. Красноречиво подчеркнул эту метафизику и аксиологию монетаристского сознания поэт И. Бродский: “Наравне с землёй, водой, воздухом и огнём, — деньги суть пятая стихия, с которой человеку чаще всего приходится считаться. В этом одна из многих, возможно, даже главная причина того, что сегодня, через сто лет после смерти Достоевского, произведения его сохраняют свою актуальность”.

Вряд ли в этом только состоит главная причина актуальности Достоевского, но пронизательное понимание им своеобразной деспотической роли “пятой” стихии на сломе эпох трудно переоценить. Он возводил генеалогию такой роли к Великой французской революции, когда произошло не обновление общества на провозглашенных идеалах, как ожидалось, а лишь “победа одного могучего класса над другим”, когда “обновился лишь деспотизм” с негласным девизом: “Убирайся прочь, а я займу твоё место”. Оказалось, что “новые победители мира (буржуа) ещё, может быть, хуже прежних деспотов (дворян)

и что “свобода, равенство и братство” оказались лишь громкими фразами и не более. Мало того, явились и такие учения, по которым из громких фраз они оказались ещё и невозможными фразами. Победители произносили или, лучше, припоминали эти три сакраментальные слова уже насмешливо...”.

Насмешливость риторического припоминания заключалась в том, что не изменялась, а в лицемерных формах прорывалась, смешивая, вместо разделения, добро и зло, “тёмная основа нашей природы”, ещё более внутренне укреплялись принципы “закона Я”. “О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил материализм и склонен был понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасенными всеми средствами, деньгами. Но никогда эти стремления не возводили так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. “Всяк за себя и только за себя” – вот нравственный принцип большинства теперешних людей, основная идея буржуазии, заменившей собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй и ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всём европейском мире, и даже не дурных людей, а, напротив, трудящихся, не убивающих, не ворующих. А безжалостность к низшим классам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, – о, конечно, всё это было и прежде и всегда, но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель... Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного обогащения, жажда личного накопления денег всеми средствами, – вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего и братского единения людей”.

Ход жизни давал Достоевскому выразительные примеры того, как возведенные в высший принцип деньги “работают” в “тёмной основе нашей природы”, связаны с усилением червиво-рабских свойств в “законе Я” и ослаблением божественно-царских качеств личности в “законе любви”, содействуют укоренению и тиражированию “ожирелого эгоизма”, стремления брать, а не отдавать и утверждению пороков в качестве добродетелей.

Для реализации потребностей гордыни, тщеславия, господства, власти, наслаждения и других ведущих сил в “законе Я” в ходе европейских революций формировалась своеобразная и благоприятная общественно-экономическая атмосфера, о которой писал Маркс в “Немецкой идеологии”: “Представляется совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *едиственному* отношению полезности – эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению”.

Сведение специфических значений нравственных понятий к отношению полезности или использования при господстве денежно-торгашеского абсолюта, по Достоевскому, лишает их самостоятельной и активной роли, что способно потворствовать угасанию высших свойств личности. “Господин Лебезятников, – говорит в “Преступлении и наказании” Мармеладов Раскольникову, – следящий за новыми мыслями, объяснял намерения, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия”. Сам же Лебезятников заявляет: “Благороднее”, “великодушнее” – всё это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю!” К предрассудочным словам относит племянник Лебедева в “Идиоте” совесть и честь, заменяя их более точным и реальным, с его точки зрения, понятием здравого смысла.

Своеобразную апологию отношению полезности или использования в “Преступлении и наказании” произносит Лужин: “Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания. Мысль простая, но, к несчастью,

слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью, а казалось бы, немного надо остроумия, чтобы догадаться...”.

На двусмысленность движения к совокупному преуспеванию через самолюбие и корысть указывает Лужину Разумихин, подчёркивающий, что “общее дело” постоянно пакостится скрытым соперничеством и неуёмной жадностью его участников, искажением в свой интерес. Предел же этого искажения объясняет Лужину Раскольников: “А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...”.

Обусловленное “законом Я” искажение в свой интерес создавало контраст между материальными достижениями капитализирующегося общества и упадком нравственного настроя, понижением духовного уровня личности в нём, усыплением её божественно-царских свойств. Главный герой романа “Подросток” сокрушается: “нравственных идей теперь совсем нет; вдруг ни одной не оказалось, и, главное, с таким видом, что как будто их никогда и не было...”.

В девятнадцатом веке, заключает Достоевский, “все действительно хотят счастья <...>. Общество не хочет Бога, потому что Бог противоречит науке”. Однако “счастье” в лоне не просветлённой, а по-своему замаскированной и припудренной, модернизированной “тёмной основы нашей природы” при господстве “пятой стихии” имеет свою логику развития, которая приводит к отчуждению человека от его достоинств и от других людей.

Отчуждение, по представлению Маркса, помимо прочего, “проявляется в том, что каждая вещь оказывается *иной*, чем она сама, что деятельность оказывается чем-то *иным* и что, наконец, надо всем вообще господствует *нечеловеческая сила*”.

Инаковость, то есть несоразмерность восприятия вещей и событий, людей и идей в их подлинной иерархии и ценности, и отмеченная ранее перевёрнутость сознания, обесценивающая специфическое содержание божественно-царских свойств личности и возвышающая червиво-рабские, и есть проявление нечеловеческой силы отчуждения и овеществления человеческих отношений, которая, по вышеприведенному наблюдению А. Шмемана, проявляется на лицах и “революционеров”, и “реакционеров”.

По заключению М. М. Бахтина, Достоевский с огромной пронизательностью сумел увидеть проникновение этого отчуждающего и овеществляющего обесценивания человека во все поры современной ему жизни и “в самые основы человеческого мышления”, в чём и состоял его глубинный смысл борьбы за человеческую душу.

Проникая в основы человеческого мышления, деньги дьявольски переворачивают иерархию строящихся на ней отношений. Маркс писал: “То, чего я как человек не в состоянии сделать, то есть чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в ее *противоположность*. <...>. В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость”.

Подобные процессы извращения и перевертывания иерархии ценностей вызывали особенную тревогу у Достоевского. С беспокойством он отмечает, что никогда ранее в России не принимали “золотой мешок” за высшее на земле, что “никогда еще он не возносился на такое место и с таким значением, как в наше время”, когда поклонение мамоне и стяжание захватывают всё вокруг, становятся “нормальными” и “естественными”. Зафиксированные выше метафизические и антропологические особенности функционирования денег создают нигилистическую атмосферу и по-своему претворяются во всех его крупных произведениях, в том числе и в романе “Подросток”, где автор показывает разложение родовых, семейных и общественных связей в капитализирующейся России.

Пульсация “темной основы нашей природы” заставляет юного героя горделиво и завистливо мечтать о незаслуженном “первом месте” с помощью “ротшильдовской идеи”. Пример ничем не ограниченного своеволия, тайной “механической” силы, способной через денежное могущество править миром, он находит в образе “пушкинского скупого рыцаря”, который напоминает

бальзаковского Гобсека, готового купить все на свете. “Скупой рыцарь” и сравнивает себя с демоном, которому “все послушно”, он же – ничему. Тайное мечтание непослушного демона, злато которого впитало в себя кровь и слезы людей, находит высшее наслаждение в том, что он может принудить, поработить и использовать противоположное его духу – добродетель, вольный гений, музы и т. п.

Сердечные грезы настраивают Подростка на аналогичное наслаждение: “Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспир, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, и вот я – бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились”.

“В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество”, – так характеризует Аркадий Долгорукий еще одну сторону своего выбора, как бы солидаризируясь в этом пункте с Ганей Иволгиным.

Достоевский неоднократно подчеркивал открывшуюся в новых общественных отношениях возможность посредственности с “миллионом в кармане” первенствовать и обесценить в них духовно-нравственные аспекты, вообще делать все, что угодно. “Когда можно делать всё что угодно? – вопрошает Достоевский в “Зимних заметках о летних впечатлениях”. – Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно”. Писатель особо выделил в подготовительных материалах к роману “Подросток” привлекательность для молодого человека переворачивающей и компенсирующей функции этого свойства его “идеи”: “Его, главное, утешает в его системе наживы – бесталанность ее. Именно то, что не нужно гения, ума, образования, а в результате все-таки – первый человек, царь всем и каждому и может отомстить всем обидчикам”.

В “Подростке” встречается своеобразное рассуждение владельца ссудной кассы Стебелькова, которое перекликается с мыслью Герцена о демонических насмешках истории, о перемене ролей в обновленном обществе: “Я – второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй возьмет. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек – второй человек <...> Была во Франции революция, и всех казнили. Пришел Наполеон и всё взял. Революция – это первый человек, а Наполеон – второй человек. А вышло, что Наполеон стал первый человек, а революция стала второй человек. Так или не так?”. Продолжая аналогию Стебелькова, можно сказать, что развитие истории делало Наполеонов – вторыми, а Ротшильдов – первыми людьми в границах темной основы нашей природы, “закона Я”.

В черновиках Достоевский характеризует “идею Ротшильда” как новое явление и “неожиданное свойство нигилизма” в обществе без оснований и преданий, теряющем религиозные убеждения и нравственные устои. При воцарившемся “беспорядке” (этим словом первоначально обозначалось название романа) “игра на понижение” становилась естественным соблазном для “вторых”, стремившихся стать “первыми” с помощью денег, компенсирующих таланты и обесценивающих божественно-царские свойства личности (ср. выстраданное мнение Гани Иволгина: “Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают”).

4

Христианская антропология, столь очевидным образом проявленная в художественно-философской мысли Достоевского, лежит в основании наиболее самобытных и самых глубинных явлений русской культуры и во многом объясняет смыслы возникновения в ней полемик и прогнозов. Например, в заочной дискуссии между историком Н. М. Карамзиным и государственным деятелем М. М. Сперанским.

Говоря о возможности ограничения самодержавия, об “окультуривании” православного духовенства (наиболее образованные священники приглашались в масонские ложи), об отсутствии твердых законов в стране, о желательности новой системы управления и отмены рабства крестьян, Сперанский

исходил из идеи однородного и линейного развития истории, а также необходимости России встроиться в общий путь “всех народов”: “желать наук, коммерции и промышленности <...>, нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в цепях оставаться”. Следовательно, нужны не косметические полумеры, а глубокие реформы. “Все исправления частные, все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сии введения, быв основаны единственно на личных качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут”.

Изучив существующие в мире законоуложения и взяв за образец кодекс Наполеона, Сперанский был настроен основательно перекроить государственный строй России: “надо резать по живому”, “кроить, не жалея материи”. В результате радикальных перемен предполагались разделение власти на законодательную (Государственная Дума), исполнительную (Министерства), и судебную (Сенат); жесткая формализация прав и повинностей, упорядочение цензовых ограничений, что открывало путь к отмене крепостного права и буржуазному развитию общества. Вместе с тем, гибкость и неопределенность понятий о верховной власти и народном “представительстве” в общем проекте политических, экономических и финансовых преобразований Сперанского могла обернуться бюрократической утопией и чиновничьей олигархией, о чем и предостерегал Карамзин.

Односторонность верхушечного и навязываемого “сверху” реформаторства, не только не опиравшегося на весь народ, но даже не находившего поддержки у большинства правящего сословия, подчинение основных линий развития русской истории и тысячелетней государственности чужеродной и искусственной схеме вызвали принципиальные возражения у историографа. В получившей широкую известность “Записке о древней и новой России”, составленной, по словам Пушкина, “со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого”, он критиковал Сперанского от лица всего общества за беспомощность и отвлеченность предлагавшихся преобразований, за игнорирование вековых устоев и живых преданий, формировавших совокупную личность народа. Подчеркивая полезность заимствований в науках и искусствах, он отмечает, что подражание иностранным державам во всем строе гражданской и нравственной жизни стало опаснее, чем при Петре Первом.

В передовых законах Карамзин находил множество ученых слов и книжных фраз, но не обнаруживал ни одной мысли, учитывающей сложившееся гражданское своеобразие России. По его мнению, новоиспеченные законодатели испытывали излишнее уважение к внешним формам государственной деятельности, изобретали различные министерства и учреждения, что зачастую вело не к содержательному “царскому” улучшению дел, а лишь к “рабскому” перемещению чиновников и перемене ведомственных наименований.

Между тем, настаивает автор “Записки...”, законы народа должны органически вырастать из его собственных духовных ценностей, понятий, традиций и исторических обстоятельств, опираться на трезвое и мудрое знание человеческой природы. “В мире мало агнцев, мало и злодеев, а больше добрых и худых вместе”. И любое социальное реформаторство оказывается мнимым или даже вредным, если оно создает условия для развития и укрепления не лучших (благородно-возвышенных), а худших (корыстно-эгоистических) душевно-духовных качеств человека. Следовательно, “не формы, а люди важны”. Поэтому в живой действительности, где правят не бумаги, а люди, важно “искать людей” для совершенствования имеющегося государственного строя, а не ломать и перестраивать его с помощью чужеземных уставов или денег (“за деньги не делается ничего великого”), поощрять мужей с разумом, честью и совестью.

С точки зрения Карамзина, подобные исторические и этические возможности лучше всего могут реализоваться при самодержавном правлении, которое всегда обеспечивало процветание и могущество государства (оно есть “палладиум России”). Всякое же ослабление самодержавия приводило к возникновению анархии, усилению аристократии или созданию олигархий.

Карамзин особенно подчеркивает внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа. Царь как помазанник Божий и надсословная сила должен руководиться

не только юридическими законами и интересами политических партий и конкурирующих групп, а исходить из любви к добру и правде, опираться на “закон Божий” и “единую совесть”, что его реально объединяет со всем народом – с “богом” и “царем”, а не “рабом” и “червем” в его представителях. Именно сила духа и веры, нравственное могущество государства, которое для его безопасного и плодотворного развития едва ли не важнее материального, сливали все слои общества в нераздельный союз во времена тяжелых испытаний.

Здесь уместно вспомнить сходную логику Пушкина, который, изучая историю России, находил в ней междуусобицы и злодеяния, свойственные в разные периоды и европейским странам. Но вполне отчетливо он различал и иные картины, когда, говоря словами Белинского, “дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты”.

И именно такие, растягивавшиеся на века, критические минуты окрашивали историю России, распинавшейся страданиями и войнами, не раз принимавшей на себя мощные удары агрессий мирового масштаба и выживавшей в смертельных болезнях идейной чумы и вооруженных нашествий. А для этого выживания в борьбе, обеспечившей, как считал Пушкин, беспрепятственное развитие европейской цивилизации и предохранившей ее от уничтожения, необходима была подлинная сплоченность всех русских людей в их “царских”, а не “рабских” качествах.

Из исторических наблюдений он заключал также, что в критические минуты не только сформировалось крепкое русское государство, своей мощью сдерживавшее напор разномастных претендентов на мировое господство и поддерживавшее национальное единство, но и укрепились определенные черты религиозно-психологического уклада русского народа. Такие самые простые и одновременно самые глубокие нравственные чувства, свойственные “рядовым” русской истории, как бескорыстие и совесть, скромность и честность, терпение и самоотверженность, не раз спасали страну от неминуемой гибели.

По убеждению Пушкина, именно живость нравственных чувств предопределяет единство государства и народа и не позволяет первому превозноситься над вторым, предполагая опору на людей справедливости и достоинства, чести и долга. И для Карамзина именно такие люди, обладающие не только безусловно необходимыми обширными познаниями и отменными профессиональными качествами, но и – главное – соотносящиеся с религиозно-этическим началом, и составляют основное богатство страны, обуславливают потенциальную возможность ее движения благородными путями духовного самостояния и истинной силы, а не по “грязной дороге” коммерческих народов, о которой писал ведущий идеолог декабризма Н. И. Тургенев. Последний связывал “усовершенствование системы представительства народного” с “усовершенствованием системы кредитной”, поскольку “век кредита наступает для всей Европы”. Однако он реально представлял скрытую порочную основу всех подобных прогрессивных новаций: “Древние достигли свободы и следственно счастья стезею Природы: чистым природным влечением души человеческой. Новейшие народы идут к счастью грязною дорогою: выгодами эгоизма и корысти. К стыду рода человеческого, может быть, надобно признаться, что путь новейших народов вернее, да теперь другого и существовать не может – вернее и прочнее: созданное на сих неблагородных основаниях стоит, как кажется, тверже”.

(Окончание следует)

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

БЫЛО УТРО

Я читаю у Толстого 17 марта 1910 года такую простую запись, что не знаю, с кем ею и поделиться: *“Дали человеку то, лучше чего он ничего не может себе представить. А он говорит: нехорошо, мало. Дали бабе холст – говорит: толст; дали потоне – говорит: дай боле. Да если бы тебя, болван, не разбудили, ты бы всё спал и ничего бы не знал и не видал всё то, что теперь знаешь и видишь”*.

Дали нам жизнь, разбудили, а нам всё “холст толст”. Всё нехорошо, всё мало – кому свободы мало, кому деспотии. Вот Лев Николаевич и не сдержался – болван, – говорит! Да так нам и надо.

И разом вспоминаю, как попалась мне недавно книга умного, модного (как это нынче? – “брендового”) писателя Ф. Бегбедера “Я верую – я тоже нет”, и я завёлся уже самим именем книги. Вот, думаю, – пижон, – какую ловушку читателю расставил. А уж когда разогнул прямо на случайной странице, как при гадании – что попадет, – и вовсе *разозлился* (простите за детский глагол).

Вот послушайте: “Не будем говорить о глобализации, об отмене границ (понятия отечества, по сути, уже не существует), об унификации мира, о крахе коммунистической утопии... Всё это очень важно: крушение идеологий, религий, утопий. Но нет больше Бога, нет больше надежды на равенство между людьми, остаётся только потребление”.

Когда бы это была обычная самонадеянность атеиста, и возражать бы не стоило. Но Бегбедер знает, что такое Церковь. Он мальчиком вырос в вере, и собеседник его в книге – не интеллектуальный коллега, не чужой сердцу человек, а его духовный отец (католический епископ Жан-Мишель ди Фалько). И вот на тебе, не побледнев, – нет Бога, нет отечества, нет надежды на равенство...

Да вроде и действительно – какое равенство? Как написано в одной из нынешних книжек соискателей премии “Ясная Поляна”: “Грянула свобода, и умные люди быстренько стали ставить высокие заборы, крепкие ворота и кодовые замки – в общем, стали крепче запирать двери” – от этого самого “равенства” и загородились. Мы прикончили надежду на равенство с какой-то мстительной изобретательностью, чтобы уж ни у кого и сомнений не оставалось. И автор не зря отчётливо связывает крах коммунистической утопии с крушением религий. Они подлинно были неотъемлемо связаны.

Мы хотели, хотели равенства! Только поставили его на место Бога и тем и приговорили. Без Него уж какое равенство – кто успел, то и смел. И в результате остались с таким свободным Бегбедером: ни Бога, ни равенства – одно потребление. Только он-то ещё, кажется, смущается, и не хочет победы своего “открытия”, и книгу пишет потому, что надеется на братское опровержение, на то, что кто-то вернёт ему детскую простоту и Бога: брось, старик, ты что, серьёзно?

А мы всё “не наедемся” никак. Слишком нагуляли аппетит, пока за равенством бегали.

Так что оценивающий книгу Бегбедера в “Exlibrise” Ян Шенкман, как это ни печально, про нас говорит: что мы “вынужденные христиане” (а Лев Николаевич и еще лучше определял – “православные из приличия” – вот это уж сегодня подлинно про нас), как азербайджанцы и киргизы – вынужденные мусульмане, а буряты – вынужденные буддисты. Разве что не “вынужденные”, а невольные. География и история сделали за нас выбор, во что верить, а душа и не пыталась спрашивать – приняла готовое. И мы уже и с верой обходимся вполне потребительски, в профилактических целях: с непременно крещением (а вдруг? Мало ли?), с картинным венчанием под видеокамеру, с освящением офисов и шестисотых “колесниц”. Отчего бы иногда от сытости и не побыть в “бедняках Христа”? Отец Сергей Булгаков вон ещё когда, и при более печальных обстоятельствах, уже увидел исток нынешнего недуга: “ищут нового барина, чтобы устроиться по-старому”.

“Барин” у нас виден хорошо: руководители страны на Пасху в храме стоят – чего ещё? – давай устраивайся по-старому. Но ведь Бегбедер не о видимости говорит. Он и сам, поди, по воскресеньям в храм ходит. Нет, тут задето нечто более болезненное, что в начале XX века беспокоило участников наших первых религиозно-философских обществ, мучило С. Н. Дурыйна, который, уходя в 20-е годы из священства, говорил о “подтаивании христианства”. Что тревожило протоиерея Александра Шмемана в конце XX века и больно задевает искренние умы сегодня, так уж, коли не кривить душой, формула “Я верую – я тоже нет” известна в определённой степени в разный час каждому честному христианскому сердцу. И если что и злит (еще раз простите за детский глагол!), то не сама формула, а таящаяся в ней и жадно принимаемая нами лукавая готовность красиво сдаться, потакание себе, выговаривание себе “права” не верить. Чего напрягаться-то, если нас, этих “тоже нет”, так много?

Только мать-Церковь и не обещала даровых плодов. И с самого начала говорила, что “Царствие Божие силою нудится”, и не страшилась слова “нудится”, которое так плохо сочетается со светом “Царствия Божия”. Но и это Бегбедер знает не хуже нас, потому что рос с Евангелием и под духовным доглядом.

Так чего же я хочу, к чему подступаюсь? А к тому, что я, может быть, ещё с месяц, да даже и неделю назад не стал бы братья за перо и опровергать горько правого писателя, а тянул да тянул бы свою лямку, “нудил” Царствие Небесное в своём приходском храме, как многие из нас. Не обманывая себя, но и не теряя надежды, как делают искусственное дыхание недавно вытасченному утопающему (а нас всех недавно вытащили): вдруг при очередном усилии дыхание и схватится. . .

С неделю назад не стал бы писать. А вот теперь отваживаюсь, потому что нечаянно пережил чувство, которым как-то и грех не поделиться.

Гостил с друзьями у своего товарища под Изборском. Было воскресенье. И хоть встал до литургии и мог бы поспеть на службу к изборскому Николе, но неудобно было перед спящими – не предупредил. Встанут, а меня нет – и свяжу им день. И пошёл себе потихоньку по росной сверкающей траве в солнечных утренних яхонтах, изумрудах и хризопразах за деревню на давно облюбованный холм за Городищенским озером, напротив крепости, откуда летом любят пускаться в полёт парапланеристы.

Солнышко разыгралось вовсю, паутины сверкали, даже стрекозки нет-нет прочёркивали синеву. Из Малов, от Печорского скита уже звонили к “Достоинно” (там служат пораньше). А я потихоньку карабкался да карабкался вверх, измочив ботинки росой, и читал вслух утреннее правило, будто немного оправдываясь перед Богом, что не в храме, но вот, слышишь, Господи, молюсь. А назад, на Изборск нарочно не поворачивался, чтобы уж с вершины всё сразу увидеть. И как наверху чуть унял сердце и повернулся, так и вспомнил, как часто в минуты восторга перед красотой вырывалось из сердца прямо сразу с пением – так летела душа: “О-о-отче на-аш. . .” И так ликующе выговаривалось: “Да святится имя Твое”, потому что в эти минуты красота и желанность этого Царствия были так очевидны.

А тут я как раз в утреннем правиле к “Верую” подошёл. И остановился – так оно само собой пошло говорить, словно и не читалось, а вот тут прямо и рождалось, называя видимое сейчас сердцем.

... Во единого Бога Отца Вседержителя. Творца небу и земли...

Творца вот этого синего высокого неба в весёлых воробьях и этой золотой осенней земли в дальних холмах, в седых от росы полях, в уже задеваемых желтизной лесах, которые ведь взялись же откуда-то “среди миров, в мерцании светил” в страшной своей красоте. Творца крепости, раскинувшейся отсюда так вольно, и игрушечной Корсунской часовни, и угадывающихся за озером Словенских ключей, потому что и они как будто сразу от века таинственно содержались в этом “Верую”...

Во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... рожденна, несотворенна, единосущна Отцу...

Подлинно Сына – такого же небесно всеобъемлющего, счастливо утреннего, подлинно предвечного и единосущного и тоже всегда и сейчас таинственно и явственно всегда содержащегося в этих небесах, полях, диких яблонях, в речке Сходнице, сияющей зеркальцем в тяжёлой оправе камышей.

Как же точны были Святые Отцы первого Вселенского Собора там, в Никее, на берегу тишайшего из озёр, когда складывали слово по слову, день за днём полтора столетия этот “Символ”, лепили его чутким слухом из своих вод и небес, из своей веры и молитвы, высокого эллинизма, горячих споров и прямых противостояний. Вот где слову возвращалось его небесное значение, его райское имя и Адамова глубина.

... И вочеловечшася...

Тянулась от Труворова креста по склону холма разноцветная цепочка ранних экскурсантов – будто бельё на верёвочке под лёгким ветром. Значит, и в них, вон там, и в меня здесь “вочеловечшася”? Из непостижимой высоты, из того, что **до** и **вне** истории, из неподвластной уму вечности и величия – в самую бедную малость для спасения этой малости. Из Создателя всего – в меня в мокрых ботинках и в то “бельё на верёвочке”. Это было так близко, так горячо, страшно, радостно, тайно и совершенно ясно, что, казалось, и умереть сейчас было бы весело и просто.

... Распятого же за ны... и воскресшего в третий день...

Да, да, вот, наверное, почему я увидел это утро в увеличительное стекло, словно оно было первое. Это было утро Воскресения! Простого сегодняшнего календарного воскресенья и на минуту проступившего в нём того – единственного – “в третий день по Писанием”. Как будто природа вскрикнула и засмеялась над смертью, и я нечаянно услышал этот радостный смех и за вседневной красотой осеннего утра увидел свет всеобщего Воскресения. И понял, что же это значит – “исповедую едино крещение во оставление грехов”.

Ничто не загородит от безумия мира, от безнадёжности и торжества потребления, кроме этого непостижимого оружия – единого крещения в живой воде длящегося Творения.

Устанешь, сто раз будешь отчаиваться и стоять на пороге неверия, тысячу раз уступишь соблазнам века и искушениям ставшего религией потребления, но если при этом не поддашься змеиному шёпоту хотя бы и всеобщего “я верую – я тоже нет”, то непременно увидишь однажды это спасительное, укрепляющее, навек отменяющее сомнения детское утро Воскресения.

И я, почти торопясь, боясь расплескать сердце, заспешил к “аминю”. Но я думаю, что, если бы и не договорил “Символа” до “жизни будущего века”, да и вообще умолк после первого пробуждающего толчка, утро простило бы меня. Потому что оно уже воскресло во мне и для меня и, может быть (Господи, прости!), благодаря мне, этой моей и для меня самого неожиданной готовности принять и увидеть родной, привычный, насквозь известный мир в мгновенном свете будущего века.

Прав, прав Лев Николаевич, “дали человеку то, лучше чего” нельзя “представить”, разбудили... И какое уж “мало” – это бы вместили.

... Туристы тянулись от Городища за весело бегущей впереди собачкой, словно она вела их всех на этой цветной верёвочке, кружились над озером утки, ища места поукромнее, день разгорался. Уже из чьего-то окна хватил бодрый “Маяк”. Век готовился диктовать Бекбедеру новые скептические страницы, но мне уже не хотелось соглашаться с ним даже и в очевидном.

Всё правда, да не всё Истина.

Верую, Господи, помоги моему неверию.

ИВАН ЧАРОТА

*доктор филологических наук,
академик Сербской академии наук*

ИДЕЯ ЕДИНСТВА СЛАВЯН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

*Об архимандрите Слуцкого Свято-Троицкого монастыря
Михаиле (Козачинском)*

Когда речь заходит о белорусском городе Слуцке, люди осведомлённые вспоминают, что его называли твердыней Православия и что краеугольный камень этой твердыни заложила праведная княгиня София Слуцкая, причисленная к лику святых Божиих. Однако мы не смеем забывать и других православных подвижников, чьи имена связаны со Слуцком. В частности, ревностно защищавшего праотеческую веру на белорусских землях протопопа Слуцкого Андрея Мужилковского; святителя Димитрия Ростовского, который "... по приглашению от Слуцкого Духовенства, переселился в Слуцк, и пребывая там в Преображенском православном же монастыре, целый год неутомимо трудился в проповедовании Слова Божия"; святителя Георгия Конисского, являвшегося членом совета той Слуцкой конфедерации (1767), что отвоёвывала для православных Великого княжества литовского права, равные с католиками; несших служение в Свято-Троицком Слуцком монастыре архимандритов Иосифа (Оранского), Павла (Волчанского), Виктора (Садковского)...

Весьма значимое место в этом ряду занимает Михаил (Мануил) Козачинский – писатель, просветитель-педагог, философ, богослов и церковный деятель, с 1748 по 1755 годы духовно окормлявший Слуцкую архимандрию, центром которой являлся Свято-Троицкий монастырь, в этой обители упокоившийся о Господе и на её кладбище погребённый.

К сожалению (и к стыду нашему), современные белорусы памяти о нём не сохранили: имя его отсутствует в белорусских энциклопедиях, иных справочных изданиях, даже в специальных работах упоминается он крайне редко. С учётом всего упомянутого, хотелось бы поделиться собственными воспоминаниями о том, как складывались представления о названной личности.

У меня, на то время – молодого филолога-югослави́ста и литератора, большой интерес вызвала заметка в еженедельнике "Літаратура і мастацтва" с таким вот, непосредственно касающимся темы нынешней публикации, содержанием: "Не взята на учёт территория былого Троицкого монастыря, где в XIV–XV столетиях трудились слуцкие летописцы. На территории монастыря были похоронены многие деятели белорусской культуры древних времён. Значение этого памятника выходит за пределы Белоруссии. Здесь был похоронен

уроженец Белоруссии **епископ Козачинский** (*подчёркнуто нами. — И. Ч.*), который много сделал для просвещения народов Югославии. Буквально два-три года назад Народная библиотека Белграда просила Слуцкий краеведческий музей прислать фотоснимки Троицкого монастыря и фото надгробия Козачинского...” Автором этой публикации был Григорий Родченко, слуцкий краевед и публицист, устное выступление которого на ту же тему несколько позднее мне довелось услышать в Союзе писателей Беларуси.

Честно говоря, тогда меня заинтересовала не столько конкретная личность, сколько информация о белорусско-югославских связях вообще, в частности же — о том, что “много сделал для просвещения народов Югославии” некий “уроженец Белоруссии” и что им интересуется “Народная библиотека Белграда”. Должен признаться, упомянутого “епископа Козачинского” я тогда не связывал с фактами истории уже относительно известной мне литературы народов Югославии. Лишь позднее пришло понимание, что имеется в виду тот самый Мануил Козачинский, которого считают основателем сербской драматургии — именно так его роль определялась в исследованиях по истории литературы, культуры и просвещения Сербии, в соответствующего профиля справочниках. Однако там, естественно, помещались сведения, касавшиеся именно сербского периода деятельности Козачинского, не отражавшие его связей с Белой Русью. Правда, Властимир Эрчич, автор статьи в фундаментальном литературно-энциклопедическом издании “Лексикон писателей Югославии”, дал сведения, уточняющие то, что по-своему излагал мой белорусский коллега Родченко. А именно: “С сентября 1748 года — архимандрит Слуцкий и наместник Киевской митрополии. В Слуцке, в монастыре, административном центре архимандрии, умер “з жолтачки и опуху”. Похоронен на монастырском кладбище, которого, как и монастыря, давно уже нет”. Помимо всего, статья о Козачинском в “Лексиконе” включала довольно основательную библиографию, с помощью которой можно было вести дальнейшие поиски.

Результаты проведённых разысканий и обобщений позволяют сделать вывод, что Козачинского на протяжении XIX–XX веков не обходили вниманием учёные как Сербии (следует особо выделить исключительно скрупулёзные исследования В. Эрчича, в том числе его монографию), так и России, Украины. А вот белорусских материалов, кроме цитировавшейся “Лим”-овской заметки да упоминаний в нескольких книгах, найти не удавалось.

Между тем, если информацию из всех доступных на данный момент источников свести в краткую справку, то получится следующее.

Мануил Козачинский родился около 1699 года в семье шляхтича Александра Козачинского, жителя селения Ямполь (ныне Винницкая область Украины). Авторы некоторых публикаций указывают, хотя источники таких сведений не называют, что он был учеником и последователем Феофана Прокоповича, “путешествовал по славянским землям и Германии”, учился в Московской Славяно-греко-латинской академии. С несколько большей определённой очерчивается период его учёбы в Киевской (Могилянской) академии (конец 1720-х — начало 1730-х годов). Практически нет разногласий относительно того, что осенью 1733 года по приглашению Белградско-Карловацкого митрополита Викентия (Ёвановича) и по благословию Киевского митрополита Рафаила (Заборовского), он из Киева отправился в Сремские Карловцы — культурный центр в той части Сербии, которая находилась под австрийской властью. Судя по всему, Козачинский выделялся особыми качествами среди киевских коллег, которые были направлены вместе с ним в Сербию и впоследствии совместно трудились; в любом случае, все исследователи упоминают его намного чаще, нежели товарищей. Так или иначе, Мануил Козачинский в Сербии быстро “сделал карьеру”: начав с должности наставника латинского языка и риторики (поэзии) Сремско-Карловацкой школы (шестиклассной, самой высокой там), вскоре стал её префектом, затем ректором, а позднее — руководителем всей системы просвещения Митрополии, получив при этом ещё и статус “кафедрального (архиерейского) проповедника”. Относительно сроков пребывания Козачинского в Сремских Карловцах сведения расходятся. Не подлежит сомнению, что он там жил и успешно работал на протяжении 1733–1737 годов, до смерти Карловацкого митрополита Викентия; встречаются сведения, что впоследствии он занимался преподавательской работой также в Новом Саде и Северине, где епископом Симеоном (Филиповичем) был рукоположён в иерея. А видный историк литературы Ёван Деретич считает,

что Козачинский оставался в Сербии до 1739 года. Это, вероятно, результат влияния знаменитого Йована Скерлица, который в своё время отметил, что “Козачинский... в 1739 году был уже в России, а его место занял иеромонах серб Дионисий, воспитанник Киевской академии, позднее — владыка Будимский”. Но всё-таки большинство исследователей, включая и наиболее осведомлённого В. Эрчича, придерживается мнения, что Мануил Козачинский в Киев вернулся к середине 1738 года и был определён в Выдубецкий монастырь, где примерно через полтора года принял монашеский постриг с именем Михаил. Вскоре после возвращения из Сербии он получил также назначение исполнять преподавательские функции в Киевской академии “как внешний сотрудник”, а со временем поднялся на более высокие ступени академической лестницы — профессора, префекта. На этот, второй киевский период приходится большая активность и продуктивность его в литературном и научно-философском творчестве. Однако в 1746 году архимандрит Михаил покинул академию, некоторое время пребывал в Выдубецком монастыре на покое, затем был поставлен игуменом Красногорского монастыря в г. Гадяча, а с сентября 1748 года назначен наместником (коадьютором, как тогда именовалось) Киевской митрополии в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь, где пробыл семь лет, вплоть до упокоения.

Что обычно более всего ставится в заслугу Мануилу/Михаилу Козачинскому? Почти все, писавшие о нём, обязательно упоминают авторство трагедии “Урош Пятый”, пространное название которой звучит так: *“Трагедия сиречь печальная повесть о смерти последнего Царя сербскаго Уроша Пятаго и о падении сербскаго царства...”* Она состоит из десяти действий, пролога и эпилога, своеобразно отражающих историю Сербии с XII по XVIII века. В ней, соответственно, представлены исторические лица — Стефан (Неманя), Савва и Стефан Неманичи, король Стефан Душан, королевич Урош, королева — мать Уроша, Вукашин и др.; аллегорические фигуры — Сербия, Благочестие, Зависть, Отчаяние, Славолюбие, Слостолюбие, История; персонажи античной мифологии — Беллона, Марс, Минерва, Паллас, сивиллы... Специалисты-литературоведы соотносят это произведение Козачинского с трагедокомедией Феофана Прокоповича “Владимир...” (1705). Примечательно, что десять лет спустя в Киеве Козачинский написал ещё одну историческую драму — *“Благоутробие Марка Аврелия Антонина, кесаря римскаго...”* (1844) — с использованием тех же художественных принципов и творческих приёмов. Правда, если первая из них создавалась, прежде всего, ради педагогических потребностей — для постановки силами учащихся карловацкой школы патристически-воспитательного спектакля на материале истории, то вторая посвящена правящей императрице Елисавете Петровне и писалась непосредственно в связи с её приездом в Киев. Первичный текст трагедии “Урош Пятый” утерян. Тот же, который известен по публикации, осуществлённой бывшим учеником автора, сербским архимандритом Ёваном Раичем, а в России опубликован А. Соболевским, представляет собой, наивероятнее, переработку Раича как “соавтора”, так как сам публикатор указывал, что “трагедия... ныне пречищена и исправлена”. Кстати, тот же Раич около 1763 года переработал стихотворение Козачинского “*Приславна Сербие*” и опубликовал его под новым названием — “*Прискрбна грлице*”, которое выделяло в образе Сербии уже особенности “скорбные”, а не “славные”.

Однако в Сремских Карловцах Мануил Козачинский создал не только два названных литературных произведения. Иное дело, что не всё, им созданное, сохранилось, а сохранившееся — вошло, как принято говорить, в активный оборот.

Как уже отмечалось, весьма активной и плодотворной была также литературно-творческая деятельность Козачинского после возвращения в Киев, где написаны “*Образ страстей мира сего...*”, “*Благоутробие Марка Аврелия...*”, “*На вратах Киево-Печерских триумфальных...*”, панегирики императрице Елисавете и графу Алексею Разумовскому и пр.

Здесь же, став профессором философии Киевской Академии, он проявил себя не только как систематизатор и транслятор философских знаний, но и как глубокий мыслитель, автор основательного трактата “*Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков...*” (1745).

Личность Слуцкого архимандрита Михаила Козачинского должна вызывать интерес как феномен ярко персонализированного осуществления идеи

единства славян и славянской литературной общности в первой половине XVIII века. Причем Козачинский был не просто “связником” между разделёнными тогдашней геополитикой славянскими этносами, а действенным представителем общей словесности. И даже если серьёзно относиться к притягательной ныне идее “европоцентризма”, то нельзя забывать, а стоит особо подчеркнуть, что Козачинский почти три столетия тому назад нёс в Австрию (то есть в самую что ни на есть Центральную Европу) знания и образцы восточнославянского словесного творчества.

Короче говоря, даже на основании того, что находится давно в поле зрения исследователей, можно сделать вывод: творческое наследие Михаила Козачинского весьма интересно и богато. А следует учитывать, что в разных публикациях содержатся ещё и упоминания о его рукописях, хранящихся в Музее СПЦ, Национальной Библиотеке Сербии, Библиотеке Матицы Сербской, Национальной библиотеке Украины, Национальной библиотеке Венгрии.

В связи с указанным лично у меня всё же вызывало и вызывало недоумение то, что слущкий период деятельности и творчества Козачинского оставался как будто за плотным тёмным занавесом. Разве есть какие-то серьёзные основания сомневаться, что этот период должен был стать плодотворным не менее, чем предыдущие? Как-никак, возраст архимандрита Михаила тогда — не старость, а зрелость, к тому же у него за плечами имелся незаурядный жизненный, творческий, научный, просветительский и священнослужительский опыт. Существенно также то, что подвизался он именно в Слуцке, представлявшем собою оплот православной духовности отнюдь не в абстрактном смысле: “Около Слуцкого Троицкого монастыря группировались Слуцкий — Преображенский, Мороцкий, Старчицкий, Грозовский, Заблудовский и Слуцкий женский Св. Илии”, — напоминает М. О. Коялович, глубокий знаток истории отечества той эпохи, особо выделяя значение Слуцкой “корпорации монастырей”. А каким на белорусских землях именно в те годы, когда в Слуцке нёс служение архимандрит Михаил, было положение православного священства с его паствой, очень конкретные свидетельства приводит архиепископ Афанасий (Мартос), повествуя о судьбе епископа Могилёвского Иеронима (Волчанского), который, кстати, приходился братом архимандриту Павлу Волчанскому, подвизавшемуся в Слуцком Свято-Троицком монастыре после Михаила Козачинского: “Иероним доносил в Синод Российской Церкви, что со времени прибытия его в Могилёв в 1745 году католики отняли в Белорусской епархии 30 церквей. Он умер 14 октября 1754 года, не дождавшись улучшения положения православных в своей епархии <...> Папа Бенедикт XIV буллою от 27 февраля 1755 года на имя польского коронного канцлера графа Малаховского требовал от короля и польского правительства, чтобы могилёвский “схизматический престол” был присоединён к католической вере и передан под управление полоцкого униатского архиепископа...” И всё это означает, что “коадьютор” Киевской митрополии, понятно, должен был все свои силы прилагать, чтобы и делом, и словом отстаивать Православие. Историк отмечает: “. . . Слуцкая архимандрия давно уже стала своеобразным авторитетом защитницы Православия в католической Польше, неуниатским “оплотом” на униатской территории, оазисом восточнославянской автохтонности в крае, густо испещрённом иезуитскими школами, на земле, где народ упорно держался своих истоков, сохраняя сознание о себе самом и о своей миссии по отношению к себе” (В. Ерчич). Так оценивая ситуацию, Берский учёный убедительно показывает, что “коадьютор” Козачинский, будучи твёрдым в вере, “неуступчивым и не наивным в правовых вопросах”, не только достойно поддерживал, но ещё более утверждал “и авторитет архимандрита, и статус архимандрии, и силу народного лидера, чтобы свой народ защитить”. В угоду принципам псевдотолерантности сейчас обычно покрывается молчанием суровая реальность, в которой Михаилу Козачинскому суждено было нести свой пастырский крест, особенно то жестокое давление иезуитов, с которыми приходилось вести и судебные тяжбы, и разного рода споры, и публичные диспуты, на которые он “не смущался... ходить”. Фактов, свидетельствующих об этом, у Ерчича предостаточно. Но поскольку сейчас наша задача заключается в том, чтобы зафиксировать хотя бы его важнейшие, прежде известные, дела, то нельзя не упомянуть борьбу за восстановление сгоревшего Заблудовского монастыря, а в связи с этим — осуществлявшийся при архимандрите Михаиле и с его непосредственным участием перенос из

Заблудова в Слуцк мощей святого младенца Гавриила. Как выясняется, тогда получила известность и достаточно широкое распространение стихотворная повесть об этом младенце-мученике, использовавшаяся в качестве “надгробка” — объяснения при мощах.

Автором этого произведения является Козачинский, есть ряд упоминаний, хотя в них речь ведётся о “сказании”, “повествовании”, “балладе” и о “брошюре” также...

Не меньший интерес представляет для нас ещё один текст, написанный архимандритом Михаилом Козачинским в Слуцке, — документ, который в изданном своде имеет следующее определение: “*Ответ православных на обвинения, помещённые католиками в безымянной брошюре. 1754*”. Он содержит самое что ни на есть “из первых рук” сведения, которые являются особо значимыми для нас сейчас, когда требуются простые, без приёмов лукавых, доказательства, сколь “толерантными” были предки наших братьев-католиков по отношению к нашим православным предкам и каким же в самом деле “мирным”, “идилличным” было их сосуществование. Очень нужно бы сейчас перепечатать документ этот в полном объёме, а затем по мере необходимости просто повторять, безо всяких “пристрастных” комментариев... Но мы в данном случае ограничимся двумя цитатами в собственном переводе:

“...Несправедливостей и притеснений по отношению к нам и перечеть невозможно <...> публично с процессиями ходить, с крестом святым тела усопших погребать запрещают нам, избивают, скандалы публичные устраивают, свечи у людей из рук вырывают, более того, и покойников с носилок сбрасывают, как это было в Бельске в 1746 и в Дрогичине в 1753 годах, и в других городах тоже; пресвитерам нашим, Греко-Русским неунитам, открыто со свечами и в облачениях церковных к больным ходить запрещают, по дороге камнями забрасывают, насмеваются, поносят, богохульствуют и иные немислимые увеселения устраивают; церковей Божиих на стародавних местах при стародавних фундашах новые учреждать и былые реставрировать per omnia fortia ясновельможный наипреподобнейший господин епископ виленский Михал Зенкевич на синодах своих епархиальных запрещать и не допускать строго приказал”; “O Deus bone! Сколько возмутительного в Могилёве, в Кричеве, а в прошлом, 1752 году, монастырь, именующийся Соломырицким, и другой монастырь — Селец в воеводстве Минском — с подданными, с селом безо всякого основания силой перевели в унию, третий монастырь, называемый Марковым, armata manu штурмовали, однако наши преобладали и не сдались; так же и в нынешнем году Martii ultimus, на Невельщине силой церковь переведена в унию...”

Этим свидетельством о положении православного народа на белорусских землях в середине XVIII века позвольте завершить краткий очерк об архимандрите Михаиле Козачинском, в данном случае — надёжном свидетеле беззаконий. Но не только. В связи с чем хочется выразить надежду, что удастся всё-таки восстановить подробнее обстоятельства жизни и деятельности этого отнюдь не заурядного служителя Церкви Христовой на Случчине. Соответственно, ко всем, кто располагает какой-то информацией, просьба поделиться ею, сделать достоянием современных поколений, наследников праведной Софии Слуцкой. Это — во славу Божию; и во славу подвижников Православия на родине нашей.

г. Минск

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

САМООТВЕРЖЕНИЕ

К 25-летию Всемирного Русского Народного Собора

О времени и книге Патриарха Московского и всея Руси Кирилла “В годину тяжкую Богом избранный...”, посвящённой 100-летию Патриаршей интронизации святителя Московского Тихона.

Торжества, посвящённые 100-летию Патриаршей интронизации святителя Московского Тихона, вылились в большие, я бы сказал, грандиозные события в жизни Церкви, Общества, Державы, православных людей, граждан России и наших соотечественников за её рубежами.

Для всех стала ясна роль Церкви в истории страны в XX–XXI веках. Высветилась выдающаяся роль церковного, общественного, государственного деятеля – Патриарха Московского и всея Руси Тихона. С силой исторических обстоятельств замечательными личными качествами умевшего сочетать мудрость накопленного опыта и реалии революционного времени. По Божией воле Святейший Патриарх Тихон стал в центре пересекающихся жизненных линий в обществе, да иначе и быть не могло.

Удивительно и поучительно было видеть на вечере 100-летия восстановления Патриаршества и Патриаршей интронизации святителя Московского Тихона, помимо Первосвятителей Поместных Церквей и Собора архиереев Русской Православной Церкви, государственных деятелей и руководителей оппозиционных партий, крупного олигарха и мелкого предпринимателя, академика и сельского священника, бывшего теоретика классового подхода и буддийского монаха, кропотливого реставратора Кремлёвских палат и руководителей регионов, космонавтов. И всё это – в окружении трудолюбивого, самоотверженного русского священства, представителей других конфессий. В каком-то смысле это была демонстрация способности общества объединиться, согласиться, не самоуничтожиться.

Теперь о книге Патриарха Кирилла “В годину тяжкую Богом избранный...”, точнее, мысли об авторе книги, которые она разбудила после прочтения. Как же похожи в главном, в самоотвержении себя судьбы всех наших Патриархов XX–XXI веков: Тихона, Сергия, Алексия I, Пимена, Алексия II и нынешнего Кирилла!

Конечно, невозможно объять необъятное, но всё же остановлюсь на авторе книги, на его роли в современной жизни России, да и не только.

Говоря о выдающейся роли Святейшего Патриарха Кирилла, я хотел бы остановиться на одной стороне его деятельности, на громадной мыслительной и духовной его работе. На его трудах, на его словах, обращённых к проблемам

науки и культуры. Период жёсткого директивного разделения науки и веры у нас в Отечестве кончился, и связано это в том числе и с той философской, богословской, мировоззренческой деятельностью, которую проводил Святейший Патриарх. На многих из нас произвело большое и, я бы сказал, ошеломляющее впечатление выступление на I Всемирном Русском Соборе тогда митрополита Смоленского и Калининградского, а ныне Святейшего Патриарха Кирилла накануне горячей осени 1993 года. Его ободряющие слова о “восстании, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новой Руси – Руси, давшей миру многих подвижников благочестия, Руси, созидающей храмы в городах, весях и сердцах, Руси, сияющей всему миру правдой и любовью, Руси Святой...”

Это было начало восстановления исторического духовного пути, пусть и через кровь, слёзы, отчаянье, но движение к Солнцу Правды.

Особое место в нашей жизни заняла знаменитая Соборная встреча ВРНС “Вера и знание”. Эта встреча богословов, учёных, общественных деятелей, писателей была просто исторической, ибо не могла состояться не только в советский период, но и во всём XX, да и XIX веке, и даже в XVIII. Ибо всё это время науку и веру только разводили.

Особое место в творческом наследии Святейшего Патриарха занимают его выступления на Всемирном Русском Народном Соборе. История вызвала к жизни эту общественную трибуну, необходимую для прояснения главных смыслообразующих и коренных вопросов России. ВРНС не мог появиться ни под крышей правительства, ни под зонтиком оппозиции, ни в государственных кабинетах, ни на митинговых площадях. Он получил благословение и развитие от Русской Православной Церкви.

И с I Собора всегда звучало слово Святейшего Патриарха Кирилла, обращённое к соотечественникам. Здесь в непростые дни 1993 года прозвучали необычные тогда для общественной атмосферы слова: “На рубеже XV века Россия сделала решающий исторический выбор, всем сердцем почувствовав красоту и духовное величие вселенского идеала, усвоила и ввела в свою жизнь принцип универсализма, отказавшись пойти по пути национальных государств Европы. Благоговейно переняв эту идею из рук обессиленной Византии, Россия предпочла эту великую, обрекающую её на жертвы духовную миссию решению узких национальных задач...”

Святейший Патриарх дал направленность патриотизму: “Возрождение не может совершаться без личного духовного подвига каждого. А подвиг требует сил, жертвы. Не потому ли многие из нас с такой лёгкостью возлагают ответственность за действительную или кажущуюся пассивность Церкви на иерархию, богословов, но никогда – на самих себя. Сегодня необходимо понять, что все мы, крещённые в Православной Церкви, и есть эта самая Церковь, и без нашего духовного обновления, без подвига веры не будет возрождения Церкви, а значит, и Отечества. Да поможет же нам Господь совершить этот подвиг так, как совершали его наши благочестивые предки...”

На II Соборе Святейший Патриарх обратился со страстным призывом: “В нашем обществе многие не разделяют религиозных убеждений и вдохновляются мотивацией светского гуманизма. Но не следует противопоставлять религиозную и светскую культуру. Наоборот, необходимо признать искусственный и опасный характер провоцируемого ныне конфликта между Церковью и культурой. За этим стоит тот, кто боится духовного объединения России. И поэтому диалог Церкви и культуры должен вестись без посредников: священникам и богословам необходимо напрямую разговаривать с писателями, художниками, музыкантами, реставраторами, искусствоведами...”

На III Соборе Святейший Патриарх Кирилл поставил уже в 1995 году проблему “Россия и русские на пороге XXI века”, где он выделил идею соборности, размышляя, как жить Отечеству нашему и народу на пороге нового тысячелетия по Рождеству Христову. Святейший Патриарх обозначил пределы соборности: “Поэтому полагаю, что мы никого не должны исключать, кроме занимающих самые крайние, радикальные, экстремистские позиции. Собор должен быть открыт ко всем с любовью, терпением и вниманием. А эти добродетели – результат духовного, нравственного состояния человеческой личности. И без личного движения к Небу, без личного совершенствования каждого из тех, кто составляет Всемирный Русский Народный Собор, немислимо подлинно соборное деяние...”

На IV Соборе “Здоровье нации” всем запомнилось, как Святейший Патриарх привёл ответ святителя Иоанна Златоуста на вопрос: “Неужели все болезни от грехов? — Не все, но большая часть. Личность, семья, народ недугуют чаще всего от греха, и духовная болезнь обычно предшествует физическим”.

Глава Собора показал, что недуги общества — алкоголизм, наркомания, разврат и насилие, льющиеся с экрана, — порождены пороком. “А экономический, социальный, культурный кризисы, поразившие страну? Что это, как не болезнь, вызванная чёрствостью наших душ, забвением о ближнем и о будущах поколениях?”

Святейший Патриарх Кирилл в своей новой книге, перечисляя судьбоносные и исторические обращения русских Патриархов, которые преграждали дорогу злу, вдохновляли на подвиг, невольно напомнил одно из многих заповнившихся мне из значительных слов на открытии Соборной встречи “Россия: путь к спасению” в Свято-Даниловом монастыре в 1998 году. Да, мы помним осень того года — величайший кризис, новое невиданное ограбление общества, социальные схватки, грандиозные демонстрации 7 ноября. И сердечное слово, которое было сказано им в передаче “Слово пастыря”, как бы сковывало, умиротворяло готовый смести всё на своём пути шторм недовольства, недоверия, ненависти. Желая облегчить страдания пасомых, церковное священноначалие решило обратиться к власти имущим и ко всем влиятельным общественным силам новым призыв к справедливости и активным действиям, способным спасти страну и народ от нынешних нестроений, а также от возможного их повторения в будущем.

Святейший Патриарх сказал, что именно ВРНС призван привести к диалогу людей разных взглядов, поколений, профессий, возродить традиции советования по вопросам жизни, Отчизны, традиции, существующие в России со времён Земских Соборов. Тем самым была определена роль ВРНС в общественной жизни страны.

Многие из нас, писателей и государственных деятелей, познакомились с риторическим и публицистическим мастерством Святейшего Патриарха, когда он был ещё митрополитом Смоленским и Калининградским, в годы подготовки празднования 1000-летия христианства на Руси в Новгороде, празднования Дней славянской культуры и письменности в Смоленске, где он сказал проповедь о служении Богу и России. Необычность публичного слова, соединившего эти понятия, сразу привлекла внимание. А затем забота и попечение о русском языке и школе в обращении к Соборной встрече “В защиту русского языка” и о “Русской национальной школе”...

Однажды при вручении Патриаршей литературной премии в слове, обращённом к русским писателям, Святейший Патриарх подчеркнул роль их труда и русской литературы в жизни страны: “Очень важно, чтобы писатели никогда не ставили под сомнение свою способность влиять на умы людей, как бы ни сокращалось поле доступности современного человека к литературным произведениям. Я очень прошу вас верить в то, что талант, данный вам Богом, — это великий талант, и его нужно употребить именно так, чтобы современники могли почерпнуть из ваших произведений что-то очень важное для них самих, чтобы каждый из вас смог честно ответить Богу, Который, конечно, потребует ответа от талантливого человека, согласно евангельской притче об умножении талантов...”

И мы почувствовали, сколько заботы, такта и любви в этих напутственных словах...

Это лишь маленькая толика мыслей и чувств, что разбудила во мне книга Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла “В годину тяжкую Богом избранный...”, посвящённая 100-летию Патриаршей интронизации святителя Московского Тихона, которую можно считать обращённой и к нам, соборянам, вспоминающим путь Всемирного Русского Народного Собора. Путь веры и надежды, путь мысли и действия, путь Добра.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

СУДЬБА “РУССКОГО РУБЕНСА”

140 лет со дня рождения Бориса Михайловича Кустодиева

Трагична история России. Трагичны судьбы многих великих русских художников, поэтов, писателей. “Серебряный век” русской культуры – этот удивительный взлёт русского искусства, случившейся в начале XX века, во многом был сломан, искорёжен, потоплен в крови страшными событиями гражданской междоусобицы столетней давности. И всё же, вспоминая этот феноменальный взлёт нашей отечественной культуры, не перестаёшь удивляться многокрасочности и необыкновенному жизнелюбию тогдашнего искусства. Словно прорвалась какая-то плотина, и на полотна художников той поры вылилась яркая, телесная, плотская жизнь человека, вместе с тем неотделимая и от духовной составляющей. Дух и плоть – это всегда были словно два полюса в живописи. Как совместить их? Борис Михайлович Кустодиев решил эту задачу – он пошёл от народной жизни России, от праздника, от Масленицы, от народных гуляний. Он позволил вылиться на свои полотна той пестроты, бестолковости, красочности, которые наполняли собой простую русскую провинциальную жизнь. Его обвиняли в лубочности, даже в пошлости, а он не боялся этих обвинений, он словно чуял народный русский дух, он был художником полноты жизни, он воспел бесшабашную красоту России, которую, как известно, “умом не понять”, а Кустодиев понял сердцем.

Борис Кустодиев родился в купеческой Астрахани, городе, лежащем между Европой и Азией, городе русском и в то же время восточном, где так причудливо сошлись и переплелись стихии разных культур, где на базарах шумела разноязыкая и многоплеменная толпа. Он с детства видел русского мужичка, пришедшего на рыбные промыслы низовий Волги, и персидского купца, привезшего из-за моря Каспийского цветастые ковры Исфахана. Он гулял среди чиновной публики по набережным Волги и видел широкие заголы богатых купцов, их колоритных жён, важных, дородных купчих в шёлковых платьях, он восхищался необузданной роскошью и какой-то наивной детскостью в поведении этих нуворишей пореформенной России. Как художник Борис Кустодиев словно стал “русским Рубенсом”, прославившим некогда страстную плоть голландских красавиц, а Кустодиев, не страшась ничего, воспел чувственную красоту “русских венер”.

Между тем, он был выходцем из образованной интеллигентной семьи профессора духовного училища. Его отец, Михаил Лукич Кустодиев, преподавал там философию, историю, литературу. К несчастью, он рано умер, оставив на руках у вдовы четверых детей. Однако семья получала пенсию за потерю кормильца, и пенсия эта превышала профессорский оклад рано умершего отца семейства. Любопытная деталь: точно такая же ситуация сложилась

и в семье Михаила Афанасьевича Булгакова, воспитывавшегося (как и все его братья и сёстры) на пенсию за потерю отца, который также был профессором духовных наук. Но у Кустодиева потеря отца, возможно, изменила и судьбу его самого. Изначала он был определён отцом по духовной части, должен был поступить в семинарию, возможно, стать священником. Ничего этого не случилось, мальчик увлёкся живописью, а тут ещё в Астрахани появился талантливый и грамотный художник из Санкт-Петербурга – Павел Алексеевич Власов, выпускник Императорской академии художеств. Он преподавал живопись в местной гимназии, а потом организовал художественный кружок, первым учеником которого стал юный Борис Кустодиев.

Много случайностей вело по жизни молодого художника. Он хотел поступить в знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но его ученические работы нашли излишне лубочными, дилетантскими и в училище не приняли. Казалось, путь в искусство был ему закрыт. Но истинный талант всегда найдёт себе дорогу. Провинциальный живописец отправляется прямо в столичный Санкт-Петербург, в Академию художеств. И что же вы думаете? Его принимает в свою мастерскую Василий Евмениевич Савинский – известный портретист. Видно, он отметил удивительную наблюдательность молодого рисовальщика, его умение подмечать и запоминать малейшие чёрточки лица человека, раскрывать в портрете неповторимые индивидуальные характеристики натурщика. Если мы возьмём позднейшие портретные работы Бориса Кустодиева, то, конечно, увидим полную силу этого умения, глубокий психологизм портрета, где за внешними чертами лица проглядывает душа и становится ясен внутренний мир портретируемого, его менталитет, как сказали бы мы на современном убогом языке начала XXI века. Таковы выдающиеся портреты певца Шаляпина, поэта Волошина и, наконец, знаменитый портрет императора Николая II кисти Бориса Кустодиева.

Развитию дара портретиста у Кустодиева способствовало и его знакомство и совместная работа с прославленным Ильёй Ефимовичем Репиным, в класс которого Борис Кустодиев перешёл на втором курсе Академии. Репин стал для Кустодиева главным учителем на всю жизнь, но в творчестве Кустодиева причудливым образом переплелись разные стили и приёмы живописи, он всегда был в поиске, никогда не был удовлетворён собственными произведениями. Он искал в искусстве новое – это была характерная черта искусства Серебряного века: вечный поиск и неудовлетворённость. Вот почему картины Кустодиева относят то к реализму, то к модерну, то к импрессионизму, а то и к народному лубку. Но твёрдые основы мастерства у Кустодиева были заложены, конечно, в мастерской Репина. Важнейшее значение имеет его совместная с Репиным работа над гигантским полотном “Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года”. Работа эта была заказана императором Репину к 100-летию создания Госсовета, но Илья Ефимович просто физически был не в силах написать столь огромное полотно и взял в работу учеников. Борис Кустодиев был первым среди них.

Предстояло создать полотно размером почти 4 на 9 метров, изобразить 81 персонажа во главе с самим монархом. Во время самого заседания Репин фотографировал сей торжественный акт, а после вызывал действующих лиц на этюды. С кем только не познакомился здесь ученик Репина Борис Кустодиев! Здесь были убелённые сединами сенаторы империи, действительные тайные советники, великие князья, военачальники, флотоводцы, министры – весь цвет монархии. И полотно получилось грандиозным, торжественным, как... могильная плита. При взгляде на уникальное произведение не оставляет мысль, что это – лебединая песнь самодержавия, колоссальное и помпезное надгробие над 300-летней империей Романовых. Ни одного молодого лица, всё – маститые старцы, тяжёлые, грузные вельможи. Закоснелость в лицах, неповоротливость огромной государственной машины. Невольно вспоминаются строки Мандельштама:

*Чудовищна, — как броненосец в доке, —
Россия отдыхает тяжело...*

Но ведь Борис Кустодиев любил другую Россию, страну простого народа. Недаром его так тянуло на ярмарку, на базар, на набережные Волги, где гуляет разномастный народ, где нет места помпезности и чванству. Недаром

его влекло в российскую глубинку, и лучшие свои работы он создал именно там — на русском Севере, в костромских заводских местах. Его знаменитая картина “Ярмарка”, где так много самых простонародных типов, где бедность просвечивает из каждого угла, но это бедность достойная, сдержанная, с грустной улыбкой, а иногда и с показным балагурством. Надо всем этим русским миром — серое небо да покосившиеся кресты церквей...

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви...*

Александр Блок ведь тоже был одним из ярчайших светил Серебряного века и мог понять и принять Россию такой.

Две России... Но художник Кустодиев не был бы самим собой, если бы не видел ярких красок во всём. Он был художник колорита, как Рубенс, и этот колорит, это буйство красок плоти заставляло его даже гиперболизировать образы русских красавиц. Он хотел показать красоту обнажённого женского тела — ему было мало одной правильности форм, ему нужна была раблезианская роскошь плоти, — и он пишет серию картин с обнажёнными натурщицами, где преувеличивает пышность форм своих моделей, делает это намеренно и, может быть, таким образом уходит от заурядной эротики, от половых инстинктов. Его обнажённые красавицы, эти “русские вены”, которых он рисовал и в бане, и в постели, и на берегу Волги, и на купании, — они словно часть природы, которая сама по себе не может быть порочна. Его обнажённые красавицы не несут в себе соблазна, разврата — они воплощение чувственно-го плодородия, они словно освещены духом любви, недаром на этих полотнах почти всегда на заднем плане силуэты церквей, освещённых солнцем, и нет противоречия между любовью земной и любовью небесной. Так Борис Кустодиев нашёл синтез духа и тела, примирил грешную плоть и высоту духа...

Он был настоящим русским живописцем. После окончания Академии художеств с золотой медалью Кустодиев совершил путешествие по Европе, побывав во Франции, в Испании и в Италии. Что осталось от этих путешествий в его творчестве? Да практически ничего. Несколько этюдов. Запад ничего ему не мог дать, хотя некоторые приёмы импрессионизма он почерпнул там, но переосмыслил их на свой, русский лад.

Во время первой русской революции 1905–1907 годов он отдал дань оппозиционным настроениям, сотрудничал в уличных дешёвых журналах “Жупел”, “Адская почта” (одно название чего стоит!), иных агитаторских листках. Рисовал шаржи на царских чиновников, на “сатрапов”, так сказать, старого режима. Но быстро отошёл от этого. Он был истинным художником, то есть искателем и создателем красоты, а не убогим политиканом и бумагомараккой. Его влекло искусство, и потому он стал одним из основателей знаменитого объединения художников “Мир искусства”, объединения, которое сознательно отошло от “прозы жизни”, провозгласив стремление к “чистому искусству”. “Мирискусников” (так называли художников этого направления) “прогрессивные” деятели того времени обвиняли в аполитичности, в соглашательстве с “преступным царским режимом”, в проповеди декаданса, а на самом деле эти живописцы были фантазёрами и не отрицали достижения классической живописи, но вносили в искусство элемент игры, театральности, своеобразный вычурный колорит. К этому стремился и Кустодиев, но он был гораздо глубже и вдумчивее многих своих собратьев.

С 1909 года Борис Михайлович Кустодиев был тяжело болен страшной болезнью — раком позвоночника. Постепенно отнимались ноги, вся нижняя половина тела. Он лечился, ездил в Германию на операции, но ничто не помогало. Болезнь приковала его к инвалидной коляске, и если бы не самоотверженные заботы его жены Юлии Евстафьевны, урождённой Прошинской, с которой он познакомился, будучи на этюдах в Костромской губернии, то он не смог бы продолжать свою творческую работу. Время патриотического подъёма, охватившего русское общество с началом войны с Германией, вылилось у Кустодиева в знаменитый портрет императора Николая Александровича работы 1915 года. Это замечательное во всех смыслах произведение, так как нигде более государь император не предстал именно как русский

национальный лидер. Царь изображён Кустодиевым в русской красной рубашке-косоворотке с орденами во всю грудь и на фоне Московского Кремля. Над Кремлём развевается золотой императорский штандарт (его художник изобразил в преувеличенном размере), украшенный двуглавым державным орлом. Весь облик царя очень русский, положительный и оптимистичный. Это лидер страны, которая чувствует свою силу, которая побеждает. А ведь 1915 год был тяжёлым, русская армия терпела поражения, а Кустодиеву мнилось другое... Прошло меньше двух лет, и всё пошло прахом. Художник оказался плохим провидцем? Дело не в этом. Смысл этого полотна гораздо глубже. Кустодиев нащупал здесь парадигму самостояния России: **Россией должен править национально ориентированный лидер** – в этом залог могущества нашей страны. Таким именно русским государем и изображён на портрете Кустодиева император Николай Александрович. Но, к сожалению, это была только мечта русского художника.

А теперь обратимся к другому произведению Бориса Кустодиева, уже послереволюционного периода. Это знаменитая картина “Большевик” 1920 года, которая во времена СССР воспроизводилась в каждом школьном учебнике. Огромный русский человек в мохнатой шапке, в рабочем полушубке, повязанном широким шарфом, в штанах, заправленных в грубые сапоги, шагает по городу. Перед ним здание церкви, которая меньше него по высоте. Над головой этого великана вьётся красное знамя, которое словно волной охватывает весь город, захваченный сплошной людской толпой. Это символ революции, но это именно символ **русской революции**, живое воплощение воли русского народа. За этой огромной фигурой “большевика” чувствуется настоящая державная мощь пробудившегося народа. Станным образом обе эти столь различные картины работают на одну мысль – **Россия должна быть сильной**. Кто бы ни стоял во главе страны – русский царь или русский большевик, Россия должна быть сильной, в ней таится огромная потенциальная мощь. Может быть, в этом гениальном прозрении русского художника живёт надежда на будущее сочетание двух различных исторических сил, борющихся в России, – власти и народа. Можно обвинять художника в идеализме, даже в наивности, но ведь признаемся: **другого пути у России нет**. И гениальный русский живописец Борис Кустодиев, “русский Рубенс”, певец красоты и радости русской жизни, именно он наиболее ярко выразил эту мысль.

Он прожил недолгую жизнь. Тяжёлая болезнь доконала художника в 1927 году. Кустодиев скончался в маленькой тесной полутёмной квартире в Ленинграде, бывшем Санкт-Петербурге, столице Серебряного века русской культуры. До конца жизни он работал над новыми произведениями, перед смертью писал триптих “Радость труда и творчества”...

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

доктор филологических наук, профессор

АПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Манифест читателя

Часто даже опытный читатель не знает, где начинается литература (в ритуале, мифе или его кризисе?) и где заканчивается. Тревожащая размытость границ – залог разрастающегося объёма полномочий. Есть или нет литературность в Священном Писании? “Размышления Марка Аврелия” и византийская “Лествица” – в истории философии и нравственного богословия или справедливо присутствуют в учебниках по античной и средневековой литературе? Или удел литературы – в создании особого пространства, где встреча с событием, наслаждение красотой мира и зарождающаяся мысль о спасении души могут быть одним действием? Не только могут, но и должны?

... Преподают, издают, официально прославляют... Но жива ли художественная литература, есть ли у неё перспективы в стремительно меняющемся мире? Атакуют современные рационалисты: “... Лишь устаревшая классика и никому не нужные новые книги. Литературный текст – избыточный, безнадежно тормозной способ захвата информации, препятствие на пути нового человека. С его иными скоростями, другими запросами, при отсутствии времени на эту устаревшую, пыльную виртуальность”. С другого фланга нападают воины: “Нет! Литература – перенос жизненной битвы со всеми рисками и высокими эмоциями в бумажные, ограниченные книжностью пределы. Пока ты – потенциальный герой – выпадаешь в чтение, враг делает своё чёрное дело”. Присоединяются священнослужители: “Литература ваша художественная – это бездействие в сфере духа, неспособность к поступку покаянному и дурная фантазия при очень внимательном созерцании чужих подвигов и падений”.

Да и многие филологи наших дней пребывают в плохом настроении: “Нас давно победили, мы бесполезны. Кругом агрессивный “постмодернизм” и усиливающаяся бюрократия. Мы всё слабее и старше, всё меньше верим в слово. Студенты нового века – не надежда и закономерная смена, а знак деградации. Читают по кратким содержаниям, читают без всякого желания, вообще не читают...”

Долой уныние! Литература – уникальное поле битвы. Здесь полководцы не только пытаются пленить или уничтожить врага, но проговариваются, неизбежно пробалтываются о своих самых уязвимых местах. Это особенно верно для прозы нашего времени. Не каждый современный текст – русский или зарубежный – позволяет взойти на вершины красоты и нравственной глубины. Но я не встречал бесполезного произведения, написанного в XXI веке. Какая мощная каталогизация новейших угроз! Какой эпос встреч

с пустотами, льдом и мраком, образовавшимися в мировоззренческих кризисах рубежа тысячелетий! Когда читаешь Людмилу Улицкую или Дмитрия Быкова, словно разговариваешь с крепко выпившим разведчиком. Он действительно многое знает и понимает, многое здесь не любит, и вот теперь честно, не утаивая деталей, рассказывает, что и почему. Слава литературе, заставляющей мировоззренческих противников публично исповедоваться!

У защитников литературы всегда под рукой простые аргументы. Художественная словесность – область воспитания, вхождение в национальный миф, познание русского мира, уверенное пребывание в нём. Это лучший тренажёр для развития памяти, ума и сердца. Житейский опыт и одновременно незабываемые встречи с красотой. Лучшие герои благотворно влияют на читателя, ненавязчивую проповедь озвучивают. Благодаря художественным текстам мы не проваливаемся в избыточный прагматизм и не угасаем, не скисаем в бытовых контекстах. Да, литература – это сверхбытие. По отношению к “повседневности” – несомненная вертикаль. Не так уж мало – в мире, где можно свихнуться от служения пышной обыденности и благоустроенности.

Двигаясь от простых аргументов к более сложным, хочу сказать о “дидактике формы”. При безумных скоростях нашего времени сокращение любой истории до анекдота, афоризма или клипа становится нормой. Сознание экономит силы там, где требуется внимание, анализ происходящего, необходимость тратить время и мысли. Большая книга терапевтически обращается к современному человеку самим сюжетом – сложным, сочетающим события и речи, которые нельзя пролистать, от которых невозможно отмахнуться.

“Дидактика формы” – в протяжённости произведения. Романа, прежде всего. Есть в этой протяжённости призыв к дисциплине ума. В состоявшейся истории есть и противостояние суете – влиятельному демону рубежа тысячелетий. Человек читающий – на пути владения собой; в продуманном построении текста вижу возможность созидания себя, способность к обретению сюжетно-композиционной гармонии внутри собственной жизни. Перефразируя и споря с эллинистическим поэтом Каллимахом, скажу: “Большая книга – защита нашей человечности”.

Литература – это мирооправдание. Оправдание мира в совершенных формах красоты. Древние греки, осваивая искусство трагедии, предложили слово “катарсис”. Бытие словно нуждается в изломах, чтобы быть осознанным и парадоксально принятым. Зрителю страшно, душевно больно – и страшно интересно в осознании человеческой участи, в пересечении великого героя и тебя самого. В этой точке осмысленного, возвышающего над прахом страдания. Трагический катарсис – создание эмоциональной и нравственной вертикали при чётком осознании, что от судьбы и смерти не уйти. Пойманный сюжетом, художественным словом хаос перестаёт быть разрушительным явлением. Жизнь, отразившаяся в зеркале эстетики, призывает прожить её ещё раз – достойно.

В расширенном толковании катарсис – общее условие существования литературы. Можно вести речь о прагматическом катарсисе (его вершина – канонические Евангелия): в самом произведении, в сюжете совершается фактическая победа добра над злом, вечной жизни над смертью. Но не только греки знали о том, что трагическое поражение порою сильнее влияет на человека, чем оптимистический финал. Всемирная литература полна мрачных кульминаций, недолгого и формального торжества злодейства над праведностью. Всемирная литература полна надежды – жертвуя собой, герой вытаскивает нас из трясины уныния и мизантропии.

Основа катарсических эффектов и одновременного высокого, бытийного оптимизма – где они? В области содержания – благородство, ощущение неуничтожимости человека, готовность к жертве, исход из любой упрощающей жизнь формулы, максимальная искренность в познании и подведении итогов этого познания, высота присутствия автора и сила его голоса при возможном отсутствии позитивного героя. В области формы – только в этом произведении явленная несерийная жизнь языка, сюжетно-композиционное превращение самых разных движений в гармоничное единство, не завершающееся с самим текстом вопрошание о смыслах,

выстраиваемый в произведении диалог, который охватывает самые разные сферы пребывания человека в мире.

В пространстве взаимодействия читателя с произведением катарсис – зерно бессмертия. Катарсис – изгнание вируса смерти! В платоновской “Апологии Сократа” приговорённый к казни философ учит примерно так: “Тот, кто не причастен к злым делам и мыслям, может быть уверен в своей защищённости. Ни здесь, ни после кончины не произойдёт с ним дурного. Не бойся! Мир устроен правильно, можно творить добро без опасения за свою судьбу. Жизнь сильной души бесконечна!” Думаю, что к этой мысли подводит каждое подлинное произведение. Фактом своего творения доказывая силу и светлые перспективы человека. Независимо от присутствия или отсутствия трагизма, от обращения к смеховой культуре, от реализации замысла в том или ином жанре.

Я не упрощаю. Лишь пытаюсь сообщить, что миссия литературы – не конкретный идеологический (и даже мировоззренческий) ответ, а вопрос, с которым читатель закрывает книгу, но не покидает обретенный идейно-художественный мир. Духовной интригой обращено к нам произведение. Об одной, – возможно, самой продуктивной – скажу особо. Она в “Книге Иова”, в канонических Евангелиях, в “Песне о Роланде”, “Гамлете” и “Фавсте”, в “Маленьких трагедиях” и “Братьях Карамазовых”.

Вот что здесь происходит. Есть сатана – как герой или дух упрощения. Он ненавидит человека, не верит в его силы и пытается доказать всему мирозданию, что главная задача жителя земли – успокоиться, удовлетвориться, комфортно обустраиться в прахе, подольше сохраниться в нём. Есть Бог – личность или интуиция текста. Он может и, пожалуй, должен посылать тяжёлые испытания, ввинчивать человека в трагические коллизии. Не ради наказания. Чтобы человек постоянно рос, понимая, что он – не червь и моль, а душа живая, родом из вечности. Также присутствуют мнимые друзья, бесконечно меняющие имена, – *Виллады, Софары, Елифазы*. Эти фарисеи – борцы с духом и творцы однозначных истин. Они готовы славить Бога и хулить человека в обманчивом смирении. Лишь бы поймать истину, зажать её в кулаке, превратить в навсегда заученное слово о правде и кривде. То слово, которым можно – не только нравственно, но и юридически – приговорить любого, кто всё ещё ищет, движется к Богу, борясь с предложениями сатаны о прекращении пути.

И вот он герой: между расширяющим духовное сознание Отцом и сатаной – идеологом презрения к человеку и мастером рационализации, логически доказанного отвержения Небес. Рядом ложные товарищи – фарисеи. Они не существуют без осуждения любого свободного движения к истине. То, что приходит к герою, который вырывается из “дружеских” лап, отвергает искушения сатаны и движется к Богу, можно назвать крестом.

Интрига не в том, чтобы схватить и везде предъявлять данную схему – отрицать религиозное фарисейство и... одновременно статью его представителем в области словесности. Интрига – в живом характере истории, объединяющей Бога, сатану, героя и фарисеев. Дух и его противник, Голгофа и тот, кто поднимается на неё, – в каждом произведении разные, демонстрирующие исключительный опыт спасения от зла.

Возможно, литература – главный антифарисейский проект человечества. Священник Георгий Селин в книге “Загадка 2037 года” (2016) пытается убедить нас в демоническом характере художественного слова. Не без риска отвечу так. В канонических Евангелиях *литературность* (как свободная, противоритуральная художественность) сказывается во многом. В четырёх евангельских повествованиях (а не в одном!), мешающих выучить краткий рассказ о механизмах спасения. В притчах, ставящих познание в образах выше познания формульного, чётким знаком стиснутого. В учении о необходимости очищения внутреннего мира, о спасающей глубине духовного сознания, противопоставленных ветхозаветной теории оцениваемого поступка. В организации повествования: Евангелия больше похожи на роман, трагедию, на каскад хорошо пересказываемых эпизодов, чем на свод духовно-юридических законов. В самой интонации “Евангелия от Иоанна”, когда Греция с её поэтизацией самых серьёзных движений человека становится по-настоящему необходимой. В поругании книжников, лицемерных чиновников, отказывающихся от всякой сердечной сложности ради осуждения иных.

Возможно, в утверждении литературы – призыв к завершению многовековой эпохи порождения ересей и одновременно нарастающей борьбы с ними. Приходит иное понимание слова – не страх исплаться в неправильной речи о самых высоких предметах, а готовность спастись во внутренней форме важнейших сюжетов – в интуиции добра без обязательного произнесения заученных, не доходящих до сердца конструкций.

Почему плохо выглядят ниспровергатели литературы, заявляющие о своих безусловных православных позициях? Те, кто находят “гностицизм” и прочие ереси в “Мастере и Маргарите” или в “Пирамиде” Леонида Леонова? Сложность и действительно двойственную красоту мира, согласие с катарсисом (который необходим для евангелистов) они меняют на уверенность в стабильности и непобедимости ада. Святости не стоит искать в литературных апокрифах. Но ещё меньше её в инквизиторских жестах.

Русская литература (добавлю: вся великая словесность), – по слову Михаила Тарковского, “младшая сестра молитвы”, – не против христианства. Она ставит вопрос о том, что воскресает в нас, что действительно не подвластно смерти. Каким должен быть внутренний мир, чтобы душа оказалась достойной вечности, соответствовала божественному представлению о человеке. Ведь он не может быть исчерпан своим неизбежным разворачиванием в бытовых, социальных и других неизбежно эгоцентрических контекстах.

Художественная словесность препятствует полной победе ритуала и формы, какими бы значимыми и каноничными эти формы ни представляли. Мы видим – и уж точно не раз и не два! – как далёкий от религии герой на наших глазах поднимается по нравственной вертикали, а заучивший сакральные буквы антигерой вызывает в памяти тягостное движение вниз. Вниз! Несмотря на *соблюдение, соответствие* и даже иконы по стенам. Шумеро-аккадский Гильгамеш *большой христианин*, чем крещёная госпожа Головлёва из салтыковского романа. Её сын Порфирий не меньший Иуда, чем евангельский предатель.

Произведение не остаётся в месте и времени своего создания, каркас мифологического или исторически конкретного мироздания здесь символ. Поэтому Гильгамеш не устарел, как устарела религия шумеров. Герой проходит путь от царствующего изверга до искателя вечной жизни, постигает цену дружбы и выдерживает удар после утраты друга, бьётся с хтоническими монстрами и учится говорить дурным богиням “нет”, полностью сливаясь с задачей найти истоки бессмертия и терпит героическое поражение на этом пути. Формально, фабульно Гильгамеш проиграл. При этом одержана литературная победа над смертью, в катарсическом переживании подвига героя – не пессимизм, а *предхристианство*.

Лишь бы не заиграться, не дойти до противоположной крайности в этой литературно разрастающейся борьбе с фарисейством. Страшнее книжников-лицемеров (готовы превратить жизнь и религию в страшный, юридически действующий комикс!) только неформалы-пустотники (в противостоянии закону и традиции могут доиграться до тотальности уничтожающего смеха и “весёлого” сатанизма). Бывает и так: борьба с фарисейством, в том числе на литературном поле, может привести к распылению мира, когда ты в осуждении лицемерия полностью, раз и навсегда теряешь представление об устойчивости жизни. Постмодернизм прошёл именно этот путь. Когда читаешь только что вышедший роман Олега Зоберна “Автобиография Иисуса Христа”, понимаешь, что есть фигуры не менее тяжкие, чем символические “книжники”.

При всей свободе (“апокриф” – не канон!) большая литература – это учение о человеке, о его движении к идеалу. Здесь снова не обойтись без слов о художественном произведении как о структуре. Краткости ради укажу лишь на теоретические работы Вадима Кожина (например, “Роман – эпос нового времени”) и на поэзию близкого ему по духу Юрия Кузнецова.

Важно следующее. Литературное произведение в поисках совершенного влияния стремится к гармонии фабулы и сюжета. Фабула – событийность произведения, его пересказываемая целостность, ощущаемая телесность, земная воплощённость, ясность и разумная чистота существования. В фабуле оно отстаивает свою почти материальную плотность как история, ни с чем не сравнимая по значению жизнь человека и мира в целом. Фа-

бульность поэмы, романа, но и фабульность стиха – основа литературной эпичности, масштаба бытия, зафиксированного в чётком, по-своему очень телесном движении.

Сюжет – закономерное усложнение события; переход на иной уровень, когда центрированная история получает сложный уровень речи – монологического и диалогического слова, создающего музыкальность, полифонию воссозданной в произведении жизни. Если фабула – это желание материальности нашего пути, понятного, сразу заметного героизма, то сюжет – творение внутреннего эпоса, переход от того, что можно пересказать, к тому, что простому пересказу не подлежит. Фабула – явление поступка. Сюжет – совокупность подтекстов и ракурсов. Негативный предел фабульности – всё то же фарисейство. Негативная граница сюжетности – то, что принято называть (расширяя религиозно-культурный термин) “гностицизмом”.

И в Новом Завете, и в искусстве романа, и в поэтических жанрах – явление идеального человека в гармонии мощной фабулы и сложнейшего сюжета. Как человек внешнего эпоса, он знает, что есть священная обязанность – быть в мире, ценить его, вести борьбу со злом, учитывая историческое, социальное, политическое, то конкретно жертвенное, что всегда связано с поступком. Как человек внутреннего эпоса, он не готов упрощать бытие до лаконичных формул, он ищет не самые простые пути в мир речи, где понимание и прощение выше духовно-юридического осуждения.

Литература учит быть в мире, но не опускаться до его упрощения в том или ином тоталитарном усилии. Литература – один из последних бастионов классического человека. Душа для него – не фантастика и не атактичный орган нашей нравственной виртуальности, который можно легко променять на новые универсалии перманентной технической революции. Будущее классического сейчас нельзя назвать очевидным. Против него, как и против литературы, выдвигаются серьёзные силы.

Ещё я бы хотел сказать о силе и необходимости *дилетанства* в мире художественного слова. Толпы никем не читаемых *профессионалов*! Тонны бесполозных диссертаций, написанных литературоведами, знающими сотни терминов, но не ведающими, зачем Бог и человек породнились в слове! Как же важно не стать надутым книжником, хилым *литературоцентристом*, сохранить живое восприятие произведения, которое зависит от твоего – совсем не обязательно научного – слова. Не утратить здоровую нищету духа, не превратить литературу в *обязательный предмет*! Чтобы подвинуть куда-нибудь к краю эту избыточную, от себя уставшую *научность*, нужны эссе и рецензии, неожиданные реплики и жанровые эксперименты. Необходимы *рискующие дилетанты*! В высшем смысле наивные души, которые веруют, что произведение призвано спасти читателя или хотя бы познакомить его с законами вечной жизни, а не стать объектом очередного занудного описания.

И ещё. Нам не стоит замыкаться в совершенстве национальной литературной традиции, горделиво утверждать, что мы – познали, а Запад – совсем наоборот. Никакого экуменизма – искусственного соединения в лживом кентавре! Однако художественная словесность (впрочем, как и само христианство) – возможность встречи подлинных элит, заинтересованных в завершении олигархического века. Наш русский удар будет совершенным, когда будет нанесён из всей всемирной словесности, при полном понимании, что Сервантес – не меньший союзник, чем Достоевский, а духовные искания Камю или Томаса Манна могут дать так же много, как путь Платонова или Булгакова. Гомеровский Ахиллес, шекспировский Гамлет и стендалевский Жюльен Сорель сражаются на русской стороне.

Между ритуалом и нравственным делом располагается художественное слово. Оно сдерживает высокомерное обособление полюсов – ритуала, стремящегося магически решить главные вопросы, и дела, иронически отрицающего культовые жесты. Литература – дивный апокриф между нерушимым каноном и безответственностью беллетристики – должна помочь нам выжить, выдержать вызовы новейшего времени и стать действительно сильнее.

Литература не должна проиграть!

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ИСТИННОЕ ЧУДО

ПАСХА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Евангельском послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, *“дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех”* (Евр. 2: 9) *“и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству”* (Евр. 2: 15). *“Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа”* (Гал. 4: 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность и достоинство человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот – вмещает в себя всё мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное естество сияет неизреченный Божественный Свет: *“Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят от рук, их же созда”*.

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнялись, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и “размягчения” сердца составляет ту одухотворённую атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное “попрание смерти”, возрождение торжествующей жизни, воскрешение “мёртвых душ”. Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь:

“Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!”

В отечественной литературе Гоголь наиболее точно выразил не только общечеловеческий, но и национально-русский смысл православной Пасхи: *“Отчего же одному русскому ещё кажется, что праздник этот празднуется как следует <...> в одной его земле? <...> раздаются слова: “Христос воскрес!” – и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всевозможных колоколов гудят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас! <...> где будят, там и разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе <...> есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратание людей было у нас родней даже и кровного братства”¹.*

История отечественной литературы впитала в себя христианскую образность, особый язык символов, вечные темы, мотивы и сюжеты, притчевое начало, уходящее своими корнями в Священное Писание. Светлое Христово Воскресение явилось духовной сердцевиной русской пасхальной словесности.

Пасхальный рассказ как особый жанр был некогда незаслуженно забыт, а вернее – злонамеренно сокрыт от читателя. Пасхальная словесность трети-ровалась с вульгарно-идеологических позиций как “массовое чтиво” – якобы малозначительная, бесследно прошедшая частность “беллетристического быта” нашей литературы. Теперь этот уникальный пласт национальной культуры обретает путь к своему (поистине – пасхальному!) возрождению.

Глубоко прав был в своём пророчестве Н. В. Гоголь: “Не умрёт из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесётся звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – праздник Светлого Воскресения воспряднётся как следует прежде у нас, чем у других народов!”².

Ведущие идеи праздничного мироощущения – освобождение, спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также идеи единения и сплочения, братства людей как детей общего Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, “день этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное своё братство всё человечество до единого, не исключив из него человека”.

В духовной сущности великого христианского “праздника праздников” открылась Гоголю внутренняя связь славной героической истории русского народа с его нынешним состоянием: “От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?..” В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырём. Всякое звание и место требуют богатырства”³.

Отсюда родилась и уверенность в грядущем пасхальном возрождении России и русского человека: “...есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, всё позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванётся у нас всё сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек”.

Пасха Христова внушает писателю упования на русское духовное единение: “И твёрдо говорит мне это душа моя; и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем Божиим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не выдавших, живущих на разных концах земли, и в одно время как бы из одних уст изглашаются. Знаю я твёрдо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твёрдо верит тому и говорит: “У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднётся Светлое Воскресение Христова!”⁴.

Глава “Светлое Воскресение” явилась мощным в идейно-эстетическом плане финальным аккордом **“Выбранных мест из переписки с друзьями”** (1847). “Идея воскрешения русского человека и России” стала пасхальным сюжетом гоголевской “книги сердца”. Рассмотрев идеи пасхальных рассказов: “духовное проникновение”, “нравственное перерождение”, прощение во имя спасения души, воскрешение “мёртвых душ”, “восстановление человека”, – В. Н. Захаров пришёл к справедливой мысли о том, что “если не всё, то многое в русской литературе окажется пасхальным”⁵.

По своему смысловому наполнению, содержательной структуре, поэтике чрезвычайно схожи святочные и пасхальные рассказы. Не случайно в XIX столетии они нередко публиковались в единых сборниках под одной обложкой⁶. “Одноприродность” пасхальной и святочной словесности проявилась в их взаимопроникновении и взаимопереплетении: в святочном рассказе проступает “пасхальное” начало, в пасхальном рассказе – “святочное”. Главное событие святочного рассказа Н. С. Лескова **“Фигура”** (1889) происходит под Пасху; лесковский “рождественский рассказ” **“Под Рождество обидели”** (1890) содержит пасхальный эпизод. В пасхальном рассказе А. П. Чехова **“Студент”** (1894) воспоминания о событиях Страстной Седмицы (отречение апостола Петра) представлены на фоне почти святочного, позимнему морозом: “Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха”⁷. В то же время в чеховском рассказе **“На святках”** (1900) явственно проступает возрождающее пасхальное

начало. Очевидно нравственно-эстетическое воздействие “рождественского рассказа” **“Запечатленный Ангел”** (1873) Н. С. Лескова на русский литературный процесс в целом, и в частности – на пасхальный рассказ А. П. Чехова **“Святою ночью”** (1886).

Лесковский **“Запечатленный Ангел”** имел громадный успех у читателей, стал общепризнанным шедевром ещё при жизни автора. По словам Лескова, рассказ “нравился и царю, и пономарю”⁸. **“Запечатленного Ангела”** узнали “на самом верху”: императрица Мария Александровна выразила желание послушать это произведение в чтении автора.

“Проста, изящна, чиста <...> прекрасная маленькая повесть г. Лескова **“Запечатленный Ангел”**, – отмечал православный мыслитель и публицист К. Н. Леонтьев. – Она не только вполне нравственна, но и несколько более церковна, чем рассказы графа Толстого”⁹.

Ключевое слово-образ в **“Запечатленном Ангеле”** – “чудо”. Оно играет и переливается разными красками, смыслами и даже сверхсмыслами, насыщено сакральными знаками Сил Небесных. Весь свод “чудес”, “дивес”, “преувидительных штук” неуклонно подводит к основному чуду в кульминационной точке сюжета – общечеловеческому единению, осуществлению желания с Божьей помощью “воедино одушевиться со всею Русью”¹⁰. В этом смысле знаменательно, что герои-артельные строят мост, символизирующий прорыв раскольничьей обособленности в православный мир. Лесков устами отшельника Памвы выражает свою горячую веру в то, что все – “уды единого тела Христова! Он всех соберёт!”

Образ жизни в лесном скиту “беззавистного и безгневногo” (1, 436) смиренного “анахорита” – “согруби ему – он благословит, припей его – он в землю поклонится, неоудим сей человек с таким смирением!” – напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его благодатным путём подвигов молитвы и самоотречения. Эту параллель подтверждает авторитетный источник: “изрядный, по основному образованию, знаток церковности, А. А. Измайлов без колебаний признал в беззавистном и безгневном лесковском праведнике Памве Серафима Саровского”¹¹ – затворника Саровской пустыни, чудотворца. Образ преподобного связан с многочисленными знаменами, чудесами, окутан легендами, свидетельствующими о его почитании в народе.

Так и старец Памва возникает в **“Запечатленном Ангеле”** среди лесной глуши внезапно, точно сказочный добрый помощник, Божий посланник, стоило только заблудившимся героям попросить высшие силы о помощи: “Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!” Появление отшельника воспринимается вначале как явление “духа”: “из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное – не разобрать”. Но приглядевшись, герой-рассказчик не может про себя не воскликнуть: “Ах, сколь хорош! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапки плетёт для простого себя миру явления”.

“Раскол XVII века поселил тревогу и сомнения в русскую душу, – писал исследователь русской святости Г. П. Федотов. – Вера в полноту реализующейся Церковью на земле святости была подорвана”¹². Однако в **“Запечатленном Ангеле”** старовер, встретившись со святым отшельником Памвой, справедливо “дерзает рассуждать” о раскольничьем движении: “Господи! <...> если только в Церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлён”.

Духовная жизнь теплится, не угасает. Как замечал Г. П. Федотов, “най­дётся иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <...> В пустынь к старцу, в хибарку к блаженному течёт народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещённого неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом. К нему уже находит путь не одна тёмная, сермяжная Русь. Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошёл на икону среди святителей из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни – два костра, у которых отогревается замерзшая Россия”¹³.

Так же и старец Памва в повести Лескова толкует о грядущем “распечатлении” Ангела: “Он в душе человеческой живёт, суетумдрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...”

В разъединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они становятся “братогрызцами”. Для установления истинно братских отношений необходимо обрести общий корень, общую опору – в христианском единении “едиными усты и единым сердцем”.

Это высказывание отрока Левонтия проецируется на кульминацию и финал рассказа – переход героев-старообрядцев в новое духовное состояние через соединение с Православной Церковью. В то время как один из артельных – Лука Кириллов, – спасая святыню, совершает свой самоотверженный переход по обледенным цепям над бушующим Днепром, в храме совершается всенощная в память Василия Великого. Литургия содержит слова об общем духовном устремлении православных христиан – **“едиными усты и единым сердцем”**, – имеющие “мотив обретения веры истинной через церковное причастие”¹⁴.

Старообрядцы чудесным образом узрели “славу Ангела господствующей Церкви и всё Божественное о ней смотрение в добротолубии её иерарха, и сами к оной освящённым елеем примазались, и Тела и Крови Спаса сегодня за обедню приобщились”. Имевшие “влечение воедино одушевиться со всею Русью” артельные “так все в одно стадо, под одного Пастыря, как ягнятки, и подобались, и едва лишь тут только поняли, к чему и куда всех нас наш запечатленный Ангел вёл”.

Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе “рождественского рассказа”: героев-раскольников к Православной Церкви “перенёс Бог”, Ангелы вели, спасая светоносностью икон от гибели над ревущей бездной.

Сквозь святочные события явственно просвечивают мотивы пасхальные, возрождающие и воскрешающие. В глубинных эмоционально-смысловых пластах повести Ангел-спаситель уподобляется Самому Христу-Спасителю. В повествовательном пространстве текста различимы знаки сакральных начал. Так, петух (“петелок”), возгласивший “Аминь!” человеческим голосом, и агнец – символ кротости и жертвенности, прообраз и одно из метафорических именовании Спасителя – обращают внимательного читателя к новозаветной пасхальной образности.

Пасхальный смысл лесковского “рождественского рассказа” и в том, что путь к Церкви старозеров, ведомых Ангелом, лежит через поругание святыни и страдание. Ангел-хранитель, говорит рассказчик, “сам <...> возжелал себе оскорбления, дабы дать нам свято постичь скорбь и тою указать нам истинный путь”. Здесь различимы слова Всенощного бдения: “Крест бо претерпев, погребению предадеся, яко Сам восхоте; и воскрес из мертвых, спасе мя, заблуждающегося человека”. Погребению уподоблено “запечатление” Ангела (наложение печати на иконописный лик). “Дело пропащее и в гроб погребённое”, – говорит Марк о поруганной иконе. Возможна следующая расшифровка заглавия лесковского рассказа: “Как Христос воскрес из “запечатленного гроба”, “без истления”, так и Ангел оказался невредим под сургучной печатью. <...> Вся история распечатления Ангела звучит как метафора Воскресения”¹⁵.

Несмотря на критическое замечание Ф. М. Достоевского в его статье **“Смятенный вид”** о том, что Лесков в финале поспешил разъяснить чудо, всё же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали “сопричастниками”, “дивозрителями” утверждения Высшего Промысла, победы провиденциального начала. Объективную, непредвзятую точку зрения на святочное чудо сформулировал Лесков устами героя **“Запечатленного Ангела”**: “Всяк как верит, так и да судит, а для нас всё равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы разыскал и жажду единомушья его с Отечеством утолил”.

Уместно вспомнить рассуждение святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, о двух путях и двух путеводителей: **“На пути гладком и покатою путеводитель обманчив; <...> а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он через многотрудность добродетели ведёт следующих за ним к блаженному концу...”**¹⁶ По собственному предсказанию, “не преполовя дня”, принял “блаженный конец” старик Марой, увидевший свечение и славу “церковного Ангела”; ещё ранее почил с миром отрок Левонтий, перед смертью по благословению старца Памвы узнавший, “какова господствующей Церкви благодать”.

“Этот Левонтий годами был сущий отрок, <...> но великотеlesen, добр сердцем, богочтител с детства своего и послушлив и благонравен <...> Лучшего сумудренника и содеятеля и желать нельзя было”. Образ героя проецируется на оглашаемые главы Евангелия на литургии в память Василия Великого, предшествующей приобщению героев к Церкви. Речь идёт об отроческих годах Иисуса: “Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нём” (Лк. 2: 40).

В связи с образом отрока также по-новому осмысливается привычный в святочном рассказе мотив ребёнка-сироты. С рыданиями поёт Левонтий духовную песнь – плач библейского Иосифа, проданного братьями в рабство: “Кому повем печаль мою, // Кого призову ко рыданию <...> // Продаша мя мои братия!..” Этот духовный стих, по слову отрока, “таинственно надо понимать” и “с преобразованием”.

Таким образом, Лесков выводит святочную идею сплочения из узких рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, общечеловеческий. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих связей, национальных устоев: “...с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела”.

Не дать порваться связи времён и поколений русских людей, восстановить “тип высокого вдохновения”, “чистоту разума”, который пока “суете повинуется”, поддержать “своё природное художество” – главные цели создателя **“Запечатленного Ангела”**.

Особая тема рассказа – отношение к русской иконе и иконописанию. **“Запечатленный Ангел”** – уникальное литературное творение, в котором икона стала главным “действующим лицом”.

В “иконописной фантазии” **“Благодарный разбойник”** Лесков признавался, что его “заняла и даже увлекла церковная история и сама церковность”: “Я, между прочим, предался изучению церковной археологии вообще и особенно иконографии, которая мне нравилась”¹⁷. В год создания **“Запечатленного Ангела”** Лесков написал статью **“О русской иконописи”** (1873), в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа: “Тот, кто не может читать книг, с иконы, которой поклоняется, втверживает в своё сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых Церковью за их христианские заслуги”.

Писатель ратует за возрождение русского иконописного искусства. Лесков уверен, что “икона непременно должна быть писанная рукою, а не печатная. <...> наши набожные люди <...> откидывают печатные иконы <...> “То, – говорят, – пряник с конём, а это пряник с Николою, а всё равно пряник печатный, а не икона, с верою писанная для моего поклонения”... Иконы надо писать руками иконописцев, а не литографировать”.

У Лескова имелось уникальное иконописное собрание: старинные иконы Строгановского и заонежского письма, редкие поморские складни. В. В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского – “русский лик и отчасти как бы украинский”. Судьба этой коллекции сейчас не известна, но с неё сохранился рисунок, на котором все иконы различимы, узнаваемы. В фондах Дома-музея Н. С. Лескова в Орле хранятся три иконы. Одна из них – “Спас во звездах” – с дарственной надписью писателя его сыну Андрею Лескову на Рождество.

Возможно, в **“Запечатленном Ангеле”** автор даёт точное описание подлинника: **“Ангел-хранитель, Строганова дела”**. Хотя рассказчик в ходе повествования неоднократно подчёркивает, что красота иконы неопишима, всё же именно в слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: “Глянешь на Ангела... радость! Сей Ангел воистину был что-то неопишемое. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлбожественный и этакий скоропомощный; взор умилен; ушки с тороцами, в знак повсеместного отовсюду слышания; одеянье горит, рясы золотыми преиспещрено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эммануилев; в правой руке – крест, в левой – огнепалый меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повисли и проведены волосок к волоску иголочкой. Крылья же пространны и белы, как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется! Молишься:

“Осени!” – и сейчас весь стихаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!”

В иконописном фрагменте рассказа Лескова сохранён стиль русской агиографии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей древней Руси – Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатство словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное “плетение словес” и – главное – “нравственная серьёзность перед лицом красоты”. На это свойство русского искусства указал С. С. Аверинцев. **“Старинное слово “благообразие” выражает идею красоты как святости и святости как красоты. Красота тесно связана в русской народной психологии с трудным усилием самоотречения”**¹⁸. Праведность иконописца **“совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового”**¹⁹.

Художник Юрий Селивёрстов в частном письме утверждал, что “икона никогда не была искусством и не будет. Икона не произведение, но молитва – и только! Она и вне времени, и вне пространства. Она везде. Создавалась она руками чистыми, чистой душой, воспарением духа. По Духу Святому. Вот почему и прикасаться к ней можно только очищенным и в чистоте желающему быть...”²⁰

В отличие от полотен светских художников, которые “изучены представлять то, что в теле земного, животолюбивого человека содержится”, икона – творение боговдохновенное: “в священной русской иконописи изображается тип лица небожительной, насчёт коего материальный человек даже истового воображения иметь не может”. Потому и отправляются герои **“Запечатленного Ангела”** в долгий путь на поиски “изографа” – истинного христианского иконописца.

Известно, что “изограф Севастьян” в рассказе во многом списан с “художного мужа” Никиты Савостьяновича Рачейскова, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась, прежде всего, духовность в колоритном облике мастера. Он настолько был “растворён” в иконописи, что и внешностью своей напоминал древнее художество: “...был стilen с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурой суховат, в чёрном армячке почти до полу, застёгнув под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> – весь внимание и благоговейная поглощённость в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, “воев небесных” и многообразных “во имя”. <...> лик постный, тихий, нос прямой и тонкий, тёмные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворённая. Во всём образе – духовен!”²¹

Только Христос “мог установить между истиною и красотой тот союз мира, из которого потом возникло христианское искусство”²², – подчёркивал профессор богословия Ф. Смирнов.

Рассказ Лескова был книгой для семейного чтения. Интересно сообщение Чехова редактору Лейкину 7 марта 1884 года: “Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”²³. Таким образом, лесковский “Ангел” был у Чехова “на слуху”, что не могло не отразиться в его творчестве, а именно – в создании пасхального рассказа **“Святою ночью”** (1886).

Бесспорно, этот рассказ создан в художественной манере Лескова. Как лесковский шедевр снискал всеобщее признание, так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был упомянут в материалах о присуждении Чехову Пушкинской премии.

Духовно-эстетическое начало рассказа Чехова связано не с иконописью, как у Лескова, а с красотой церковной поэзии, святого слова. Чеховский герой иеродиакон Николай – простой монах, который “нигде не обучался и даже видимости наружной не имел”, – обладал Божественным даром создавать акафисты. “Радуйся, древо светлоплодовитое, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!” – воспевается в хвалебном гимне Богородице. Сложные, многокорневые слова, усвоенные православной гимнографией из греческой традиции торжественной церковной риторики, выражают чувство благоговения перед святыней и в какой-то мере чувство бессилия достойно воспроизвести святой образ на человеческом языке.

В рассказе **“Святою ночью”** словно слышен лесковский рассказчик с его удивлением перед чудом ангельского лика: “Лик у него <...> самый светлобожественный и этакий скоропомощный” (1, 400). Чеховский герой также стремится передать святую красоту иконы в святой фразе – теми же много-

корневыми словообразованиями, свойственными церковным песнопениям, которые, как сказано у Чехова, вмещают “много слов и мыслей” в одном слове. “Найдёт же такие слова! Даст же Господь такую способность! — дивится чеховский рассказчик таланту сочинителя акафистов. — Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово <...> **“Светоподательна”!** <...> слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашёл в уме своём”.

Устами своего рассказчика — молодого послушника Иеронима — писатель развивает теорию жанра и стиля русского религиозного искусства: “Кроме плавности и велеречия <...> нужно ещё, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого”, “надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <...> Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил”.

Здесь отчётливо различима та “очарованность” — душевное свойство изумляться открывающейся взору святой красоте, молитвенная способность к тончайшему духовному и эстетическому переживанию, характерная для любимых героев Лескова — праведников, “очарованных странников”. Наличествует не только слуховая, но и зрительная, живописная, как в **“Запечатленном Ангеле”**, образность. Стиль этих художественных творений Лескова и Чехова можно определить как словесную живопись.

Оба писателя настойчиво подчёркивают, что создание такого искусства, по Лескову, — “редкого отеческого художества” — возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Так, с болью видит рассказчик **“Запечатленного Ангела”**, как цинизм и корыстолюбие, “обман и ложь бессовестные” разрушают “отеческие предания”: “Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились, и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует”. Но теперь “это люди не того духа”: “как чёрные цыгане лошадами друг друга обманывают, так и они святыню, <...> что становится за них стыдно, и видишь во всём этом один грех да соблазн, и вере поношение. Кто привычку к сему бесстыдству усвоил, <...> даже <...> хвалятся: что-де тот-то того-то так вот Деисусом надул, а этот этого вон как Николою огрел или каким подлым манером поддельную Владычицу ещё подсунул”.

В рассказе **“Святою ночью”** Чехов пишет, что подлинного благообrazia нет и в монастыре: “Народ всё хороший, добрый, благочестивый, но... **Ни в ком нет мягкости, деликатности, “некому вникать” в слова пасхального канона, и кроткий поэтический человек — безвестный творец акафистов — остаётся непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.**

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — **“Архиерей”** (1902).

Главный герой рассказа — представитель высшего церковного духовенства, викарный архиерей. Наречённый в монашестве Петром, при крещении в младенчестве он получил имя Павел. Так в имени и судьбе архиерея соединяются имена новозаветных апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Сюжетное действие разворачивается на фоне прогрессирующей болезни архиерея. Но перед самой кончиной ему ниспослано утешение, точно он скидывает с себя тяготивший земной груз, тяжкое телесное бремя и становится бесплотным, невесомым, готовым раствориться в небесных сферах, в милосердии Божиим. Преосвященный Пётр “в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что всё то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться”.

“Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!”

Герой уже не ощущает себя высшим церковным иерархом, наоборот — он один “из малых сих”, дитя Божье, дитя своей матери. А старуха-мать — вдова бедного сельского дьячка, которая стеснялась и робела перед высоким

саном владыки, не знала, как вести себя с ним, – только теперь увидела в преосвященном Петре своё дитя – сыночка Павлушу: “Она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребёнка, очень близкого, родного.

– Павлуша, голубчик, – заговорила она, – родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!”

Любовь, жалость, сострадание острее проявляются к слабому, незначительному, беззащитному. Любовь соединяет человека с Богом и с людьми, а всё остальное, в том числе служба, карьера, чины, – разъединяет, подавляет душу, приносит страдание, одиночество.

На пороге инобытия преосвященному привиделось, что он стал простым богомольцем: “Он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он уже простой, обыкновенный человек идёт по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!”

Отлетающей душе открылась истинная суть человека, который в своей земной юдоли – только путник к Богу. Герой испытал чувство необъятной свободы – той, что даруется свыше, но люди, придавленные материальными попечениями, забывают об этом даре, не умеют ценить его. И лишь душа, от Бога исшедшая и к Нему отходящая, освобождённая от гнёта земных забот, способна постичь эту свободу сполна.

Событийный ряд рассказа **“Архиерей”** разворачивается в течение Страстной седмицы и завершается в праздник Пасхи. Автор преднамеренно точно указывает вехи развития действия во времени и в пространстве. “Под Вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная” – это точка отсчёта. Развязка основного действия происходит с наступлением Светлого Христова Воскресения: “А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило”.

Очевидно, что у Чехова представлено религиозно-философское понимание времени и пространства. Эти категории в рассказе пасхальные, христиански сакрализованы. События Священной истории прочными духовными нитями связаны с православной верой, богохранимой землёй русской.

Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего – православного чаяния “жизни будущего века”. Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русских пасхальных рассказов, представлена в чеховском рассказе **“Студент”** (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные пасхальные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский – студент духовной академии – испытал небывалую, захватившую дух радость: “И он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. **“Прошлое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого”.** И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дотронул другой”.

Действие рассказа происходит в Страстную пятницу – трагический день распятия Христа. Подводное течение внутреннего лирико-символического сюжетного плана движется от ощущения вселенского холода и мрака, людского одиночества и отчаяния, сиротского чувства богооставленности: “Казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всём порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потёмки стужались быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно” – к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с её высоким таинственным смыслом: “Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <...> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им <героем. – А. Н.-С.> мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла”.

Художественное время русских пасхальных рассказов не ограничено календарными рамками. Настоящее и прошлое сливаются воедино с грядущим в поистине евангельской “полноте времён”, проповеданной апостолом Павлом:

“Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...>, Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление”(Гал. 4: 4 – 5); “В устроение полноты времён, дабы всё небесное и земное соединились под главою Христом” (Ефес. 1: 10).

Так в русских пасхальных рассказах устанавливается диалогическая соотнесённость с христианским новозаветным контекстом. Праздник Пасхи является мощным импульсом, уводящим в метафизические глубины художественного текста; придаёт ему религиозно-философскую универсальность, позволяет обратиться к вечным вопросам бытия.

Особое эмоционально-психологическое состояние радостной просветлённости, изумления перед непостижимостью Божественного Промысла, характерное для пасхального мироощущения, передано так, что “плакать хочется”, “дух захватывает”. В произведениях русских классиков открывается необозримая духовная перспектива. Это подлинное чудо, и не случайно оно становится в пасхальном повествовании ключевым: **“Чудо, Господи, да и только <...> Истинное чудо!”**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 тт. – М.: АН СССР, 1937 – 1952. – Т. VIII. – С. 409–418.

² Там же.

³ Там же. – С. 291–292.

⁴ Там же. – С. 409–418.

⁵ Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. – С. 252, 256.

⁶ См., например, Баранцевич К. С. Чудные ночи. Рождественские и пасхальные рассказы и очерки. – М., 1899.

⁷ Чехов А. П. Избранное: В 3-х тт. – М.: Векта, 1994. – Т. 2. – С. 510.

⁸ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 тт. – Т. 11. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 406.

⁹ Леонтьев К. Н. Анализ, стиль, веяние // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 210.

¹⁰ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 тт. – Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 455.

¹¹ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 400.

¹² Федотов Г. П. Святые древней Руси. – Paris: YMCA-PRESS, 1989. – С. 234.

¹³ Там же. – С. 235.

¹⁴ Горелов А. А. Патриотическая легенда Н. С. Лескова (Поэтика преобразований и стилизация в повести “Запечатленный ангел”) // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 163.

¹⁵ Майорова О. “Проста, изящна, чиста...” (О “маленькой повести” Н. С. Лескова “Запечатленный Ангел”) // 1-е сентября: Литература. – М., 1994. – № 2. – С. 2–3.

¹⁶ Цит. по: Православный календарь. Праздники. Жития святых. Молитвы. Апостольские и Евангельские чтения. Толкования святых отцов Церкви. – М.: Онега, 1998. – С. 14.

¹⁷ Лесков Н. С. Благоразумный разбойник // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. – Л.: ЛенГУ, 1984. – С. 191.

¹⁸ Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст. – М.: Наука, 1990. – С. 70.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цит. по: В. А. Художник Юрий Селиверстов // Вестник Христианского движения. – Paris: YMCA-PRESS, 1977. – № 1. – С. 276.

²¹ Лесков А. Н. – Указ. соч. – Т. 1. – С. 398.

²² Смирнов Ф. Общий богословский взгляд на историю древнецерковной иконографии. – Киев, 1879. – С. 7.

²³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. – М.: Наука, 1974–1988. – Письма. – Т. 1. – С. 81.

МАРК ЛЮБОМУДРОВ

МЕТАМОРФОЗЫ БДТ

Наше положительное задание — обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновлённых основах... России нужен новый русский человек, с обновлённым — религиозным, познавательным, нравственным, гражданским, собственническим и хозяйственным — укладом.

И. А. Ильин. Наши задачи

Большой драматический — крупнейший, наряду с Александринским, драматический театр Петербурга.

Сегодня этот театр переживает глубочайший творческий кризис и находится в состоянии деградации — идейной и художественной. В такой связи представляется полезным вспомнить некоторые предыдущие этапы его развития, восстановить эстетический камертон.

Напомним историю возникновения театра. Здание построено в 1878 году. Регулярные спектакли на его сцене начались с 1895 года, когда здание было арендовано труппой Литературно-художественного общества, организованного на паях А. С. Сувориным, а также П. П. Гнедичем и П. Д. Ленским. Вскоре Суворин стал единственным владельцем. В обиходе театр стали называть Суворинским, а после смерти владельца (1912) он стал официально носить его имя.

В эпоху революции, в 1919 году театр был преобразован и стал называться Большим драматическим театром (БДТ). В советские годы (1932) ему дали имя М. Горького, который наряду с А. В. Луначарским и артисткой М. Ф. Андреевой был причастен к рождению нового коллектива. Но решающую роль в его формировании тогда сыграл первый поэт эпохи Александр Блок — он с юности был влюблён в театральное искусство. И был рад назначению на пост художественного руководителя БДТ.

С 1992 года БДТ носит имя Г. А. Товстоногова.

Однако, если мы уважаем своё национальное наследие и пропагандируем идею культурного преемства, то (говоря о названии театра) справедливее было бы вернуть ему первоначальное наименование — имя великого деятеля русской культуры Алексея Сергеевича Суворина. Надо полагать, что в дальнейшем, с утверждением национальных основ русской государственности, это и произойдёт.

Организации БДТ сопутствовала ясная и цельная декларация – рождённый в мятежные революционные годы, он был задуман как театр героической драмы, высокой трагедии и высокой комедии, как театр романтического направления. Эта программа определила его искания начальной поры.

Но формула романтического искусства не могла исчерпать всех особенностей творчества театра и в дальнейшем корректировалась. Не однажды менялось русло его поисков, резкие повороты претерпевала репертуарная политика, эволюционировал сценический стиль. С приходом новых руководителей провозглашались иные режиссёрские установки, которые иногда оказывались весьма далёкими от первоначальной программы.

Справедливо мнение, что в искусстве БДТ, в пестроте и многообразии спектаклей, в противоборстве сценических направлений прощупываются некоторые тенденции, сохранявшие силу на протяжении многих лет. Речь идёт о стремлении театра к спектаклям монументального, зрелищно-масштабного характера, к богатству сценических средств. С блоковским пониманием театра как “хоровода муз” сопрягаются последующие искания “синтетического спектакля”, когда БДТ осваивал новейшие достижения смежных искусств, техники, машинерии.

Лучшие спектакли БДТ первой поры пронизаны пафосом защиты духовных ценностей, коренных традиций русской и мировой театральной культуры. В накалённой атмосфере времени большевистский лозунг “культурной революции”, кружа головы, трактовался как призыв к разрушению старого, как необходимость истребления традиций. Но Большой драматический, ведомый Блоком, стал важным художественно-просветительским центром, где новое в сценическом творчестве не мыслилось в разрыве с великим классическим наследием. Блок стремился к тому, чтобы “показать народу лучшие образцы европейской драмы”, русскую классику.

Эти стремления тесно связаны с блоковским пониманием роли культурного наследия в целом. Поэт полагал, что в “катастрофическое” время великие культурные ценности “надо не прятать, а явить миру, и явить так, чтобы признали их неприкосновенность, чтобы сама жизнь защитила их”. В этом Блок видел историческую миссию искусства, и только таким ему представлялся “путь спасения духовных наследий”.

Блок и его соратники в театре не мыслили искусства в отрыве от социальных и политических проблем, выдвинутых эпохой. “Всякий переворот, совершающийся в человеческой истории, – писал Блок, – прежде всего выдвигает вопрос о “правах человека” на жизнь, об обязанности каждого человека принять участие в создании того, что сделает жизнь более совершенной, прекрасной и правдивой”. Поэт считал невозможным для художника “быть вне политики... замыкаться в эстетизм и индивидуализм”.

Просветляющую мощь искусства руководитель БДТ видел в трагическом потрясении человека. Не отвергая героики, Блок полагал необходимым отразить трагические “сложности мира”. И не случайно, отбирая репертуар, именно трагедию он назвал “насущным хлебом для нашего времени”.

Известный критик Ю. А. Головащенко писал, что Блок понимал романтизм “гораздо более широко, чем это присуще историкам и теоретикам, видевшим в романтизме только определённую школу”, что для поэта сердце романтизма – в удесятёрённой силе жизни, в великом реализме большого стиля. Головащенко справедливо заметил, что в этом сказались его “приверженность к традициям непременно русским”.

* * *

В последующие десятилетия путь БДТ (как и большинства других театров) пролегал в искусственных, догматически регламентированных границах так называемого “социалистического реализма”. Идеино-эстетические позиции театра были деформированы. И репертуар, и исполнительское искусство были скованы усреднёнными требованиями конформистского подхода и политической рептильности.

В конце эпохи сталинского тоталитаризма, к 1950-м годам в БДТ явственно обозначились черты стагнации и обезличенности, стала обычной чехарда руководителей (в 1949–1954 годах сменились четыре главных режиссёра).

Новый этап биографии БДТ обозначился с назначением на пост художественного руководителя режиссёра Г. А. Товстоногова (1956). Этот период продолжался до его смерти в 1989 году.

Нет сомнений в том, что Товстоногов был профессионально одарённым режиссёром, обладавшим сильной организаторской волей. Он чутко улавливал социально-политическую атмосферу времени, соответственно формировал репертуарную линию. Выбор драматургии иногда оказывался весьма актуальным, в его предпочтениях нередко преобладала классика, и прежде всего, русская классика. Произведения титанов русской литературы служили прочной опорой в укреплении и развитии художественных достижений БДТ.

Успехам театра содействовало и то, что Товстоногов был приверженцем традиций русского сценического реализма, последователем школы МХАТ. Режиссёр являлся сторонником принципов психологической правды, декларативно и на практике опирался на великое наследие корифеев – К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Многие спектакли БДТ той поры рождались от жизни, были пронизаны психологической достоверностью, привлекали неожиданностью трактовок (иногда достаточно спорных). Этому способствовала и сильная труппа, творчество артистов, многие из которых были воспитаны в традициях МХАТ, реалистической школы. Искусство исполнителей основывалось на системе перевоплощения, следовании принципам переживания, органической естественности в раскрытии чувств. В формировании труппы артистов Большого стиля – очевидная заслуга художественного руководителя.

Выбирая репертуар, руководствуясь его соответствием историческому моменту, Товстоногов порой не чурался и откровенной конъюнктурности. Например, в 1949 году он поставил идейно фальшивую, лакейски панегирическую пьесу о Ленине Ш. Дадиани “Из искры”, за что тут же получил Сталинскую премию первой степени.

Не стыдился Товстоногов прибегать и к плагиату. Например, при постановке пьесы Вс. Вишневского “Оптимистическая трагедия” (1956, Александринский театр) спектакль имел отчётливо узнаваемое сходство с одноимённой предвоенной постановкой А. Я. Таирова в Камерном театре. Однако за него Товстоногов тут же получил премию – уже Ленинскую. Официальные власти и тогда, и в последующем относились к режиссёру угодливо-покровительственно.

На начальном этапе своей деятельности в БДТ Товстоногов поставил ряд спектаклей по русской классике: “Идиот” (по Достоевскому), “Мещане”, “Варвары” М. Горького, “Горе от ума” Грибоедова, “Три сестры” Чехова, “Ревизор” Гоголя. Они имели зрительский успех, обусловленный и блистательной игрой актёров, и трактовками, имевшими отзвук в общественной атмосфере. Влияние происходивших в стране больших перемен (“оттепель”) ощутимо сказалось на истолкованиях спектаклей.

Товстоногов обладал умением вскрыть конфликт пьесы, заострить его, успешно преодолевал хрестоматийно-избитые версии, умел добиваться от актёров тщательной психологической разработки характеров. Резонанс его спектаклей усиливался эпатажно-фрондёрскими сценическими приёмами, к которым порой прибегал режиссёр, и их легко обнаружить в постановках. В целом идеалы и ценности русской национально-патриотической культуры (как и её религиозные подтексты) не были родственны и близки его менталитету, а может быть, и чужды ему. Подчас мировоззренческие позиции режиссёра неизбежно приводили к искажённому восприятию произведений русской классики, что отразилось и на сценических истолкованиях. Это можно заметить на ряде спектаклей БДТ 1970–1980-х годов.

В спектакле “Тихий Дон” (1977) с режиссёрским нажимом изображалась ярость схваток, братоубийственной ненависти, горячка взаимоистребления. Такое болезненно-пристрастное нагнетание смерти вытеснило главные у Шолохова мотивы – поиск народом правды, мучительную сложность конкретных судеб, трагизм гражданской войны. Спорной оказалась и трактовка Григория Мелехова (арт. О. Борисов). Товстоногов, следуя вульгарно-социологической концепции, сложившейся на прошлом этапе советского литературоведения (позднее успешно опровергнутой), воспринял Григория Мелехова человеком чужим и обречённым, якобы не признавшим народной правды и не заслуживающим “симпатии”. Против такого упрощения предостерегала русская критика (например, П. Палиевский), да и сам Шолохов прямо сказал: “Концепция” об отщепенстве Григория Мелехова давно выброшена на свалку”.

Спектакль “История лошади” (по повести Л. Толстого “Холстомер”, 1976) был поставлен Г. Товстоноговым в жанре мюзикла, он привлекал богатством выразительных средств, актерскими достижениями и, прежде всего, трагедийными чувствами Е. Лебедева в роли Холстомера.

Чередой возникали на сцене взлёты и падения жизни Холстомера-Лебедева. В них отчётливее всего был слышен скорбный толстовский голос. Высоко поднимая образ Лошади, писатель мучительно переживал падение человека, восставал против небратства мира, против корысти и эгоизма, против бесчеловечного собственнического инстинкта. “Христианства нет” – эта фраза из повести и выражала сокровенную её боль. Сцены безвинных мучений и вспышки радости главного героя – лучшие мгновения спектакля.

Но многое, что существовало за пределами исполнения роли Холстомера, представлялось весьма спорным. Табун лошадей, которых играли артисты, отведенное большое место. Табун олицетворял силу, противостоявшую Холстомеру: лошади садистски, глумливо и безжалостно избивали незащитного мерина. Здесь надламывались нравственные устои повести.

Братское, общинное, коллективистское у Толстого в спектакле подменялось скотским, табунным, стадным. Порывы духа были связаны лишь с судьбой Холстомера. Всё, окружавшее его, являло собой всесокрушающую власть плоти и похоти. Низменно-физиологические мотивировки сплетались в плотную ткань. И возникало ощущение, что высокая драма жизни Холстомера низводилась к животнo-биологическим неудачам, на которые он обречён как “пегий” и как “мерин”.

Соскальзывание к балаганной театрализации (мюзикл!), акценты на игровых началах, на лицедействе и эксцентричных метаморфозах, конечно, сказались на содержании. Насмешливая тональность действия мешала увлечь зал чувством сострадания. И в этом отчётливее всего отразилось противостояние, агрессивная фамильярность по отношению к Толстому. Были утрачены границы нравственного абсолюта, который так незыблем у писателя. То, что с “Историей лошади” БДТ объехал множество стран, не меняло сути дела.

Напомним, справедливости ради, что Товстоногов в прошлом обнаруживал иной подход к русской классике (“Идиот”, “Варвары”, “Мещане”). В этих спектаклях Большой драматический доверчиво шёл навстречу литературе. И, творя рука об руку с великими авторами, имел успех: спектакли сохраняли и одушевляли великое в русском наследии – его нравственную взискательность, его правдолюбие и гражданственность, веру в справедливость. Имея репутацию “режиссёрского” театра, Большой драматический тогда (конец 1950-х – 1960-е годы) обнаруживал и признаки, в лучшем смысле слова, театра “литературного”.

Находясь в контексте русской театральной культуры, Товстоногов в своём творчестве, в конечном счёте, проявил себя художником либерально-космополитического направления, а на последнем этапе своей деятельности и с русофобскими тенденциями (например, спектакль “Смерть Тарелкина”). Не потому ли режиссёр всегда был заботливо обласкан кремлёвской властью, которая исповедовала маразматический, русофобский интернационализм и насаждала фальшивую антирусскую концепцию новой “общности”, названной “советским народом”. Товстоногов имел несметное количество правительственных наград, далеко обойдя в этом многих своих коллег. Скажем, даже великие Станиславский и Немирович-Данченко имели таких поощрений многократно меньше.

Товстоногов – народный артист СССР, Грузии и Дагестана (!), Герой Социалистического Труда, имел три ордена Ленина, две Сталинские премии, Ленинскую премию, две Государственные премии СССР, был депутатом Верховного Совета СССР, доктором искусствоведения, имел звание профессора, заведовал кафедрой режиссуры и т. д. и т. п. Иногда предпринимались попытки представить Товстоногова чуть ли не гонимым диссидентом, якобы противостоявшим официальной идеологии. Факты опровергают подобное предположение.

В 2015 году отмечалось столетие со дня его рождения. В СМИ прокатилась волна восторженных публикаций. Однако сопровождавшая юбилей апологетика творчества и личности режиссёра вряд ли была адекватна его достижениям и имела отпечаток сильных преувеличений.

Невозможно обойти вниманием и некоторые индивидуальные особенности личности Товстоногова. Его агрессивная диктатура в сфере руководства

своим театром (“Театр – это добровольная диктатура”, – говорил он), противодействие любой конкуренции – никакие внештатные постановщики к работе в БДТ не подпускались – производили отталкивающее впечатление. Вряд ли укладывалась в этические нормы и его патологическая нетерпимость к критике, резкие, всегда беспощадные, разносные выпады (вплоть до идейно-политических доносов) против инакомыслящих, против тех, кто позволял себе малейшее несогласие или порицание творчества “мэтра”, кто спорил с его трактовками произведений, вступал в полемику с идейно-художественной позицией руководителя БДТ.

Неудивительно, что Товстоногов не готовил и не оставил по себе преемника. После его смерти в театре возникла обычная для таких случаев режиссёрская чехарда. Дольше других в должности художественного руководителя оставался грузинский режиссёр Тимур Чхеидзе (2004–2013). В этот период афиша была весьма пёстрой, репертуар был ориентирован на зарубежную обывательскую драматургию, русская классика почти исчезла со сцены БДТ.

Начавшееся ещё при Товстоногове постепенное падение авторитета и зрительской популярности театра продолжало нарастать. Всё отчётливее становились черты деградации. Загадочно прозвучало объяснение Тимуром Чхеидзе “причин” своей добровольной отставки: “Сейчас, наверное, настало время, когда БДТ нужны перемены, на которые лично я не могу пойти. Многие называют меня ретроградом...”

В 2013 году новым художественным руководителем БДТ Министерство культуры назначило 52-летнего режиссёра А. А. Могучего. По базовому образованию он инженер авиаприборостроения. Режиссуре обучался в Ленинградском институте культуры, в театральном смысле достаточно маргинальном учебном заведении. К этому времени Могучий был известен как основатель “независимой” группы под названием “Формальный театр”, творчество которого характеризовалось очевидным уклоном к европейскому авангардизму. Показателен выбор Могучим для своих первых спектаклей в этом театре пьес “Лысяя певича” Э. Ионеско, “Эндшпиль” С. Бэкета (1989, 1990), оба автора – классики европейского театрального авангарда.

В последующей биографии Могучего поражает художническая всеядность. Он ставил спектакли в театре “Балтийский дом”, в Мариинском театре, в “Приюте комедиантов”, в цирке на Фонтанке, в Смольном соборе, но, пожалуй, более всего – в Александринском театре. В лице его руководителя В. Фокина молодой энергичный режиссёр нашёл единомышленника, учителя, покровителя и соратника.

Влияние Фокина-авангардиста – идейное и эстетическое – прослеживается в спектаклях Могучего на разных сценах.

В первые сезоны его руководства БДТ явились на свет очень разные по стилю постановки. “Алиса” с участием А. Б. Фрейндлих – спектакль по мотивам сказки Льюиса Кэрролла “Приключения Алисы в стране чудес” – был реализован на “второй сцене” БДТ, возможно, в качестве реверанса премьерше театра.

Манифестный характер, раскрывающий мировоззрение и эстетику режиссёра, имели “Что делать?” по одноимённому произведению Н. Г. Чернышевского (2014), “Пьяные” современного российского автора И. Вырыпаева (2015), “Гроза” А. Н. Островского (2016).

* * *

Фабульно спектакль “Что делать?” близок оригиналу: вечный треугольник – одна дама и двое претендентов. Текст романа “пропущен через блендер” режиссёрской фантазии – создана “окрошка” из обрывков текста, реплик, диалогов, авторских отступлений. В некоторых сценах возникает загадочная дама с металлическим рупором в руках по имени Красота (В. Павлова), она изрекает на публику пошловатые нравоучения, даёт маловразумительные оценки происходящему вокруг неё.

А. Могучий, объясняя свой выбор темы, заявлял: “Мы живём в тревожное время, когда будущее туманно, а в головах – хаос и неразбериха. Самим названием романа Чернышевский поставил сакральный для нашей страны вопрос...”

Ответ не найден”. Красноречивое признание. По ходу спектакля нарастает недоумение: не присутствуют ли “хаос и неразбериха”, прежде всего, в голове постановщика?

Для мало-мальски образованного и мировоззренчески просветлённого русского человека роман “Что делать?” – давно перевёрнутая страница отечественной словесности. Художественно убогий памятник начальной эры российского нигилизма, безбожности и русофобии. Самое содержательное и запоминающееся в произведении – его название. . .

Следуя своей капризной и многосуетливой фантазии, А. Могучий, по его словам, задумывал “Что делать?” как “спектакль-семинар, спектакль-диспут”. Пространство организовал по аналогии со стандартными университетскими лекционными залами. И потому партер БДТ превратили в амфитеатр, сцену – в подобие “кафедры”, а зрительный зал был замыслен как “аудитория”.

Громадность металлической конструкции свидетельствует не только об экстравагантности создателей спектакля, но и, видимо, о безграничных финансовых возможностях театра.

Режиссёру не свойственно соблюдать логику в развитии сценического действия. Оно напоминает поток взбудораженного сознания постановщика, который выплескивает свои фантазмы в произвольной последовательности.

Разумеется, никакого “диспута” или “семинара” в спектакле не возникает. И потому очевидна вся несуразность воздвигнутой громоздкой конструкции. Пространство сцены раздвинуто до её крайних границ и напоминает громадный сундук (художник А. Шишкин). Персонажи в сопоставлении с космическими размерами площадки кажутся мелкими букашками, насекомовидными существами. Одетые в темно-серые одежды, они ассоциируются с тараканами. Не у них ли заимствована система движений – то замедленных, то судорожно-торопливых. Такой, кафкианский взгляд на человека, видимо, соприроден создателям спектакля.

Сцена почти свободна от аксессуаров. Лишь несколько столов на колесиках, настольная лампа на одном из них. В глубине – чёрное пианино. В центре – старинный венский стул, перед ним – тазик с водой (тараканы любят воду). Вместо задника – громадный экран, на котором периодически отражаются движения артистов.

Оформление аскетическое. Пространство поделено между чёрным и белым цветом: слева – чёрные колонны и чёрный пол, справа – белый пол и белые колонны. Палитра исчерпывается бело-чёрным противостоянием. Таково олицетворение добра и зла в спектакле.

В одном из эпизодов планшет сцены разверзается, открывая напоминающий могилу провал. У его края лихорадочно суетится Вера Павловна (Н. Александрова), поспешно сгребая туда разбросанные вокруг сухие листья. Разгадывая эту экстравагантную шараду-метафору, можно предположить, что листва – это тот человеческий мусор, то “большинство”, которое, по слову Кирсанова (Е. Медведев), “не хочет ничего менять”. Театр развивает заявленную тему “борьбы старого с новым” . . .

Чёрно-белое зияние опустошённой сцены угнетает своей безжизненностью. Художник спектакля А. Шишкин, очевидно, находился под воздействием шарлатанских дурачеств К. Малевича с его убогой игрой чёрно-белыми геометрическими формами.

Пытаясь связать воедино фрагменты спектакля, театр придумал роль “Автора” (Б. Павлович), которому и поручено разъяснять зрителям логику сценического действия.

Именно “автор” и начинает спектакль длинным витиеватым монологом, знакомя зрителей с сюжетом. Позднее он же комментирует происходящее, пытаясь подогреть гаснущий зрительский интерес к событиям на подмостках. Так возникает и провокационный текст, как бы от имени возможных “ортодоксальных” критиков постановки: “Где молодые революционеры? На сцене покажут обыкновенное глумление над классикой на бюджетные деньги”. Неоспоримая истина этих слов облечена в форму игривого, ёрнического “самосуда”.

В другом эпизоде “автор”, подначивая задремавшего зрителя, может заявить: “Скука – это воспитание и признак воли и стойкости у тех, кто досидит до конца”. Зрелище, предьявленное театром, и в самом деле занудно, скучно и утомительно (зал постоянно клонит в сон). Предвидя подобную реакцию, театр утешает зрителей информацией о том, сколько продлится спектакль

(всего-то 2 часа 15 минут). Однако не помогает и скороговорка, с которой изъясняются сценические герои, стремясь приблизить финал.

Понимая, что идеологической схоластикой ограничиться было бы постыдно, театр вторгается в пространство ключевых понятий современности – патриотизм, истина, справедливость, мудрость народа. Однако в звучащих со сцены рассуждениях как раз отсутствуют и патриотизм, и истина. Начиная с обобщения: “Мы, русские люди, невежественны”.

Конечно же, не могла не прозвучать реплика, возможно, особенно дорогая авторам спектакля: “Где уж с таким народом новые порядки заводить!” “Патриотизм, то есть любовь к отечеству, – хорошая вещь?” – спрашивают со сцены у зала. Театр явно хочет возбудить сомнения на этот счёт. И выдвигается шулерское противопоставление: “Но ведь есть и любовь к истине... Любовь к отчизне создаёт героев. Любовь к истине создаёт мудрых людей. Любовь к отечеству без любви к истине разделяет (?! – М. Л.) людей”. Фальшивость этой софистики очевидна всем, кто обладает развитым гражданским, историческим и национальным самосознанием. Ведь патриотизм, равно как и любовь к своему народу, к своей нации, и есть основополагающая истина, формирующая “мудрое” мировоззрение человека.

Пещерность подобных размышлений “автора” вполне адекватна его затрапезному облику. Мятые брюки, чёрная майка, потрёпанная курточка-обдергайка, стоптанные башмаки. Встретишь такого на улице – можешь принять за бомжа. Невольно возникает шальной вопрос: всё же “автор” в спектакле – это кто? Чернышевский, изъятый из тюремного каземата, или режиссёр Могучий, который ведь тоже автор – сценических “мотивов” по Николаю Гавриловичу?..

Разрушают “четвёртую стену” спектакля не только эскапады “автора”, но и вполне житейские реплики других персонажей. Например, мать Веры Розальская (ИрUTE Венгалите) может заговорить языком актрисы – исполнительницы роли, – выражая тревогу, успеет ли она после спектакля на метро, или придётся возвращаться домой на такси... Нынче это называют “осовремениванием” искусства.

Омерзительным представлен Рахметов (В. Княжев). Он появляется с профессорским портфелем и миниатюрной дощечкой, утыканной гвоздями (подкладывает под голову, когда спит?). Одет крайне неряшливо, в рваных ботинках на босу ногу. Постоянно почёсывается – от блох или вшей? Изъясняется невнятной скороговоркой. Одним словом, ещё один вариант “нового” русского человека.

Священник обрисован как классовый враг – циничный стяжатель, соглашается венчать лишь после получения мзды, полученной от Кирсанова (Е. Медведев). Подобные эпизоды подтекстовываются под формулу “разумного эгоизма” – её возглашает на сцене “автор”.

Кирсанов – главный резонёр в спектакле. Всех учит, наставляет, проповедует. Он недоволен тем, что “большинство не хочет ничего менять”, и убеждён в том, что “если изменить условия, то изменится и сам человек”. Нет сомнений в том, что это мысли и самого режиссёра, сторонника позитивистской, материалистической философии, которой были одержимы российские революционные демократы. Как будто и не минуло с той поры полутора столетий, наголову сокрушивших подобную глупость. “Условия” радикально менялись, но “человек” оказывался всё той же “тварью дрожащей” или с гонором “сверхчеловека”, превосходя в своём эгоизме все границы “разумного”.

Кирсанов же выступает и проповедником свободы: “Свобода превыше всего, выше жизни”. Правда, на поверку оказывается, что это свобода, прежде всего, чувственных отношений мужчины и женщины, доступность “удовольствия”, которое они могут доставить друг другу. Сценические герои мучительно ищут выход из злополучного любовного “треугольника”. Сомнения разрушает истинно “новый” человек Рахметов. Для него ничего не значат бытующие, а значит, “устаревшие” нормы: “Вы могли бы жить втроём, к чему ваши мучения?”

Конечно, “новым” очень хочется предстать и режиссёру А. Могучему. И в эстетику спектакля вводятся неожиданные и даже ошарашивающие приёмы. Многие сцены дублируются на установленном вместо задника экране, для этого используется специальный проектор. Видимо, для слабовидящих или просто дебилоидных зрителей. Используется и оригинальный саундтрек. Действие сопровождается звуками вокального ансамбля, в программке

к спектаклю он обозначен как “хор festino” (дирижер А. Макарова). Издаваемые им ухорезные завывания очень схожи с гудением мартовских котов или с ритуальными камланиями шаманов. Эти нервические глоссолалии вполне органичны стилю спектакля, даже и тогда, когда они заглушают текст персонажей. Заметим, однако, что приём этот – из режиссёрской палитры В. Фокина (худрука Александринского театра), не напрасно же Могучий там практиковался...

Всячески выделяя стержневую для спектакля тему свободы, театр выдвигает в центр действия и Веру Павловну. Уже в начале сценического действия сделан акцент на её первой реплике: “Я хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, не хочу, чтобы кто-нибудь говорил мне: “Ты обязана сделать это для меня!” Нет, я хочу делать только то, чего буду хотеть. И пусть другие делают так же, я не хочу ни от кого требовать ничего, я не хочу стеснять ничей свободы, и сама хочу быть свободной”.

И последующим поучениям героини театр уделяет повышенное внимание. Вот она говорит, что более не верит в пользу мастерских. Затем убеждает нас в том, что чаемое ею *царство свободы* “начинается там, где есть удовольствие от труда”. Признаётся, что в снах видит “другое небо”, “наш мир” ей представляется “крохотным”, и в нём человечество “плачет” – в этот момент зажигают свет в зрительном зале (может быть, проверить, кто плачет, а кто – нет). Одновременно резко усиливаются завывания “хора festino”.

Под этот эксцентричный аккомпанемент героиня обращается к залу, повторяя назидательные пошлости либертинской идеологии: “Только тот любит, кто помогает женщине подняться до независимости”.

Завершая действие, театр успеваеет нагромоздить перед зрителями множество проблем. Свобода, семейные ценности и жизнь в “треугольнике”, смысл труда, женская эмансипация, аскетизм или гедонизм как выбор бытия. Ясного ответа на эти вопросы зритель не получает. Модный приём европейского модерна – так называемый “открытый финал”.

Интерпретируя произведение, режиссёр последовательно убеждал зрителей в том, что свобода – наивысшая ценность из всех. Но не снимается ли этот мотив финальной сценой, где Вера Павловна произносит свою последнюю реплику “Я чувствую пустоту”? Правда, не вполне ясно, к такому ли итогу она стремилась. Ведь пустота – тоже мера свободы, в ней можно увидеть и освобождение от всего: от Бога, совести, долга, ответственности за близких, в конце концов...

Проблема женской эмансипации, волновавшая Чернышевского, в XX веке едва ли не окончательно разоблачена как уродливо понятое восприятие женской природы, женского призвания и самой сущности так называемой эмансипации. Новизна “новых людей”, созданных писателем и представленных на сцене БДТ, заключена в радикальном отторжении от веками сложившихся, консервативных, Богом установленных религиозно-нравственных канонов и ценностей. И спор об их правоте – не пустой ли спор?

* * *

Не исчерпав своей творческой мощи в “Что делать?”, А. Могучий с удвоенной силой проявил своё дарование в следующей постановке – “Пьяные” по пьесе И. Вырыпаева, избрав путь агрессивной скандальности и эпатажа. Такой степени расхристанности, вседозволенности, хулиганского произвола и вызывающего цинизма я, пожалуй, не видел ни разу в жизни! Название спектакля реализовано на подмостках в самом буквальном виде. Все персонажи изображают состояние хронического алкогольного опьянения. С маниакальной назойливостью театр демонстрирует все возможные формы этого состояния. Перед зрителем развёрнута настоящая энциклопедия походки, поз, падений, корчей, рвотных рефлексов, косноязычия и ругательств, на которые способен сильно пьяный человек. Чтобы зал не забывал, кто перед ним, над сценой постоянно высвечен большими красными буквами транспарант со словом “Пьяные”.

Действие распадается на череду эпизодов со множеством персонажей, функции которых в пьесе можно разгадать, лишь заглянув в программку: муж, жена, подруга, банкир, менеджер, заместитель управляющего, проститутка.

По сути, эти обозначения не имеют реального отношения к одномерным, не индивидуализированным и очень похожим друг на друга сценическим героям. Главное в них – они пьяные. Поскольку произносимый актёрами текст часто невнятен и неразборчив, по экрану позади сцены для вразумления зрителей пущена бегущая строка, повторяющая реплики.

Сквозь мельтешение эпизодов прорезается и некое “сквозное действие”, личные отношения двух пар: Лоуренс – Магда и Густав – Лора (исполнители соответственно: В. Реутов – А. Кучкова и Д. Воробьёв – М. Игнатова). Их взаимодействие напоминает развлечения вошедших нынче в моду свингеров (обмен женами-мужьями).

Приподнятый планшет сцены огорожен перилами и очень похож на загон для скота (художник А. Шишкин). В этом пространстве и извиваются, корчатся, дерутся, хохочут, извергают нецензурную брань антропоидные рептилоиды – персонажи спектакля.

По мере развития действия события и текст всё более насыщаются диалогами, монологами и даже заклинаниями, имеющими некоторое отношение к смыслу и предназначению человеческого бытия. Многократно упоминаемое слово “Господь” звучит рядом с матерщиной, назойливым повторением выражений (прости, Господи! – М. Л.) “говно”, “говняный”, “е. аный” и т. п. Острое ощущение кощунства и наглой мерзости вонзается в душу и вызывает протест и возмущение.

Звучащие словесные непотребства приобретают характер гнусной, оскорбительной для человека с нормальной психикой и нравственным чувством ёрнической скандальности и богохульства. Происходит уравнивание высоких, сакральных категорий Бытия и самых низменных понятий и чувств. Одновременно нагнетаются диалоги о “вранье”: “Мы все врём, и поэтому мы все в говне”. Очень знаменательно это словечко “все”...

Если в спектакле “Что делать?” на главный вопрос, по признанию самого постановщика, ответа не нашлось, то в “Пьяных” ответ звучит с обескураживающей прямоотой. С параноидальной одержимостью с подмостков многократно повторяется, что смысл жизни человека – в его физиологических отправлениях.

Конечно, в пьесе и в спектакле речь идёт о России. Кого могут обмануть иностранные имена персонажей (весьма неуклюжее прикрытие русофобии и дешёвого, злобного фрондерства). На сцене воспроизводится атмосфера пьяного угара: отвратительные ругательства, агрессивные стычки, поток нецензурной лексики. От предсказуемой критики режиссёр пытается оборониться загадочным указанием в “программке” к спектаклю: “В спектакле используется нормативная (? – М. Л.) бранная лексика”... Уверенный в своём праве определять “нормативность”, театр не заметил саморазоблачительности своего комментария: богохульство и отвратительная лексическая грязь признаются им “нормой” языка! А согласится ли с этим зритель? Ответ сквернословов можно предвидеть: *пипл всё खाвае...*

Ничуть не удивили одобрительные отклики в печати о спектакле “Пьяные”. В господствующей театральной среде у Могучего множество единомышленников. Например, критик Л. Шитенбург писала: “В вечер премьеры “Пьяных” БДТ впервые за десятилетия выглядел очнувшимся после долгого сна, так похожего на смерть. При этом он не поступил ничем – ни мастерством, ни респектабельностью. На одной из самых главных театральных сцен страны торжествовал добротный и не лишённый шика “большой стиль”, не имеющий ничего общего с маргинальными “авангардными” опытами, которыми страшат легковверных зрителей, подозревающих Могучего в крамоле”.

Разумеется, спектакль был удостоен премии “Золотая маска” в двух номинациях, а А. Могучий получил награду как “лучший режиссёр в драме” (2016). Так узаконивается сценическое паскудство, извращается предназначение искусства, так создаются театральные мифы... Так возникает противостояние двух сил. Используя название книги А. Солженицына “Двести лет вместе”, можно сказать, что за двести лет эти две силы, оба народа – “большой” и “малый” (в терминологии И. Шафаревича из его классического труда “Русофобия”) – так и не смогли достичь гармоничных взаимоотношений, а их сосуществование обернулось отвратительной химерой.

Подытоживая, скажем, что спектакль “Пьяные” кладёт начало новому этапу в движении современной российской авангардистской сцены – этапу развития театра, окончательно обрушивающего опоры всякого приличия,

благонравия и благопристойности, взрывающего фундамент русской православной культуры. И не только потому, что бесстыдная брань звучат в спектакле бессчётное число раз... Идолом в этой системе стал *хомо эректус фекалис* – человек оскотинившийся, утративший образ и подобие Божие. Но – в сиянии демонических “золотых масок”...

* * *

Увенчанный премиями (“лучший режиссёр!”), обласканный восторгами критики и одобрением “инстанций”, А. Могучий вполне уверенно, зная, что надо делать, подошёл к воплощению следующего произведения – “Грозы” А. Н. Островского.

Спектакль начинается со стремительного выхода на авансцену трёх персонажей, которые, как выясняется, символизируют любовный треугольник пьесы (Тихон Кабанов, Борис, Катерина). Выход сопровождается оглушительным грохотом огромного барабана, установленного у боковой кулисы. Возникшие фигуры – в лапсердаках и с цилиндрическими шляпами на головах – представлены в монструозном виде: разинутые рты, искажённые гримасами лица, трясущиеся в припадке “болезни Паркинсона” руки. Одержимые конвульсивными сексуальными порывами, они попеременно взасос целуются друг с другом. И не возникает сомнений, что перед зрителями – пациенты психиатрической клиники.

Так задаётся смысловой камертон спектакля: режиссёр предъясняет нам репортаж из дома умалишённых... Впечатление лечебницы для душевнобольных неотразимо. К примеру, петербургский профессор Дм. Травин после спектакля признался: “Два с половиной часа ты находишься не столько в театральном зале, сколько в атмосфере дурдома... Вместо Святой Руси на сцене представлена отечественная духовная помойка”.

Сразу мог вспомниться персонаж “Записок сумасшедшего” Н. Гоголя, титулярный советник Поприщин, который “любил бывать в театре”. Это он убеждал нас, что “земля сядет на луну”, ту самую, что “обыкновенно делается в Гамбурге, и прескверно делается”, а “Китай и Испания – совершенно одна и та же страна”, но главное, сам он – “Фердинанд Восьмой, король испанский”. Я бы не удивился, если бы Поприщин прибавил себе ещё один титул – “главный режиссёр БДТ”, общеизвестного петербургского Большого драматического театра, избравший подобающий звучный псевдоним “Андрей Могучий Первый”. В качестве эпиграфа к спектаклю “Гроза”, разумеется, должно избрать знаменитую реплику героя повести: “А знаете ли, что у алжирского бая под самым носом шишка?” Это сразу настроило бы зрителей на нужный лад...

Однако оставим иронию. Театр предъяснил нам не пьесу Островского, а её труп, уже побывавший в прозекторской и тщательно выпотрошенный. Из пьесы изъята её нравственная, духовная суть. За границами спектакля остались столкновения долга и чувства, боль и страдания героини, напряжённая психологическая жизнь персонажей – всё то, что Станиславский называл “жизнью человеческого духа”. В хаотической клочковатости сценического действия с трудом узнаются очертания пьесы, искромсанной режиссёрским произволом. Предъявленное театром зрелище развивается, как сказал бы Достоевский, “мимо совести”.

На сцене развёрнута мрачная фантазмагория, где корчатся неврастенические дергунчики, с клоунскими ужимками и речёвками в рваном темпе. Действие нафаршировано спецэффектами и буффонадой. Театр не забывает постулата Мейерхольда: “Дурачество и кривлянье необходимы для актёра”.

Живое слово Островского тонет и гложет в барабанном грохоте и сверкании молний (как-никак – гроза...), в сумятице эпизодов, в скороговорках, а иногда и в манере “рубленной прозы”, с которыми озвучивается текст. Трудно понять и причины, по которым вдруг зажигают свет в зрительном зале.

Зрителей должны ошеломить зловещие картины: сквозь клубы дыма возникают очертания зверей с горящими красными глазами. В глубине сцены сквозь мглу просматриваются подвешенные, как на живодёрне, туши гигантских животных. “Убогую” (Д. Шишляева; в пьесе, однако, нет такого персонажа), словно собачку, вводят на верёвке-поводке, завязанном на шее. Как вставной номер вмонтирована сцена, где Дикой (С. Лосев), нисколько не стыдясь

публики, снимает с себя штаны. А потом безуспешно пытается надеть их, никак не попадая ногой в штанину. Сценическое действие вдруг споткнулось – эпизод, видимо, плохо отрепетировали. И как уместно было бы, если бы из-за кулис вышел в своей неснимаемой весёлой бейсболке (стилизованная кипа?) режиссёр Поприщин, пардон – Могучий, чтобы наглядно показать незадачливому исполнителю, как правильно надевать штаны. Мейерхольд, обожавший непристойности, непременно бы вышел на подмости.

Недоставало режиссёрского соучастия и в иных, весьма красноречивых фрагментах спектакля. Истинным его украшением явилось бы лирическое ариозо Могучего в дуэте с вокалистом, солистом оперной труппы Михайловского театра А. Кузнецовым, исполнившим (в оперном стиле) роль Бориса, племянника Дикого.

Что-нибудь на тему “Я испанский король Фердинанд Восьмой (или Девятый)”.

Фантазия постановщика показывает действующих лиц в красках мрачного гротеска, рисуя их как безнадежно помешанных. Консультации Поприщина, подвергнутого реинкарнации, проявляются здесь на каждом шагу... Несчастных “идиотов” – они открывали спектакль – кормят с рук, как парнокопытных в зоопарке. Почтенный изобретатель Кулигин (А. Петров) лихо носится по сцене на подростковом самокате. На Кабанихе (М. Игнатова) вдруг обнаруживаем треуголку в стиле Наполеона-Бонапарта (“Я – Наполеон Пятый!”). “Барыня” (И. Венгалите) на своих текстах корчит ужасающие рожи и курит длинные сигареты, вполне из XXI века. Феклуша (М. Лаврова) свои реплики и монологи сопровождает чудовищными гримасами и непрерывными подёргиваниями головы. Участников спектакля можно определить словами Андрея Белого: “Зверовидные какие-то лица. Лица дрессированных зверей, а не людей”. Об уровне исполнения трудно сказать что-либо иное, кроме того, что актёры хорошо выдрессированы, старательно следуют режиссёрским наказам, не выходя за рамки своих типажных возможностей. Именно этого, видимо, постановщик от них и добивался.

В соответствии с методологией Брехта, актёры не перевоплощаются в образы, а играют “отношение” к ним, обращая текст в зал. Господствует тотальное пренебрежение словом, оно произносится бешеной скороговоркой, видимо, как нечто архаичное, устаревшее, ведь это середина полузабытого века XIX-го!

Периодически персонажи передвигаются – со сцены в зрительный зал и обратно – по длинному, пересекающему партер помосту. Своеобразный портал, через который происходит перемещение во времени. “Находка” вполне в духе нынешнего мистического телеканала РЕН-ТВ, где регулярно объясняют приёмы телепортации, телекинеза и прочих чудес света...

Надо ли напоминать, что фоном сценического действия является абсолютная чернота, ведь ещё революционный прогрессист Н. Добролюбов объявил Россию “тёмным царством”.

Неким контрастом этой тьме выступает нарочито раскрашенный образ Катерины (В. Артюхова). Нарядно одетую девочку-подростка выкатывают на фурке, словно раритетную вазу. Героиня для режиссёра – предмет антиквариата, она из другого, давно утраченного, нездешнего мира. И потому – вопреки пьесе – не возникает живого противостояния светлой, но искушаемой души Катерины и жестоких, равнодушных людей из мира Кабанихи. Закономерно утрачивается и важный Островскому мотив победы совести над лицемерием, над греховным падением героини.

Странной “нашлёпкой” и в противоречии с “эстетикой” спектакля выглядит изображённое на занавесе-заставке “житие Катерины”, выполненное в романтической манере мастеров Палеха. Впрочем, проследить логику в сумятице режиссёрских ухищрений – дело безнадежное.

Можно подытожить: постановщик создал компиляцию из множества приёмов и методов европейского модерна и постмодерна, которыми детально разработана эстетика отчуждения искусства от человека и где драматургия рассматривается лишь как предлог для демонстрации эксцентричной (и часто аморальной) фантазии режиссёра. Узнаваемые и концепция “бедного театра” А. Арто, “пустой сцены” П. Брука, разрушенной “четвёртой стены” Б. Брехта, фрейдистские параксизмы Е. Гротовского и новации иных мэтров “остраненного театра”. Всё это, конечно, осеняет мифистический профиль

Вс. Мейерхольда с его биомеханикой, монтажом аттракционов и пр. — главного театрального демона XX века. Н. Гоголь назвал бы подобные системы “чужеземным навозом”. Однако именно на их фундаменте строятся идейно-эстетические, формообразующие принципы нынешнего руководителя БДТ.

Его театр — это мир безграничной эклектики и всесмешения, мир балагана, тотального лицедейства, гротеска, толкования мира как игры. Это — господство условности, приоритетности формы, противопоставленных естественной жизни, культ новомании и взгляд на артиста как на марионетку, “вешалку для своих идей”.

Сегодня А. Могучий и иже с ним со смердяковской убежденностью трансплантируют это “наследие” в русское художественное пространство, вытесняя и замещая нашу традиционную национальную культуру (высочайшую в мире!), разрушая цивилизационный код Русского Народа. Современные аналитики определяют этот процесс как этнотерроризм.

А. Могучий, как и многие его соратники, принадлежит к неуклонно растущей “многонародно-международной, полурусской полуинтеллигенции”, о чужеродности и тлетворном влиянии которой неоднократно писали классики русской мысли XX века. Творчество таких межеумков неизменно противостояло ценностям русского мира — идеалам истины, добра и красоты. Лучшие артисты отечественного театра, по их признанию, “когда играли, то ощущали Бога над своей головой”. Бога, а не бич безбожной режиссёрской диктатуры!

Влияние Могучего не ограничивается узко-театральной средой. На гастролях в Москве, например, некоторые критики восприняли “Грозу” как “подарок судьбы”, как открытие “подлинного Островского”... Спектакль был немедленно выдвинут на премию “Золотая маска” аж в шести номинациях. И наивно было бы сомневаться в том, что премию Могучий получил — в номинации “Лучшая работа режиссёра”. Постаралась не отстать и провинция: высшую петербургскую театральную премию “Золотой Софит” присудили “Грозе” в номинациях “Лучший спектакль на большой сцене” и “Лучшая работа режиссёра”. Перед этим водопадом наград остаётся лишь воскликнуть “А судьи кто?!”...

* * *

В Петербурге, вкупе с уже втоптаным в грязь Александринским театром, БДТ под обновлённым руководством пролагает дорогу духовному и эстетическому разложению театральной культуры.

Тем удивительнее было узнать, что в апреле 2016 года Министерство культуры РФ перезаключило контракт с А. Могучим ещё на один срок пребывания его на посту художественного руководителя. А министр Мединский даже похвалил его: “По темпам роста (! — М. Л.) БДТ вошёл в число самых эффективных (! — М. Л.) федеральных драматических театров”. Что это, как не потакание мерзким авангардистским бесчинствам и административное поощрение разнузданной русофобии и бесстыдных сценических кочевряжеств! Либо министр свалился с Луны, либо он заодно с режиссёрскими экспериментами-экскрементами, о которых написано выше. В обоих случаях приносим ему наше соболезнование... Но выражаем и наше негодование тоже.

По поводу подобных явлений в художественной среде даже Патриарх Кирилл не удержался от комментариев: “Есть такие формы культуры, которые рождают негативные настроения и с которыми тяжело найти примирение. Нас приучают к мерзости и глупости под видом искусства. Если в нём не раскрывается закон гармонии, а именно он лежит в основе мироздания, значит, это псевдо- или антиискусство, и его цель — не возвышать человеческую личность, а разрушать её”.

Уверен, что не только Патриарха, но и многих граждан России тревожит нынешнее состояние нашей культуры. Нельзя забывать, что оба упомянутых выше театра — Александринский и БДТ — принадлежат не частным лицам, а государству.

Но можно ли утверждать, что деятельность этих ведущих сценических коллективов, их идейно-художественная направленность являются стратегической линией ответственных за культуру сегментов существующего режима? Что же это может означать? Объясняя причины столь “странной” политики,

выдающийся современный философ А. Панарин писал: “Нынешние победители – внутри страны и в глобальном масштабе, – не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших, активизируют худших, выдавая их за современный человеческий стандарт, и всеми мерами гасят энергию лучших, сохранивших способность оценивать мир с позиций социального и нравственного начал”. И становится очевидным, что не каждому по силам достойно участвовать в противостояниях “победителей”, а значит, и менять стратегию в руководстве культурой страны.

Не следует думать, что жертвами русофобствующих компрачикосов стали только петербургские театры. Разрушительное наступление на театральную культуру развёрнуто по всей стране. Достоянием гласности становятся далеко не все скандальные случаи. Каким-то образом, например, просочились в неангажированную печать сведения о кощунствах в спектакле “Тангейзер” Новосибирского оперного театра.

В 2017 году объектом диверсии стал Большой театр в Москве. Спектакль режиссёра-авангардиста К. Серебренникова (имеющего криминальную репутацию) “Нуреев” стал театрализованным манифестом содомитов, отражающим мировоззрение, сосредоточенное, как выразился бы Вас. Розанов, “в толке обрезания”, а эстетически поэтизирующим коленно-локтевые позытуры. . .

Ещё раз приходится напомнить, что бесчинства совершаются на подмостках государственных театров, которые содержатся на бюджетные, то есть народные деньги. Как, очевидно, и кадровую политику (назначение на руководящие посты) осуществляют государственные органы.

Однако, как можно предположить по косвенным признакам и некоторым прямым свидетельствам, не Мединский и не Министерство культуры осуществляют важнейшие кадровые назначения. Не марионетки ли они в сфере большой политики? Анализ обстоятельств наводит на мысль, что решения принимаются иными центрами власти, закрытыми для общества. Это можно увидеть и в назначениях руководителей театральных вузов страны. Возможно, что Министерство – лишь послушный исполнитель закулисных указаний.

Как было отмечено в печати, “процессом управляет класс... класс победивших в 1991 году” (“Завтра”, 2017, № 50, декабрь). Достоевский называл это *status in statu*. Нашей публицистикой прозорливо обозначено и “лицо” класса: “Это и есть как раз то, что ниже пояса на знаменитой фотографии, из-за которой балет “Нуреев” ранее не был допущен к показу”. Наивные запрети! Премьера, конечно же, состоялась. . .

Много размышлял об отношениях искусства и власти гениальный композитор и мыслитель Г. В. Свиридов. Отметив, что искусство часто служит власти, он обратил внимание на возможность и противоположных отношений: “Бывает искусство, которому служит сама Власть. Такое положение дел создалось в нашем теперешнем государстве, когда Власть служит чужому искусству еврейской диаспоры, считая его за главное, поклоняясь само чужой силе, от которой зависит, и заставляя подчиняться этой силе своих подданных” (Музыка как судьба. М., 2017. С. 646). С переменным успехом подобная стратегия осуществлялась в российском государстве едва ли не целое столетие.

Всякого рода солидарность нередко переходила в круговую поруку. Обратим внимание на то, что почти все наиболее пакостнические, оскорбительно-хулиганские постановки поощрялись премиями фестиваля “Золотая маска”. Безнравственность, развратность, разнузданная вседозволенность на сцене достигли такого размаха, что не замечать этого позора официальным лицам было уже невозможно. Но как редко и робко раздавались подобные протесты! Однако любые справедливые оценки заслуживают нашей признательности.

Например, в 2015 году на провинциальном совещании Министерства культуры в Туле первый заместитель министра Вл. Аристархов критиковал фестиваль “Золотая маска”: “Фестиваль из года в год системно поддерживает постановки, которые очевидно противоречат нравственным нормам, очевидно провоцируют общество, очевидно содержат элементы русофобии, презрение к истории нашей страны и сознательно выходят за нравственные рамки”. Он резонно усомнился в праве государства финансово поддерживать такой фестиваль. Однако фестиваль продолжает получать бюджетные средства, и министерство по-прежнему обозначено как один из его организаторов. Справедливая критика осталась без последствий. Не будем забывать – правит всесильный “класс” . . .

Русскому театральному миру брошен вызов. Энергично осуществляется богоборческий и русоненавистнический натиск на человека, в котором уничтожаются образ и подобие Божие. Русский народ растлевают методом так называемого постмодернизма, когда произвольно меняются оценки происходящего, меняются знаки явлений, зло может рассматриваться как добро и наоборот. Деятельность БДТ – один из примеров тому, быть может, особенно красноречивый.

Национальная самобытность, духовная содержательность нашего театра подвергаются разрушающей агрессии со стороны космополитических и воинствующе антирусских сил, сплотившихся, как сказал бы великий И. Р. Шафаревич, в “малый народ”. Современные Могучие, Фокины, Серебренниковы и иже с ними конструируют на сцене искусственную среду, вместо людей показывают обезличенных гуманоидов – это облегчает безответственную манипуляцию смыслами и принципами искусства, рождает атмосферу всеохватного нигилизма, циничного отношения ко всему на свете. Смердные нечистоты продолжают фонтанировать на наших сценах. Доколе?..

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

“ЧЕЛОВЕК, ПРИБАВЛЯЮЩИЙ СВЕТА...”

Гену Касмынина – Геннадия Григорьевича – я вспоминаю не иначе, как богатыря земли русской. Крупный, осанистый, косая сажень в плечах, он производил впечатление сильного, обстоятельного, уверенного в себе человека.

Родился Геннадий в апреле 1948 года в селе Казачка Саратовской области. После школы работал в колхозе, служил во внутренних войсках (отсюда у меня, начальника отдела литературы журнала внутренних войск “На боевом посту”, всегда был особый интерес и к нему самому, и к его творчеству), окончил очное отделение Литературного института им. М. Горького. Занимался в семинаре Льва Ошанина, который к нему относился по-доброму, а вот ученик к своему учителю – достаточно критично, хотя отдавал должное особому таланту знаменитого поэта – песенному.

Сближало нас с Геней ещё и то, что из Звенигорода он перебрался в мой родной подмосковный городок Реутово, вселился в небольшую “хрущёвского типа” квартирку, в которой до него жил Николай Иванович Тряпкин.

Ко времени нашего знакомства Геннадий готовился разменять тридцатник, выпустил в “Молодой гвардии” две поэтические книжки, участвовал в VI Всесоюзном совещании молодых писателей, был принят в СП и стал работать редактором в издательстве “Современник”. Я же в ту пору заочно учился в Литинституте в семинаре у Старшинова и довольно часто бывал в “Молодой гвардии”, в альманахе “Поэзия”, которым руководил Николай Константинович. Здесь было всегда интересно: приходили поэты разных поколений и “литзаслуг”, завязывалось обсуждение поэтических новостей, возникали острые споры. Примерно в то же время я познакомился там со своими сверстниками – с Александром Щупловым, Геннадием Красниковым (они работали вместе со Старшиновым), Павлом Калиной, Николаем Дмитриевым, Владимиром Ведякиным, Александром Бобровым, Ольгой Ермолаевой, Григорием Калюжным...

Как правило, все приходило к Старшинову в день его рождения или на Никулу-зимнего в первой половине декабря. На общем фоне Касмынин выделялся не только богатырской статью. Он был напорист и неуступчив в суждениях, и жестом, и голосом воздействуя на оппонента.

В молодом окружении Старшинова Касмынин соперничал, пожалуй, только с Дмитриевым. И, несмотря на особо трепетное отношение Николая Константиновича к своему младшему тезке, старался не уступать тому ни в чём. Впрочем, Старшинов ведь не зря написал: “Геннадия Касмынину как поэту многое дано. Очень радует меня, например, не только его ощущение природы

как близкого, живого существа, но и способность выразить своё отношение к ней хорошими и проникновенными стихами... Его будущие успехи зависят теперь от его чисто человеческих качеств — от работоспособности, от требовательности к себе, от того, как дальше он сумеет построить свою биографию”.

С биографией у Касмынина всё обстояло довольно-таки просто и, наверное, обыденно: ещё в институте он познакомился с будущей женой — Саидой Фёдоровной, у них родился Дениска; из издательства Гена перешёл работать в журнал почти с тем же названием — “Наш современник”, стал заведовать отделом поэзии. С требовательностью к себе тоже всё обстояло нормально. Терпимо он относился и к товарищеской критике. Помнится, даже просил в первую очередь говорить о тех стихах, которые не понравились и почему. А работоспособности ему всегда было не занимать. Одна за другой стали появляться солидные книги: “Вещий камень” (1981), “Не говорю: “Прощай!” (1985) — половиной авторских листа, “Однажды и навсегда” (1987).

Он словно куда-то торопился, хотел как можно скорее и полнее выговориться. А эта дорога при любом несомненном таланте скользка и обрывиста. У единиц получается пройти, не споткнувшись и не упав. Чаще всего у тех, кто по тем или иным причинам засиделся “в девках” — вышел к читателю поздно, накопив изрядный поэтический багаж. Были свои неудачи и у Геннадия, хотя... У иного маститого стихотворца за всю его многолетнюю и многокнижную жизнь не наберёшь и десятка приличных стихов. А Касмынин не стоял на месте, пусть трудно, но прибавлял. Чтобы не быть голословным, процитирую хотя бы вот это стихотворение из “Вещего камня”:

*Сказал бы тот, кто встречи наши
Как бы случайно подсмотрел:
Ты полюбила — стала краше,
Я полюбил — и постарел.*

*Какой любовью ты хранима?
Каким несчастьем я раним?
Меняемся необъяснимо
И перемен не объясним.*

*Тут кто-то высший поработал
И справедливым был вполне:
Весь блеск любви*

тебе он отдал.

Всю тяжесть чувств

оставил мне.

По-моему, замечательно. Тем более, что произросло стихотворение на том поле, где всё, казалось бы, пето-перепето.

Вслед за “современниковским” томиком “Однажды и навсегда” должна была появиться книга “Дни и сумерки”. Она была набрана в издательстве “Молодая гвардия”, но так и не увидела свет. В брошюрке “Эти дни в октябре”, выпущенной “Рекламной библиотечкой поэзии” в 1994 году, сам поэт объяснял это так: “Перестройка была в самом разгаре. С 1987 года не издал ни одной книги, хотя время от времени в еженедельнике “Литературная Россия”, газете “День” появлялись стихотворения, написанные по следам времени”.

Его последней прижизненной книгой стала книга “Гнездо перепёлки”, изданная редакцией журнала “Наш современник” в 1996 году. Этот сборник не просто итожит значительный отрезок творческого пути автора. В нём, как отмечалось и критикой, и собратями по перу, зримо проступали контуры нового, лирико-философского этапа касмынинской поэзии, что, несомненно, являлось признаком и зрелости, и нарастающей силы таланта. В этом опять же не трудно убедиться хотя бы на таком примере:

*Иван летел на страшной птице
В страну своих счастливых грёз
И, чтоб в полёте не разбиться,
Чтоб птице было чем кормиться,
С водой и мясом бочки вёз.*

*Когда на нет сошли запасы
И стал слабеть крылатый свей,
Он дал ей собственного мяса
И кровью наполнил своей.
Почти столетие подвиг длится.
Земля молчание хранит.
Ивана нет... И только птица
Куда-то всё ещё летит.*

“Геннадий Касмынин – большой, красивый, открытый человек, – написано в аннотации. – И поэзия его, плотная, мускулистая, открыта всем ветрам времени... Для поэта нерушимо означены высшие духовные ориентиры – Россия, народ русский, его печали и надежды. “Добру и злу внимая равнодушно...” – не для искренней, честной, ранимой и праведной, органично патристической музыки Геннадия Касмынина”.

И это подтверждали многие его стихи. Я же, чтобы не быть голословным, приведу одно – “Щиты”, с которым Геннадий познакомил меня вскоре после написания, но которое не могло появиться на страницах моего ведомственно-правоохранительного издания:

*Над Москвой тишина после боя.
Смыта кровь и погашен огонь.
Тихо-тихо летит неживое —
Белый пепел, угарная вонь.
Занимается день золотистый,
Золотятся вокруг купола...
Ты была и святой, и пречистой,
Только подлой ещё не была.
Но отныне тебе не отмыться
От расправы... Позволила ты,
Чтоб детей твоих разных, столица,
Развели и столкнули щиты.
Не толпа безоружная, помнишь,
Начинала расплёскивать кровь...
И тогда не пришла ты на помощь,
И теперь ты молчишь про любовь.
И не слышишь предсмертного стона,
От расстрельной победы пьяна,
Кольцевую дорогой (как зона
Зачумлённая) обнесена.
А щиты — это выдумка власти,
Чтоб с народом ограбленным жить,
Рассекать на удобные части
И хватать! и сажать! и гвоздить!*

Касмынин не был бы Касмыниным, если бы помалкивал в тряпочку, не откликался со всей своей страстностью на происходящие мерзости в российской жизни, или, говоря его словами, в них не просматривались бы “следы времени”. Помнится, мы даже как-то поцапались на этой почве. Я принёс в “Наш современник” подборку новых стихов. Бегло посмотрев, он принял меня отчитывать: “Всё лирика, цветочки... Э, нет, брат! И без тебя полно охотников тискать всякого рода фигли-мигли. Ты давай-ка, неси что-нибудь о паскудном нашем времени”. И, переходя на дружеский лад, неожиданно процитировал строчки из моего стихотворения, напечатанного в журнале:

*...И, погружаясь в сонные огни,
я вижу поколение своё
оглохшим от словесной трескотни
и без борьбы уставшим от неё.*

“Вот и давай в том же духе!”. А затем со своей располагающей и вместе с тем хитровой улыбкой добавил: “Боевых стихов у нас маловато...”

Я вот студию молодёжную замыслил. Подобрал хороших начинающих ребят, работаю с ними. Хочу, чтобы писали в остросоциальном ключе. Учились у Некрасова, фронтовиков, да и у нас, грешных, когда перестаём щебетать об одних только ягодках-цветочках...”

И тем не менее, ярость обличительства постепенно отступала. Появлялись новые стихи — плоды искреннего сочувствия простым людям, ввергнутым в бесправие и нищету, глубокого понимания происходящего. Не случайно признавался потом Юрий Кузнецов в том, что многие стихи из последней прижизненной книги Касмынина стали для него настоящим открытием. Он потом вернулся к этой оценке, когда в начале нового века представилась возможность составлять, редактировать и выпускать новую поэтическую серию в издательстве “Голос-Пресс”. Под первым номером он поставил томик “выдающегося русского поэта Геннадия Григорьевича Касмынина “Берёза над обрывом”.

“До этого я видел Касмынина как одного в ряду многих небесталанных, но тут он явно выдавался из ряда, — писал в предисловии Кузнецов. — Он взломал бытовую ограниченность, присущую прежним стихам, и обрёл большое дыхание. Образность уплотнилась, пространство смысла расширилось, а слово заиграло самоцветными гранями... Когда я ему говорил, что его звезда взошла где-то между Тряпкиным и Рубцовым, он улыбался, как дитя: “Ты это серьёзно? — Серьёзней и быть не может, а точней время скажет”.

А заканчивал Юрий Поликарпович таким утверждением: “Насколько его стихи жизнеспособны, покажет только время, но, надеюсь, долгие годы им обеспечены. Иначе и быть не может. Иначе плохо будет младому незнакомому племени без касмынинской совести”.

На этом, казалось бы, и следовало поставить точку. Но мне хочется завершить разговор о своём покойном товарище всё-таки его строками:

*Жизнь уходит в неглавные вещи,
Превращается в пыль и песок,
И уже туповато-зловеще
Повествует о сроках висок.*

*Настаёт, приближается, длится
Отрицание прожитых дней:
Тронешь ветку — повалятся лица
Через кольца годичные пней.*

*А картины? А мысли? А книги?
А заводы? Мосты? Корабли?
Это всё — на скелете вериги,
Упаковка обычной земли.*

*Успокойся, не думай про это,
Помолись и унынье развей,
Человек, прибавляющий света
Керосиновой лампой своей.*

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

“И СТОЛЬКО ЖИЗНИ МЕЖ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ!”

1

При размышлении о поэзии и судьбе Ивана Тertyчного мне почему-то на память приходят строки другого известного русского поэта – Анатолия Перерева, посвящённые Николаю Рубцову и его последнему земному приюту – кладбищу под Вологдой, где и мне довелось не так давно поклониться могиле поэта:

*Лишь здесь порой, как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...
Быть может, потому, что он при жизни
О мёртвых помнил, как никто другой!
И разойдутся тихо, сожалея,
Что не пожать уже его руки...*

(“Кладбище под Вологдой”)

“О мёртвых помнил...” – вчитываясь в эти давно уже написанные Переревым строки, можно сказать, что они вполне приложимы и к нему самому, и к поэту Ивану Тertyчному (именно в такой творческой ипостаси я его сейчас и рассматриваю, не забывая о том, что Тertyчный ещё и замечательный прозаик).

При жизни мне его, к сожалению, знать не доводилось, но неисповедимы пути Господни, и вот накануне его сороковин держу в руках, листаю страницы его книг, подаренных мне его вдовой Светланой Васильевной, и словно веду с ним до какого-то урочного времени отложенную добрую беседу.

Здесь надо сказать или напомнить, что сороковой день для души ушедшего от нас близкого человека имеет особо важное значение: в этот день душа усопшего переходит грань, отделяющую земную жизнь от небесной, и, по святоотеческому преданию, поставляется ангелами перед Богом, который отводит ей место до Страшного Суда и последнего окончательного определения её загробной участи.

2

Поэт Иван Тertyчный хотя и при жизни, говоря словами А. Твардовского, к своей литературной персоне старался “не привлекать вниманья добрых душ”, всё же был отмечен рядом значительных литературных премий, в том числе таких, как им. Н. Гумилёва, им А. Н. Толстого, “Традиция”.

Всё же, думается, учитывая наше нелитературное, непоэтическое время, главное его прочтение и признание — впереди.

Говоря о человеческой и поэтической основательности и несуетности Ивана Тertyчного, Николай Дорошенко в своём предисловии к сборнику стихов Тertyчного “Живая даль” пишет: “Я никогда не видел его имя в то и дело появляющихся и затем исчезающих “обоймах” поэтов “первого ряда”, но год за годом я вынужден был всё более пристально вчитываться в его неброские, но, оказывается, весьма основательные, предельно ёмкие, вмещающие весь космос текущей жизни стихи...”

Даже после прочтения всего лишь нескольких стихотворений из упомянутой книги у читателя, думаю, не останется ни малейшего сомнения в поэтической одарённости автора, в его знании сложной, порой трагической окружающей нас действительности, в его следовании основной линии русской поэзии, в его основательной классической “выучке”.

И совершенно не случайно, словно дальним поэтическим эхом, у Ивана Тertyчного выплывают то строка Иннокентия Анненского, то трагический образ Марины Цветаевой, то многомерный объём и свободное пространство нерифмованного стиха, то даже некая стихотворная форма, несколько напоминающая японский хайку.

И даже описанный им стол, обыкновенный письменный стол своей печальной “энергетикой” “отсылает” нас к столу святителя Игнатия (Брянчанинова), явившемуся для того предметом размышления о бренности и скоротечности всего земного: здесь сила духовной и философской преемственности.

*Сколько страстей улеглось
В стол этот, с виду обычный...*

.....
*Сколько — давно не вопрос,
Столько — давно не ответ,
Так как его уже нет.*

*Только особенный свет
Мира им прожитых лет
Стол изнутри согревает...*

.....
Только особенный свет.

По мере углубления в содержание сборника мы увидим, что тема бренности всего земного, тема жизни и смерти, и — вновь! — жизни, стоящей за смертью, станет, на мой взгляд, основной, доминирующей в поэтическом творчестве Ивана Тertyчного.

Ну, а пока поэт, “дитя русской глубинки”, как сказал о нём известный самарский критик Э. Анашкин, “под общий крест подставляя плечо”, чувствуя своим плечом тяжесть русского креста, всё же пытается услышать сквозь земной шум небесные звуки.

И от внимания к небесному ему приходят такие, предваряемые словами евангелиста Матфея (5:3) “Блаженны нищие духом”, свои, выстраданные слова:

*Туман упал. И я увидел выси
И широту бесчисленных светил.
И понял я тщету пытливых чисел
И нищету как радость ощутил.*

Не от блаженной ли нищеты духа, понимаемой как сосредоточенность на самом главном, следовании, служении ему, в оставлении вне поля духовного зрения вещей земных, второстепенных, поэт в посвящении А. Б. делится тем, как появляются “на свет Божий” стихи:

*Всё гораздо проще, Анна,
Всё гораздо проще...
Выплывает из тумана
Золотая роца.*

*Высоко плывёт, сияя,
Как алтарь старинный...*

И для него, православного поэта и человека Ивана Тertyчного, вся русская земля, в конечном итоге, является таким старинным алтарём, где идёт невидимая служба Творцу неба и земли.

Весь мир для поэта во всех его земных проявлениях исполнен благодати, самое малое его явление вызывает у него пристальное внимание и тихое душевное изумление:

*У чёрного сруба колодца
С тяжёлым ведром тишины
Стою
И боюсь шевельнуться...*

Всего четыре коротких строчки, а мир деревенского утра предстаёт перед нами во всей его предметной таинственности и осязаемости!

Свойственна поэту и изощрённая художническая зоркость:

*Мгновенные машины.
Свистящее шоссе.
Холодные осины,
Стоящие в росе.*

*Сорвавшись,
Лист осины
Скользнул наискосок
И летнюю картину,
Как бритвою, рассёк.*

Всё зримо, всё осязаемо, всё летнее утро с невесть откуда сорвавшимся листом осины и рассёкшим её – летнюю картину, – как бритвой, словно стоит перед нашими глазами... И ещё – ощущение какой-то подспудной непонятной тревоги. Впрочем, словами пересказывать поэзию – дело безнадежное и неблагодарное. А иначе зачем бы она, поэзия, была нужна, если бы всё можно было обрисовать и донести прозаическим словом. Но нет же! Есть тайники мира и души, доступные только поэзии.

Здесь надо ещё сказать, что настоящим поэтам, видимо, свыше дано предчувствовать, предугадывать токи, дыхание, смутный образ будущего:

*Избыточная красота.
Простор, приветы света, лета...
Всё это так,
Всё это так.
Но выплывает Аю-Даг,
Как чёрный лик
Чужой планеты...*

Обращаю читательское внимание на то, что это стихотворение написано, казалось бы, в благословенное, политически незыблемое время – в 1977 году.

Теперь же, сорок лет спустя, “чёрный лик чужой планеты” – вражду, смуту, братоненавидение между близкими народами – мы можем наблюдать въяе.

Поэт, сам плоть от плоти бытия российской глубинки, опытно, а не понаслышке знает мир, о котором пишет: ведома ему и “чернозёма корявая мощь // на осеннем распаханном поле”, дано ему видеть, как, соединяя земное и небесное,

*...сверкнули отяжелело
Купола над церковью белой,
Словно три золотые слезы...*

Дано ему кровное ощущение родной природы, стихий, завораживающих сердце поэта, прорывающихся из неё:

*Вот туча сближается с тучей...
Вот яростный проблеск из тьмы!..
А вот и волною гремячей
Накрыло дома и холмы!*

Поэт чувствует “большое-большое дыханье” неназванной им ночной громады, которая “вместо деревьев” наблюдает, вся обратившись в слух, как “паром проталины вскинутая ввысь первая, чистоголосая птица” изливает с небес

*...всполох за всполохом вслед
Чистый, мгновенный, ласкающий свет
Разгорячённого свиста...*

Он восторгается своим знаменитым, известным на весь мир “земляком” – курским соловьём, что “петь горазд”, и “выдаёт за разом раз // искрящиеся лунные коленца”, так, что и “слабые смолкают голоса // перед такой неслышанною песней”.

Никакой большой лирический поэт – вся история русской поэзии свидетельствует тому – немыслим без благодарного, благоговейного преклонения перед женщиной.

Отдал свою дань любовной теме и Иван Тертыйный:

*Спасибо за внезапную беседу,
За радость, шедшую за мной по следу.
Твоей улыбке и простым словам
Я говорю: “Спасибо вам!”*

*Спасибо тихой предрассветной рани,
Спасибо свету дальнему в окне...
Два паруса в великом океане
Соприкоснулись на крутой волне.
(“Благодарность”)*

Но Иван Тертыйный не замыкается только лишь в узкой сфере личных переживаний, свойственна ему и сильная, отчётливо слышимая гражданская нота.

Поэт размышляет о давно, казалось бы, прошедшей войне, о “целом мире, увиденном с изнанки” её участниками, возвратившимися домой, он вживается в физическое состояние и психологию человека на войне (стихи “Раненый”, “Минное поле”), ему дорога судьба всего православного мира, потому так и кровоточит в его стихах трагедия сербов, их исход из Сараево:

*Оставляя домашний очаг,
Мы на пагубу ближних не бросим.
И, гробы унося на плечах,
Мы с собою отчизну уносим.*

Сербы всё же уповают, что, несмотря на всё, несмотря на злобу к ним Запада, хотя и

*Невыносим урок.
И враг жестокий — в силе.
Но есть на небе Бог,
А на земле — Россия.*

Душа поэта болит о сербах, но и проблемы своей, русской, всё более и более разоряемой земли, её покинутости хозяином не оставляют поэта, например, в стихотворении “Колодец”:

*В деревне — ни души, и потому
Старинная тропа к нему пропала,*

*И зеркало бревенчатого зала
Ушло в глухую, нежилую тьму,*

*Ушло вослед за временем былым,
За теми, для кого закрылись дали.
И только эхо — вялое, как дым, —
Плывёт из тьмы на зов твоей печали...*

3

Красной нитью сквозь всё его творчество проходит другая, важная для него тема, — тема хрупкости земного бытия и приковавшая к себе всё внимание внутреннего “я” поэта неотступная тайна смерти.

И здесь остановившийся перед нею в глубоком раздумье Иван Тertyчный не одинок: в памяти всплывает уже упоминавшийся нами Н. Рубцов, который “о мёртвых помнил, как никто другой”, вспоминаются имена классиков двадцатого века С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, Я. Смелякова; великих представителей века девятнадцатого: Г. Державина, А. Пушкина (одно лишь “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” на весах мировой поэтической классики чего стоит!), М. Лермонтова, Е. Боратынского (“Смерть дочерью тьмы не назову я...”).

Не знаю, был ли знаком Иван Тertyчный (а это был 1977–1979 год, и духовная, святоотеческая литература простому читателю была недоступна) со следующими словами святителя Тихона Задонского: “...видишь, что заведённые часы непрестанно идут... непрестанно движутся и приближаются к пределу своему. Такова и наша жизнь — от рождения до смерти непрестанно течёт и убавляется; покоимся или трудимся, бодрствуем или спим, беседуем или молчим, непрестанно совершает она течение своё и приближается к концу. И уже стала ближе к концу сегодня, чем была вчера и третьего дня, в этот час, чем в прошедший. Так неприметно сокращается наша жизнь, так проходят часы и минуты! А когда кончится цепочка и перестанет ударять маятник — этого мы не знаем. Промысл Божий скрыл от нас это, чтобы всегда были готовы к отходу, когда бы ни позвал нас к Себе Владыка наш Бог.

“Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими” (Лк. 12. 37).

Окаянны те, которых он застанет погружёнными в греховный сон”.

1977 год, поэту двадцать четыре года, но его взгляд уже устремлён за пределы земного, в сферу, которая “молчаньем величала то, что я не мог постичь пока”:

*Чёрный стриж над миром сельских улиц
Прочертил мгновенный след.
И ворота, скрипнув, распахнулись
В колыхающийся свет...*

*Люди, тихо гроб подняв на плечи,
Мимо окон медленно прошли...*

В стихотворении 1979 года, посвящённом памяти В. И. Шикарёвой, поэт уже понимает, что на земле хотя и “шумят берёзовые рощи, и негромко песня раздаётся, но “по пятам неслышно смерть крадётся”.

А раз “по пятам неслышно смерть крадётся”, то, как учат святые отцы, надо приготовиться к ней и встретить её в духовном всеоружии, ибо, как сказал Антоний Великий, “ежедневно умирай, чтобы жить вечно, потому что боящийся Бога будет жить вовеки”. В том же наставляет и святитель Игнатий (Брянчанинов), говоря о том, что, забывая о смерти телесной, мы умираем смертью душевной. Об этом раньше помнили все христиане, особенно монахи — “отцы пустынники”, по Пушкину.

Поэт, однако же, помнит, что “человек, имеющий смерть перед очами, побеждает уныние”, благодарно, как из руки Божьей, приемлет всё с ним случившееся в его земной жизни, умиротворённый приходит на дорогое своему сердцу кладбище, “мир поделившее на две половины”, где

*Девять берёз между мной и другими —
Дальними, ближними и дорогими...*

*Девять берёз между мною и теми,
Чьё на земле подытожилось время;*

*Девять берёз у кладбищенской чащи,
С ветром шумящих, поющих, молящих;*

*Старые сказки о вечном покое!..
Рядом живое. И вечно живое.*

“Вечно живое”! – какой всепобеждающий, жизнеутверждающий христианский аккорд! Ведь “Бог же не есть Бог мертвых, но Бог живых, ибо у него все живы” (Лк: 20, 34-38).

Когда-то я написал краткое стихотворение, посвящённое памяти всех ушедших, дорогих моему сердцу людей; ныне к ним я причисляю и раба Божьего Иоанна, замечательного поэта Ивана Тertyчного.

УШЕДШИМ

*Не странно ли: кого любили,
В глухие пропасти земли
Ушедши, дверь не затворили,
А может, вовсе не ушли.*

*Не странно ли: в закрытой зоне,
В незаходящем свете дня
Душа моя — как на ладони
У вас, а ваша — у меня...*

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

В ПОИСКАХ “МУЖИЧЬЕЙ СВЯТОСТИ”

8 октября 2017 года исполнилось 80 лет со дня гибели одного из самых драгоценных поэтов и прозаиков XX века Сергея Антоновича Клычкова. А год тому назад в издательстве “Водолей” вышел объёмный и замечательно иллюстрированный том его избранных произведений, в который вошли стихотворения и три романа — классика нашей отечественной прозы — “Сахарный немец”, “Чертухинский балакирь” и “Князь мира”. Изданию предпослано предисловие многолетней исследовательницы творчества С. А. Клычкова Н. М. Солнцевой и комментарии, написанные ею совместно с исследователем творчества поэтов Русского Возрождения С. И. Субботиным. Завершает том очерк замечательного лингвиста, сына поэта, Георгия Сергеевича Клычкова “Медвяный источник”.

К изданию также приложены два диска песен на стихи С. А. Клычкова. Авторы музыки — Лариса Новосельцева, Александр Болотов, Юрий Крестников, Пётр Старчик, Станислав Коренблит, Андрей Оршуляк, Юрий Яковлев, Валерий Афанасьев и другие.

“Наш современник” не слишком часто обращался к творческому наследию этого удивительного писателя. Ныне, в память о нём, мы публикуем статью Алексея Шорохова о потаённой сути романов Сергея Клычкова.

1. Освобождение или гибель?

Какими всё-таки смешными и наивными выглядят все те “отлучения от литературы” и иные “идеологические неприятности” — цензура, высочайшее неудовольствие и прочие погремущки самодержавной государственности, портившие кровь русским писателям XIX века, — на фоне будничных и поставленных на поток “отлучений от жизни”, каких нашей словесности пришлось вкусить в XX веке предостаточно. Что ни судьба писательская, то трагедия — трагедия мученичества или трагедия предательства и “самой печальной на свете измены — измены себе самому”.

Революции и гражданские войны никогда не вскрывают лучших черт человеческой природы: каины и авели междоусобья не так библейски отчётливы, как их древние прототипы, поэтому и после русской революции 1917 года перед отечественной словесностью, уже расколотой на “два отечества”, совершенно неизбежно встаёт обращённый к прошлому вопрос — что же свято

перед лицом “пошлой и унылой” империалистической войны, перед лицом кровавой гражданской, перед лицом террора, каким бы цветом его ни “облагораживали”?

Не случайно, что **тема святости** появляется в те годы у столь многих, а главное — у столь разных русских и советских писателей: образы отшельников и святителей, мучеников за веру выходят из-под пера “буревестника революции” А. М. Горького и “последнего помещика” И. А. Бунина, воина-монархиста С. С. Бехтеева и одесских переселенцев Ильфа и Петрова. Список можно продолжать, но это тема отдельного исследования. Нас же интересует другое: неразрешённая XIX веком (то есть неоспоримо и наглядно не разрешённая) **проблема святости** после всего происшедшего уже настоятельно требует в XX веке своего художественного и идейного разрешения.

Начало XX века принято считать временем выхода на историческую сцену нового действующего лица — масс. Появляются соответствующие философские трактаты (“Восстание масс” Ортеги-и-Гассета), мировоззренческие манифесты (итальянские, а затем и русские футуристы), социально-экономические модели (марксизм в ленинской перелицовке) и так далее. Западный мир “дозрел” до появления нового персонажа в своих исторических судьбах. Но так ли дело обстоит в России, где, в отличие от “третьего сословия” и пролетариата Запада, не просто основную, а подавляющую, становую для всей государственности в целом роль играет крестьянство — 7/8 населения?

Впрочем, в самом вопросе уже заключается ответ — класс мелких собственников, со своим неведомым уже Западу тысячелетним укладом, проникнутым религиозным духом, несмотря на “мир” и “общину”, отнюдь не обезличенный (как это полагается “массе”), а неповторимо индивидуальный во всём своём множестве, — такой класс при всём немислимом натиске на него “новой власти”, огнём и железом загонявшей страну в прокрустово ложе своих социально-экономических иллюзий, даже пассивно сопротивляясь своему уничтожению, просуществовал ещё значительный исторический период, **так и не став удобной для манипуляций массами**.

Потребуется ещё немало “наступательных операций” против крестьянства (голод и продрозвётка, коллективизация, индустриализация, послевоенные сельскохозяйственные новации), прежде чем в России реально выйдет на политическую сцену раскрестыанная “масса”. Об этом убедительно и аргументированно писали ещё недавно И. Р. Шафаревич и В. В. Кожин.

Всё вышесказанное интересует нас только в той степени, что “масса” — понятие антихристианское, недолжное (обезличенное), следовательно, и до идеи личной святости равнодушное, претендующее максимум на кумира. Весь XX век и есть история масс и кумиров. Однако Россия начала прошлого века, да и не только начала (судя по прозе “деревенщиков”), и здесь наособинок. Её крестьянская (христианская) составляющая и духообразующая, то самое “море народное” являлись именно глубинными хранителями идеи святости. Именно в народе искали утраченную правду и народолюбцы, и славянофилы — эти крайности русского духа. Там её прозревали Лесков и Достоевский, там её домышлял Толстой, оттуда ожидал возмездия и очищения Блок.

Неудивительно, что эта стихия, в конце концов, и выдвинула писателя, который в самые непопулярные для богоискательства времена посвящает основной массив своего творчества (романы и беллетристические сборники) развитию идеи святости, осознанной как проблема святости. Я имею в виду С. А. Клычкова. Думается, что уже настало время окинуть его творческую вселенную более пристальным взором.

Тем более, что существует эта вселенная в канонической трилогии: романах “Сахарный немец” (другой вариант названия — “Последний Лель”), “Чертухинский балакирь” и “Князь мира”. Что характерно: повествование разворачивается вглубь истории, то есть налицо обратная перспектива клычковской трилогии. И тому есть достаточные основания: то, что вековая мечта крестьянства о “мужичьем рае” и о земле, красными петухами озарившая крыши барских усадеб, не сбывается, стало понятно довольно скоро. Украденная у эсеров аграрная программа большевиков сделала своё дело. После чего власть недвусмысленно дала понять, что у неё свои виды на крестьянство. По стране покатила волна крестьянских восстаний, но было уже поздно. Багровые отсветы горящих барских усадеб сыграли дурную и злую

шутку с поджигателями: там, где спяну ли, с угару ли примерещился им “мужичий рай”, начинался самый настоящий “мужичий ад”.

И уже даже не столько невозможность разрабатывать идею святости на современном материале и, следовательно, давать те или иные оценки действительности (хотя, разумеется, и это), сколько осознание **заслуженности случившегося** (причём не одними мужиками, а всем народом: попами, дворянами, городским людом) заставляет Клычкова прервать свой первый роман в преддверии революции и отправиться на поиски **мужичьей святости** во времена стародавние.

Причём здесь налицо “мужичий национализм” или “сепаратизм”, если хотите. Он, в конце концов, объясним – в “мужичьей Руси” так долго искали правды и истины отставшие от корней просвещённые классы России, так долго *хождениями в народ* втемяшивали народу эту мысль, что просвещённые выходцы из него, вдохновлённые и ободрённые “кающейся интеллигенцией” (вспомните переписку Блока с Клюевым), и впрямь ощутили своё мессианство. Поэтому настойчивый поиск Клычковым именно “мужичьей святости”, во-первых, более чем объясним, а во-вторых – как бы заранее устремлён к крайностям. И именно благодаря этому нам придётся столкнуться с той мыслью, что с “попутническими”, “узко-мужичьими”, “старообрядческими” романами Клычкова не всё так просто.

Да и, признаться, слава Богу, что непросто. С одной стороны, как пишет А. Воронский, “писатель сумел показать спиридоновскую, дикую, дремучую Русь в её плоти <...> Ни у Мельникова-Печерского, ни даже у Лескова нет такого телесного ощущения этой Руси. Революция, как это ни странно с первого взгляда, помогла нашей литературе заглянуть в такую канонную Русь, так её почувствовать, как этого не было никогда”. С другой же стороны – многоуровневая система клычковских романов с обратной временной перспективой и живою игрой зеркальных отражений таит в себе не только перекличку, но и полемику с его предшественниками, и в первую очередь – с Гоголем и Лесковым.

II. Без ответа

Рассматривать любой из трёх романов трилогии в отдельности бессмысленно – настолько они взаимопронизанны, и точно так же, как в хронологически первом (первым изданном) вспыхивает отсвет предыдущих (по времени действия), так и сам он, первый, посылает свет в глубину последующих (по дате публикации). Под светом здесь (используя образ зеркальных отражений) подразумеваются сюжетные линии и сверхзадачи, их двигающие. Сверхзадача же у Клычкова одна, хотя во множестве сюжетных линий она разрешается по-разному и подчас даже параллельно. Так или иначе, а это не что иное, как поиск и проверка (!) святости. То есть всё то же **развитие идеи святости, понятой как проблема святости**.

Итак, первый в трилогии роман – “Сахарный немец” – посвящён Первой мировой войне и *серым зипунам*, переряженным в серые шинели, – той самой мужичьей Руси, которая является хранительницей идеи святости и вообще христианских устоев. Как она себя поведёт-проявит на фоне каждодневного убийства и унылой бестолочи многомесячной окопной жизни? Отгадка этой загадки откладывается, как и положено в романе, напоследок.

А между тем, эта серая мужичья Русь устами балагура и сказочника, бездетного старовера Прохора Пенкина по ходу действия рассказывает сказки-загадки об истинной святости и правде. Их в романе три.

Первая – о царе Ахламоне. Очень понравившаяся в своё время Горькому, “рассказка” эта может быть нагружена какими угодно оттенками идеи святости благодаря её вместительному фольклорному символизму, однако суть её неизменна и без затруднений считываема – это повествование о душе человеческой, прилепившейся к “земному” (золоту, страстям, своеволию) и обезображенной этим. У царя Ахломона (образ души) – “нос... что речная коряга... зубы во рту – как горелые пни... два глаза – два омута тёмных” и так далее. Жить с такой душой невозможно, особенно после встречи с царевной Зазной (самой “невестой прекрасной – жизнью”, по Клычкову). Поэтому отправляется непреображённая душа человеческая смиряться: “сбирать в сумку куски, в спину пинки”, то есть нищенствовать и побираться

(“нищенство духом” — по заповедям блаженств Господних). Предварительно, разумеется, “бросив своё золото в море”, так как “от золота не радость, а горе”, “раздав одежды парчовые” и “пошив себе из дерюги новые”. И “проходил так Ахломон (душа. — **А. Ш.**) по земле тридцать три года./ Перевидел много всякого народа,/ Возлюбил он человечью породу:/ И умных, и глупых, и добрых, и злых. . .” И под конец пути вновь встретил невесту-жизнь, царевну Зазнобу. “Что же ты потерял?” — спросила она его. “Что иметь не надо ни человеку, ни гаду. — А что ты нашёл? — Что надо иметь, чтобы в утробе матери не умереть”, — отвечает душа. Это можно понять и как любовь, и как саму жизнь, невозможную без любви (ведь, в конце-то концов, преображённая душа обручается с вечной невестой-жизнью). О своём же преображении (в буквальном смысле) душа-Ахламон узнаёт, увидев своё отражение в воде: “В кудрах шёлк, в речах толк, что стан, что рост, а уж как про-ост! . . .”

Таким образом, совершенно евангельский сюжет этой сказки подтверждает с самого начала романа мысль о хранимой в народе христианской мудрости, хотя сама сказка и является совершенно очевидно “вставной новеллой” и никаких сюжетных функций в самом романе не выполняет.

Вообще, забегая вперёд, скажем, что “сказочнику” Прохору Пенкину в романе отводится роль “духовного рассудителя” — той самой крестьянской (христианской) мудрости, только внешне искажённой неправдой старовечества (взвес на весах истины самого старовечества — в следующем романе Клычкова). Поэтому вторая “рассказка” Прохора повествует о “правильных старцах”, живших “в селе по прозванью Праведное”, сиречь о **праведности** и правде — человечьей и Божьей. Однако это совсем не та праведность, художественному разрешению проблемы которой немало времени уделил Лесков. Тут праведность перетолковывается в извечное народное **правдоискательство**, потому, мол, что одного праведного жития по человечьей правде недостаточно: “человечья правда — посох, а Божья правда — крылья”, “человечья же правда, как каша с салом, — в большом и малом пропитана ложью, не то что правда Божья”. Поражённые на старости лет таким открытием, “правильные старцы” пускаются на поиски Божьей правды. Навстречу им попадают “попы толстопузые”, “монахи в гарнитуровых штанах с шёлковой купчихой под ручку”, ну, а всё больше — бесы и черти, причём в самых святых местах: “Ерусалине-граде” да на “Афон-горе”. В общем, довольно знакомый раскольничий пафос (слишком уместный в предреволюционной России), который приводит к выводу куда как неожиданному: что Божья правда у чёрта “в батраках живёт” (то есть не совсем у чёрта, а у “лешего Антютика”, который сам отмежевывается от родства с нечистой силой и который есть, по выражению Лескова, “гений лесных родников, приставленный к ним народной фантазией”)*.

В следующем романе Клычков развивает образ Антютика — эдакого “чащобного сорокоуста (по аналогии с есенинской поэмой)”, который противостоит “железному дьяволу” урбанизации: самому настоящему чёрту, норовящему навесить человека на место души “железную гайку” и тем самым окончательно закабалить его. Таким образом, леший Антютик становится мифологическим идеологом “зелёных”, впрочем, задолго ещё до появления последних. Ну, а если серьёзно — он озвучивает идеи самого Клычкова о гармонии с окружающим миром, которая тоже есть неотъемлемая составляющая **праведности**.

Тем не менее, и мысль о том, что “Божья правда нынче в батраках у чёрта служит” не так уж неуместна в окопах надоевшей и бессмысленной, как всем кажется, бойни, какую показана германская война у Клычкова.

Так или иначе, но сама правда Божья, облечённая, впрочем, в весьма заковыристую словесную оболочку, и в этой “рассказке” оказывается абсолютно евангельской — попросту в народном духе перетолкованными словами Христа о том, что Бог, как солнце, одинаково даёт свет и тепло добрым и злым: есть над землёю “единый свет, ему ни конца ни начала нет”, по Его

* Без сомнения, клычковский леший Антютик является каким-то отдалённым потомком Дива из “Слова о полку Игореве”, разумеется, утратившим уже все черты “шпиона ворогов Руси”, но, однако, сохранившим свой дар “дивить” и “удивлять” (а иногда и морочить) людей, и вместе с тем он обладает некой сакральной (вещей) мудростью, которая и даёт ему право в этой сказке возвестить “правду Божью” (на самом деле совершенно святоотеческую).

произволению “прорастёт на земле всяк/ Зверь, злак/ Птица и гад/ И всякому он рад...”

Так заканчивается и вторая “рассказка”, так же, как и первая, являющаяся вставной новеллой, призванной заполнить “окопную паузу”, ну, и самое многое – показать сложившееся недоверие к “официальной” церковности в народной душе и туманно намекнуть на правду раскола*. Тем не менее, так же, как и первая, она не приносит ничего нового в развитие идеи святости, а главное – в разрешение проблемы святости, каковую слушатели, между прочим, очень явственно ощущают: и на фоне затянувшейся войны, и по тревожным вестям из дома – если верить которым, сам бездетный вещатель народной мудрости, старовер Прохор Акимович оказывается в двусмысленном положении “внезапного отцовства”. Да и вообще в мире творится Бог вещь что такое!

Однако третья “рассказка” Прохора Акимовича уже подгадывается как ключ ко всему роману и является не только сюжетно-необходимой, но и смыслообразующей в концовке “Сахарного немца”, основная сюжетная линия которого посвящена зауряд-прапорщику Зайцеву – Зайчику.

Происхождение Зайчика туманно в самом прямом смысле – зачат он был (во всяком случае, мифологически) в утреннем тумане чудесным витязем, князем Сорочьем и дочерью мельника – Фёклой Спиридоновной, обвенчанной уже с “паспортным” отцом Зайчика.

Здесь необходимо оговориться об одной характернейшей особенности клычковских романов: всё, происходящее в действительности, получает в них как бы **двойное** освещение – налично-реалистическое и подспудно-мифологическое. Так и здесь: после девичьего сна на берегу Дубны (всего лишь сна!), куда стремительно врывается чудесный витязь на белом коне, Феклуша провела с законным мужем свою первую брачную ночь, поэтому родившийся впоследствии Николай Дмитриевич Зайцев есть очевидный плод их совместной жизни. Это реалистическая канва повествования.

Однако здесь нас интересует мифологическая канва этой причудливой судьбы, согласно которой Зайчик – “последний Лель” и “обещанный сын” князя Сорочьего, то ли правителя, то ли охранителя Сорочьего царства, этого своеобразного “мужичьего рая”. И порождает Зайчика “мечта народная” отнюдь не затем, чтобы ему “концы варить” или мужичить, а как раз-таки (на фоне нарастающих революционных ожиданий и благоволящей к нему судьбы) затем, чтобы низвести Царство Божие (“мужичий рай”, “Сорочье царство”) на землю.

Тем более, что странности (“мечтунчик”) и необыкновенная красота (“Лель”) присущи ему с детства (плюс некоторое литературное дарование). И больше того – он и в самом деле “почти святой”, праведник (разве что только староверского толка).

Однако в багровых языках пламени разгоравшейся революции маячил совсем не мужичий рай – об этом мы говорили выше. Царство Божие вообще из огня и крови революций, как известно, не рождается, как его ни расцвети народная фантазия – в Сорочье ли царство, в разголубую ли страну. Поэтому мессианская сверхзадача Зайчика оказывалась (а по сути, изначально была) невыполнимой. Чему в реальном жизненном плане его судьбы соответствовало **падение праведника**.

Началось падение Зайчика прелюбодеянием. И оно, в полном соответствии с традиционным святоотеческим учением о грехе, повлекло за собой другой смертный грех, ещё горший – убийство**.

* И самое, пожалуй, интересное, что открывается этой “рассказкой”, – это **сокровенное пространство** для раскола, таящееся в русской душе. Та самая тяга к странничеству, сопряжённое с правдоискательством (коньки на мужичьих избах, гласящие о том, “что путь наш далёк”, из “Ключей Марии” Есенина, целые деревни, поднимающиеся на поиск чудесного Беловодья, и прочая). В отличие от каноничной “осёдлой” праведности у Лескова, странничество у Клычкова есть уже отчасти **юрродство** – особая сторона идеи святости. Тем не менее, оно легко объяснимо и временем, когда всё поснималось со своих насиженных мест, то есть революционным катаклизмом.

** Здесь необходимо обмолвиться ещё об одной замечательной особенности романов Клычкова, которая, несомненно, вводит их в разряд “большой прозы”, – **творец их всегда больше их автора** (то есть реального С. А. Клычкова). Дело в том, что та реальная действительность, та **высшая объективность**, которые присущи “большой прозе”, скорее всего не как-то там характеризуют автора, а просто свидетельствуют о том, что “Дух веет там, идеже хочет” и что это уже вообще-то дело не человеческое. Отсюда и у “неканоничного” Клычкова абсолютно неоспоримая православная каноника.

Есть, правда, один вроде бы “спорный” момент: Клаша (возлюбленная Зайчика) – его “невеста в духе и истине” (то есть обручена ему в старообрядчестве), и потому её венчание с законным мужем в православном чине как бы недействительно. Однако, во-первых: Клаша – дочь православного священника, и старообрядческая романтика свиданий с Зайчиком для неё едва ли больше, чем просто увлечение; во-вторых, сама поспешная и малопочтенная ретирада Зайчика из палат возлюбленной верхом на свинье есть наглядный и типичный образ греха и грязи. Ну и, в конце концов, **высшая объективность** повествования свидетельствует о том, что происшедшее в спальне у замужней Клаши есть смертный грех, потому что начинающаяся с этого момента одержимость Зайчика, как уже говорилось, заканчивается убийством – ничем не оправданным и бессмысленным убийством вылезшего едва ли не брата-сынца немца.

Солдаты недоумевают о происшедшем. И вот здесь-то звучит третья “рассказка” Прохора Пенкина – о святом и разбойнике:

“Шёл однажды святой человек, пустынный такой, по дороге из пустыни в село” и благословлял встречный люд пудовым крестом, какой носил вместо вериги.

Вот и встретился святому лихой лиходей, подмостовный разбойник. Хотел его святой, как и всех, “благословить пудовым крестом”, а тот подумал, что его хотят убить, и “полоснул” святого “аршинным ножиком”.

“В первый раз святой человек осерчал...” и прибил разбойника пудовым крестом насмерть. Так и повалились замертво друг на дружку.

Тем временем скакал по дороге “верхом на осиновой палке” чёрт и, увидев такую картину, задумался: “чью душу ему засунуть в суму да в ад волочить?..” Думал, думал он, пока не стемнело, а потом “сунул в свою сумку обоих...”

Вряд ли стоит добавлять, что история эта наглядно иллюстрирует судьбу Зайчика, с тою лишь разницей, что пущенный “высшей объективностью” после этого едва ли не первый немецкий снаряд, угодив в его блиндаж, всё-таки не убивает подпоручика Зайцева. Во всяком случае, Клычков оставляет своего героя в тот момент, когда его раненым извлекают из-под обломков.

Тем не менее, памятуя об автобиографичности главного героя романа “Сахарный немец” (а также – о его литературных дарованиях), можно предположить, что Зайчика, займись он литературой всерьёз, за его прозаические и стихотворные опусы с лешими и избяной Русью в 30-е годы скорее всего расстреляли бы “как попутчика”, что, увы, и произошло, но уже в реальности – с его автором...

Падение праведника в первом романе клычковской трилогии, казалось бы, **оставляет без ответа** вопрос о том, что свято перед лицом войны и революции, однако по всему роману наряду с критикой “поповщины” рассыпаны намёки на праведность “древлей веры”. Поэтому, откатываясь назад, к корням современной ему русской трагедии, Клычков следующий свой роман весь посвящает испытанию старообрядчества на правду и ищет там, вслед за Лесковым, **неканоничной святости**.

III. Сквозь “корчажный звон”

Итак, два (а точнее, три) персонажа “Чертухинского балакиря” на протяжении всего романа ищут святости, двое (братья Андрей и Спиридон Емельяновичи) – активно (буквально “лезут во святые”), третий – сам балакирь Пётр Кириллович – как бы “по стечению обстоятельств”. Интересно то, что все трое ищут правды и святости в неканоничном старом (а то и вовсе лесном) обряде, братья – разочаровавшись и не выдержав испытания в православном чине, балакирь – даже и не ищущий в нём.

И здесь вновь необходимо вернуться к упомянутой уже особенности “большой прозы” – высшей объективности повествования, вбирающей в себя даже авторскую субъективность. Дело в том, что проверка на истинность “старообрядческой святости” происходит при достаточно очевидной авторской симпатии к “древлему благочестию” и “лесной правде”. Клычков, как и все крестьянские (без кавычек) поэты, увязывает гармонию с природой, трудовую поэзию крестьянского календаря – с праведным житием человека в мире, жительством на земле в узком смысле слова (“мужичья святость”). И тема эта у него разработана куда подробнее, чем у остальных крестьянских поэтов (хотя у Есенина и пронзительнее).

Так или иначе, но “чашобный” и потаённый дух старообрядчества этой заповедности отвечает гораздо в большей степени, нежели развращаемое близостью города полукустарное и оборотистое пригородное крестьянство. Тем удивительнее (и это в годы-то антиправославных погромов Ярославского-Губельмана!) совершенно отчётливая и, не побоюсь повториться, абсолютно каноничная **духовная летопись** краха староверческой “правды”.

Ибо не что иное, как крах – сначала бегство из монастыря подвизавшихся на Афоне братьев, а затем бесславная и страшная гибель в огне духовном и физическом младшего из них (старший погибнет много позже) – “заплотинного святого”, мельника Спиридона Емельяновича.

На этом нужно остановиться подробнее. Странствовавшим правдоискателям, братьям Андрею и Спиридону Емельяновичам, бежавшим от казённого духа “православного чина” (“неправды много”), монашеская жизнь на Афоне понравилась – “строгота была в монастыре знашь какая!..” Жить бы им, что называется, поживать, подвизаясь в монашеском подвиге, да не тут-то было: чуть ли не с самого начала у обоих искушения начались. Дело, в общем-то, привычное для истинных подвижников благочестия – целые тома святоотеческой литературы посвящены этому, достаточно вспомнить видения, одолевавшие святого Антония. Уж кому-кому, как не монаху, и досадить-то норовит враг человеческого спасения! Тут уж битва за душу подвижника начинается не на шутку. Поэтому всё, происходившее с братьями (а обоих одолевали видения), было **совершенно закономерно**.

По клычковскому описанию этих искушений, по его абсолютной внутренней каноничности и художественной правдивости можно вполне серьёзно и основательно изучать православную аскетику. В качестве назидания молодым монахам, что их может ожидать, если... Но это отдельная тема. Братья же, как уже говорилось, не выдержав искушения, бегут. Причём бегство получается позорным и вороватым. Духовная битва проиграна.

Последующее духовное состояние братьев с точки зрения святоотеческого учения есть не что иное, как **прелесть** (то есть всё большее и большее удаление от истинного богопознания и, в конце концов, полная гибель). Внешняя канва событий наглядно иллюстрирует это: переход братьев во возвращении в староверчество (причём беспоповского толка), болотные (в соседстве с лучшим) литургии одного и подпольные богослужения и чердачный благовест (“корчажный звон”) другого: “Если б кто в такую минуту застал его на чердаке с верёвкой в руке от корчаги, легко могло бы случиться, что такого дозорщика Спиридон на ней... удавил или зашиб бы мутовкой: страшился Спиридон потерять своё счастье!” Что и говорить, мрачноватая “святость”. Но дальше – больше.

Одолевавшие в молодости на Святой горе видения (бесстыжая блудная девка) не оставляют вдового старовера и в старости. Более того, с одним таким “видением” (в образе первой его жены) Спиридон Емельянович живёт все последние месяцы своей жизни. В христианской демонологии такое “видение” именуется суккубом (“лежащим под”) и отчётливо и без труда опознаётся как бес плотской похоти, принимающий обличие женщины.

И что характерно (“высшая объективность” клычковских романов всё же не перестаёт удивлять!) – описаниями суккубов и инкубов (то же самое, только в мужском обличии) полно Средневековье – сожительство с ними неминуемо приводит к огню как духовному, так и физическому (костры инквизиции). Однако точно таков неизбежный финал и в романе Клычкова – Спиридон Емельянович сгорает со всей своей потаённой молельней. И здесь примешивается другой мотив – известные самосожжения русских сектантов, раскольничьи костры. Ведь, в конце-то концов, в пламени он остаётся добровольно!

Но вот то, что возгорается оно, это пламя, из образа Неопалимой Купины – “Огонь палящ творяй духи и слуги своя!” – является ничем иным, как возмездием и зримым указанием на неправду “чашобного христианства”. Недаром и последние слова Спиридона звучат более чем ясно: “Оставь меня, окаянного...” Чему соответствует и авторская ремарка: “Хороший был мужик Спиридон Емельянович, а, видно, так и не удалось ему попасть во святые, ни во что, видно, пошло всё его усердие...” Да и сами святые будто “по чудесной лестнице ушли” из объятый пламенем раскольничьей молельни.

Вообще, подчас складывается такое впечатление, что писал эти романы не выходец из среды старообрядческого крестьянства, а какой-то приказной

дьяк времён патриарха Никона – так силен их антисектантский внутренний пафос. Впрочем, такова историческая и нравственная правда, а вне её – недостижима правда и художественная. Поэтому и вешается раскольничья “богородица” Пелагея в первом романе Клычкова, и уже окончательно сгорает, не выдержав испытания святостью, сама “старая вера” во втором.

Но угольки-то на пепелище остаются, и даже их слабого света хватает, чтобы высветить в толще времён вещи уже совсем удивительные, которые открываются нам в третьем, последнем романе С. А. Клычкова – “Князь мира”.

IV. На круги своя

Чтобы продолжить рассмотрение идеи святости и её воплощение в трилогии Клычкова, необходимо вспомнить слова Иисуса Христа о доме, который не устоит, если разделится сам в себе. Такова история сектантства – часть, отделившаяся от целого (по-латински “секта”), сама, в свою очередь, начинает делиться: вплоть до бесконечности. Яркий пример тому – история протестантизма, который, отколовшись от католицизма, разделился на великое множество вероучительных ручейков, причём процесс дробления в нём продолжается и по сей день. То же самое имело место и в истории русского сектантства – раскол, происшедший в Русской Православной Церкви и присвоивший отделившейся от неё части наименование старообрядчества (то есть сторонников старого обряда), на этом не закончился. Так как старообрядцы сразу же разделились на поповцев (признававших священство) и беспоповцев. Поповцы, за неимением своих попов, длительное время занимались переманиванием к себе оных из Православия. Чаще всего у них, разумеется, находили приют священники, либо запрещённые в служении в Православии, либо по каким-либо другим (отнюдь не богословским) причинам скрывавшиеся от властей. Весь этот механизм, к слову сказать, замечательно описан у Лескова в “Бродягах духовного чина”.

Тем не менее, это крыло старообрядчества ещё сохраняло некую (условную, конечно) целостность. А вот беспоповцы, те уже разделились на такое пёстрое множество сект изуверского толка, что это не поддаётся даже более или менее полному описанию. Хлысты, бегуны, пыхтуны, сопуны и так далее, и тому подобное.

И в таком свете более чем интересна судьба самого чертухинского балакиря Петра Кирилловича, третьего соискателя святости в одноимённом романе. Братья Андрей и Спиридон Емельяновичи, как уже говорилось, ушли в староверчество беспоповского толка. Пётр же Кириллович после гибели последнего из них, “окрестившего” его под корчажный звон, “на своих на двоих измерил, почитай, всю землю липовым лаптём”, то есть странствовал и побирался. Однако говорили, что он “в год своей смерти умирать всё же домой воротился: будто нашли его мёртвым возле церковной ограды и погребли, <...> а может и нет, может, Пётр Кириллович жив ещё по сию пору!..” В общем, в таком неведении относительно конца Петра Кирилловича Клычков и оставляет читателя.

И здесь необходимо отметить ещё одну особенность святоискательства персонажей клычковских романов – почти все они **странничают**: Ахламон (душа) и праведные старцы из “Сахарного немца”, отчасти Андрей и Спиридон Емельяновичи и уже целиком Пётр Кириллович в “Чертухинском балакире”, и, наконец, Михайла-с-Палочкой, прозванный “святым”, и подлинный святой Иван Недотяпа в “Князе мира”.

Мы уже отмечали эту особенность клычковской прозы, но сейчас настало время остановиться на ней подробнее. Дело в том, что странничество на Руси носило религиозный характер и больше того – являлось одним из видов сектантства. Вот что мы находим об этом у Брокгауза и Ефрона: “Странники – или бегуны, беспоповский толк <...> возникший в последней четверти XVIII столетия. По учению С. “остался один для верующих” путь ко спасению – “не пространный, еже о доме, о жене, о чадах, о торгах, о стяжаниях попечение имети”, а “тесный и прискорбный, еже не имети ни града, ни села, ни дома...”

Так как открыто бороться с “антихристом” нельзя (а он уже пришёл – Пётр I и после него – вообще царская власть), то “достоит таиться и бегати” (не иметь паспорта, не платить подати и т. д.)

А у В. И. Даля об этом же: “Странник – странний, захожий человек с чужбины <...> обрекшийся на тунеядное странничество под предлогом богомолья <...> Странники, скитальцы или сопелковщина, изуверный толк беспоповщины из новейших...”

Странники, как сообщает Даль, должны были принять “новое крещение” (чаще всего в лесу), потом странствовать всю жизнь и, главное, должны были быть тайно похоронены.

Всё это очень напоминает историю жизни Петра Кирилловича, принявшего, как уже говорилось, “лесное крещение” у мельника, после его смерти странствовавшего всю свою жизнь, и похороненного не то чтобы тайно, а вообще неизвестно, похороненного ли. Что и позволяет предположить, что Клычков (вольно или нет – это уже другой вопрос) в поисках неканоничной святости исследует и эту сторону русского сектантства и описывает в “Чертухинском балакире” с небывалой художественной убедительностью саму инициацию (мистическое посвящение) в скитальцы-странники.

Теме же странничества как одной из любимейших и распространённых разновидностей русского богоискательства автор остаётся верен и в последнем романе трилогии – “Князь мира”.

И тут у нас возникает необходимость определиться в терминах, потому что, помимо откровенного сектантства, в облики странничества могло явиться и **юродство** – тоже очень любимое и распространённое на Руси, но, в отличие от странничества как такового, действительно бывшее одной из разновидностей идеи святости, причём **канонической** её разновидностью.

Итак, у Брокгауза и Ефрона о юродивых сообщается следующее: это “люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия. Они не только **добровольно отказывались от удобств и благ жизни земной, от выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного** <...>”, но и **“почти все они были иноки <...>”**.

И далее – “ни одна страна не может представить такого обилия Ю. и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как древняя Русь <...> Не говорим уже **о неканонизированных Ю., которых было очень много** на древней Руси (см. в “Святой Руси”, арх. Леонида) **и которые народом большей частью тоже считались святыми** <...>”.

Однако с начала XVI века на Руси начинают появляться лжеюродивые (их упоминает уже Иоанн Грозный, затем Патриарх Иоасаф I; во времена же Петра I начинается уже государственное преследование “ханжей” (то есть лжеюродивых).

Даль добавляет к этому следующее: “Юродивый – безумный, божевольный, дурачок, от роду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми <...> **Церковь же признаёт и юродивых Христа ради, принявших на себя личину юродства**...” (сравните у апостола Павла: “Все мы для мира юроды”).

Итак, мы имеем: юродство – это один из видов монашеского (по преимуществу) и в то же время социально активного (обличение власти, проповедь) служения Богу. Избравшие этот путь добровольно принимают смиренную “личину юродства” (помешательства), что, впрочем, именно и позволяет им порой совершать “антиобщественные” (непонятные для бытового сознания) поступки, в которых на самом деле со временем открывается пророческий смысл. К тому же юродство есть нестяжательство в самом чистом и даже вызывающем виде.

Согласитесь, в юродстве много схожего со странничеством, и больше того – не исключено, что именно “гонимые” со времён Петра Великого лжеюродивые стали духовными основателями странничества. Простой же народ, большей частью суеверно побаивавшийся всего “божественного”, не делал особой разницы между “дурачками”, “убогими странниками” и подлинными юродивыми, почитая всех “Божьими людьми” и привечая всех без разбора.

Что, разумеется, во все времена давало определённый (и немалый) простор для мошенников и проходимцев (даже, казалось бы, в самые неблагоприятные странничеству годы государственного атеизма – вспомните одноимённый рассказ Ю. Казакова). Почему и совершенно очевиден в романе “Князь мира” следующий сюжетный ход – Клычков в этом романе не просто сопоставляет, но и **противопоставляет** двух “странников”: “стрелявшего по округе Христа ради куски” Михайлу-с-Палочкой (он же “Михайла Святой”)

и оброчного крепостного Ивана Недотяпу, про которого мы уже знаем из предыдущих частей трилогии, что он “единственный из мужиков” действительно стал святым (был канонизирован на Афоне). При этом необходимо помнить, что роман “Князь мира” последний и **является определяющим в раскрытии идеи святости для всей трилогии** (потому что в первых двух, как мы уже говорили, даётся чисто отрицательное её определение, а именно — что не есть святость).

Про Михайлу-с-Палочкой долго говорить нечего — он, разумеется, не сектант и гораздо больше подходит ко второму толкованию Далем слова “странник” — как “обрекшийся на тунейадное странствие под предлогом богомолья”. Или попросту ханжа (как их и называли в петровское время). “Михайла хоть и прозывался Святой, но теперь-то уж очень заметно, что был он всё же с жуликом”. Даже далеко не в самых зажиточных (а точнее — нищенских) сёлах, принадлежавших помещице Рысачихе, “не знали, как его от окон отвадить”. Старостиха Лукерья считала, “что Сам Бог с неба мимо него совесть просыпал: до того надоедней мужичиска! <...> Исстрелял всю округу за куском Христовым”. Поэтому совершенно не удивительно, что закончит “святой” Михайла-с-Палочкой дни свои откровенным жульничеством с “неразменным рублём”, за который и примет смерть лютую от разбойничьего ножа. Здесь, впрочем, как и почти и везде у Клычкова, очень трудно утверждать наверняка, что убит был именно Михайла, а не его батрак (он же чёрт) в образе Михайлы — настолько полна сюжетная ткань романа игры зеркальных отражений и вообще “двойкости” освещения реальных событий. Но уж то, что рядом с “Михайлой Святым” святость даже и не ночевала — это очевидно (достаточно вспомнить весьма далёкую от святости причину его “кругосветного богомолья”, к тому же по указке колдуна!). По слову самого Клычкова, в монастырях, по которым якобы ходил Михайла, “ещё и не звонили”.

Другое дело уже обещанный предыдущим романом Иван Недотяпа. Та же старостиха Лукерья говорит о нём: “Нет... Недотяпа вот не такой... и в самом деле — святой!” И здесь впервые на страницах клычковской трилогии даётся совершенно бесспорный и долгожданный образ православного святого “из мужиков” (правда, необходимо оговориться, что этот самый “мужичий национализм” или “сепаратизм” Клычкова, объясняемый и “духом времени”, и общим антикрепостническим пафосом романа, всё же очень надуман. В России не было жёстких и непреодолимых кастовых границ между сословиями, и все те “князья и попы, изображённые на иконах”, очень часто сами происходили “из мужиков”).

Однако вернёмся к тексту. Первому появлению Недотяпы в романе предшествует краткая предыстория, согласно которой ещё и до производства в “нищенский чин” Ивашка не только “как никто” сносил все зуботычины и пинки своей барыни — уездной мегеры Рысачихи, — но и искренне был уверен, что получает их по греховности своей. Налицо было совершенно буквальное следование заповедям Господним, и, получив в одну скулу, Недотяпа подставлял другую. Такого человека невозможно было унижить или обидеть, ибо он был **уже** (благодаря невиданному смирению) не совсем человек. Поэтому неудивительно, что дальше в его судьбу вмешиваются небесные силы (чудесное его исчезновение со псарни).

Спустя немалое время, постранствовав, Недотяпа **приносит оброк барыне** (преспокойно считающей, что его съели собаки). И удивителен здесь не “нищенский венец”, то ли впрямь сиявший над головой Недотяпы, то ли примерещившийся старосте Никите Миронычу, а опять же это добровольное и радостное исполнение заповеди: “Богу Богово, а кесарю кесарево” (потому как скитавшиеся едва ли не одними с Недотяпой дорогами странники-сектанты именно-то в “кесаревом” кесарю отказывали). Уместно также тут будет вспомнить и известные слова апостола Павла “о власти”, одинаково адресованные и рабам, и господам.

Второе и последнее появление Недотяпы в романе (уже не с оброком, а с выкупом) и того определённое рисует нам образ юродивого (а ведь на это — на “недотяпанность”, на юродство — намекает и прозвище). Вновь святой объявляется уже по зиме — в дырявом армяке, сквозь дыры которого “лоснились завитками и кольцами тяжёлые вериги”, обувка была соответственной, да и сам он “с лица походил на икону безвестного страстотерпца”. Заставшая его в странной задумчивости старостиха Лукерья так и называет про себя Недотяпу: “Вот юрод, сбоку рот...” Как и положено юродивому, он говорит загадками и присказками: “округ народа чёрная сила <...> доброе

дело совершить нельзя, всякое доброе повернётся на злое, потому что святость у нас только у аналая (не у лесной корчаги! — **А. Ш.**)... да и вообще “святости в народе не осталось, а если и осталось, так самая малость”. Из его же слов мы узнаём, что теперь он направляется ко гробу Господню “в Ерусалин-град по обещанию”, где и надлежит Ивану Недотяпе закончить свой подвижнический путь, перенеся оттуда на Афон негасимый огонь в рукаве своего армяка (о чём нам уже известно из предыдущего романа). Разумеется, что и путь этот ему предстоит проделать пешком, странствуя и питаясь подаянием, но какая разница со всеми известными нам уже клычковскими странниками (включая Михайлу-с-Палочкой)! Какая очерченность и евангельская законченность образа! Недаром много позже (то есть раньше — в “Чертухинском балакире”) уже один афонский молчальник скажет про него, что это был ангел Божий в человеческом обличии — очень важные для понимания нами этой стороны идеи святости слова, ведь именно “земными ангелами” и “небесными человеками” зовут в Православии... монахов.

Больше того, **подвиг юродства** (вспомним определение) **иноческий по преимуществу**, а если мы потрудимся ещё и вспомнить кончину Недотяпы и его погребение под именем Варсонофия, то тогда и предположение о том, что незадолго до смерти (а может быть, и гораздо раньше) он принял монашеский постриг (со сменой имени), не покажется нам маловероятным.

И вот что действительно поразительно: через всю толщу и пестроту времён и персонажей в романах Клычкова, через невероятную пахучесть староверческого уклада и страшную правду о русском сектантстве, через всю сумятицу предреволюционных военных лет удивительно безоблачно сияет всего лишь один образ — образ “мужичьего святого”. И это не “сказочный Лель” в погонах подпоручика царской армии, и даже не истовый мельник Спиридон Емельянович в еловом чаду лесной литургии, **этот совершенно каноничный** (хотя и выдуманный) **русский святой** — крепостной мужичонка, **Христа ради юродивый** Иван Недотяпа, в монашестве Варсонофий.

* * *

Итак, меньше чем за сто лет идея святости (её востребованность и преломление в русской литературе) проделывает достаточно причудливый, на первый взгляд, путь. От “социального христианства”, “активной святости” у Гоголя и “осёдлой” праведности у Лескова до бездомного и странствующего юродства у Клычкова.

Однако это только “на первый взгляд”. Не будем забывать, что фоном всего исследования проходит русская история. А история сама по себе есть форма сугубо христианского мироощущения как однонаправленное движение к “концу истории” и исполнению времён и сроков. Её максимальный смысл, если можно так выразиться, — христианское спасение или **освящение** (достижение святости) **живущих**. Недаром Православная Церковь ещё иначе называется Церковью Святых (то есть все её члены мыслятся только как святые и должны стремиться к этому).

Поэтому идея спасения верующих (идея святости) при всей своей непреложности в разное историческое время обнаруживает разные свои стороны как преобладающие и наиболее востребованные этим временем.

И в этом свете весьма поучительно, что в годы “революционного половодья” и лихолетья начала XX века, когда С. А. Клычков создаёт свою трилогию, оказывается взисканным именно **смирненное и бесприютное юродство** и странствование по миру. Что более чем объяснимо: ведь не только “социально активное христианство” Гоголя, но и “осёдлая” праведность Лескова становятся в богоборческом государстве (физически уничтожившем к тому моменту около ста тысяч монахов и священнослужителей) совершенно невозможны. Остаётся юродить (чаще всего, странствуя, как недавно канонизированная блаженная Матрона) и смиряться, отдавая кесарю “кесарево” и сберегая в душе Богово.

Опять же более чем объяснимо и то, что как раз незадолго до “нового закрепощения” (коллективизации) Клычков возвращается в своём художественном осмыслении к временам крепостного права и именно там находит созвучную подступающей действительности реализацию идеи святости.

НИНА ВЕСЕЛОВА

ИЗБРАННАЯ

О поэзии Ольги Фокиной

Наши судьбы пересеклись, когда в 1972 году после Ленинградского университета я приехала работать в “Вологодский комсомолец”. Мне было чуть за двадцать, Фокина же вступила, как я теперь понимаю, в пору поэтической и человеческой зрелости. Её стихи с завидной регулярностью появлялись на страницах областных газет и вызывали стихийные обсуждения не только среди творческих работников – в ту пору поэзия собирала и объединяла в больших залах самых разных людей. Все искали ответы на назревавшие в обществе серьёзные проблемы, и ближе всего к ним подбиралась, как ни странно это звучит сегодня, литература.

Когда я оглядываюсь назад и пытаюсь понять, кто же меня формировал как человека, журналиста и писателя, то среди прочих имён неизменно обнаруживаю имя Ольги Фокиной. Её незамутнённый светлый дар и неистребимая способность держаться корнями за родную почву многим “ставили голос” и воспитывали характер – творческий и житейский. И это при том, что на людях, в городском обществе, она появлялась чрезвычайно редко, – всё за неё делало её слово.

Неуместно было бы предположить, что когда-то девушка Оля из Верхнетоемского района Архангельской области поставила перед собой именно такую задачу: влиять своим даром на судьбы человеческие. Она и о даре-то этом если догадывалась, то с обмирающим от сомнений сердцем.

*Я в стихах, конечно, первоклассница,
Трудно мне писать самостоятельно:
Вдохновенье вспыхнет — и угаснет,
Прошпиев на сырость прилагательных,
Не идут глаголы тонконогие,
В неопределённости наречия,
И боюсь, споткнусь на первом слоге я
По дороге в души человечьи, —*

так писала Фокина в восемнадцать лет.

Через десяток лет Ольга Фокина со сдержанной любовью и пониманием заметит:

*Маме то, что я — с таланом,
Долго будет невдомёк.*

Однако сама она уже в двадцать чётко осознавала главное: она не может полноценно дышать без своей малой родины:

*Пой, вселенная! Я воскресаю!..
Только тут я действительно дома,
Только тут я душой не молчу.*

И её говорящую душу услышали в Москве — уже имея профессию фельдшера, она поступает в Литературный институт. Однако не он научил её быть поэтом — она пришла туда, уже будучи им и твёрдо зная, что “чудо-родина моя, открытый мною самородок!”

Вполне объяснимо, что первые циклы стихов Фокиной были насыщены восторгом любви во всех её смыслах и проявлениях.

*О, как я жизнь люблю!
Мне утро рассказало
Губами облаков и голосами птиц,
Что радость так близка, и счастья так немало,
И столько для пера нетронутых страниц!..*

Вспоминая неповторимую красоту родной северной земли, её разливов и золотых плёсов, она сожалеет, что об этом “мало песен поётся в народе: // То ли люди не видят такой красоты, // То ли слов, чтобы спеть, не находят”.

Не прав будет тот, кто станет утверждать, что не существует безграничных человеческих различий между властителями “серпа” и “молота”. Они стали закладываться во всём мире с началом индустриализации и в наше время достигли ужасающих размеров. Молодому урбанизированному поколению это не кажется катастрофой, ибо оно элементарно лишено тех рецепторов, которыми прежний человек ощущал живой мир и своё родство с ним. Шумные краткие вылазки горожан на природу не имеют ничего общего с тем состоянием, в котором жили наши недавние предки. В крайнем случае, у “отдыхающих” случается выплеск адреналина от столкновения с реальной жизнью, которая по возвращении тут же забывается. Пожилой же сельский человек, ещё помнящий своё естественное состояние, испытывает сегодня шок от столкновения с мегаполисами, и это воздействие быстро и бесследно не проходит.

Предощущение и боязнь этого сбоя в человеческой природе начало звучать в стихах российских поэтов задолго до того, как начался творческий путь Ольги Фокиной. И она в этом смысле стала достойным продолжателем традиций своих лучших предшественников, таких, как Некрасов, Есенин, Клюев. Но она внесла в это направление и свой неповторимый языковой и душевный вклад.

Начнём с того, что её поэзия представляет собой полное слияние души человеческой с природой. Как когда-то в первых своих строчках она обнаружила эту неразрывность, так никогда и не мыслила иначе. Для неё живо и свято всё, что её окружает:

*Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевёрнутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни мёдом, ни луком.
Как же ты тянешь, родная земля,
В эти пласты, как в ладони родимой,
Ткнуться лицом, ни о чём не моля,
Лишь бы с любимую — неразделимо.*

Фокина не приемлет безжалостного отношения к живым существам, населяющим лес, она принимает это как покушение на её собственную жизнь, потому что “одно — с пичугами // Я в краю моём!”

Такое кровное родство подразумевает взаимную поддержку в тяжёлые минуты. И автор знает, что имеет полное право прийти со своей бедой в объятья к лесу:

*Ты вступи, мой лес,
Во свои права!
Не с чужих улук,
Не с чужой хулы,
Ты прими мой крик
На твои стволы!..
Пронеси его,
Обессиль его,
Угаси его!*

Она поёт свои гимны то иве, то черёмухе, то берёзе, очеловечивая их и принимая их страдания, как собственные.

Именно в мире неподкупной природы происходит то, что во многом утратили сегодня люди, — обмен живительными энергиями, которые едины для всего сущего. А потому вовсе не смешны и не бессмысленны объятия с растительным миром, ведь “всё, что гибнет // Во мне и вянет, // Твой сок поднимет, // Спасёт, распрямит...”

После этого не удивительно авторское заявление о том, что “в моей крови — брусничный сок, // И сок ржаной, и сок берёзовый”. И всегда у того, кто существует во внутренней гармонии с живым окружением, есть на случай непреодолимого отчаяния успокаивающая мечта и возможность: “Набреду на ландышевый остров // И останусь ландышем на нём”.

Похоже, что лирическая героиня Ольги Фокиной в отношениях с природой напрямую наследует философию наших далёких предков, полностью отождествлявших себя с нею. Землёй рождённые, в неё же и ушедшие... Именно об этом следующие, очень показательные её строки:

*Они — давно земля внутри земли,
А из земли взошли берёзки эти.
Вот почему, когда звучит оркестр,
Гремит салют во славу Дня Победы,
Я ухожу иль уезжаю в лес —
Поближе к ним, родным, — отцу и деду.
С любой былинкой чувствуя родство,
Я радуюсь извечной жизни ладу,
И листика простое естество
Рассматриваю долго, как награду
Отцу —
Не награждённому ни разу.*

Такое отношение к действительности рождает и особый образный строй стихов Ольги Фокиной. В них, как в доброй сказке, всё волшебное и всё легко осуществимо, всё исполнено понимания и бескорыстной любви друг к другу, всё исправимо и живописно, зримо.

Так, нас несколько не удивляет, что ночь по своей продолжительности может быть “с воробушка”, что вечером “солнышко присядет на плетень”, что у печки есть щели-“морщины”, что “сжаты листиков ладошки в неприступный кулачок”, что на полу могут быть “неподметённые солнышка крошки”, что существовал когда-то “вцепившийся зубами серп — в кофтёнку на плече”, что ветер, как человек, может увязаться за тобой: “на закорки: за дровами в бор!”, а “поутру нетронутые росы // солнцу пить опять наедине”.

В каждой из подобных картин живут неистребимая доброта и сердечный покой, присущие сельскому человеку, который привык не воевать, а быть в сотоварищах с окружением. Потому и оно отвечает человеку тем же.

Среди этого всего и сама сказочная, вечно занятая деревенскими делами Ольга Фокина: вот она извинилась — “пообщаюсь с голиком”, вот она опять в лесочке по родственной необходимости — “с осинами по-дружески дрожу”.

Не успеешь перевернуть страницу, а она уже в весеннем поле – творит свою молитву: “Эту юную, только из зимних пелёнок, // Поцелуй мою землю, серебряный плуг”. И только где-то вдали иногда возникает на миг тягостный мотив, ранящий её душу:

*Оставляя облаки высоки,
Окуная голову в купель,
Редко-редко вскрикнет одинокий,
Одинокий старый журавель.*

Однако в начале творческого пути эта тревожная нота предчувствий пока ещё заглушается напором жизнерадостности и веры в силы свои и своего народа.

Стержнем поэтического дара Ольги Александровны Фокиной была и остаётся верность родным местам, являющаяся вовсе не географическим понятием. Для души нет преград и расстояний, и где бы она ни жила, в Москве ли, в Вологде ли, сутью своей поэт всегда в своей земной колыбели. И даже в официальных поздравительных строчках она не умеет скрыть свою нежность и любовь к малой родине:

*Я на миру живу не горбясь,
Я для тебя храню поклон,
Моя Архангельская область,
Мой Верхнетоемский район.*

И ноющей струной все годы разлуки в ней звучал один-единственный вопрос: “Не предала ли края отчего, // Живя от отчего вдали?”.

Собственно, по берегам этого разрыва-оврага в душе и расположены все самые прекрасные и самые болевые моменты её творчества.

Если мы посмотрим на даты создания одного из лучших стихотворений на эту тему “Я не просто грущу, я – в печали великой!”, то обнаружим, что между ними промежуток в целые четверть века, – 1963–1988! Выходит, что “земную жизнь пройдя до половины”, Ольга Александровна Фокина как человек и как поэт не знает достоверно, права ли она была, послушавшись предостережений старших (“Оставайся! Не наша стезя – города!”).

Раздававшийся ей вослед отчаянный крик оставляемой родины не умолкал в ней никогда!

Об этом – самое начало надрывной поэмы “Малина твоя”: героиня “к прежним подругам // Нарядная и гордая, // Приехала из города”, приехала в ту деревню, “что оставила, // Хоть та: “Не оставь!” – // Настаивала, // В ту бедную, // Что покинула, // Хоть та: // “Не покинь – // Погину я!”

Разумеется, отъезд одного человека не может трагически повлиять на завтрашний день конкретного поселения. Однако судьба самой Ольги Фокиной слитна с судьбою её сверстников, вынужденных в своё время оставить обескровленные войной деревни ради образования и ради пропитания. Индустриальные и культурные центры манили и сих пор манят молодёжь возможностью реализовать себя и разнообразием досуга. Всё это было бы не так трагично, если бы не разрушало вековые устои, формировавшие особенности и силу нашей нации.

*Чтоб тоски-разлуки камень
Снять с меня, прощальным утром
Мать сходила за словами
К древней старице премудрой.
И в последний раз умыться
(Я об этом знать не знала!)
Наговоренной водицы
Мне родная наливала.*

Однако не помогли лирической героине никакие народные хитрости: вода не уносила от неё “тоски-печали”. И она быстро поняла, что ей суждено “век страдать о том, что мило”. Так и случилось.

Наступает период, когда Фокина пытается найти опору в тех, кого оставила на родине. На протяжении всего творческого пути она молит о понимании её душевных терзаний: “Мне горше нет, чем быть не с вами!” Оставляя деревню в юном возрасте, она с надеждой обращается к родному человеку: “Ты поддержи, братишка, пламя, // Ты только пламя не гаси!” И этот мотив — “храни огонь родного очага... // лелей лоскут отеческой земли” — только крепнет в ней с годами, но уже обращённый ко всем русским людям. Со временем он обретает обобщающее, многозначительное для родной страны звучание: “Не уходи из красного угла, // Не уступай супружеское ложе”.

Часто проводывая свои архангельские края, поэт с горечью наблюдает, как меняется вокруг всё живое, обретая тенденцию к разрушению. Когда-то с молодым азартом она бросалась исправлять и спасать всё, что требовало её участия, — будь то накренившееся дерево, сломанный мосток или засыпанный кем-то родник.

*Бегом бегу обратно
За заступом домой.
И яростно копаю,
И весело пою.
И струйка голубая
Спешит в ладонь мою.*

Через годы она обнаруживает, что её усилия тщетны и что не хватит её отдельных женских сил на то, чтобы остановить начавшееся разложение прежнего ладного человеческого быта. Ведь повсеместно в России нынче счастье в том, чтобы “рубль в кармане // Да бутылка на столе...”

Приходит в запустение даже то, что, казалось бы, неистребимо по своей сути: чистые северные родники. Когда-то один из них успокаивал её:

*Я не сдамся! Я — упорный!..
Тут засыплют — там пробьюсь.
Путь трудней — водица чище!
Не печалься обо мне:
Ты всегда меня отыщешь
На родимой стороне!..*

И вдруг в голове — как молния в небе — сверкает осознание того, что в благороднейшей воде растворены ядохимикаты. И звенит родниковый крик-предостережение:

*— Не касайся! Я — отравлен!..
Не ищи меня! Прощай!*

Этим прощанием в какой-то степени олицетворено и расставание Ольги Фокиной с прежними иллюзиями, с убеждённостию, что все беды обратимы и всё живое — восстановимо. Увы, ко всякому приходит возраст, когда реалии становятся сильнее желаемого.

Эти предкризисные мотивы ещё не раз будут всплывать в сочинениях Ольги Фокиной. Однако завладеть её душой полностью они пока не могли, ибо поэту было ещё на что опираться, — до поры до времени.

Такой опорой всегда была для Ольги Александровны её мать, “родимая”, как она называла её почти в каждом стихотворении.

*Настежь ворота — родимая дома!
Сами собой меня ноги несут.
В клетке дрова. Огород не изломан.
Грядки ухожены. Куры бегут....*

Не было для Фокиной, наверное, большего счастья, чем возвращение в родную избу, где всё напоминало о прошлом, всё грело душу и всё растило не только наследников по духу, но и граждан своей страны.

*Большая Родина без малой
Не то что слишком велика,
А как бы дом родной — без мамы,
Без дела — мамина рука.*

О беззаветных труженицах написано немало строк, и фокинские среди них — одни из самых выразительных.

*Звездной полночью осенней,
Серп нацупав второпях,
Мать меня в холодных сенях
Отделила от себя.
И, в холстинку завитую,
Положила жить потом
На солому золотую,
Тем же сжатую серпом.
Самый первый образ мамин:
Сноп ласкающих лучей
И вцепившийся зубами
Серп — в кофтёнку на плече.*

Наверное, этим мигом и определилась судьба этой девочки: стать Избранной и выступать от лица своей матери, всех её земляков и предков.

Для честного миропонимания ребёнку бывает достаточно и одного настоящего жизненного урока. Такой был преподнесён матерью маленькой Оле, когда она искренне спросила было:

*“А лучше — воровать или просить?” —
И мама, как споткнувшись обо что-то
И, как частушку, ласку погасив,
Сказала: “Лучше — до смерти работать”.*

“Кость да жила — оно и сила!” — говорили о русских женщинах, выносили, но измождённых непосильным трудом ради своих детей. У них, у военных вдов, почти не было ни отдыха, ни праздников, и некуда было порою надеть нарядную шаль. У них и песни-частушки пелись больше горькие. А у иных и не пелись вовсе...

*...Долблю. На льдину дую,
Пытаюсь разогреть.
Хочу, как молодую,
Заставить маму петь.
Бывает, и уступит,
Бывает, и споёт —
От мёрзлого отрубит,
Отдаст, как не своё.
Мороженая песня,
Простуженный мотив...*

Он, этот мотив, звучит во всех стихах, посвящённых военной и послевоенной голодной деревне. Даже если Фокина вспоминает свои самые юные годы и девчоночьи шалости, материнскую ласку и краткие мгновения счастья, она всё равно неизбежно возвращается к тем горестным основам, на которые опирался текущий день её “родимой”.

*Дня неостанет — ночи
Щедрый урвёшь кусок.
Первой тропу протопчешь
Дров порубить в лесок.
Первой распашешь поле,
Первой нажнёшь снопок...*

И так — изо дня в день, из года в год.

А потом наступил и тяжкий миг, когда “на ауканье мама // Не откликнулась мне”. И невозможно понять и поверить,

*Что руки мамы — как ни мокнут
В моих слезах, — не расковать:
Ни наказать меня — не вздрогнут,
Не шевельнутся — приласкать...*

Сколь прилежен и ласков ни был бы человек по отношению к своим родителям, всякого неизбежно настигает раскаяние в неверных поступках и сожаление о вовремя не сделанном.

*Неизмеримы потери
Наших досужих минут...*

Помимо жизненного уклада — лада, в котором всё было соразмерно, продуманно и нерушимо, при соблюдении особых, общиной выстраданных и возведённых в ранг закона правил, — земля её предков была богата своей мудростью, выраженной в слове. И каждый живущий на земле напитывался этим словом в прямом смысле вместе с молоком матери, под её колыбельную, а потом — под вечерние сказки, а потом — под посиделочные песни. Народная культура шла в одной упряжке с трудовыми буднями и скрашивала их, и наполняла особым высоким смыслом, и растила человека глубоких жизненных принципов и вольной души. Не плакать об утрате этого богатства может только тот, кто по судьбе не соприкасался с ним.

Поэтический мир Ольги Фокиной благодаря матери наполнен и переполнен народным восприятием жизни, в которой всё разумно и всё участвует в бесконечном круговороте.

*Все прекрасно, ясно, мудро, просто:
Корни — в почве, ветви — в синеве,
Стройный стебель — остов — под берёстом.
Кольца лет — вкруг сердца. Лист — в траве...*

Жизнь человеческая в народной поэтике сродни странствиям сказочного героя, которому всё вокруг помогает, если обнаруживает встречное понимание и уважение.

*Во широком полюшке
В час перезапряжки
От внезапной волюшки
По спине — мурашки!
Наклонились к реченьке,
Выкатались в росах, —
И опять, сердечные,
Нет у вас износа!..*

Воспитанный мудрыми деревенскими дедами и бабками, русский человек с первых шагов усваивал правила управления собственной судьбой и способы избегания ошибок — всё это было облачено в пословицы и поговорки и накрепко впечатывалось в память.

*Станут слёзы колом в горле —
Удержи их, убеди:
Это горюшко — не горе,
Горе будет впереди.
Приструни себя пожётче,
Поговорку призови:
Хорошо-то наживёшься,
Ты, брат, худо поживи!*

*Дай себя на перевязку
Песне, певанной отцом,
Вспомни материну сказку
С утешительным концом.
И минует чёрный вечер,
И пробьётся светлый луч,
И тепло, по-человечьи,
Глянет небо из-за туч.
Близорукий, станешь зорким
И опять вздохнёшь легко:
Когда горе станет горкой,
С горки видно далеко.*

Обозревая из высоких своих деревянных хором дали отчие и свои душевные дали, архангельский люд умудрялся ёмко формулировать жизненные заповеди, которые плавилась в душе Ольги Фокиной и выстраивались в забываемые строки:

*Делай так, чтоб приходилось
Сердце в сердце у стволов.
Будешь после строить жизнь,
Той же истины держись.*

Несомненно, что пройденный путь и самой Ольге Александровне открыл, сколь многим она обязана несравненному по красоте и образности языку её предков. Тому языку, который сегодня повсеместно забывается, вымарывается, подвергается насмешке как диалектный и не понятный без перевода. Однако именно он умел и призван был передавать во всей полноте те оттенки невозвратимого уклада, которые и делали богатыми не только закрома, но и души человеческие.

В народной речи каждое слово несёт в себе столь яркую эмоциональную окраску, что настоящий поэт никогда не заменит его на общеупотребительное, живущее в словаре. Так поступает и Ольга Александровна Фокина. Она не опасается вставлять в свои строки слова диалектные или используемые с нарушением норм – ведь всё это часть её собственной жизни и речи, а не “экспрессивные средства языка”, как для кого-то.

В ходу у Ольги Фокиной как сами собой разумеющиеся слова “очеп – охлупень – гонт – обредня – тарка – гребей – коса-горбуша – исад – зыбонька-покачка – легота – надия – нонь – нать – распута – долонь – нужа – дивья – молодье – урас – гоить – окриять – уноровить – кабыть – порато – могута – веретья – терпёлая” и т. д. и т. п. Она почти не делает к ним пояснений, потому как из контекста становится ясно, о чём речь. А если и остаются вопросы, то почему бы читателю не попытаться вникнуть в первооснову языка и не восхититься потаённым смыслом слов, украшавших прежнюю жизнь?

Временами трудно отделить истинно народные слова от тех, что рождаются из-под пера поэта. Так, лучина у неё “копотит”, пчела “загудала”, крыши “в мокре”, женщина “ниток расстаралась”, в дверь “торкнулись”. Однако тут же, рядом, как привычные, явно слова новорожденные: самоделинка – зернятки – фуфаина – самолётинка – монашины. Более того, Фокина, когда требуется не заболтать текст, прибегает к методу концентрации смысла в одном слове, и тогда появляется отглагольное нововведение “оюжены” (часто бывавшие на юге), несущее в себе явно осуждающий оттенок. Или фраза: “Последних приезжай успешные шаги”, – в которой тоже до конца не ясно, кто впервые явил свету второе слово.

Подобных словесных изобретений у поэта немало, например, “Божьим-пальцем-отмеченность”, “Не-сон в ночи! Не-бодрость днями!” и даже “США-стие”.

Творящая в родной языковой стихии, Ольга Александровна, думается, и сама не замечает, как в её образный строй входит образный же взгляд её предков. Когда в тексте “дымок взорлил” над крышей, когда обнаружилась “непоклон-голова”, когда не просто иней, а “иния” легли на землю, всё это – многоголосое эхо тех, кто жил допрежь в этом мире и так же самозабвенно

любил его, как теперь — поэт. А иначе кто бы помог вот так вздохнуть и выдохнуть Ольге Александровне перед милыми краями: “Лесе мой милый...”?!

Понятно, что и некоторая, по нынешним меркам, неграмотность народной речи не кажется Фокиной таковой. Она свободно употребляет “неоткуль”, “кажет”, “накладу”, “поронили”, “имать”, “погину” и прочие слова. Для неё не зазорно “по-родственному” перенести ударение в слове “магазин” на второй слог, чтобы уложиться в избранный размер стиха.

“Неправильности” обжигают её строки так естественно и живописно, что только вордовский “грамотей” и способен их подчёркивать красным. А попробуйте вы заменить первое слово в развёрнутом образе “обрала бы ласково страхов паутинку” — и сразу увидите, как потускнеет фраза, сникнет, сразу станет универсальной, не привязанной к месту и времени, в которые хотел погрузить нас автор.

Поэт всегда предвидит будущее, считывая его с небес в минуты божественного откровения. Он может по-человечески прятаться от обжигающей боли и отрешиваться, но строки всё равно выдадут его тайну.

С какого-то времени не осознаваемый ещё страх за будущее малой родины, включающей в себя и большую, поселился в душе Ольги Фокиной. Это то, что она обозначила как “взрослый страх — найти и потерять”. Это то, от чего она пыталась закрыться розовыми шорами: “Как деревню ни запахайвай — // Всё равно она взойдёт”.

Как до сих пор хочется верить, что случится именно так! В этом смысле поэтические строфы иногда являют собой успокоительное средство.

*Не все потеряно,
Не все разрушено!
Ужо, другим бочком
Земля повернется,
И встанет день торчком —
Куда он денется?..*

Или это — пробуждение и поддержание надежды в нашей душе — и есть единственно нужная и оправданная задача искусства?

*Земля оттаяла!
Зерно уронено!
...И птицы стаями
Летят на родину...*

В те дни, когда писались эти строки, самые главные испытания перестройки были у нас ещё впереди. И Фокина вместе со своим народом верила в благо перемен. “Всё мертвое — да рухнет! // Живое — да стоит!” По прежней привычке она ещё пытается уйти от тревог с помощью природы, которая всегда была её опорой. Но приметы бездушия и насилия всё виднее и там:

*...Где-то точится топор
На стволы смолистые...
Кто-то ставит номера
На колоннах листовенниц,
С вековым запасом лет,
В двадцать — уж помечены!..*

Состояние отчаяния от стиха к стиху нарастает, ибо поэт чувствует сердцем: ждать уже нечего, “кроме новых и новых трагедий”.

У крестьянина-труженика особое чутьё на правду и ложь: всю свою мудрость он подглядел в природе, сопоставляя её законы с человеческими. И ему, живущему на земле и от земли, в первую очередь есть что терять при любых общественных катаклизмах. Потому и для Фокиной не открытие та истина, что “человек вне природы — жесток, // Не к труду — к удовольствиям жаден”.

“Вам почто ломать, коли негде жить? — вопрошает она “перестройщиков”. — Вам почто рубить, коль не строиться?” И ответ вполне предсказуем,

если смотреть из дня сегодняшнего, осветившего вчерашний ярким светом.
“...А государство валится // С пугающей поспешностью”, — не находит покоя поэт. Взывая к помощи стихий, Фокина вглядывается в разбушевавшуюся реку, которая, кажется, всю свою прошлую жизнь “к этой стремилась минуте” и теперь “рвёт и бросает, и крутит!” “Я не бывала такой... — невольно сопоставляет она себя с бурным потоком и спрашивает свою душу: — Буду ль? Успею ль — до снега?”

Фокину, как и весь трудовой народ, не желавший разгрома страны, неоступно мучает безадресность вины. “Увы, и я повинна: // Другие выбрала дела!” — взваливает она часть ноши на себя. И читателей принуждает не отгораживаться от терзаний.

*Ведь садились-то — не в гроб:
Кто-то правил, кто-то грёб,
Кто-то что-то славил-пел,
Кто-то дальше нас глядел.
Мы-то, вроде, ни при чём?..
Жил, так значит, виноват!..*

Оно и правда: нет на нашей грешной земле человека безгрешного, и чем выше у каждого спрос с себя, тем больше надежды выплыть. Если же постоянно допускать маленькие уступки, обособливаться, отгораживаться от общей судьбы, то... “Если совесть и правда — не с нами, // Побеждать и не следует нам”.

Фокина же предлагает жить без попустительства и по девизу:

*На нашей улице — не праздник.
...Но я на вашу — не пойду.*

Ей по судьбе близких известно, сколь заманчивы чужие “праздники”.
Разговор с братом в приводимом ниже стихотворении — одно из самых честных и безнадежных мест в повествовании о сегодняшней России.

*— А зачем, — говорит брат, —
Груз забот на себя брать,
Если только Москва — мозг,
Остальная страна — хвост?
Не пристало: в хвосте — мысль!
Завелась — хвостану: — Брысь!
Наше: “виль-виль” да “мах-мах”!
Знать да думать — на кой прах?
От заботы висок — сед,
Ляг с заботой — и сна нет.
От заботы и лоб — лыс,
А на кой мне такой риск?
— Стой-постой, — говорю, — брат,
На себя, на страну врать!
Успокоился он — ой!
Дали волю — мели, пой,
Будто впрямь, как в раю, спишь,
Мускулишками жив лишь,
“Жигулёнком” от бед скрыт,
Поросёнком-козой сыт.
А река, где мазут сплошь,
Так она — не твоя, что ж!
И пескарь, что, сомлев, всплыл,
Видно, был отродясь хил,
И тебе всё равно, мол,
Кто в речонке взрывал тол,
Чтоб щурёнков — рукой брать...*

Я не верю тебе, брат!
 Мой рабочий, мой класс — ас,
 Я не верю, что ты — пас
 До всего, что — не рубль в горсть!
 Человек на земле — гость.
 А земля для него — стол...
 Что ж творить, если стол гол?
 Съели “НА”, поползли “ПОД” —
 Под призывное “вперёд!”
 Указатель — Москвы перст.
 — До Москвы — десять сот верст!
 — Десять сот — не велик путь.
 В телефоншко верть-круть
 И — вались вековой лес
 К человечьим стопам — весь!
 — Рубишь — силой слепых рук, —
 На котором сидишь, — сук!
 А своя голова где? —
 — А своя — для других дел:
 На своей шевельну мех,
 Плескану первача — эх! —
 И без дум, без забот — спать...
 Нас таких по стране — рать!
 И не вешаем мы нос:
 Нам велели — не с нас спрос,
 Что на месте тайги — голь.
 Было б чем заглушить боль —
 Всё повыгубим — на-ять!
 Али нам привыкать-стать?
 — Бель-берёзу — в топляк, в гниль...
 Мелочовка! Хотя — быть.
 Но у хлеба без крох — как?
 И не нищие мы пока:
 Всё при нас — голова, хвост!
 Вот за это давай тост.
 Есть копейка — скорей трать!
 Жизнь проходит — чего ждать?..

Мы помним, что когда-то именно на своих родных-близких возлагала Ольга Фокина надежды, прося хранить родной очаг и землю. Однако короста коррозии, похоже, не минует ни одну душу. И понять это и принять стоит поэту громадных усилий.

Автор ещё пытается вселить в себя надежду на какое-то сказочное возвращение народа к былой чистоте и силе: “С хмельных четверенок понуро // Поднимется в собственный рост”, “Всколоколим // Полям Куликовым! // Грянем русское “ура”!” Однако ни сама Фокина, ни мы как читатели уже не верим в такое.

И в этом есть беспощадная правда нашего времени. И безграничная честность творца.

Путь поэта и не может до конца оставаться оптимистичным и жизнеутверждающим в том земном смысле, какой мы привыкли в него вкладывать. Что же касается пути самого сокровенного, личностного, то здесь нам уже нет никакой возможности углубиться в него.

Перед нами в датированных перестроечными датами стихах уже не девочка, воспевавшая любовь к жизни, а согбенный опытом человек, плохо видящий, чему так восторженно радуются спешащие бок о бок с ним новые молодые люди.

День восторженно ясен!..
 По такому нему
 Я иду, как Герасим,
 Утопивший Муму.

*...Из младенческих сказок,
Что вились надо мной,
Не осталось привязок —
Ни к чему, ни одной.*

Однако им, этим молодым, вослед Фокина ещё пытается выговорить своё, заветное, лелеемое из последних сил:

*По приказу бессилых
Не кидайтесь крушить,
Что поило-кормило
И позволило жить.
Кто там сник и стыдится,
И наладился бечь?
Вам ещё пригодится
Эта печь, эта речь,
Эта резвая речка,
Этой песни печаль
И тропа от крылечка
В эту русскую даль.*

Ещё в 1984 году, обозначая кризисный поворот в душе, Ольга Александровна пыталась отречься от своей лиры:

*Я всё написала и всё издала...
Прощай, моя мука, угасни, мой свет:
Что толку аукать, коль отзывать нет?
Что истину кликать? Без лишних затей
Вот пожня — пожни-ка! Вот поле — полей!
Что пользы в призывах? Кто честен и прям,
Спускайся в низины к негорным делам.*

Конечно, это была всего лишь минута отчаяния, после которой та, которая не смогла стать в жизни никем, кроме “жницы”, вернулась на своё поэтическое поле и продолжала собирать, и собирает с него по сей день урожай раздумий.

Однако ни она, ни мы не знаем и никогда не узнаем ответ на простейший вопрос: какое дело на свете важнее и нужнее — возрождённое крестьянское на тоскующих по хозяину российских просторах или мучительное поэтическое, врачующее нашу душу и спасающее от беспамятства?

Маюсь этим вопросом вот уже двадцать лет и я, выбрав для жительства после больших городов дедовы костромские леса. Маюсь тоже с думою о молодых, о собственных детях. Ведь наступит и для них когда-нибудь время “обдумать-оплакать никчёмность дорог”. И тончайшую, но всё-таки надежду на возврат к истокам вселяют в меня фокинские строки, что будут для них “поворотом судьбы // Твой свет из окошка, //Твой дым из трубы”...

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ОТВЕТЫ “ПОБЕДИТЕЛЯМ”

Николай Иванов раздражён тем, что я, получивший его личное письмо ко мне, “не процитировал” в своём материале “Съезд победителей” из его письма “ни строчки”. Но мне незачем было “цитировать” бестолковое оправдательное его сочинение. Я отвечал Иванову лишь на два его ложных утверждения в фейсбуке о том, что “с 1991 года у Союза писателей нет никакой собственности” и что “делёж собственности проходит в международном Литфонде и Литфонде России”. Я был председателем Международного Литфонда с 2008-й по 2013 год и повторяю, что Иванов или сочинил эту ложь сам, или повторил её по незнанию или глупости с чьих-то слов. Но всё равно “за базар отвечать надо”. А его оправдательный лепет в письме ни в чём меня не убедил. Слово – не воробей, вылетит, не поймаешь. Иванов упрекает меня в том, что я, не процитировавший “ни строчки” из его эпохального письма, “вытащил” остальные письма из “столетних заглавных”. Увы! Все письма ко мне Мирошниченко, Сырневой, Лютого, Подлужского и прочих моих “обожателей” я получил в ноябре-декабре 2017 года, а некоторые даже в январе 2018-го к своему 85-летию, то есть всего лишь за полтора-два месяца до съезда. Это – “осетрина первой свежести”, говоря словами Булгакова.

И уж совсем смешными являются слова Иванова о том, что “один из оппонентов Станислава Юрьевича написал мне, что он, выступив против Куняева, словно вышел из плена. И стал свободным”. Интересно, кого это я захватил в плен или в рабство и лишил свободы? Кого пытал или гипнотизировал? Интересно, кто же это мучился у меня в плену? Неужели Надя Мирошниченко, которая после “съезда победителей” и своего истерически гневного письма ко мне как ни в чём не бывало позвонила в “Наш современник” с просьбой выплатить ей гонорар за подборку стихов, опубликованную в декабрьском номере 2017 года, в котором, кстати, есть стихотворение “Вавилонская башня”, с посвящением “Станиславу Куняеву”. (А таких посвящений в её книгах несколько штук.) Получив гонорар, девушка воспрянула духом и выплеснула в социальную сеть свою радость словами: “Жизнь продолжается!”. Прочитав это, я понял, что у меня ещё есть шанс забрать её снова “в плен”, что она побудет немножко “в плену” у Иванова, и если полковник не купит её каким-нибудь грантом, то, глядишь, блудная дочь и вернётся к “учителю и другу”. Но “грант” – обязательно нужен. Я-то помню, как в 1996 году во время соперничества Ельцина и Зюганова я упрекнул Надю – зачем в Сыктывкаре она пошла агитировать против Зюганова за ельцинскую команду. На что Надя простодушно ответила мне: “А жить-то надо!” Впрочем, плен ведь бывает и благотворным. Я вот всю жизнь нахожусь в плену у Пушкина и никаких страданий не испытываю. Когда-то в моём “плену” была Марина Струкова, потом перешедшая в плен киевского Майдана и убежавшая вскоре оттуда в родную тамбовскую деревню, где учительствует в школе. Если вернётся снова в “Наш современник”, я буду рад этой пленнице-бунтовщице.

А теперь отвечаю некоему Олегу Павлову, руководителю челябинского отделения СПР России, который заявляет: **“Никакие тяжбы по имуществу не имеют отношения к законности или незаконности съезда”... “Советуем уважаемому г-ну Куняеву всерьёз заняться своим журналом”.**

Да, согласен. Тяжбы по имуществу не имеют отношения к легитимности съезда, но судьба писательского имущества имеет прямое отношение к тому, кого мы выбираем в руководство — честных людей или мошенников, у которых рыльце в пушку. Нравятся Вам, такие, г-н Павлов, — выбирайте их и живите под их властью. И не Вам меня учить **“всерьёз заняться журналом”**. Вы что — это “всерьёз” говорите? Я журналом занимаюсь серьёзно тридцать лет. И при мне журнал стал самым популярным и самым значительным изданием из всех “толстых” журналов. Все лучшие писатели России от Смоленска до Владивостока мои авторы. Вас среди них нету. К сожалению или к счастью, не знаю, потому что первый раз слышу о таком писателе. Я Вас не знаю, а Вы меня знаете. Так и должно быть. **“Вот так и ведётся на нашем веку, / на каждый прилив по отливу, / на каждого умного по дураку / — всё поровну, всё справедливо”**, — как пел Булат Окуджава.

“Об этом давно уже знают и думают многие писатели России...”*

Мне пришло письмо от главного редактора “Общеписательской литературной газеты”, просит написать отклик на съезд. Понятно, что я таким образом могу “подставиться” в глазах нынешнего руководства СПР. НО!

Я нынешнему и прошлому руководству ничем не обязана, премиями не обласкана, все премии — помимо СПР шли, грантами-изданиями тоже, дач в Перedelкино не имею, так что терять нечего, окромя цепей и отнюдь не золотых.

А вот с Куняевым ситуация меня тревожит, ибо если так к авторитетам будут относиться, то что от СПР останется в сухом остатке? Куняев — это журнал “Наш современник”, во многом благодаря сотрудничеству с которым я и стала известна в России. Причём помогал мне “Наш современник” именно тогда, когда меня ещё особо нигде не печатали, в самом начале пути, трудного-кровавого. “Современник” в лице сначала Юрия Кузнецова, а потом и Станислава Куняева меня поддержал. И такое не забывается.

Мне коллеги из других регионов, узнав про моё намерение, называли уже вчера — мол, опомнись и прочее... Но я хочу сказать: то, что изложено в статье Куняева, об этом давно уже знают и думают многие писатели России!!! И, поверьте, я в теме, даже тогда, когда ещё сия болезнь была в скрытой форме. Сейчас же она обрела клинические формы и вылезла наружу. Хотя вот цифра в 80 млн, — об этом не знала, это для меня стало открытием. А об остальном Куняев ещё на прошлом съезде СПР в Калуге сказал, предупредив таким образом тогдашнее руководство СПР. Но оно, как видим, выводов не сделало, а если и сделало, то в плане зачистки тех, кто имеет несчастье быть писателем, а не ЧЛЕНОМ. И иметь своё мнение, отличное от того, которое имеет аппарат СПР, приведший творческий союз фактически на грань краха и распада.

Так что решение моё вовсе не спонтанное, оно уже лет пять минимум зрело, но я как-то надеялась, что болезнь сама собой рассосётся... Теперь-то понятно — что не рассосётся, что идёт просто зачистка писателей членами. И чем именнее писатель, тем более он “не формат” для нынешнего руководства.

И тут дело даже не столько в Оренбурге, меня удручает, что примерно такая или близкая к такой ситуация во многих регионах России, ибо я общаюсь с очень многими уважаемыми нашими коллегами далеко за пределами Оренбурга. Если бы только Оренбург был одним таким вот единственным исключением, что тут случился раскол, это бы ещё можно было уладить-потерпеть. Но — тенденция общероссийская и идущая, увы, с головы, откуда рыба и гниёт.

Такое моё мнение! Никому его не навязываю, но считаю долгом озвучить во избежание того, что будут попытки озвучить его за меня, как водится, с передёргиванием фактов. Лучше сама за себя скажу.

**Диана Кан,
г. Оренбург**

* Журнал публикует материалы из “Общеписательской литературной газеты”.

Очень подробная, многое объясняющая статья Ст. Куняева. Я в этой ситуации могу лишь с удовлетворением отметить, что сразу же почувствовал всю фальшь произошедшего на съезде, пагубность для литературы и настоящих писателей. Меня ещё некоторые друзья укоряли за появившийся в те дни мой резкий пост в фейсбуке. А я ведь многого не знал, но интуиция не подвела. А после скоропалительного визита в Оренбург Иванова, его объятий с Ерпылёвым понял, что это – два сапога парочка. Думаю, следующим их шагом будет выдвливание нас из СПР. В этой ситуации предлагаю продумать и написать письмо Сергею Шаргунову. Не только как к сопредседателю СПР, но и депутату Госдумы. С тем, чтобы вмешался в ситуацию с нашей организацией. Может быть, открытое письмо. Поднять шум. Нельзя отдавать Союз на откуп бездарям!

Александр Филиппов
г. Оренбург

МСПС, В. Г. Середину

Дорогой Владимир Григорьевич!

Прислали из МСПС в Нижегородскую областную организацию Союза писателей России номера “Общеписательской литературной газеты”. Дело хорошее. За что спасибо.

Жаль, что не очень отражена там жизнь наших писателей. Ну – это мы будем исправлять.

Я был на прошедшем писательском съезде, слышал и Ваше предложение, обращенное к президиуму, и выступление С. Ю. Куняева. И вот всё никак не могу освободиться от чувства разочарования в поведении некоторых наших писателей (а их числом не так уж и мало). Ну как можно было ограничивать в выступлениях, высказываниях Станислава Юрьевича? Писатель, столько сделавший в русской литературе и для русской литературы, для патриотического движения. Одно служение в “Нашем современнике” чего стоит – добывает деньги, на них издаёт журнал, где публикует произведения русских писателей, тем самым не давая затухнуть голосу русской литературы на всём пространстве необъятной России. Благодаря его стараниям в самых дальних уголках, в сельских библиотеках люди имеют возможность прочитать тексты тех самых писателей, которые сейчас не пожелали редактора даже выслушать. Неужели им было непонятно, что Куняев (к тому же и возраста почтенного) имеет право высказывать, излагать свою точку зрения столько времени и столько раз, сколько посчитает нужным. Он заслужил это своим творчеством, подвижничеством, большим административно-политическим опытом.

Нет – закрикивают, затоптывают. И ведь многие авторы “НС” были в зале. Удивительно – ни доводов чужих, ни чужого мнения они не только не привыкли воспринимать, но и терпения нет их просто выслушать.

Горько всё это было видеть. Кроется за этим какая-то глубинная неблагодарность, несправедливость. Впрочем – такая ли уж эта новость для нашего литературного сообщества? Мало ли мне самому подобную “благодарность” приходилось принимать.

Вот такими невесёлыми мыслями заканчиваю я своё письмо.

Вам же товарищески жму руку. Даст Бог – ещё повидаемся. И Станиславу Юрьевичу (при случае) передавайте от меня поклон и самые добрые пожелания. Всё его читаю, люблю его и как писателя, и как редактора.

Валерий Сдобняков,
председатель Нижегородской областной организации
Союза писателей России,
главный редактор журнала “Вертикаль. XXI век”